

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ИЖЕВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

МРОО «НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО УКРАИНИСТОВ им. Т.Г. ШЕВЧЕНКО»

Д. А. Черниенко

УКРАИНИСТИКА ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Монография

Ижевск
2013

ББК 63.2(235.55)
УДК 930(470.5)(=1.470=161.2)
Ч49

Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом УдГУ,
Ученым советом исторического факультета УдГУ

Рецензенты:

Амелин Веналий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»

Хабибуллина Айгуль Рафкатовна – доктор исторических наук, профессор, начальник отдела развития национальных культур и межрегионального сотрудничества Министерства культуры Республики Башкортостан

Ч 49 Черниенко Д.А. Украинистика Южного Приуралья: монография. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 308 с.

ISBN 978-5-4312-0172-1

В монографии в хронологической последовательности рассматриваются основные этапы и особенности формирования научного интереса к истории и культуре украинцев Южного Приуралья на материалах Республики Башкортостан и Оренбургской области. Показаны вклад и результаты научной деятельности отдельных ученых и исследовательских коллективов. Впервые в отечественной науке проведен системный, междисциплинарный историографический анализ развития украинистики как самостоятельного научного направления на примере одного из регионов России.

Монография может быть полезна для историков, этнографов, историографов, культурологов, специалистов в области этнокультурного развития народов России.

ББК 63.2(235.55)
УДК 930(470.5)(=1.470=161.2)

© Черниенко Д.А., 2013
© ФГБОУ ВПО
«Удмуртский государственный университет», 2013

*К 200-летию со дня рождения
Тараса Григорьевича Шевченко
(1814 –1861)*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современной России украинистика представляет собой весьма интересное и неоднозначное для осмысления научное и социокультурное явление. Сложная и противоречивая судьба украинистики, возможно, связана с тем, что в дореволюционный и советский периоды история Украины и украинцев не рассматривались как самостоятельные исследовательские объекты по отношению к общей восточнославянской проблематике, а за непродолжительный период существования бывших советских республик как суверенных государств прочные традиции изучения разнообразных «украинских сюжетов» еще не сложились. Поэтому статус и содержание украиноведческих исследований в новейшей истории России до сих пор являются дискуссионными. Существующая энциклопедическая, словарно-справочная литература, электронные ресурсы не дают исчерпывающего толкования «украинистики». С учетом опыта использования данного понятия в научной, публицистической, популярной литературе и СМИ представляется целесообразным закрепить в научном обороте следующие родовые определения¹:

Украинистика – отрасль гуманитарного знания, ориентированная на системное, комплексное, междисциплинарное изучение различных сторон исторических, культурных, языковых, социальных, политических, экономических особенностей Украины и украинской диаспоры в мире. С этой точки зрения историческая украинистика по своему объекту подразделяется на два направления: а) изучение Украины; б) изучение украинского населения отдельных стран, в том числе, России. В настоящей монографии понятие «украинистика» употребляется во втором значении.

Украиноведение – 1) универсальный метод, подход к изучению украинского народа («українство») как этносоциального феномена, объединяющий принципы научного познания, обучения, воспитания, творчества на основе единства природно-географических, этнических, социальных, индивидуальных особенностей²; 2) практическая деятельность по поиску, сбору, систематизации, изучению, распространению сведений о духовной и материальной культуре украинцев.

¹ В России и Украине терминологическая практика в научно-образовательной сфере и информационном пространстве отличается: в Украине более распространен термин «украиноведение» («українознавство») в разных смысловых вариантах, в России – «украинистика», международный вариант – «Ukrainian studies».

² См. теоретико-методологические разработки в данной области: Кононенко П.П. Українознавство. Київ: Міленіум, 2006. 870 с.; Українознавство XXI ст.: виміри розвитку. Київ: ННДУ, 2009. 432 с.

Украиника – корпус (фонд, свод) документов, книг, периодики, художественных текстов и иных источников на украинском и других языках, находящихся в архивах, библиотеках, собраниях и т.п. разных стран и имеющих отношение к украинской тематике.

Следует заметить, что процесс формирования российской украинистики не связан лишь с новейшим постсоветским периодом на рубеже XX – XXI вв., ее истоки восходят еще к исследовательским традициям дореволюционного периода. Зарождение и развитие интереса к Украине и украинцам связано с деятельностью ряда известных ученых Академии наук, университетов и других образовательных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Саратова (О.М. Бодянский, П.А. Кулиш, Н.И. Костомаров, Д.Л. Мордовцев, Н.А. Янчук и др.), которые внесли заметный вклад в изучение различных вопросов истории и культуры украинцев Российской империи¹.

В советское время исследователей интересовали, главным образом, вопросы этногенеза восточных славян, особенности материальной культуры украинцев в разных регионах СССР, этнокультурное взаимодействие на русско-украинском пограничье, локальные особенности и результаты переселенческого движения², разделы об украинцах появились в ряде академических изданий³.

В настоящее время российская украинистика как область научного знания не является должным образом организованной, исследования проводятся, как правило, немногочисленными учеными-энтузиастами в некоторых регионах страны, нет специализированных академических или университетских центров, которые бы целенаправленно занимались изучением российских украинцев – третьего по численности народа России, научные контакты между регионами и научными учреждениями слабы, отсутствуют

¹ В XIX – начале XX в. в рамках формирующегося славяноведения сложились несколько «украинских» научных направлений: история крестьянства и казачества; общественно-политическая жизнь Галиции; украинская этнография и фольклор; украинский язык и литература; славянские историко-культурные связи; история греко-католической церкви.

² См., напр.: Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк. Л.: Наука, 1972. 656 с.; Бабенко В.Я. Материальная культура украинцев Башкирии: Историко-этнографическое исследование: Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л.: ИЭ им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1985. 19 с.; Шпорт А.М. Хозяйство и традиционно-бытовая культура украинцев-переселенцев в Западной Сибири (Тоболо-Иртышское Междуречье) в конце XIX – начале XX в.: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1987. 24 с.; Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: История и судьбы традиционно-бытовой культуры. М.: Наука, 1988. 251 с.

³ См., напр.: Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 805 с.; Народы европейской части СССР. Т. 1. М.: Наука, 1964. С. 572–779; Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры. М.: Наука, 1987. С. 101–146.

стабильные информационные ресурсы – печатные и интернет-издания, редко проводятся тематические научные конференции, очевидно, не хватает трудов обобщающего плана об украинцах России¹.

Следовательно, сохраняют свою актуальность два ключевых вопроса – существует ли в России украинистика как самостоятельная область знания и если да, то каким образом можно охарактеризовать ее современное состояние? Поставленные вопросы не являются риторическими, они вызывают достаточно оживленную полемику и различные точки зрения. В научной публицистике, например, присутствует мнение, что в России «...историческая украинистика развивается очень медленно и неравномерно... и в отличие от таких стран как Канада или США самостоятельной областью науки так и не стала...»². С учетом указанных выше проблем для подобных оценок, безусловно, есть определенные основания.

Вместе с тем, сложившаяся ситуация постепенно преодолевается, появляются поводы для осторожного оптимизма. Разностороннее изучение украинского населения России с разной степенью активности ведется, например, в Краснодаре³, Волгограде⁴, Саратове⁵, Уфе⁶, Оренбурге⁷, Тюмени⁸,

¹ Общая информация об истории и культуре украинцев представлена, например, в следующих изданиях: Чижикова Л.Н. Украинцы. Историко-этнографический очерк традиционно-бытовой культуры. М.: Наука, 1992. 170 с.; Брук С.И., Кабузан В.М., Чижикова Л.Н. Украинцы // Народы России: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1994. С. 357–366; Восточные славяне: Антропология и этническая история. М.: Научный мир, 1999. 336 с.; Украинцы. М.: Наука, 2000. 535 с.; Кабузан В.М. Украинцы в мире: Динамика численности и расселения. 20-е гг. XVIII в. – 1989 г. М.: Наука, 2006. 659 с.

² Мироненко В.И. Океан исторического невежества. О некоторых проблемах современной российской украинистики // День. 2008. № 115. 4 июля – <http://www.day.kiev.ua/203787>

³ Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар: Кубань-кино, 2010. 164 с.; Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия: мат-лы междунар. науч. конф. Вып. 1–6. Краснодар: Изд-во ЭДВИ, 2006–2012.

⁴ Синельникова В.В. Традиционная культура и быт украинцев Волгоградской области. Камышин: МАУ «Медиа-холдинг», 2009. 264 с.

⁵ См., напр.: Шульга І. Поселення українців в Саратовському Надволжі (XVIII – початок XX ст.) – http://ukrvolga.seun.ru/science/shulga_stat1.html

⁶ Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа: [б.и.], 1992. 260 с.; Ахатова Ф.Г. Украинские песни в Башкортостане (историко-этнографическое исследование). Уфа: Гилем, 2000. 146 с.

⁷ История заселения, быт, обычаи и обряды украинских переселенцев на Оренбургской земле / сост. Т.Ю. Скопинцева. Оренбург: НЧП «Пресса», 1997. 54 с.; Украинцы в Оренбургском крае: мат-лы науч.-практич. конф. Оренбург: ПД «ДиМур», 1997. 180 с.; Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития: мат-лы межрег. науч. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2004. 152 с.; Амелин В.В., Молошенко А.Н. Украинцы на Южном Урале. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2012. 190 с.

⁸ Карабулатова И.С., Карелина Л.Ф. Украинская диаспора в Тюменской области: история, язык, культура. Тюмень: Печатник, 2006. 180 с.; Украина – Западная Сибирь: диалог культур и народов. Украинская диаспора в полиэтничном регионе: мат-лы междунар. науч.-практич. конф. Тюмень: Печатник, 2007. 204 с.; Украина – Западная Сибирь в диалоге культур и народов: векторы и факторы взаимодействия. мат-лы междунар. науч.-практич. конф. Тюмень: Печатник, 2009. 152 с.

Омске¹, Новосибирске², Томске³, Владивостоке⁴ и ряде других городов, что находит отражение в проведении научных форумов, издании книг и сборников. В некоторых регионах (Башкортостан, Саратовская, Омская, Томская области) проводятся этнографические и диалектологические экспедиции. За последние годы подготовлено несколько интересных диссертационных исследований по истории, этнографии, филологии, культурологии, искусствоведению, географии⁵.

К настоящему времени относительно полно изучена история переселенческого движения украинцев в России с точки зрения выявления и понимания причин, этапов, территории, демографических процессов. Вместе с тем, реконструкция комплекса материальной и духовной культуры носит

¹ См., напр.: Новоселова А.А. Украинцы в Среднем Прииртышье: идентификация и самоидентификация в конце XIX–XX вв. (по полевым материалам) – <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=770>

² Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX в. (по материалам Новосибирской области). Новосибирск: Агро-Сибирь, 2004. Ч. 1. 190 с.; Ч. 2. 226 с.; Коровушкин Д.Г. Украинцы в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2007. 248 с.

³ Украинцы в Сибири: история, культурная жизнь, перспективы: мат-лы регион. науч. конф. Томск: [б.и.], 2004. 140 с.; Документ, музейный экспонат, нарратив, письменный источник в культурном трансфере Сибирь – Украина: мат-лы всерос. науч. конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 243 с.

⁴ Аргуяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX в. – начало XX в.). М.: ИЭА РАН, 1993. 261 с.; Фетисова Л.Е. Восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России: Сложение и развитие традиций. Владивосток: ДВО РАН, 1994. 219 с.; Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность: мат-лы науч. конф. Владивосток: Изд-во ДВУ, 2008. 296 с.; Черномаз В.А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Владивосток: Изд-во ДВУ, 2009. 560 с.; Зеленый клин. Енциклопедичний довідник / укл. В.А. Черномаз. Владивосток: Вид-во ДСФУ, 2011. 288 с.

⁵ См., напр.: Баранова Н.А. Экономические и культурно-духовные связи Башкортостана и Украины. XX в. (Уфа, 2003), Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии (Москва, 2003), Карташова Т.А. Песенная традиция украинских крестьян в контексте народной культуры Дона (Ростов-на-Дону, 2004); Федина Т.Ю. Ф.А. Коваленко в культурной жизни Кубани конца XIX – начала XX в. (Краснодар, 2005), Черномаз В.А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922) (Владивосток, 2005), Карелина Л.Ф. Специфика языковой деятельности украинской диаспоры в полиэтничном окружении в аспекте социолингвистической контактологии (на материале Тюменской области) (Великий Новгород, 2006), Дивлишев А.В. Украинцы в культурном пространстве Республики Мордовия: традиции и инновации: конец XIX – начало XXI в. (Саранск, 2007), Бабута М.Н. Формирование и современное состояние украинской диаспоры (конец XIX – начало XXI в.) (Томск, 2008), Русина Н.В. Формирование культуры украинской диаспоры (Омск, 2009), Гриценко А.А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье (Москва, 2010), Дроздов К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933) (Москва, 2010), Молощенков А.Н. Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития (Москва, 2010), Сазонова С.Е. Переселение украинцев на Северный Кавказ и их социокультурная адаптация (конец XVIII – первая половина XIX в.) (Ставрополь, 2010) и др.

еще фрагментарный и незавершенный характер. Весьма актуальными остаются на сегодня изучение этнического сознания, проблем национально-культурного развития и социокультурной адаптации, эволюции языка, особенностей взаимодействия с другими народами, перспективными являются дальнейшие диалектологические исследования, сравнительный анализ украинского населения в различных регионах России. Интересными проектами могли бы стать составление региональных историко-географических атласов населенных пунктов, основанных украинцами, публикации архивных документов по проблемам украинизации и т.д.

Сообщество украинистов в России крайне нуждается в системном обмене информацией, результатами исследований. Дальнейшему развитию и укреплению научного статуса отечественной украинистики могли бы способствовать такие формы взаимодействия как подготовка коллективных монографий, учреждение специализированного научного издания, отраслевого сайта или портала, подготовка словарно-справочной литературы¹, проведение периодических конференций на различных научно-образовательных площадках², создание временных проблемно-тематических исследовательских групп, научных обществ³ и т.п. Особую ценность и социальный резонанс научным исследованиям в области украинистики придает популяризация и распространение полученных знаний через открытые лекции и встречи с активистами национально-культурных объединений, публикации в СМИ, подготовку научно-популярных изданий (брошюр, справочников), проведение краеведческих конкурсов, помощь в создании народных архивов, коллекций, школьных музеев и т.д.

Важным условием успешной работы является сотрудничество отдельных ученых, творческих групп и региональных центров России с заинтересованными научно-образовательными учреждениями Украины – институтами Национальной академии наук Украины, ведущими университетами, цен-

¹ См.: Украинисты России: Биобиблиографический словарь. Вып. 1 / автор-сост. Д.А. Черниенко. Уфа: ИЦ Уфимского филиала (далее в тексте – УФ) МГТУ им. М.А. Шолохова, 2011. 92 с. Словарь содержит краткие сведения о 69 исследователях, занимающихся изучением различных проблем истории, культуры, языка, этнографии, права Украины и украинцев России.

² В качестве положительных примеров последних лет можно назвать проведение ряда конференций: «Украинистика в России: история – состояние – тенденции развития» (Москва, КЦУ, 2009), «Украинская этничность в социокультурном пространстве России» (Уфа, 2010); «Россия – Украина: гуманитарное сотрудничество» (Москва, РГГУ, 2010), «Цивилизационно-культурные связи новой России и новой Украины» (Москва, МГИМО, 2011), «Украинцы вне Украины: языковая, культурная, политическая интерференция» (Москва, ИС РАН, 2012).

³ В 2010 г. в Уфе создана Межрегиональная общественная организация «Научное общество украинистов им. Т.Г. Шевченко», которая в настоящее время объединяет исследователей Краснодарского края, Камчатского края, Республики Башкортостан, Удмуртской Республики, Саратовской области, Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, Республики Карелия, Москвы.

трами по работе с диаспорой¹. Результаты сотрудничества должны быть отражены в соответствующих договорах и соглашениях, совместных долгосрочных исследовательских программах и проектах, организации научных мероприятий и т.п. Вместе с тем, при некоторых позитивных тенденциях последних лет следует признать, что на данный момент изучение Украины вызывает в отечественных научных кругах значительно больший интерес, чем собственно украинское население России². Тема истории и культуры украинской диаспоры до сих пор остается существенным «белым пятном» в научной литературе, а сами украинские анклавы России – «terra incognita».

Одной из важных задач остается всесторонний анализ вклада и деятельности отдельных ученых, определение места локальных научных центров в формировании традиций российской украинистики. Такую работу наиболее эффективно можно проводить в тех регионах, где исторически сложились многочисленные и компактные группы украинского населения, имеется широкая база разнообразных источников, на протяжении достаточно длительного времени накапливался опыт научных исследований. Необходимым потенциалом для проведения историографических исследований в наибольшей степени обладают, например, такие регионы как Кубань, Южное Приуралье, Дальний Восток. Именно здесь наблюдаются преемственность и последовательность в украиноведческой работе с дореволюционного периода до настоящего времени. Указанные регионы характеризуются также наличием широкого круга научной литературы, посвященной истории и культуре местного украинского населения. Некоторое оживление здесь интереса к историографическим сюжетам, отраженное в ряде новейших публикаций³, лишь подтверждает отмеченную тенденцию последних лет. Вероятно, российская украинистика сейчас подходит к такому этапу своего развития, когда принципиальное значение имеет не только получение новых данных, но и обращение к предшествующему опыту в целях более глубокого понимания нынешнего состояния и перспектив развития.

В Южном Приуралье история появления украинцев связана с военно-колониционной политикой Российского государства на восточных границах, привлечением населения для службы в гарнизонах и хозяйственного ос-

¹ Украинисты Башкортостана, например, имеют опыт многолетнего сотрудничества с украинскими коллегами из Киева, Львова, Чернигова, Нежина, Тернополя, Херсона, Дрогобыча, в последнее время установлены связи с учеными Одессы, Днепропетровска, Полтавы, Винницы.

² Данная тенденция в последние годы хорошо видна в соотношении тем выполняемых диссертационных исследований.

³ Авраменко А.М. Україністика на Кубані: витоки і сучасні тенденції розвитку // Україністика в Росії: історія – станція – тенденції розвитку: мат-лы междунар. науч.-практич. конф. Киев; М.; Уфа: Изд-во УФ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2010. С. 59–63; Черномаз В.А. Изучение украинского населения Дальнего Востока: опыт историографии проблемы // Україністика в Росії... С. 130–139.

воения целинных земель. Первые достоверные сведения о пребывании «черкас» в Уфимской крепости относятся к 1620–1630-м гг. Важными факторами в формировании украинского населения в регионе явились создание с середины XVIII в. Оренбургской оборонительной линии и Оренбургского казачьего войска, крестьянские миграции после отмены крепостного права в 1861 г., ввод в конце XIX в. в эксплуатацию Самаро-Златоустовской железной дороги, проведение Столыпинской аграрной реформы 1906–1916 гг., голод в Украине в 1920–1930-е гг., массовая эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны, трудовые миграции в советский период. Наибольшая численность украинцев в Южном Приуралье зафиксирована переписью 1939 г. – более 240 тыс. человек. После окончания войны начались необратимые процессы ассимиляции и сокращение доли украинцев в этнической структуре региона. В настоящее время, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Республике Башкортостан и Оренбургской области, обладающих рядом общих черт исторического развития, проживает около 90 тыс. украинцев. Таким образом, в Южном Приуралье поэтапно складывался один из самых крупных и относительно компактных анклавов украинского населения в России. Большая численность украинского населения в регионе, его заметная роль в хозяйственной, общественно-политической и культурной сферах, обусловили высокий и стабильный научный интерес к данной этнической группе, который прослеживается с середины XVIII в. до настоящего времени.

Исходя из изложенных выше соображений, основные задачи монографического исследования заключаются в том, чтобы, во-первых, систематизировать обширный массив публикаций об украинцах Южного Приуралья; во-вторых, выделить основные этапы в развитии региональной украинистики; в-третьих, отметить элементы преемственности и новации каждого последующего этапа; в-четвертых, оценить роль отдельных ученых и результаты проведенных исследований; в-пятых, показать культурно-исторический контекст разных периодов и особенности проведения научной деятельности. Объектом рассмотрения являлась научная литература, современные периодическая печать и региональная публицистика в качестве источников информации не привлекались, поскольку такая работа заслуживает отдельного внимания.

Выражаю искреннюю благодарность за ценные советы и рекомендации, содействие в подборе необходимой литературы, организацию работы в архивах и библиотеках – кандидату исторических наук, доценту Василию Яковлевичу Бабенко (Уфа), доктору исторических наук, профессору Алле Владимировне Федоровой (Оренбург), кандидату филологических наук Татьяне Леонидовне Большаковой (Оренбург), кандидату педагогических наук, доценту Татьяне Александровне Камсковой (Оренбург), доктору исто-

рических наук, профессору Ольге Михайловне Мельниковой (Ижевск). Отдельная благодарность за многолетнее плодотворное сотрудничество члену-корреспонденту НАН Украины, директору Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Ф. Рылского НАН Украины, председателю Международной ассоциации украинистов, доктору исторических наук Анне Аркадьевне Скрипник (Киев), кандидату исторических наук Галине Борисовне Бондаренко (Киев), кандидату филологических наук Галине Васильевне Довженок (Киев) за моральную поддержку и предоставление возможности работать в научном архиве рукописей и фонозаписей Института. Редкие материалы были получены при содействии директора Института украинского языка НАН Украины, доктора филологических наук Павла Ефимовича Гриценко (Киев). Понимание современных проблем украинистики было бы невозможно без содержательных консультаций академика, доктора филологических наук, директора Национального научно-исследовательского института украиноведения и всеобщей истории Петра Петровича Кононенко (Киев), а также доктора философских наук, профессора Тараса Петровича Кононенко (Киев). Научные проекты российских украинистов всегда находят встречные инициативы со стороны директора Международного института образования, культуры и связей с диаспорой Национального университета «Львовская Политехника», кандидата педагогических наук Ирины Михайловны Ключковской (Львов).

Неоценимую помощь и поддержку в процессе работы над монографией оказала моя супруга – кандидат исторических наук, доцент Ирина Борисовна Черниенко.

ГЛАВА I

УКРАИНЦЫ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ В НАУЧНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XX в.

«А так ли было, так ли шло?...»

Т.Г. Шевченко

Начало в полном смысле научного, разностороннего изучения истории, культуры, географии, экономики Южного Приуралья принято относить к середине XVIII в. и связывать с исследовательской деятельностью и трудами П.И. Рычкова¹ – «Колумба Оренбуржья», первого «историка степей», заложившего основы критического, системного подхода к пониманию особенностей одного из самых крупных, стратегически значимых и перспективных в своем развитии регионов Российского государства. П.И. Рычков, приводя в своих сочинениях некоторые сведения о возводимых на оборонительной линии крепостях, несколько раз упоминает о пребывании в Приуралье «черкас»².

В небольшом фрагменте «Оренбургской истории», впервые изданной в 1759 г., речь идет об одном из бунтов местного кочевого населения, случившемся в 1668 г. во время царствования Алексея Михайловича. Восстание продолжалось три года, в ходе него были «разорены многие закамские пригороды с большей частью казанского уезда, тысячи христиан погибли». Для усмирения этого бунта из Москвы был прислан полковой воевода Федор Васильевич Зеленов со стрелецкими полками, «у которого в отряде донские, яицкие и украинские казаки находились»³. Еще раз к этим событиям П.И. Рычков обращается в книге «Топография Оренбургской губернии» (1762), но дату мятежа указывая под 1676 г., а воеводу называя Зелениным⁴.

¹ Рычков Петр Иванович (1712–1777) – ученый, государственный деятель. С 1734 г. работал в составе Оренбургской экспедиции на должности бухгалтера, а также вел летопись экспедиции, с 1740 г. – секретарь экспедиции. В 1743 г. получил чин коллежского асессора, с 1751 г. – коллежский советник, с 1764 г. – статский советник. Имел обширные земли в Уфимской провинции, а также между крепостями Чернореченской и Татищевой. В 1758–1759 гг. фактически выполнял функции губернатора Оренбургского края, с 1759 г. – член-корреспондент Академии наук. Автор большого количества научных статей и книг.

² Черкасы – этноним, распространенное в официальных документах и нарративных источниках до конца XVIII в. название украинских казаков.

³ Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург: Типо-литография И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1896. С. 4.

⁴ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Типография Б. Бреолина, 1887. С. 62.

В описании событий под 1743 г. рассказывается о нападении на Оренбургскую линию киргиз-кайсаков султана Дербешалея, которые «из поселенных при урочище Рассыпном Черкас, кои тогда при Илецком городке у жнитвы хлеба находились», захватили в плен 82 человека – мужчин, женщин и детей, а вместе с пленными из других мест – до 100 человек¹. Далее П.И. Рычков обращает внимание на то, что ранее в Оренбургскую комиссию было завезено и «по разных местах поселено без всякой пользы» несколько тысяч душ черкас. На них, как на бедных людей, комиссия «бесплодно» расходовала большие средства. Поэтому Указ от 6 марта 1744 г. «за неспособность в здешних пограничных местах казачью службу отправлять» разрешал отпустить всех черкас числом 986 душ, находившихся на поселении в Татищевой и Чернореченской крепостях, а также в Нежинской слободе, назад в Малую Россию, если они не пожелают оставаться на собственном содержании. Почти все черкасы отбыли на родину, кроме 46 семей из крепости Рассыпной, переселившихся на р. Кинель² по своему прошению³.

П.И. Рычков

Оренбург для продажи битых привозят»⁵.

Еще один сюжет посвящен описанию расположения и устройства некоторых защит и крепостей по Оренбургской линии. Рассыпная, при реке Яике, от Илецкого казачьего городка вверх 25, а от Оренбурга вниз 101 верста. Сначала поселено было там по самопроизвольному желанию Малороссиан до ста дворов; но по причине той, что в 1743 году Киргиз-Кайсаки ...

¹ Рычков П.И. История Оренбургская... С. 73.

² Кинель – река в Заволжье, приток Самары, на левом берегу была основана Кинель-Черкасская слобода, где украинское население преобладало до 1770-х гг.

³ Рычков П.И. История Оренбургская... С. 75, 79.

⁴ Там же. С. 198.

⁵ Там же. С. 204.

захватили их в плен мужеска и женска полу восемьдесят двух человек, и что они в таком месте, от которого Киргизы кочуют в близости ... по их неосторожности к пребыванию усмотрены оплошными и неспособными, некоторые уволены в Украину на прежние их жительства, а другие самоохотно перешли на житье на реку Кинель...»¹. Здесь возникла слобода черкас до 150 дворов, ранее живших по р. Яик и перешедших в 1744 г. на новое место, «безопасное к хлебопашеству и ко всякой домашней их экономии»². Прокрепость Татищевскую «надлежит знать и сие, что в ней по 1744 год поселено было тут Малороссийцев семей до ста; но с ними, по их желаньям и по особливому об них Правительствующего Сената определению... так же, как и с жительствовавшими в Рассыпной крепости учинено»³. Малороссы, по данным П.И. Рычкова, находились так же и в крепости Чернореченская, с ними «поступлено так же, как и с находившимися в Татищевой»⁴. Наконец, на Красногорской дистанции в 17 верстах от Оренбурга упоминается Нежинский редут, который «построен на самом том месте, где Нежинского полка черкасы особливою слободою жительствовали, и развели было немалое хлебопашество; но по той причине, что произошло на них нападение от Киргизцев, и они оказались оплошны, по желаньям их отпущены они на прежние их жилища в Малороссию, а некоторые из них в Кинельской Черкасской слободе поселились»⁵.

Итак, П.И. Рычков первым из ученых отмечает факт поселения «малороссов» в Южном Приуралье, показывает особенности и условия их проживания, а также дальнейшую судьбу. После трудов П.И. Рычкова научная мысль в Оренбуржье «замирает» почти на 70 лет, вместе с этим сложно обнаружить и какие-то достоверные данные и о пребывании в крае украинцев.

В 1824 г. во время частной поездки в Оренбургскую губернию Илецкую Защиту⁶ посетил издатель и писатель *П.П. Свиньин*⁷, отразивший свои впечатления в издаваемом им популярном журнале «Отечественные записки»⁸.

¹ Рычков П.И. История Оренбургская... С. 301.

² Там же. С. 317.

³ Там же. С. 304.

⁴ Там же. С. 305.

⁵ Там же. С. 330.

⁶ Илецкая Защита – крепость, построенная в 1754 г. для защиты поселка соледобытчиков, в настоящее время – г. Соль-Илецк.

⁷ *Свиньин Павел Петрович* (1787–1839) – писатель, издатель, путешественник, историк. В 1811–1813 гг. служил секретарём русского генерального консула в Филадельфии, затем при Главной квартире русской армии в Германии, в 1814 г. вернулся в Россию. В 1818–1830 гг. издавал журнал «Отечественные записки». В 1824 г. вышел в отставку, занимался литературно-издательской деятельностью. Автор нескольких книг путевых очерков с собственными иллюстрациями.

⁸ Свиньин П. Посещение Илецкой Защиты в 1824 г. // Отечественные записки. 1825. № 64. Август. С. 145–157.

В Илецкую Защиту путешественник ехал по солевой дороге, ведущей в крепость Расыпную. По этой дороге было основано две населенные «малороссиянами» деревни – Новокардаилловка и Красный Холм, в последней жили и русские, но числом в 20 дворов, малороссиян же было более 500 человек¹. В самой Илецкой защите, по сведениям писателя, жили казаки, которые содержали большие стада лошадей, перевозили соль в Оренбург, занимались хлебопашеством: сеяли пшеницу, просо, разные огородные овощи, арбузы и дыни. Кроме того, местное казачье войско наводило страх на киргизцев, славясь в округе своей невероятной храбростью и проворностью². Описывая способы постройки домов, П.П. Свиньин замечает, что один из распространенных способов – из переплетенных кольев, обмазанных глиной, смешанной с рубленной соломой³, что, по всей видимости, являлось традицией, принесенной украинскими переселенцами.

П.П. Свиньин

Спустя продолжительное время некоторые упоминания о «малороссах» появляются в книге уже бывшего к тому времени Оренбургского гражданского губернатора *И.Л. Дебу*⁴ «Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии» (1837)⁵. В разделе «Народонаселение губернии» автор указывает, что Оренбургская губерния весьма мало населена, несмотря на частные переселения крестьян из разных российских губерний с разрешения Правительства. Численность податного населения (без дворян, гражданских чиновников и регулярных войск) составляет 375 230 душ мужского пола с учетом крестьян различных статусов и категорий, в том числе свободных хлебопашцев – 299 чел. Среди неподатного населения казаков (Оренбургских и Уральских) – 34 809 чел.; среди по-

¹ Свиньин П. Посещение Илецкой Защиты... С. 154–155.

² Там же. С. 150.

³ Там же. С. 145.

⁴ *Дебу Иосиф (Осип) Львович* (1774–1842) – кадровый военный, генерал-майор с 1816 г., командир 1-й бригады 22-й пехотной дивизии и начальник правого фланга Кавказской линии. Во время пребывания на Кавказе написал «Записки о Кавказской линии и присоединенных к оной Черноморских войсках», изданные в 1829 г. в Москве, – результат личных наблюдений и изучения Кавказского края, содержит богатые и тогда еще малоизвестные сведения. С 1826 г. действительный статский советник, с 1827 г. Оренбургский гражданский губернатор, в 1832 г. пожалован в тайные советники и назначен присутствующим сенатором в Санкт-Петербургском Правительствующем сенате, позднее в Москве.

⁵ Дебу И.Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М., 1857. 230 с.

селян казенного ведомства, переселившихся из других мест России, вместе с прочими указаны 52 человека из Слободско-Украинской губернии¹.

В своем сочинении И.Л. Дебу дает развернутое описание отдельных населенных пунктов губернии и среди прочих можно найти сведения об основании Илецкой крепости: «Первоначально обзаведение сего городка последовало по просьбе Уральских казаков Черкасского происхождения: Ивана Никифорова Изюмского и Андрея Денисова Черкасова, «по отводу Канцелярии Оренбургской Экспедиции именным Указом, состоявшемся в 1736 г. ... повелено было набрать к означенным просителям в сотоварищество... до 500 семей... Сначала казаки сии были под жалованными привилегиями, а в 1738 г. отданы в ведение Уральского войска, с коим и содержали один форпост, а службу исправляли по особым нарядам без жалованья, содержа себя хлебопашеством, звериною и рыбною ловлею, по удобству и достатку здешних мест...»². «Во всем... Зауральском крае... по реке Уралу устроено при границе десять форпостов, в коих водворены домами Уральские и Оренбургские казаки в числе до 500 семейств... на левом же берегу реки Урала водворены прежде бывшие солевозцы в двух селениях, из коих в именуемом Новокардайловкою более 500 душ Малороссиян, а в другом, называющемся Краснохолмским, Русских и Малороссиян до 350 душ мужского пола»³.

Далее И.Л. Дебу переходит к рассмотрению вопроса о положении и первоначальном основании военных заселений, «именуемых крепостями и составляющих Оренбургскую линию по Киргиз-Кайсацкой степи от Оренбурга до пределов Западной Сибири...». Среди них упоминается Татищевская (Камыш-Самарская) крепость, построенная в 1735 г., хотя достоверные сведения не известны. Первоначально она состояла из «малороссиян», которых насчитывалось до 100 дворов⁴. «Малороссиянами» также была первоначально заселена крепость Рассыпная, в количестве до 100 дворов, по добровольному их желанию. Но случилось так, что большая часть переселенцев во время нахождения их в поле на жатве была уведена в плен киргизами. Из оставшихся некоторые уехали назад в Украину на прежние места своего жительства, а другие перешли жить на реку Кинель⁵. Весьма вероятно, что казаки – выходцы из Украины, в небольшом количестве находились также и в других форпостах по линии (Степная, Озерная и др.), т.к. вокруг них земля наиболее пригодна для хлебопашества и сенокоса. Со временем некоторые из бывших крепостей превращались в казацкие станицы.

¹ Дебу И.Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии... С. 35–38.

² Там же. С. 160.

³ Там же. С. 170–171.

⁴ Там же. С. 178–179.

⁵ Там же. С. 196–197.

Информация, зафиксированная И.Л. Дебу, дает первоначальные представления о том, что «малорусские» казаки были инициаторами основания нескольких форпостов-крепостей по Оренбургской линии, где местное начальство поддержало эти военно-хозяйственные проекты и поселило казаков в новых землях на льготных условиях, приведены также общие статистические данные.

Небольшой фрагмент о хозяйственной деятельности украинских переселенцев встречается под 1850 г. в сочинении оренбургского натуралиста Э. Эверсмана¹ «Естественная история Оренбургского края»². Во второй части, посвященной описанию местной фауны – млекопитающих животных, в разделе об особенностях образа жизни и использования «двукопытных» исследователь пишет, что «у нас прежде не употребляли крупного рогатого скота для упряжи, да и теперь туземцы употребляют для этого только лошадей; но в последние 30 лет многие тысячи крестьян переселились из Малороссии в наш малонаселенный край, и у них езда на волах в общем употреблении»³.

В середине XIX в. самые колоритные и этнографически верные описания Южного Приуралья, Оренбургского края и украинского быта оставил Т.Г. Шевченко⁴ в своих произведениях периода ссылки 1847–1857 гг. 30 мая 1847 г. Т. Шевченко был объявлен приговор – «определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус... под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать». В докладе императору Николаю I значилась следующая характеристика поэта: «стихи его вдвойне вредны и опасны... По возмутительному духу и дерзости, выходящей из всяких пределов... должен быть признаваем одним из важных преступников...». В вину ему ставилась цель «посеять неудовольствие о власти в народе». Столь строгое наказание последовало, прежде всего, за «сочинение возмутительных и в высшей

¹ Эверсман Эдуард Александрович (1794–1860) – ботаник, зоолог, энтомолог, врач, путешественник. Учился в Магдебургском, Берлинском и Дрезденском университетах, доктор философии и магистр свободных наук (1814), доктор медицины и акушерства (1816). 1816 г. переехал из Германии на Южный Урал в Златоуст к отцу – основателю и директору Златоустовского оружейного завода. В Златоусте служил врачом, занимался изучением местной природы и географии. Член Московского общества естествоиспытателей, с 1824 г. член Королевского общества естествоиспытателей в Берлине. В 1851 г. произведен в действительные статские советники. Служил ординарным профессором зоологии в Казанском университете.

² Эверсман Э. Естественная история Оренбургского края. Ч. 2. Казань: В типографии Императорского Казанского университета, 1850. 296 с.

³ Там же. С. 281.

⁴ Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861) – украинский поэт, писатель, художник, мыслитель, академик Императорской Академии художеств (1860), творческое наследие поэта на родном языке считается основой национальной литературы, современного украинского языка. За либерально-демократические убеждения с июня 1847 г. по август 1857 г. находился в ссылке в Оренбургском крае и на полуострове Мангышлак.

степени дерзких стихотворений» и под предлогом участия в «Кирилло-Мефодиевском братстве».¹

9 июня 1847 г. под конвоем как политический преступник Т. Шевченко прибыл в Оренбург, где его приветствовали несколько таких же политических ссыльных поляков и украинцев, знакомых еще по Петербургу. Через неделю рядовой был по этапу отправлен для прохождения службы в Орскую крепость, расположенную в унылой степи. Так начался первый этап ссылки 1847–1850 гг. На Т. Шевченко условия ссылки со строгими надзором, распорядком и солдатской муштрой произвели удручающее впечатление («прозябаю в киргизской степи в бедной Орской крепости»), но не сломали его дух и волю. В однообразной степи Т. Шевченко старался, тем не менее, разглядеть местный колорит: «...здесь так много нового...». Одни из самых приятных, но, в то же время, печальных и мучительных воспоминаний – об Украине:

Т.Г. Шевченко в период ссылки. Автопортрет,

*...Село! І серце одпочине:
Село на нашій Україні —
Неначе писанка, село.
Зеленим гаєм поросло...
Широколистії тополі,
А там і ліс, і ліс, і поле,
І сині гори за Дніпром.
Сам Бог витає над селом...²*

Именно эти воспоминания, своего рода разговоры с самим собой в стихах очень сильно поддерживали поэта. Стихи («невольничьи мысли») Т. Шевченко успевал записывать мелким почерком, тайком, на природе или по ночам, пока никто не видит, в маленькие книжечки, которые носил в го-

¹ «Кирилло-Мефодиевское братство» – тайная общественно-политическая и просветительская организация, созданная в декабре 1845 – январе 1846 г. в Киеве. Основатели – М. Гулак, В. Белозерский, Н. Костомаров, членами были известные ученые, писатели, студенты. Т. Шевченко стал членом братства с апреля 1846 г. Политической программой братства было создание славянской федерации на демократических принципах. Культурная программа исходила из необходимости развития украинского языка, национального образования, сохранения национальных традиций, просвещения «простого народа». Братство просуществовало 15 месяцев и было ликвидировано по доносу, организаторы осуждены.

² «Княжна». 1847 г. Орская крепость.

ленище сапога («захалавні книжечки»). «Всех развлечений – в воскресенье выйти из казармы в степь и вспомнить Украину»:

*...Минають літа молодії;
Минула доля, а надія
В неволі знову – за своє,
Зо мною знову лихо діє
І серцю жалю завдає:
А, може, ще добро побачу?
А, може, лихо переплачу,
Води Дніпрової нап'юсь,
На тебе, друже, подивлюсь?
І, може, в тихій твоїй хаті
Я буду знову розмовляти
З тобою, друже мій?...¹*

Всего в ссылке поэтом было написано более 120 стихов в разных жанрах – преимущественно пейзажная лирика с образами украинской природы. Особенно много стихов появилось на острове Кос-Арал в период знаменитой Аральской экспедиции²: несколько больших поэм, в том числе исторических, «крестьянские» зарисовки, «народні співанки»:

*І виріс я на чужині,
І сивію в чужому краї:
То одинокому мені
Здається — кращого немає
Нічого в Бога, як Дніпро
Та наша славная країна...
Погано дуже, страх погано!
В оцій пустині пропадать.
А ще поганіше на Україні
Дивитись, плакати – і мовчати!...³*

Впечатления художника от длительного путешествия найдут свое отражение в более поздних повестях и рисунках. Особое место занимают патриотические произведения. Вынужденная разлука с родным краем заострила национальные чувства поэта. Слово «Украина» очень часто встречается в «невольничьей поэзии»:

*...А як не бачиш того лиха,
То скрізь, здається, любо, тихо,*

¹ «А.А. Козачковскому». 1847 г. Орская крепость.

² Аральская экспедиция – первое комплексное научное исследование и описание моря экспедицией под руководством А.И. Бутакова в 1848–1849 гг. Т. Шевченко принимал участие в экспедиции от начала до конца, ему было разрешено зарисовать виды побережья и местные народные типы в большой серии акварелей, рисунках карандашом и множестве эскизных зарисовок с натуры.

³ «І виріс я на чужині...». 1848. Кос-Арал.

*І на Україні добро;
Між горами старий Дніпро,
Неначе в молоці дитина,
Красується, любується
На всю Україну,
А понад ним зеленіють
Широкі села;
А у селах у веселих
І люди веселі...¹*

С октября 1850 по август 1857 г. – второй этап ссылки поэта в крепость Новопетровскую на полуострове Мангышлак на восточном берегу Каспийского моря. Сюда он был отправлен из Орской крепости после ряда доносов о нарушении надзорного режима. По разрешению коменданта майора И.А. Ускова Т. Шевченко было разрешено писать по-русски, но осторожно, во избежание новых доносов. В «Новопетровский» период Т. Шевченко написал около двух десятков повестей на русском языке, из которых сохранилось только девять. Среди них «Близнецы» (май – июнь 1855 г.) – повесть о первых годах ссылки – пожалуй, самое красочное описание реалий оренбургской жизни и самое этнографическое произведение с точки зрения сведений об украинском облике южноуральских степей.

Именно в «Близнецах» Т. Шевченко рисует необыкновенно колоритную сцену проезда главного героя Савватия Сокиры из Оренбурга до Орской крепости через затерянное в степи село, где ему неожиданно встречаются родные украинцы:

«До станицы Островной² он только любовался окрестностями Урала и заходил только в почтовые станции, и то когда хотелось пить, но, подъезжая к Островной, он вместо серой обнаженной станицы увидел село, покрытое зеленью, и машинально спросил ямщика:

- Здесь тоже оренбургские козаки живут?
- Тоже, ваше благородие, только что хохлы.

Он легонько вздрогнул.

- А почтовая станция здесь?
- Дальше, в Озерной³.

¹ *«І виріє я на чужині...»*. 1848. Кос-Арал.

² *Островная* – станица, село по Орской дороге (ныне – Саракташский район Оренбургской области), одно из первых украинских поселений в Оренбуржье, основанное в 1812–1813 гг. жителями Кинель-Черкасской слободы – потомками ранее переселившихся туда черкас. Село насчитывало более 500 жителей. Т. Шевченко побывал здесь по дороге из Оренбурга к месту солдатской службы в Орской крепости.

³ *Озерная (Верхнеозерная)* – крепость, позднее станица посередине «Орской дороги», основана в 1736 г. В 1840-х гг. здесь проживали казаки русского и татарского происхождения. Сохранились остатки оборонительных укреплений. Упоминается Т. Шевченко в повести «Близнецы» как почтовая станция.

- Там тоже хохлы живут?

- Нет-с, наши русские.

Подъезжая ближе к селу, ему, действительно, представилась малороссийская слобода: те же вербы зеленые, и те же беленькие в зелени хаты, и та же девочка в плахте и полевых цветах гонит корову. Он заплакал при взгляде на картину, так живо напомнившую ему его прекрасную родину.

У первой хаты он велел остановиться и спросил у сидящего на призбе усача, можно ли будет ему переночевать у них?

- Можна, чому не можна, мы добрым людям ради.

Он отпустил ямщика и остался ночевать.

Здесь он впервые в Оренбургском крае отвел свою душу родною беседою, а чтобы больше оживить несловоохотного (как и вообще земляки мои) хозяина, то он спросил, чи есть у них шинок?

- Шинку-то у нас, признаться, нема, а так люды добри держать про случай.

Он послал за водкою, попотчевал хозяина и хозяйку, а маленькому Ивасеви дал кусочек сахару.

Хозяин стал говорливее, хозяйка проворнее заходила около печки с чаплиною. Только один Ивась стоял, воткнувши в рот пальцы вместе с сахаром, и исподлобья посматривал на гостя.

Не замедлили цыплята закричать за хатою и также не замедлили явиться на столе с парю свежепросольных огурцов к услугам гостя.

- Закушуйте, будьте ласкави, – говорила хозяйка, ставя на стол цыплят, а я тымчасом побижу до Домахи, чи не позычу з десять яець, а то в нас, признаться, вси выйшлы.

И она проворно вышла из хаты.

На другой день поутру хозяин нанял ему пару лошадей до станции, а догадливая хозяйка поднесла ему в складне на дорогу пару цыплят жареных, 10 яиц и столько же свежепросольных огурцов. Принимая всё это, он спросил, что он им должен за всё.

- Та, признаться, нам бы ничего не треба, та думка та, що треба б дытны чобитки купить.

Он подал ей полтинник.

- Господь з вами, та ему и за грывеннычок Вакула пошие.

- Ну, там соби як знаешь, – сказал он и простился со своими гостеприимными земляками¹.

Приведенный отрывок, конечно, весьма краткий, но яркий и этнографически верный, можно считать первым опытом художественного, но при этом чрезвычайно точного, описания украинского Приуралья. В нем перед читателями предстают и черты народного быта, и национальный характер, и

¹ Шевченко Т.Г. Близнецы // Т. Шевченко. Собр. соч. в 5 тт. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1949. С. 100.

особенности языка (образцы говора) украинцев южной части Башкирского края. У читателя не возникает никаких сомнений в том, что отрывок носит почти документальный характер. Интерес представляют сведения про внешний облик станицы, происхождение поселенцев, близкое соседство с казаками. Очевидно, эта сцена написана по результатам непосредственных, личных наблюдений и впечатлений самого автора в конце 1840-х гг. Тема Украины прошла стержневой линией через все творческое, литературное наследие Т.Г. Шевченко периода десятилетней ссылки.

Предельно общие сведения о выходцах из Украины в Оренбургском крае содержатся в труде *В.М. Черемшанского*¹. Следует заметить, что содержание книги² изначально было определено ее задачами. В 1851 г. Ученый комитет Министерства государственных имуществ объявил конкурс хозяйственно-статистических описей российских губерний. В.М. Черемшанский собирал изначально различные сведения о сельскохозяйственных предметах для использования в преподавании, поэтому труд пришлось дополнять и другими тематическими разделами. Источниками статистических данных послужили местные ведомственные отчеты, при описании фактов социально-экономической жизни – личные наблюдения автора.

Обращает на себя внимание тот факт, что к 1850 г. «казаки» как отдельная категория среди социального состава населения уже не присутствуют. Они упомянуты как подразделение Оренбургского войска в общем количестве 44 568 человек (Оренбургские казаки – 29 242, Уральские – 12 067)³. Казацкое население размещается в 2 посадах, 24 слободах, 1 мечетке, 271 селе и 4566 деревнях⁴. Интересен принцип национальной классификации автора, который выделяет среди народонаселения три «племена»: турецко-татарское (башкирцы, мешеряки, тептяри, татары, чуваша), финское (черемисы, вотяки, мордва), русское («почти все дворянское сословие, духовные, большая часть служащих чиновников, купечество и мещанство, почти все Оренбургское и Уральское казачьи войска, почти все помещичьи крестьяне, крестьяне заводские, удельные и большая часть государственных крестьян»⁵). Более точна статистика по отдельным указанным категориям не приводится.

¹ *Черемшанский Василий Макарович* (1821–1869) – географ, экономист, статистик, краевед. Преподавал курс сельского хозяйства в Оренбургской и Уфимской духовных семинариях. За сочинение «Описание Оренбургской губернии...» в 1859 г. удостоен малой золотой медали Учёного комитета Министерства государственных имуществ. Автор трудов о хозяйственных занятиях и быте народов Приуралья.

² Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. 472 с.

³ Там же. С. 109–111.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ Там же. С. 129.

В.М. Черемшанский лишь указывает, что «Русское народонаселение Оренбургской губернии состоит из самых разных выходцев из Великой и Малой России». По его информации, «... вокруг первооснованных крепостей начали селиться и другие государственные поселяне, вызываемые изнутри России, которые в актах называются вообще – вольными, гулящими людьми. Для основания поселений им отводились земли под названием диких полей, а впоследствии дозволенно переселенцам самим свободно покупать и нанимать башкирские земли и селиться на них... но это население было немногочисленно, потому что по ведомости 1749 г., по всей Уфимской провинции ... числилось 1198 крестьянских дворов»¹. В дальнейшем описании обычаев, нравов, примет, жилища, одежды, пищи, устройства селений, материального быта и т.п. национальная специфика сложного по составу «русского» населения не проявляется.

Первым профессиональным ученым-этнографом, обратившимся к вопросу о появлении украинцев в Приуралье стал П.С. Ефименко². Обстоятельства его биографии сложились таким образом, что в возрасте 25 лет он оказался на Урале в качестве политического ссыльного. В феврале 1860 г. П.С. Ефименко был арестован в Киеве по делу об участии в Харьковском тайном студенческом обществе. 12 июня 1860 г. после заключения в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости приговорён к высылке под надзор в Пермскую губернию, где служил в уездном суде в Красноуфимске. Но в августе 1861 г. за участие в создании революционного кружка, известного как «Пермское тайное общество», был переведён в Архангельскую губернию. Находясь в ссылке, П.С. Ефименко продолжал заниматься научной работой, публиковал свои статьи в разных периодических изданиях. В газете «Полтавские Губернские ведомости» (№ 31 за 1861 г.) вышла небольшая статья, написанная в июне в Красноуфимске и посвященная «малороссиянам» Оренбургской губернии.

П.С. Ефименко

¹ Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии... С. 201.

² Ефименко Петр Саввич (1835–1908) – этнограф, фольклорист, родился в Таврической губернии. В 1850-х гг. учился в Харьковском университете, затем перевёлся в Киевский университет. В 1860 г. за революционную деятельность выслан в Пермскую, затем – Архангельскую губернии. В 1870 г. жил под надзором в Воронеже, затем в Самаре, Чернигове, Харькове, Петербурге. Собрал и опубликовал обширный материал по этнографии и фольклору Русского Севера и Украины.

Учитывая интерес к поднятому вопросу об украинцах-переселенцах, эта статья¹ в том же году выходит в журнале «Основа»².

В статье П.С. Ефименко описывает эпизод своей неожиданной и приятной для него встречи на берегу р. Камы в окрестностях Перми с группой казаков. Внимание ученого привлек их разговор «по-малороссийски». Из разговора выяснилось, что они еще в 1847 г. вышли из Саратовской губернии и поселились в Петропавловском уезде Тобольской губернии и ныне служат в пограничном Тобольском казачьем войске. По их сведениям, «земляков наших в этом войске около трех тысяч». А сейчас они направляются в Киев на богомолье. Кроме того, уральские казаки рассказали, что в Перми недавно повстречались с казаками Оренбургского войска, что вызвало большой интерес П.С. Ефименко, и уже через несколько месяцев ему удалось познакомиться с некоторыми из них: «Все три отличались стройностью, проворством, расторопностью и энергией, и все три отлично говорили по-великорусски и по-малороссийски»³. Общение с ними продолжалось на протяжении четырех месяцев. Автор статьи обратил внимание на то, что «во-первых, как они, живя постоянно между чуждым им населением, не забыли родного языка, во-вторых, как они не изуродовали его, что весьма часто встречается у нас в Украине...»⁴.

П.С. Ефименко планировал на основе рассказов казаков составить полное описание их быта, но не успел, так как был выслан дальше из Перми. Однако сохранились некоторые отрывки бесед, из которых следует, что украинские казаки в Оренбургском крае живут не вместе с русскими, а «особо». Собеседники подробно перечисляли полки, села и станицы с краткими географическими характеристиками. В Оренбурге живут казаки и мещане, а крестьяне – по селам от Оренбурга к Самаре. Большинство – бывшие крестьяне, выходцы из Харьковской губернии Украины, а также из Самарской, Саратовской, Воронежской и Курской губерний. Переселялись, поскольку здесь «просторно было жить ... людей мало было». Крестьянами жили до 1842 г., а потом стали переходить в казаки, чтобы иметь оружие, детей не отдавать в солдаты и получить больше земли – «скільки твоя душа бажа, стільки й ори»⁵. Среди казаков несколько выделяются запорожцы, которые живут обособленно, имеют те же обычаи («вечерниці, рідвянські святки,

¹ Ефименко П.С. О малороссиянах в Оренбургской губернии // Основа. 1861. № 9 (Сентябрь). С. 189–192.

² «Основа» – «южно-русский литературно-ученый вестник», первый украинский ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал, издававшийся на украинском и русском языках с января 1861 г. по сентябрь 1862 г. в Петербурге. Издателями и редакторами журнала были В.М. Белозерский, П.А. Кулиш, Н.Н. Костомаров, А. Кистяковский и др. Журнал был ориентирован на изучение «малорусской старины» и народности.

³ Ефименко П.С. О малороссиянах в Оренбургской губернии... С. 189.

⁴ Там же. С. 190.

⁵ Там же.

паски святять»), но отличаются языком («мова якась така, що й не розберем») и поведением, над которым другие украинцы часто подшучивают. Теперь в казаках уже все обжились, «так лучче і привільній»: много лесов, горы, степи («днів дес'ять без корму»), озера пресные и с солью, которую берут даром («не од казни»), небольшие речки с обилием рыбы, в степях кони, дикие свиньи, сайгаки, тигры.

В хозяйстве главное занятие – хлеборобство, за счет которого и живут. Пахотной земли по 30 десятин на душу, землю нарезают сразу при рождении. Сеют в первую неделю после Пасхи, а если весна теплая, то начинают и за две недели до Пасхи, продолжают посев до Троицы. Обычно года три подряд сеют пшеницу разных сортов (кубанка, турка, черноколоска, черногузка), а как земля станет помягче, то ячмень, овес или рожь. Сеют также горох, просо, лен, коноплю. Жнут после Петра на протяжении трех – четырех недель. Хлеб складывают в токах в степи, домой привозят уже чистое зерно. Молотят цепами, быками и конями. Пшеничный хлеб употребляют в пищу ежедневно, рожь, лен и коноплю продают в городах, а также в Орду, ячмень берут на крупы, из льняных и конопляных семечек делают масло, овсяною соломой кормят быков, сена много. Скотину пасут киргизы (корова – 10 коп., пара быков – 10 коп., овца с ягненком – 27 коп., конь – 30 коп., теленок – 6 коп.). Служба продолжается 25 лет (3 года служба, 5 – отдых), кони и оружие приобретаются за свои деньги, казаки несут денежные повинности и плату за дом («штраховка домів») в зависимости от его стоимости, бедные казаки идут в работники. Пашут плугом и волами, у кого нет – впрягаются сами. Как начинают пахать – молятся Богу и целуют землю. На сорок святых несут крестики и кладут в ту пшеницу, что весной сеют. Волочат волами и бороною, ралом ралют овес и рожь. Всю весну живут и празднуют на поле – там и хаты есть и бани, пока не отсеются до самой Троицы. И в селах есть бани, зимой во дворе, а летом на берегу. Живут помощью и горилку пьют, словно свадьба все лето.¹

Таким образом, П.С. Ефименко, во многом волею случая, впервые зафиксировал не просто общие статистические данные о переселенцах, а некоторые, пусть и фрагментарные особенности их быта и повседневной жизни.

В 1869 г. в качестве докторской диссертации в Казанском университете была представлена книга доцента по кафедре русской истории *Н.А. Фирсова*² «Инородческое население прежнего Казанского царства в новой Рос-

¹ Ефименко П.С. О малороссиянах в Оренбургской губернии... С. 190.

² *Фирсов Николай Алексеевич* (1831–1896) – педагог, историк, доцент по кафедре русской истории (1867), заслуженный профессор (1886) Казанского университета. В 1846–1851 гг. учился в Рязанской духовной семинарии, в 1851–1855 гг. – в Главном педагогическом институте в С.-Петербурге. В сентябре 1859 г. переведен в Казань, преподавал в гимназиях, с 1862 г. – в Казанском университете. В 1867 г. был утвержден доцентом по кафедре русской истории. Член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете.

сии до 1762 г. и колонизация Закамских земель в это время»¹. К концу 1860-х гг. Н.А. Фирсов был уже известен в научных кругах Поволжья благодаря своей магистерской работе «Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве» (1866), где на основе богатого актового материала впервые в историографии были поставлены вопросы об отношении местного населения и власти, внутренней организации (управление, суд, социальные отношения, религия, нравы) народов Поволжья, Урала и Сибири до их включения в состав Московского государства. В новом труде в главе о русской колонизации в Закамском крае Н.А. Фирсов среди прочих значительное внимание уделяет сюжету о привлечении поселенцев из Малороссии. Главными источниками для него послужили документы из «Полного собрания законов Российской империи» и сочинения П.И. Рычкова.

По утверждению Н.А. Фирсова, мысль о привлечении малороссиян в Закамские земли возникла во время управления Оренбургской экспедицией В.Н. Татищевым, когда поселение русских крестьян сочли «неудобным» и их стали возвращать помещикам. 20 августа 1739 г. был издан соответствующий Указ Сената о приеме на поселение «черкас». В Малороссию князем В.А. Урусовым был направлен особый чиновник – капитан Калачев, который должен был вести разъяснительную работу, набирать желающих и организовывать их переезд в Оренбург. Н.А. Фирсов отмечает, что в правительственных документах содержатся упоминания о множестве «охотников» идти на поселение: в одной только Глуховской сотне желающих было 15 человек из казаков и из мужиков 22 семьи, так что в том селении, из которого они явились, осталось только 4 семьи². Малороссийская генеральная войсковая канцелярия встала на сторону местных помещиков, терпевших немалые убытки в связи с уходом крестьян, и обращалась к Сенату с просьбой установить ограничения по набору добровольцев на переселение в десятую часть от одного владения. Кабинет министров, рассмотрев этот вопрос по поручению Сената, установил квоту в $\frac{1}{4}$ от одной сотни казаков и $\frac{1}{4}$ мужиков от одного села³. На практике же, несмотря на предписания Сената о недопустимости «чинить запрещения», малороссийские владельцы и старшина

Н.А. Фирсов

¹ Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель в это время. Казань: В университетской типографии, 1869. 447 с.

² Там же. С. 383.

³ Там же. С. 384.

разными средствами затрудняли ход переселения и стремились «избавить край от усердного слишком вербовщика». Но действия Калачева оказались очень эффективными, поскольку он не скупился на обещания разных льгот, в том числе таких, на которые даже и не был уполномочен. Например, обещал жалование «для прокормления и прохода» на всякую душу мужского пола по 2 рубля, свободную продажу имущества, освобождение от долгов¹.

Такая активная деятельность Калачева и указы Сената привели народ в «сильное брожение». В качестве подтверждения Н.А. Фирсов приводит пример Федора Милостивого – малороссиянина Сумского полка из города Лебедина, который в 1741 г. подал управляющему Оренбургской экспедицией генералу Л.Я. Соймонову «доношение» о том, что «он в Слободских полках и в Малой России может набрать из охотников до 1000 семей, которые могут служить на собственном содержании, только бы им во всяких промыслах ... дать дозволение, и с торгов пошлин не брать, и от службы и от работ дать сроку на 10 лет, и поселить их, где они выберут пристойное место...»². Однако переселение в таких масштабах не состоялось, всего Калачев набрал 209 семей, из которых 849 человек были записаны в казаки. В 1742 г. императрица Елизавета Петровна, расположенная в пользу малороссийских помещиков, и, видимо, по их ходатайству, Указом от 17 сентября запретила набирать «малороссийцев» для поселения в Оренбургские крепости.

Напомнив таким образом основные события переселенческой эпопеи, Н.А. Фирсов приходит к выводу, что от выходцев из Малороссии для Оренбургского края было «немного проку». Опыт заселения показал, что они – «плохие колонисты», не обладают теми качествами, которые нужны поселенцам при занятии земель в крае, где нужно в одно и то же время приобретать себе хлеб пашнею, промыслами, торговлей и быть всегда готовым встретиться с врагом, т.е. способностью бороться с препятствиями, умением найтись в затруднительных обстоятельствах, способностью в отдаленной и негостеприимной стране чувствовать себя как дома³. По мнению Н.А. Фирсова, за переселенцами, которые прибыли в состоянии крайней бедности, требовался постоянный уход в виде выдачи из казны хлеба на содержание, семян для посева, т.к. в противном случае они совершенно бы потерялись. И.И. Неплюев какое-то время еще надеялся привести поселенцев «в прочное состояние», определив им по разрешению Сената жалование по 4 рубля на человека в год. Однако, эти меры себя не оправдали. Н.А. Фирсов ссылается на расчеты в донесении И.И. Неплюева Сенату, согласно которым на содержание малороссийских переселенцев казна истратила более 30 000 рублей,

¹ Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства... С. 384.

² Там же. С. 385.

³ Там же. С. 386.

но «это пособие не смогло их привести в лучшее состояние... и поныне от своей пашни и работы, а также производимым жалованием никто содержаться не может... и службы от них никакой не происходит»¹.

Кроме постоянных денежных и продуктовых выплат переселенцев требовалось охранять прикомандированными регулярными и нерегулярными отрядами. Поэтому И.И. Неплюев решил положить конец этой бесплодной трате денег. Его офицеры были направлены на поселения с целью получить ответы на следующие вопросы:

1) кто пожелает перейти в разряд казаков с постоянным денежным жалованием, но без провианта и другого казенного снабжения?

2) кто желает пойти на казенную работу или работу у частных лиц за вознаграждение и ежемесячный провиант?

3) кто желает остаться на прежнем месте или перейти в Оренбург за собственные средства?

4) кто желает перейти на более плодородные места?

Малороссияне не согласились принять ни одно из этих предложений: жители Нежинской слободы просили разрешение вернуться домой, жители крепостей Чернореченской, Татищевской, Рассыпной выразили желание получать жалование по 12 руб. в год и содержаться за свой счет, если их не будут отягощать никакими казенными работами и разрешено будет ездить для своих нужд, куда им понадобится². И.И. Неплюев решил выполнить все эти желания малороссийских поселенцев – продлить льготы, предоставлять жалование, не привлекать в наряды, дать свободу для отъездов на промыслы в другие города. Но надежды на изменение положения не оправдались – «черкасы ни мало не поправились». Тогда И.И. Неплюев в 1744 г., испросив согласие Сената, объявил, что те из них, кто не пожелает оставаться жить на своем пропитании, могут идти в Малороссию на прежние места. Большая часть числом 986 душ обоего пола решила оставить Оренбургский край. Многие изъявили желание остаться при условии, что им разрешат поселиться в других местностях, в том числе, на р. Кинели на внутренней линии. Таких малороссиян было 46 семей и там они образовали отдельную слободу в 150 дворов. Приводя указанные цифры, Н.А. Фирсов ссылается здесь на соответствующие сведения П.И. Рычкова³.

Таким образом, в разделе своего сочинения, посвященном поселению малороссов в Оренбургском крае в 1740-х гг., Н.А. Фирсов преимущественно приводит данные о бесполезности такой политики и оправданности ее прекращения как местными управляющими, так и российским Сенатом.

¹ Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства... С. 386.

² Там же. С. 387.

³ Там же. С. 388.

В 1878 г. в знаменитом научно-литературном журнале «Историческая библиотека» вышла статья¹ уфимского дворянина и городского губернатора *В.А. Новикова*². Перечисляя воевод Русского государства, направлявшихся для управления Уфой и Уфимским уездом с 1615 по 1719 гг., в числе других он называет Семена Меньшова сына Волынского, посланного «на Уфу» в 1625 г., «а с ним в составе свиты два черкаса». В 1626–1627 гг. также два черкаса состояли при воеводе Иване Иванове сыне Чичерине. С 1628 по 1633 г. двое черкас находились при воеводе Иване Григорьеве сыне Желябужском. Трое черкас были в Уфе с воеводой Микитой Дмитриевым сыном Вельяминовым в 1635 г., также трое с воеводой князем Петром Федоровым сыном Волконским в 1636 г.³ Кроме того, В.А. Новиков повторяет информацию, известную еще по сочинениям П.И. Рычкова, о направлении из Москвы в Башкирию для подавления затяжного бунта полкового воеводы Федора Васильева сына Зеленина со стрелецкими полками, «у которого в команде Донские, Яицкие и Украинские казаки находились»⁴. Для своих исторических изысканий В.А. Новиков в качестве источников информации привлекает разрядные книги, царские грамоты и документы, имеющиеся в архиве Уфимского депутатского собрания.

Одним из авторов, наиболее полно отразивших тему переселения украинцев в Приуралье, был профессор Императорского Новороссийского университета *Г.И. Перетяткович*⁵. К написанию соответствующей статьи⁶ его подвигло два обстоятельства. Во-первых, состояние источников. По утверждению ученого, исторический материал, имеющий отношение к данному вопросу, был невелик, поскольку с момента начала колонизации прошло

¹ Новиков В.А. Очерк колонизации Башкирского края // Историческая библиотека. СПб., 1878. № 9 (Сентябрь). С. 1–67.

² *Новиков Валентин Аполлонович* (1837–1880) – краевед, землевладелец, камергер. В 1861 г. был мировым посредником Уфимского уезда, в 1862–1871 гг. – предводитель дворянства Уфимского и Златоустовского уездов, в 1872–1880 гг. – Уфимский губернатор. В числе первых вводил в Башкирии «Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» (от 19 февраля 1861). В 1850–1870-х гг. подготовил ряд трудов по истории уфимского дворянства, земледельческой статистике, промышленности Оренбургского края.

³ Новиков В.А. Очерк колонизации Башкирского края... С. 10–12.

⁴ Там же. С. 42.

⁵ *Перетяткович Георгий Иванович* (1840–1908) – историк, доктор славянской словесности, действительный статский советник, окончил Московский университет, ученик С.М. Соловьева. Подготовил диссертацию на тему «Поволжье в XV и XVI вв. Очерки из истории края и его колонизации», выпущенную книгой в 1882 г. Рассматривал проблему взаимовлияния и контактов различных народов Нижнего и Среднего Поволжья, экономическое развитие юго-восточных земель Русского государства в XVII–XVIII вв. С 1877 г. преподавал русскую историю в Императорском Новороссийском Университете (Одесса), с 1886 г. – заслуженный ординарный профессор по кафедре славянской филологии историко-филологического факультета.

⁶ Перетяткович Г.И. Малороссы в Оренбургском крае при начале его заселения (По рукописным документам архива Министерства Юстиции) // Труды VI Археологического съезда. Т. 2. Одесса, 1888. С. 373–397.

слишком мало времени. В наиболее достоверном источнике информации на тот период – Полном Собрании Законов Российской империи (ПСЗ), куда попали сенатские и именные указы, донесения начальников Оренбургской экспедиции, отражена далеко не вся документация по данному вопросу, многие интересные и важные источники находятся в ведомственных архивах, в том числе в архиве министерства юстиции.

Во-вторых, имеющиеся научные публикации по вопросам колонизации региона (сочинения путешественника, географа П.И. Рычкова и профессора Казанского университета Н.А. Фирсова) не в достаточной мере отражают картину происходивших событий. В трудах предшественников, например, остался незамеченным факт построения и заселения Илецкого городка, что послужило толчком к заселению малороссиянами пограничных укреплений в Оренбургском крае, нет упоминаний о социальном составе переселенцев и т.д. Поэтому итоговые заключения «уважаемого товарища по науке» «нуждаются в некотором изменении»¹. В формате небольшой по объему статьи Г.И. Перетяткович излагает свое видение заселения Оренбургского края с опорой на известные ему документы.

«Закамье» – обширный край с разнообразными землями, издавна заселенный кочевыми племенами, которые достигали известной степени культуры, среди этих племен наиболее известны «башкирцы». Со второй половины XVI в. земли по р. Белой и другим притокам Камы стали достоянием России. Но из-за обширности русской территории и сравнительной редкости населения даже в центральных районах не могло быть и речи о скором заселении новых территорий русскими людьми. Колонизационное движение из центральных областей России с бедной, истощенной почвой на восток – Среднее Поволжье и Закамский край, где было изобилие почв, благоприятной для земледелия, проявляется только с начала XVIII в. Русское население сосредотачивалось преимущественно по границам «Башкирского края». При этом русское правительство прилагало усилия к возвращению переселенцев («сходцев») на прежние места, т.к. рассматривало их как объекты подушного налогообложения. Кроме того, с эпохи Петра Великого закамские земли привлекают внимание российских властей своими ресурсами – металлами, минералами и «другими дарами природы», что порождает новую волну колонизационной деятельности, связанную с учреждением заводов с приписными слободами. Слободы эти состояли из крестьян – выходцев из русских губерний, которые уже успели к этому времени освоиться в новом крае.

Поскольку политика активного хозяйственного освоения новых земель вызывала недовольство и нередко открытый протест (в том числе – нападение на заводы, разорение и ограбление слобод, увод части населения в плен) со стороны местных кочевых народов, с 1724 г. по указу Петра I разворачи-

¹ Перетяткович Г.И. Малороссияне в Оренбургском крае... С. 374.

вается строительство крепостей, «укрепленных палисадами и пушками». Так, постепенно вместо высылаемых отсюда крестьян-«беглецов» для обеспечения безопасности от набегов кочевников центральные и местные власти перешли к практике поселения казаков («драгунов»). С 1727 г. пехотные и драгунские полки стали размещаться по всем границам России. В Приуралье в целях повышения безопасности с начала 1730-х гг. часть укреплений Закамской линии была перенесена южнее, т.к. русское население нередко поселялось уже за ее старыми пределами. Новую оборонительную линию предполагалось вести от г. Самары до верховьев р. Мензели, протяженностью общей 222 версты, на ее строительстве было задействовано более 15 тысяч рабочих – преимущественно крестьяне Казанской губернии. Но этот грандиозный проект оказался незавершенным, поскольку граница государства вновь сдвигалась на восток после перехода под российское подданство младшей киргиз-кайсацкой орды Абдул-Хаира, располагавшейся по рр. Урал и Орь.

Таким образом, Приуральские земли необратимо изменяли свой статус, превращаясь из оборонительных территорий в оплот сложных военно-политических, торговых и этнокультурных отношений на границе среднеазиатских степей. В эти отношения все больше втягивалась и сама Россия, что означало разработку и реализацию более грандиозных планов. Центральным из них стал проект обер-секретаря Сената И.К. Кириллова об основании на р. Орь нового города, который бы помимо оборонных функций стал центром всего колонизационного движения и хозяйственного развития в крае, разносторонних связей со странами Средней Азии. В 1734 г. под руководством автора проекта была организована военно-научная экспедиция через южноприуральские земли к Аральскому морю.

Расширение границ Российского государства на юго-восток сопровождалось ростом недовольства и открытых мятежей со стороны части кочевого населения, поэтому среди мер, призванных снизить военную активность кочевников, было разрешение приобретать землю для русских людей (преимущественно с окрестных уральских территорий). Кроме того, было принято решение о строительстве по рекам Самара и Урал дополнительных крепостей и редутов, которые должны были быть заселены пограничными полками со старой Закамской линии.

Но для заселения значительного числа укреплений, разбросанных на 20, 30 и более верст, нужно было большое количество людей, которые бы обладали не только навыками земледелия и различных промыслов, но и опытом военного искусства. Всеми такими качествами обладали казаки, поэтому И.К. Кириллов выхлопотал разрешение принимать на поселение в том числе яицких и сибирских казаков.

Как свидетельствуют материалы архива министерства юстиции, в феврале 1737 г. к начальнику Оренбургской экспедиции И.К. Кириллову прибыли два яицких казака «черкасской породы» – Иван Никифорович Изюмский и Андрей Денисов Черкасов и просили разрешения «... поселиться и построить город на устье р. Илека ... меж казачьих городков Сакмарска и Яика, где они изберут пристойное место» и обязывались «приискать из других таких же черкасов» и других народов до 500 семей¹. Масштабы колониционного движения ширились, среди поселенцев находилось все больше беглецов, «положенных в подушный оклад», уже не только с Урала, но и из разных великорусских губерний. За это В.Н. Татищеву, принявшему должность начальника Оренбургской экспедиции после смерти И.К. Кириллова в апреле 1737 г., было сделано серьезное замечание из Петербурга и запрет на прием в дальнейшем «великороссийских» людей. Однако привлечение «инородцев» продолжалось.

Один из сборных пунктов переселенцев находился в с. Чердыш Пензенского уезда, где желающие отправиться в Приуралье пережидали зиму, чтобы весной выступить организованными караванами. Эта местность – владения влиятельного князя Д.М. Голицына, была хорошо знакома Ивану Изюмскому, ранее здесь жившему. Его покровительство находили также и местные беглые крестьяне, среди которых к тому времени было уже значительное количество «малороссиян». Уход их со своих мест Г.И. Перетяткович связывает с процессом социального и имущественного расслоения в народе, выделением «разных общественных групп» из ранее «сплошной и единообразной массы», началом столкновений между ними. Поэтому часть «малороссов» покидает «родные палестины», ищет нового пристанища под покровительством могущественных князей. Однако после восшествия на престол Анны Иоанновны Голицыны оказываются в опале, а их имения конфискуют. Для многих местных «малороссов» не оказалось другого выбора, как записываться в списки на поселение в Оренбургском крае. В отчетах Минюста упоминается, что вербовка проходила в сельском кабаке и не всегда мирным способом, в результате хозяин кабака оказался под арестом, а вербовщики были привлечены по делу о смертоубийстве².

По описи 1740 г. в построенной Илецкой крепости из более чем 500 казаков «черкас» было 165 человек в возрасте от 30 до 60-70 и даже более лет (кроме них – русские казаки, татары, переселенцы из других городов и уездов), а также их родственники (жены, дети, братья, сестры, родители) – 514, итого – 679 «малороссов»-переселенцев³. Большинство из них представляли восточные части Украины – Изюмский, Сумской, Харьковский,

¹ Перетяткович Г.И. Малороссияне в Оренбургском крае... С. 384.

² Там же. С. 387.

³ Там же.

Ахтырский, Нежинский, Глуховский, Прилуцкий полки. До записи на службу в Илецкий городок они занимались ремеслом, промыслами и торговлей в своих селах, о чем свидетельствуют их фамилии – Чеботарь, Бондарев, Коновалов, Авчар, Ратушный и др.

На основании приведенной информации Г.И. Перетяткович делает вывод о том, что первый опыт заселения свободными казаками-«черкасами» пограничных укреплений в Оренбургском крае без ущерба для великороссийских помещиков оказался очень удачным, поэтому правительство и дальше разрешило прибегать к использованию «малороссов» как наиболее «подходящему материалу» для заселения вновь воздвигаемых укреплений¹. Казаки несли свою службу, по-видимому, исправно, и генерал-лейтенант князь В.А. Урусов ходатайствовал перед Сенатом о назначении определенного постоянного жалования. В своих донесениях в Петербург все оренбургские начальники отмечали большую хозяйственность и зажиточность казаков перед другими категориями местного населения, а также их энергию по выполнению поручений.

Правительство отреагировало на эти инициативы указом от 30 августа 1739 г.², который упорядочивал правила вербования и переселения, а на местах вербовщики прилагали все усилия, чтобы набрать необходимое количество желающих отправиться на службу в «Оренбургские городки». Но Г.И. Перетяткович обращает внимание на то, что среди переселенцев после 1739 г. были уже преимущественно крестьяне («из мужиков»), а не представители казачества. Это были выходцы из поселений, закрепленных за Полтавским, Сумским, Харьковским, Прилуцко-Переяславским, Гадяцким, Лубяньским, Нежинским полками. Пришедшим из Украины черкасам были назначены слободы. Переселенцы-«малороссияне» расселялись по крепостям на р. Яик (Урал) – крепость Рассыпная, пристани Татищевская пристань, Чернореченская, Нежинская пристань, и по р. Самара – крепости Красносарская, Владимирская.

Но вскоре оказалось, что в имущественном отношении новые колонисты были «весьма неимущими людьми», терпели разные невзгоды: «находятся в самом мизерном состоянии и почти голодом умирают». Усилия местного начальства по повышению их благосостояния успехом не увенчались. Кроме того, крестьяне-переселенцы показали свою несостоятельность и в охране пограничных укреплений. Поэтому с разрешения правительства большая часть из них вернулась на родину, а часть переселилась во внутренние районы.

¹ Перетяткович Г.И. Малороссияне в Оренбургском крае... С. 388.

² Неточные сведения Г.И. Перетятковича: Указ императрицы Анны Иоанновны № 7876 от 20 августа 1739 г.

Итак, опираясь на архивные материалы министерства юстиции, Г.И. Перетяткович показывает малоизвестные страницы колонизации, корректирует некоторые высказывания Н.А. Фирсова и обращает внимание на те «погрешности, которые им допущены» относительно характера и хода переселенческого движения.

Во-первых, автор настаивает, что мысль о поселении «малороссиян» в Закамских землях впервые была высказана еще И.К. Кирилловым, а не В.Н. Татищевым, как считалось ранее.

Во-вторых, Г.И. Перетяткович приводит более точную статистику по численности переселенцев.

В-третьих, вывод Н.А. Фирсова о невысоких колонизационных способностях малороссов, о том, что «малороссияне – плохие колонисты» назван «поспешным и несправедливым». В факте заселения Илецкого городка, давшего импульс колонизации всего Оренбургского края, «малороссияне» сыграли ключевую роль, и «местные начальники в некоторых отношениях даже отдавали им преимущество»¹. Неудачи второго периода Г.И. Перетяткович объясняет теми условиями, в которых происходил подбор переселенцев, их социальным составом, не всегда умелыми действиями организаторов. При благоприятных условиях многие из казаков, очутившись на отдаленной восточной окраине России, защищая своим умом и энергией русские пределы, продолжали бы таким образом миссию своих предков на родной Украине.

Небольшое сочинение Г.И. Перетятковича позволяет увидеть, как возникла сама идея привлечения «малороссиян» к заселению пограничных укреплений в Оренбургском крае, каковы были последствия переселения. Эти последствия исследователь оценивает в целом как благоприятные для интересов государства, но, вместе с тем, принесшие «массу бедствий и страданий, мало ожидаемых переселенцами». Были определены главные проблемы переселенцев – «тяжелая пограничная служба и непрестанные опасности со стороны степи от кочевников», показаны обстоятельства вербования, когда «значительное число легковых крестьян и других легкомысленных людей... решились покинуть родные места»². Под влиянием всех этих обстоятельств результат переселенческого движения оказался плачевным – большая часть прибывших из Украины крестьян либо вернулась обратно, либо расселилась по другим территориям Поволжья.

Важно, что Г.И. Перетяткович четко выделяет два различных по своему социальному содержанию периода («эпохи») заселения. Первый – заселение Илецкой крепости «коренными казаками», закаленными в опасностях и лишениях военной службы, которые добровольно покинули свой край и

¹ Перетяткович Г.И. Малороссияне в Оренбургском крае... С. 396.

² Там же. С. 395.

уже немало поскитались, поэтому оказались наиболее подходящими для освоения здешних мест «по своему настроению и по своим свойствам». Совершенно иное дело второй период, связанный с привлечением крестьян-хлебопашцев, причем привлечением зачастую безответственными, а потому невыполнимыми обещаниями чересчур энергичных вербовщиков.

В целом, статья Г.И. Перетятковича стала одним из лучших научных трудов на то время как по качеству привлеченных источников и уровню поставленных проблем, так и по глубине сделанных выводов.

В конце 1880-х – начале 1890-х гг. в связи с усилением миграционных потоков из западных губерний Российской империи на восток возрастает значение статистического учета переселенцев, анализа хода, содержания и первых последствий повышенной мобильности широких слоев населения. В этом отношении представляет интерес работа заведующего Оренбургской переселенческой станцией *К.Е. Сувчинского*¹. Его небольшая заметка «Переселенцы в Оренбургской губернии»² хотя и не содержит прямых указаний на украинский компонент, но дает представление о методологии подсчета переселенцев в крае, а также общие важные сведения о характере разворачивающихся на тот момент процессов. Безусловно, приведенные среднестатистические данные можно проецировать и на выходцев из Украины.

В заметке приводятся сведения на 1886 г., полученные от волостных и станичных правлений, согласно которым в Оренбургской губернии числилось 109 тысяч переселенцев (хотя в действительности, по мнению К.Е. Сувчинского, их было гораздо больше – от 150 до 180 тысяч). Ошибки были связаны как с элементарной невнимательностью исполнителей на местах по Программе учета, так и с неопределенностью самой категории «переселенцы». В статье предложена следующая трактовка – это крестьяне, прибывшие из внутренних губерний с целью прочного здесь водворения на свободных землях и образования сельских сообществ с выраженным укладом общественного строя.

На местах все переселенцы сталкивались с тремя основными проблемами: 1) отсутствие достаточных средств для занятия самостоятельным хозяйством; 2) трудности при поземельном устройстве; 3) недостаток свободных казенных земель. Переселенцами необходимо считать также и те категории населения, кто еще полностью не устроился и поэтому требует повы-

¹ *Сувчинский Корнилий Евтихиевич* (1856–1917) – чиновник особых поручений, политик, государственный и общественный деятель. Учился в киевской гимназии и Петербургском университете, с 1879 г. работал в земском отделе и переселенческом управлении МВД, депутат III (1907) и IV (1912) Государственной Думы.

² Переселенцы в Оренбургской губернии (Заметка действ. члена К.Е. Сувчинского) // Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии, издаваемые Оренбургским губернским статистическим комитетом. Вып. 2. Оренбург: [б.и.], 1889. I–VI.

шенного внимания со стороны администрации. К этим группам относятся поселившиеся на заарендованных землях, поступившие в работники, приписавшиеся в мещане. Только те, кто окончательно водворился на казенных землях или приняты коренными жителями в свои сообщества по приемным договорам и перечислены казенной Палатой, уже являются переселенцами. Но прочно укрепившихся в поземельном отношении К.Е. Сувчинский считывал лишь 9,1% от общего числа переселенцев (из них 5,8% приобрели землю за свой счет, 1,7% – при содействии Крестьянского Поземельного банка, 1,6% – получили землю в аренду). Таким образом, 91% переселенцев собственной земли не имели (из них 53,2% проживали в хуторах на арендованных землях (хутора составляли 20% всех населенных пунктов губернии, на арендованных землях переселенцы в среднем имели 26,6 десятин земли на двор), 32,8% – в селениях бывших помещичьих и государственных крестьян, казачьих поселках и высылках, 3,2% – на заторгованных землях, 1,7% – в городах).

Значительное число переселенцев в Оренбургском крае К.Е. Сувчинский объясняет, во-первых, обилием земли у местных жителей; во-вторых, бедностью переселенцев (собственные дома имели только 50,3%) и надеждой на заработки (36,3% – земледельцы, 34,6% – работники, 21,3% – ремесленники, 8% – торговцы). В целом, в мощном переселенческом движении заключается административная и экономическая выгода для малонаселенной Оренбургской губернии.

Роль украинцев в формировании Оренбургского казачьего войска в общих чертах показана в фундаментальной работе известного историка казачества *Ф.М. Старикова*¹. Его внимание, прежде всего, обращено на общую тенденцию, которая наметилась со времени правления царя Алексея Михайловича². Она заключалась в том, что по мере того, как южная окраина государства усиливалась слободскими и малороссийскими казаками, обязанности городских казаков и станичников переходили на слобожан и украинцев. Большая их часть поступила на укомплектование гвардейских и пехотных полков, а также на усиление станичников Закамской линии, крепостей Башкирии, по р. Волге, в Сибири³.

¹ *Стариков Федор Митрофанович* (1842–1911) – историк-краевед, казачий атаман, участник Туркестанских походов, прошел путь от урядника до генерал-майора. Занимался изучением и бытописанием оренбургского казачества. Исследовал становление и основные этапы истории оренбургского казачества, динамику численности казачьего сословия, внутреннюю структуру войска, управление, образование, хозяйство, быт и культуру казаков. С 1892 г. атаман Оренбургского казачьего войска, член Оренбургской ученой архивной комиссии, Оренбургского казачьего отделения РГО. Автор нескольких научных книг и статей.

² Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891. 249 с.

³ Там же. С. 11.

Сенатским указом от 15 января 1731 г. повелено на Южной Украине сформировать «из городских казаков и прежней службы служилых людей» 20 полков. Постепенно эти полки стали размещать по всем пограничным территориям. Так, указом от 5 ноября 1731 г. было разрешено заселять Царицынскую линию желающими из донских казаков, разрешалось селить и желающих «малороссов»¹. Ф.М. Стариков упоминает и известный указ от 20 августа 1739 г., по которому в крепостях запрещалось принимать великороссийских людей, но разрешалось поселение «черкас», т.е. слободских и малороссийских казаков². На Южную Украину еще при князе В.А. Урусове были командированы офицеры для принятия переселенцев из малороссийских и слободских казаков с их семьями. Но добавляет к этому и новую информацию: в 1741 г. одновременно прибыла в Оренбургский край партия малороссийских казаков из 209 семейств (849 служивых казаков), которые были поселены в крепостях Чернореченской, Татищевской, Рассыпной и Переволоцкой. В 1743 г. часть их перешла на редут Нежинский (Нежинского слободского полка) на р. Кинель (Самарский уезд) и в разные места по Яицкой линии. Кроме того, в край постоянно прибывали с юга новые казаки как индивидуально, так и целыми семьями³.

Ф.М. Стариков

По штату 1748 г., подготовленному И.И. Неплюевым, в Оренбургском казачьем войске всего состояло 4493 человека. Из них местные или «коренные», «природные» – 2250, остальные – 2243, в том числе 849 малороссов, т.е. 38% от всех переселившихся из других территорий служивых людей⁴. В окончательном виде штат войска по проекту И.И. Неплюева был утвержден в 1755 г., когда численность казаков увеличилась до 5877 человек. В дальнейшем происходило некоторое перемещение населения уже внутри войска (*Карта 1*). Например, в 1818 г. зачислено 243 души «малороссиян» деревни Островной, поселившихся прежде между редутом Вязовским и крепостью Красногорской⁵.

¹ Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска... С. 37.

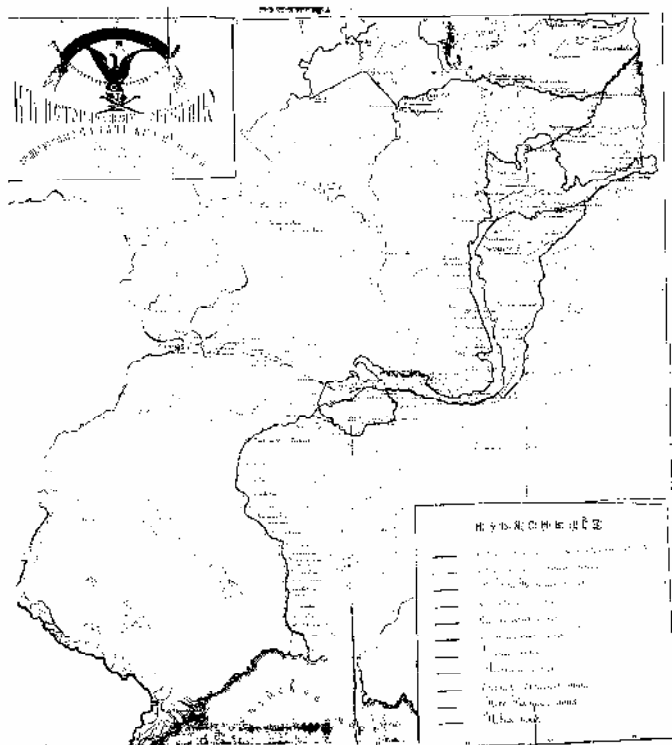
² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 63.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Там же. С. 94.

Карта 1. Оренбургское казачье войско¹

В последней трети XIX – начале XX в. в России в среде либерально настроенной интеллигенции приобрело определенную популярность «народничество» – общественно-политическое движение, отражавшее интересы крестьянства, ориентированное на сближение с народом, на поиск культурно-исторических особенностей российского мира. Активное участие в народническом движении принимали и русские писатели, обратившиеся к изучению народного быта, в том числе, в результате личного знакомства с повседневной жизнью «низов». Так появилась плеяда демократически настроенных литераторов (П.В. Засодимский, Н.Н. Златовратский, Н.Е. Каронин-Петропавловский, Н.И. Наумов, С.М. Степняк-Кравчинский и др.), создававших свои произведения в жанре социального реализма. Писателям той эпохи не чужды были и национальные сюжеты, с той или иной полнотой фиксирувавшиеся на страницах художественных произведений, но имевших и заметный историко-этнографический характер.

¹ Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска... Прил. [б.н.]

Таковы, например, сочинения «глубокого и внимательного наблюдателя крестьянской жизни» *Г.И. Успенского*¹, который в конце XIX в. немало путешествовал по России. В том числе, в конце мая – начале июня 1889 г. он побывал в Оренбургской и Уфимской губерниях. Результатом поездки стала серия очерков², опубликованная в том же году в газете «Русские ведомости». По своему содержанию это были даже не путевые заметки, а, скорее, «размышления с протокольной точностью, статистическими выкладками, высокохудожественными зарисовками»³. На маршруте своего путешествия Г.И. Успенский описывает хутор Петропавловский⁴, возникший в типичной для того края местности с извилистой ключевой речкой, глубокими озерами, обросшими цветущей растительностью, положим к этой речке наклоном, почвой с крепкой как сталь и красивой как огонь глиной: «Хутор этот населен крестьянами из южнорусских губерний... южнорусский крестьянин испокон века не желал дать себя в обиду. Он ушел на новые места не потому, что нечем было «платить», а потому, что он не хотел платить и отдавать того, что нужно самому... южнорусский крестьянин только укреплялся в энергии обороны самого себя. Только силою его личной инициативы можно объяснить ту смелость и решительность, которую ленивый Хома, прославленный своею беспечностью, проявляет в настоящее время в переселениях действительно «на край света», из Полтавы, Чернигова... он может совершить этот путь на свои средства... каждый пароход везет на край света сотни семей южнорусских крестьян.

... Тем количеством карбованцев, которое было ими припрятано, хуторяне сумели распорядиться весьма умно и основательно. Прежде чем купить ту землю, на которой образовался Петропавловский хутор, крестьяне послали в Оренбургскую губернию доверенных лиц... Эти доверенные искали подходящее место четыре года, и мало того, что искали, но исследовали качества земли: засевали маленькие лоскутки, дожидались времени жатвы. Это

Г.И. Успенский

¹ *Успенский Глеб Иванович* (1843–1902) – писатель-революционер, прозаик, художник-публицист. Учился некоторое время в гимназии в Чернигове, получал юридическое образование, литературную деятельность начал с 1862 г., сотрудничал с изданиями Л.Н. Толстого, Н.А. Некрасова, основная тема творчества – жизнь деревни в пореформенный период.

² Успенский Г.И. От Оренбурга до Уфы (из «Писем с дороги»). Чкалов: Кн. изд-во, 1955. 60 с.

³ Там же. С. 4.

⁴ В Оренбургской и Уфимской губерниях известно несколько населенных пунктов с таким названием. Достоверно установить точную локализацию данного села сложно.

делалось в разных местах и только поле того как доверенные нашли подходящее место (в котором надо было жить и им самим), они приступили к покупке. Но и после совершения покупки переселенцы еще не тронулись со старых мест; предварительно они выделили из своего товарищества несколько человек, которые, прибыв весной на новые места, запаслись скотом и орудиями, распахали уже несколько десятин и засеяли. Когда прибыли переселенцы, у них был свой хлеб.

Раздел участков сделан был при помощи частного землемера, приглашенного также за счет товарищей... План сделан «на вечные времена», и вообще земля не выйдет из рук членов и семейств товарищества никогда... стальной крепости глина... дает возможность южноруссам строить отличные, красивые, теплые землянки из так называемого «воздушного кирпича», – он красен, как огонь, велик, прочен и красив. И во всех мелочах домашнего обихода видна та же постоянная отчетливость и определенность в поступках.

... У малороссов хаты стоят задворками к речке, и от самого плетня, огораживающего задворки, вплоть до речки идет огород, и здесь же во дворе кладовушка для овощей, погреб, все поблизости к хате.

- И бабе легче буде воду носить с речки, - говорил хозяин хаты, показывая свое хозяйство.

Перед хатой, которая ставится очень близко от холмистого подъема местности (чтобы не пропадала хорошая земля) и лицом к ней, - также есть амбарчики, но за ними прямо идет выгон, где пасется скот.

- Вот из оконца бабе-то и виден скот... И волы, и овцы!...

Два раза хозяин упомянул об облегчении бабьего труда, два раза он вполне ясно и точно объясняет каждый шаг в своем хозяйстве...»¹.

Г.И. Успенский с присущей ему точностью и детальностью показывает сам механизм переезда украинских крестьян – «привыкших к труду на безлесной равнине земледельцев», на новые места, необходимость преодоления множества трудностей, неминуемо сопровождающих путь переселенцев.

Важный материал, также позволяющий увидеть процесс переселенческого движения украинцев «изнутри», встречаем в трудах *Ф.Д. Нефедова*² – писателя, имевшего некоторый опыт занятий историей. Известно, что в 1862–1863 гг., будучи вольнослушателем юридического факультета, он слушал еще и курс лекций на историко-филологическом факультете Московского университета, стал автором этнографических и археологических

¹ Успенский Г.И. От Оренбурга до Уфы... С. 48–52.

² *Нефедов Филипп Диомидович* (1838–1902) – сын крепостного крестьянина, писатель-народник, журналист, начал литературное творчество с середины 1850-х гг., с 1872 г. – член Общества любителей русской словесности, с 1874 г. – член-сотрудник Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, с 1879 г. – редактор газеты «Русский курьер», с 1887 г. – член-корреспондент Московского археологического общества.

публикаций, печатал свои статьи в научном журнале «Отечественные записки». В многочисленных поездках по России вел наблюдения за бытом самых разных слоев населения. Результатом поездки в Оренбуржье и Башкирию в 1884 г. стал цикл очерков «На восточной окраине (Из путевых записок)», опубликованный в том же году в ряде выпусков газеты «Русские ведомости». В кратком очерке «Русские переселенцы» Ф.Д. Нефедов делится впечатлениями от наблюдений «жизненных явлений», личных бесед с крестьянами, помещиками, чиновниками в русских и башкирских населенных пунктах Оренбургского края («вся Башкирия и часть Тургайской области»).

Ф.Д. Нефедов

Недалеко, в двух верстах от Илецкой Защиты писателю встретилось поселение «хохлов», которые обосновались здесь более двенадцати лет назад (т.е. с 1872 г.). Переселенцы заняли казенную землю, «...наделали из воздушного кирпича мазанки с трубами, обмазали глиною и выбелили; развели прекрасные огороды, овощами и плодами с которых снабжают всех жителей Илецкой Защиты, вспахали землю и зажили мирно и ладно; мужчины усердно занимаются хлебопашеством, а женщины огородничеством и домашним хозяйством... Я залюбовался порядочностью, трудолюбием и рачительностью жителей этого маленького поселочка, огороды которого примыкают к самой реке Ельшанке...»¹.

В разговоре автора со сторожилами выяснилось, что «хохлы» – отличные работники и «примерной честности люди». Но скоро их ожидает печальная участь – погонят с едва обустроенной земли, т.к. поселок подлежит упразднению. По словам местного чиновника, от приезжих крестьян, которые селятся самостоятельно, без официального разрешения или же по милости прежнего начальства, казне только неприятности и на юридическое право давности, на то, что крестьяне уже обстроились, обзавелись хозяйством, пустили глубокие корни никто не собирается обращать внимания².

Другое известное «народническое» произведение Ф.Д. Нефедова – «Тайна реки» (1894 г.), повествует о нелегкой жизни камских бакенщиков. В этой повести словами литературных героев очень реалистично и в подробностях описывает один из эпизодов переселения украинцев на восток Российской империи по пути, волею обстоятельств, пролежавшему через территорию Башкирии. Опытный камский лоцман Алексей Максимович

¹ Нефедов Ф.Д. В горах и степях Башкирии: повести и рассказы. Уфа: Башк. книжное изд-во, 1988. С. 107.

² Там же. С. 108.

Вавилов, во время отдыха со своими товарищами рассказывал о всяких случаях на реке:

«Перед самою бурей случилось мне сутки в Пьяном бору¹ выжить. Переселенцев-хохлов там видимо-невидимо: до четырех сот семейств привалило. Ехали в Благовещенск, на Амур, а очутились в Благовещенском заводе под Уфою.

- Как же они прошиблись?

- До Самары ехали правильно. Хотели подняться до Богородского, а оттуда на Камском пароходе в Пермь бежать. В Самаре им дали новый маршрут: по железной дороге на Уфу, «а там», сказали, «пешком дойти близехонько». Хохлы, со всем домашним скарбом, с колесами и фурами, так и сделали. В заводе им разъяснили ошибку и посоветовали спуститься до Пьяного бора. Пришли они туда в проливные дожди, трое суток на берегу близ пристани табором стояли. Пароходы их не принимают: «Разве вас», говорят, «столько-то поместишь?». Куда деваться от холода и мокроты? Живой нитки ни на ком не осталось, детишки ревут. Пошли в село. Начальник там принял в них участие: выпросил у купца амбары для помещения. Дали телеграмму в Нижний. Пароходчики отказываются, только один согласился: беретса везти их до Перми от Казани.

- Так сперва, значит, им надо по Каме спуститься, потом по Волге до Казани ехать, и оттуда уж тем же путем обратно мимо Пьяного бора в Пермь?

- Иначе не соглашаются: не стоит нарочно пароход от Пьяного бора посылать: путина невелика, мало интереса для пароходовладельца.

- Как же они решили?

- Неизвестно. Я уехал, они в селе остались. Кажется, намереваются до Богородского спуститься, не возьмут ли их на баржу или барку. Но с характером народ: едут за тысячи верст и фуры с колесами с собой везут. Унима-ли их бросить это добро, - не согласились. «На чем же мы будем ездить, когда на место приедем?» - говорят. «За провоз заплатите в двадцать раз доро-же, чем они стоят». Слушать не хотят: уперлись, и не сдвинешь с места.

- Хохля – народ упрямый, - сказал Василий Семенович. – Вот, к нам слух был, в Соколках тоже переселенцы неделю или больше просидели из-за пароходов – не принимают. Говорят, бедствовали как, не приведи бог!

- Ну, хохлы-то, должно быть, народ не бедный. . .

- Так зачем старину они кинули?... – спросил Павел Иванович.

- А вот сейчас узнаешь. Надел от своих помещиков они приняли ма-лый; но, пока землю снимали в аренду, жили недурно. На их беду в послед-

¹ *Пьяный бор* – поселение, основанное в конце XVIII – начале XIX в., ярмарочный центр на правом берегу Камы (ныне – село и пристань Красный бор на Нижнекамском водохранилище в Агрызском районе Республики Татарстан).

ние годы усилились свеклосахарные заводчики: заарендовали помещичьи экономии под свеклу, цены нанесли до ста рублей за десятину, крестьянам и не под силу: не у чего стало им хозяйствовать.

- А земля в ихней стороне хорошая? – спросил Василий Семенович.

- Земля богатая. «Сколько», говорят они, «мы ни ехали, нигде такой земли, как у нас, не видели: на полтора аршина один чернозем. Только в Уфимской губернии земля на нашу походит».

- Всех, значит, одна причина заставляет родную сторону покидать: где земля негодная; а где богатая, - у мужичка ее нет...»¹.

В небольшом фрагменте Ф.Д. Нефедову не только художественно ярко, но и весьма реалистично с научной точки зрения удалось показать житейские обстоятельства, в которых находились крестьяне западных губерний в поисках лучшей доли, а также этнографически точно отразить типичные качества переселенцев-«хохлов», отмеченные местными жителями Прикамья: хозяйственность, трудолюбие, упорство, житейское упрямство. Таким образом, серия художественных произведений, появившихся в результате широкого общественного резонанса на актуальную переселенческую тему, может рассматриваться как вполне достоверный исторический источник.

Важное место в научной исторической литературе конца XIX в. занимает масштабное сочинение *В.Н. Витевского*², посвященное жизни известного государственного деятеля, основателя Оренбурга, устроителя края, первого губернатора И.И. Неплюева. Данный труд³, написанный с целью извлечь «из глубины архивов» память о «ревностном блюстителе интересов России на востоке», был удостоен почетного отзыва Императорской Академии наук. В своей книге В.Н. Витевский на основе сопоставления и детального анализа многочисленных документальных и литературных источников дал в целом наиболее достоверные сведения о политике правительства в Оренбургской губернии, процессе колонизации края, промышленности и торговле, Яицком и Оренбургском казачьих войсках, национальном движении местного населения в 1730–1750-х гг.

Достаточно подробно В.Н. Витевский останавливается на обстоятельствах привлечения в Оренбургский край украинских переселенцев. Главными источниками в этом вопросе являются Полное собрание законов Россий-

¹ Нефедов Ф.Д. В горах и степях Башкирии... С. 288–289.

² *Витевский Владимир Николаевич* (1845–1906) – ученый, историк, краевед, педагог, статский советник (1882). Сын священника. В 1870 г. по окончании историко-филологического факультета Казанского университета назначен учителем в Уральскую войсковую гимназию. С 1874 г. длительное время работал в Казани преподавателем в русско-инородческой учительской семинарии и в женской Марииинской гимназии. С 1869 г. начал заниматься научной деятельностью, автор более 100 статей, очерков, книг.

³ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Историческая монография. Т. 1–2. Казань, 1897. 616 с.

ской империи, а также научные труды его предшественников – П.И. Рычкова и Н.А. Фирсова. Автор отдает должное правительственной инициативе, идущей от известного Указа 20 августа 1739 г. о принятии на поселение черкас. Среди основных исторических сюжетов, к которым обращается В.Н. Витевский, и известных по предыдущим трудам – деятельность капитана Калачева по набору переселенцев из Малороссии, инициатива Ф. Милостивого по расширению их круга, переговоры И.И. Неплюева с черкасами – жителями нескольких слобод, об их будущем, переселение некоторой части малороссов на р. Кинель¹.

В.Н. Витевский видит две основные причины, почему переселение «малороссиян» в значительных размерах в Оренбургский край в то время не состоялось. Во-первых, императрица Елизавета Петровна сочувствовала старинным малороссийским порядкам и не хотела разорения местных помещиков. Во-вторых, сам И.И. Неплюев убедился в бесполезности переселенцев. Колонисты должны были приобретать себе хлеб собственным трудом, а также обладать способностью бороться со многими препятствиями в отдаленной и беспокойной стране. Как и Н.А. Фирсов, В.Н. Витевский напоминает, что завербованные Калачевым 209 семей ничем не обзавелись на новых землях, стоили казне очень дорого и по оплошности часто попадали в руки кочевников-киргизов. Помимо бесполезного увеличения государственных расходов колонисты еще осложняли и запутывали отношения пограничной русской власти с соседними ордами².

Таким образом, линия повествования В.Н. Витевского в значительной степени повторяет рассказ о судьбах первых украинских переселенцев в Оренбургский край, представленный в сочинении Н.А. Фирсова. Это объясняется тем, что в основе их сочинений лежат документы из ПСЗ, которые привлекаются авторами с незначительными отличиями в оценках, критических по отношению к переселенцам.

В конце XIX – начале XX в. появилась целая серия работ, посвященных организации переселенческого дела в Российской империи, что свидетельствовало о значительном внимании к данному вопросу как со стороны властей, так и научных кругов. Заметное место в этих работах занимала история Южного Приуралья как одного из важнейших центров переселенчества.

Большую работу в этом отношении предпринимала администрация Уфимской губернии. В конце XIX в., когда переселенческое движение набирало обороты, были организованы командировки ответственных представителей губернских властей по всем уездам для детального обследования си-

¹ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край... С. 467–468.

² Там же. С. 469.

туации на местах. Результатами выездов стали подробные статистико-аналитические материалы, опубликованные отдельными изданиями.

Содержательную работу уже не описательного, а критического характера подготовил в 1898 г. уфимский чиновник и статистик *В.А. Абрютин*¹. Книга представляет собой отчет по обследованию 200 населенных пунктов Белебеевского уезда и обработке текущей статистической документации². Отчет включает в себя географический обзор, общую историю переселения, социальные и имущественный состав переселенцев, описание некоторых поселков и структуры административного управления.

В.А. Абрютин считает, что «нормальное заселение» башкирских земель крестьянами, нуждавшимися в них по тем или иным причинам, началось только после 19 февраля 1861 г., т.е. после отмены крепостного права³. Автор подробно рассматривает условия, вызвавшие колонизацию края, способы получения информации о новых землях, мотивы переселения и движение нового населения по уезду, особенности землепользования. В.А. Абрютин выделяет два периода переселенческого движения: 1) от начала 1860-х гг. до 1884 г.; 2) 1884–1897 гг.

Относительно первого периода представление едва ли может быть правильным по причине отдаленности времени и почти полном изменении состава переселенцев. Переселенцев в это период было совсем немного (в среднем 200 – 300 душ ежегодно). Второй период связан с проведением Самаро-Уфимской (1888) и Самаро-Златоустовской (1890) железных дорог и открытием Крестьянского Поземельного Банка в 1893 г., что в значительной степени простимулировало ход колонизации и общее количество переселенцев превысило 36 000 человек⁴.

Состав приезжих был очень разным, встречаются жители 34 губерний, в том числе, малороссийских (*Табл. 1*). В рассматриваемый период украинцы занимали в общем потоке переселенцев незначительную долю. Из приведенных В.А. Абрютиным данных видно, что среди остальных малороссийских территорий выделяется Харьковская губерния – 121 двор или семейство, занимающая среди других губерний по численности новоприбывших 11 место⁵. По составу переселенцев – это почти все бывшие помещичьи крестьяне (95%), за небольшим исключением государственных и удельных крестьян. Уфимский край, как правило, был их главной и единственной точкой маршрута. Фактов дальнейшего переезда в Сибирь отмечены единицы

¹ Абрютин Владимир Анемподистович – член Уфимского губернского присутствия в конце 1890-х гг.

² Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Уфа, 1898. 88 с.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Там же. С. 17.

по случайным причинам. Более того, некоторые семьи, как например, четыре семьи крестьян Черниговской губернии, направлявшиеся в 1895 г. на поселение в Сибирь, осели на казенном наделе в Белебеевском уезде, потому что совершенно не имели никаких средств на дальнейшее движение¹.

Таблица 1. Направление переселений с территории Украины в Белебеевский уезд²

Губерния	Количество дворов	%
Таврическая	5	0,08
Херсонская	8	0,13
Киевская	10	0,16
Подольская	29	0,47
Екатеринославская	41	0,67
Полтавская	82	1,34
Черниговская	85	1,39
Харьковская	121	1,98
Всего	381	6,24

В приложении к отчету В.А. Абрютин дает описание некоторых поселков, представляющих интерес в экономическом и бытовом отношении, по отдельным волостям. Среди таких поселков упоминаются несколько, основанных переселенцами из Украины:

«Поселок Самойловский Ермакеевской волости основан выходцами из Екатеринославской губернии. Из пришедших 10 дворов большинство вскоре возвратилось обратно из-за крайне тяжелых условий жизни и побоявшись холодного климата. Земля серая и суглинок, сеют рожь, овес, другие культуры не рождаются. Пахатной земли 63 дес., покоса 15 дес., около 70 дес. Каменистых гор, неудобных ни для какой культуры, остальная земля под выгоном и усадьбами (по 360 саж. на двор). В поселке существует уравнительная раскладка на скот: на один надел можно иметь три головы крупного рогатого скота или 9 овец; у кого скота более, тот доплачивает в общество 30 коп. за крупную и 10 коп. за мелкую, а общество распределяет эти деньги среди тех, у кого нет скота. Но со времени переселения не было ни одного порядочного урожая, вероятно, вследствие близости подпочвенных вод. Если бы не покупали на стороне хлеба, то своего бы хватило на полгода. В обследуемом году холодом были уничтожены все овощи и картофельное поле. Участок для поселка так узок (300 саж.), что постройки тянутся от одной границы участка до другой, а поселиться в другом месте нет возможности из-за недостатка

¹ Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде... С. 21.

² Там же. С. 86.

воды. Крестьяне своим положением не довольны и ходатайствуют об их переселении на другой участок...¹

Поселок Покровский Илькульминской волости основан переселенцами Черниговской губернии. В 1894 г. они пробирались на лошадях в Сибирь, но из-за недостатка средств остановились и получили казенный надел здесь. Живут бедно. Местные башкиры, считая наделенную землю своей, рубят на ней лес и жгут сено поселенцев. В.А. Абрютин полагал необходимым срочно подселить эти четыре семьи к другому поселку...²

Поселок Хотомлянское товарищество Казангуловской волости. Здесь переселенцы столкнулись с тем, что второй год не могут получить во владение 300 дес. пашни земли от башкир, хотя имеют на это право с весны 1896 года...³

Поселок Верхне-Днепровский той же волости. Жители находятся в таких же условиях. Купленную в 1897 г. землю не могут получить во владение и даже построили свои дома в неудобном месте далеко от воды из-за незаконных припущенных арендаторов»⁴.

Таким образом, В.А. Абрютин в небольшом по объему отчете рисует очень достоверную картину быта и условий повседневной жизни крестьян-переселенцев. Чиновник обращает свое внимание не столько на исторические аспекты, сколько на современное состояние переселенческого дела. На основании проведенной работы он делает рекомендации местным органам власти об улучшении положения новых жителей края.

Большой интерес с точки зрения конкретно-исторической информации представляет также отчет *В.П. Михайлова*⁵, который лично обследовал 164 поселка в Стерлитамакском уезде⁶. По его мнению, движение переселенцев в Уфимскую губернию развивалось одновременно с массовым движением в Сибирь и должно быть отнесено к концу 1870-х гг. До того времени в уезде образовалось всего 8–9 поселков. За последние же 30 лет переселенцев, образовавших новые поселения, насчитывается до 60 тыс. человек⁷, хотя после 1893 г. наметился очевидный спад, что связано с сокращением по разным причинам фонда свободных земель. Это движение шло постепенно и непрерывно. Наибольшую мобильность демонстрировали жители самой Уфимской губернии, переселяясь сюда их соседних мест. Но и среди представителей других 25 губерний наблюдается значительное разнообразие. Из Украи-

¹ Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде... С. 65–66.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 91.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ *Михайлов Василий Порфирьевич* – член Уфимского губернского присутствия в конце 1890-х гг.

⁶ Михайлов В.П. Переселенцы и переселенческое дело в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии. Уфа, 1897. 293 с.

⁷ Там же. С. 11.

ны миграционные потоки были направлены из Харьковской (124 семьи), Полтавской (73 семьи), Черниговской (49 семей), Киевской (10 семей) и Херсонской (4 семьи) губерний¹, всего – 260 семей, что составляет 15,6% от общего числа переселенцев.

К аналитической части отчета В.П. Михайлов дает приложение «Описание переселенческих поселков», куда включены некоторые данные по отдельным населенным пунктам, в том числе основанным переселенцами из Украины. Чиновник выделяет семь видов земель, приобретенных переселенцами (по принципу – от кого получены). Среди них: 1) на заарендованных башкирских землях – п. Баландинский Аллагуватовской волости (переселенцы Черниговской губернии), п. Новиковский, Мамонтовка Бала-Четырмановской волости (Херсонской); 2) на купленных в собственность от башкир – п. Львовский (Ивановский) Бала-Четырмановской волости (Киевской); 3) на купленных в собственность от частных лиц – пп. Верхний и Нижний Андреевские Федоровской волости (Полтавской, Черниговской), пп. 1-я и 2-я Писаревки Резановской волости (Полтавской), с. Болотниковское Шмитовской волости (Черниговской), п. Степановский, п. Терешковский Уршакминской волости (Харьковской), п. Березовка Кситабынской волости (Харьковской)². В этом разделе содержатся сведения о времени появления первых ходоков, количеству дворов, душ обою пола, условия приобретения земли (количество и стоимость десятин, срок), наличие и объем ссуды Поземельного Крестьянского Банка, количество скота, качество земли, численность грамотного населения и др. Кроме того, в сводной ведомости приведен подробный статистический материал³.

Приведенный В.П. Михайловым материал дает представление о достаточно высокой активности украинских крестьян по хозяйственному освоению Уфимской губернии в 1890-х гг.

В 1902 г. в Москве вышло двухтомное издание известного к тому времени экономиста, специалиста по вопросам народонаселения *В.Э. Дена*⁴, поставившего задачу «пополнения фактических знаний в области истории на-

¹ Михайлов В.П. Переселенцы и переселенческое дело в Стерлитамакском уезде... С. 14, 4-е приложение.

² Там же. С. 104, 132, 228, 246–247, 250, 255, 257, 259.

³ Там же. Приложения 1–3.

⁴ *Ден (Дэн) Владимир Эдуардович* (1867–1933) – экономист, географ, статистик, профессор. В 1890 г. окончил юридический факультет Московского университета, стажировался в Германии, в 1894 г. получил степень магистра, служил в Министерстве финансов. С 1898 г. доцент Московского университета, в 1902 г. в Политехническом институте (Петербург) основывает первую в стране кафедру экономической географии, которой заведовал до 1929 г. Основоположник научной школы, автор большого количества статей, курсов лекций и книг. В советское время научная школа В.Э. Дена подверглась репрессиям и критике.

селения»¹. Источниками информации для выполнения столь сложной и кропотливой работы явились Полное Собрание Законов, а также архивные документы (архив Департамента окладных сборов, Военно-ученый архив Главного штаба, архив Сената, архив Министерства юстиции). Во второй части второго тома² автор дает обстоятельный исторический очерк различных сословных групп Оренбургского края, в том числе военного и инородческого населения.

Отдельный раздел посвящен структуре Оренбургского казачьего войска³. Среди шести «элементов», из которых складывалось войско, В.Э. Ден называет самарских, уфимских, исетских, яицких казаков, ссыльных и беглых людей. Последняя категория по правительственным указам привлекалась на службу с начала 1736 г. За несколько лет таких людей собралось в крае более 5 тысяч (за время В.Н. Татищева – около 2 тысяч, в том числе украинцев)⁴ и неминуемо встал вопрос об их возвращении помещикам. Тех, что уже прибыли, в виде исключения оставили на местах, и на будущее запрещалось принимать новых беглецов из великорусских губерний. И впредь «для заселения Оренбургских крепостей были принимаемы лишь такие малороссы, которые предъявят паспорта, выданные им для этой цели от Малороссийской войсковой канцелярии или от канцелярии комиссии Слободских полков»⁵.

В.Э. Ден

В.Э. Ден с многочисленными ссылками на законодательные инициативы указывает, что с 1740 г. правительство не просто допускало поселение «малороссов», но даже покровительствовало и торопило его. Украинцы настолько охотно пошли навстречу предложениям и обещаниям об отмене долгов и выделении каждому денежных средств на дорогу, зачастую не отвечавшим реальности, что пришлось вводить квоты на количество переселенцев от каждого поселения. В качестве характерного примера готовности черкас отправляться на далекую службу В.Э. Ден без ссылки на источник информации приводит уже известный эпизод, отраженный в ПСЗ, и ранее встречающийся у Н.А. Фирсова, В.Н. Витевского

¹ Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. Т. 1. М., 1902. V.

² Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. Т. 2. Ч. 2. М., 1902. 319 с.

³ Там же. С. 208–238.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Там же. С. 222.

об обращении в 1741 г. малороссиянина Федора Милостивого к генералу Л.Я. Соймонову о наборе 1000 семей, желающих переселиться в Оренбургский край. Сенат счел этот проект вредным с точки зрения сбора повинностей в самой Малой России¹. Но все же поселения украинцев были учреждены в нескольких Оренбургских крепостях: Рассыпной (100 дворов), Татищевой (100 семей), Чернореченской и Нежинской слободе, в которых «действительных казаков» было 849 человек из 209 семей (данные приводятся по П.И. Рычкову).

Показывая условия размещения привлеченных из Малороссии лиц, В.Э. Ден отмечает, во-первых, крайнюю бедность переселенцев (несмотря на ссуды, денежное жалование в 4 руб. и провиант, выделяемые местными властями для их поддержки), во-вторых, неспособность к несению регулярной военной службы (для их охраны нанимались дополнительные отряды), в-третьих, существенные потери от набегов киргиз-кайсаков. После того, как жители Нежинской слободы попросились домой, а жители Чернореченской, Татищевой и Рассыпной крепостей просили увеличить жалование в три раза, И.И. Неплюев потерял терпение и к февралю 1744 г. решил покончить с этим экспериментом. К сентябрю 1743 г., по его расчетам, ежегодное жалование малороссийских переселенцев составляло 12121 руб. (ко времени этого расчета наличных казаков оставалось 676 человек). Поэтому, по мнению В.Э. Дена, содержание черкас на границе с высоким жалованием и без всякой пользы для казны местной администрацией было сочтено невыгодным. 30 сентября 1743 г. разрешено «черкас для промыслов и пропитания отпущать в другие Российские города»². Вскоре И.И. Неплюев распорядился желающих отправить на новое место жительства на р. Кинель, а другим разрешить вернуться домой. Указ Сената от 6 марта 1744 г. формально положил конец «малороссийскому поселению» в Оренбургском крае³.

Анализируя причины неудач этого предприятия, В.Э. Ден обращает внимание на наличие разных объяснений: сами украинцы считали, что не могут никак прожить из-за недорода хлеба и без выдачи дополнительного провианта; И.И. Неплюев в рапортах говорил об отсутствии у переселенцев старания «в лучшее состояние себя приводить»; П.И. Рычков видел причину неудачи в неспособности к «пограничному пребыванию»⁴.

В целом В.Э. Ден, вслед за Н.А. Фирсовым и В.Н. Витевским, дает наиболее подробную картину начального этапа пребывания украинцев в пограничных крепостях Оренбургского края, приводит информацию, которая не встречается у других авторов. Например, о том, что процесс доброволь-

¹ Ден В.Э. Население России по пятой ревизии... Т. 2. Ч. 2. С. 223.

² Там же. С. 224.

³ Там же. С. 225.

⁴ Там же. С. 226.

ного вступления черкас, живущих по разным селам губернии, в Оренбургское казачье войско происходил еще и в начале XIX в. (Указ от 2 августа 1817 г.)¹. К своим предшественникам (П.И. Рычкову, Ф.М. Старикову, В.Н. Витевскому и др.) относится весьма критически, сожалея, что у них иногда встречаются данные, которые нельзя ничем проверить.

Ценную информацию о быте украинских переселенцев В.Э. Ден приводит со ссылкой на материалы Военно-ученого архива Главного штаба, относящиеся к самому концу XVIII в., в которых дано описание жителей украинских слобод Оренбуржья: «Черкасы, живущие в здешней губернии в Бузулуцкой округе, есть также перешедшие из Малороссии; сей народ хотя и не малое уже время живет в сих местах, но в нравах, образе жизни, одежде, языке и во всем сохраняет прежние свои обычаи, даже и в некоторых обрядах веры, употребляемых в сходстве малороссийских провинций; они смиренны, послушны, любят веселиться, живут чисто, избы имеют белые, хлеба пашут довольно, только употребляют на сие быков, а не лошадей, и новые места распахивают плугами, паханную землю поднимают сохами, скота водят довольно и кроме хлебопашества ни з чем не управляются, все земледельные инструменты и упряжки покупают в соседственных городах, куда хлеба и прочие земные произведения отвозят на продажу»². Из этого описания следует, что украинцы в Южном Приуралье сохраняли комплекс материальной культуры в оригинальном виде и по прошествии почти 60 лет с момента первых переселений.

Первый исторический очерк³, посвященный вопросам колонизации Уфимского края, принадлежит преподавателю мужской гимназии и местному краеведу В.А. Ефремову, который широко использует данные В.А. Новикова, но уточняя и в ряде мест дополняя их, а также высказывая свои критические комментарии.

В.А. Ефремов справедливо замечает, что история населения Уфы может быть более или менее точно прослежена по разрядным книгам только с периода царствования Михаила Федоровича Романова, когда окончательно утверждается система воеводского управления. Заселение и колонизация Уфимского края начинается именно с освоения окрестностей Уфы. Уфимское население, первоначально исключительно военное, росло существенными темпами. В воеводство Ивана Ивановича Чичерина с 1625 по 1628 гг. здесь находилось среди прочих 2 черкаса («малороссы-казаки») ⁴. В 1634 г.

¹ Ден В.Э. Население России по пятой ревизии... Т. 1. С. 310.

² Дэн В.Э. Население России по пятой ревизии... Т. 2. Ч. 2. С. 225.

³ Ефремов В.А. Из истории Уфимского края. Уфимский край в конце XVI и в XVII в. // Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. № 4. Отд. оттиск. 24 с.; Он же. Из истории Уфимского края. Уфимский край в первой половине XVIII в. // Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. № 7–8. С. 236–251.

⁴ Ефремов В.А. Из истории Уфимского края. Уфимский край в конце XVI и в XVII в... С. 8.

при назначении на воеводство Никиты Дмитриевича Вельяминова было прислано 3 человека черкас. По всей видимости, какое-то количество казаков уже находилось в крепости, потому что по данным разрядной книги 1634 г. в остроге числилось 13 черкас¹. В.А. Ефремов определяет это число как приблизительно постоянное для того времени. В 1635 г. в разрядной книге записано, что из Казани, под ведением которой находилась Уфа, «прислано литвы и черкас 40 человек»² (соотношение тех и других не установлено). Они входили в общие военные силы гарнизона числом до 1590 воинов, призванные не только обороняться, но и предпринимать наступательные действия на кочевников-степняков.

Из приведенных данных видно, что в середине XVII в. в Уфимской крепости на военной службе находилось до нескольких десятков черкас (точные данные не известны). Численность их, скорее всего, колебалась год от года, поскольку, отслужив положенное время, они возвращались со своими воеводами назад в Москву. Крестьянского населения из числа украинцев в это время в Уфимском крае еще не было.

В результате рассмотрения основных вопросов заселения края В.А. Ефремов приходит к выводу, что колонизация – основной факт русской истории. XVI–XVIII вв. – эпоха усиленного внимания к восточной окраине центрального правительства, т.к. выяснилось, «какую огромную роль может сыграть этот край в деле поступательного движения русской колонизации»³. Другой важный вывод автора в признании неразрывной исторической, этнографической и экономической связи Оренбургского («Врата и ключ» в Среднюю Азию) и Уфимского («Преддверие Азии») края. И третье, до начала XVIII в. Уфимский край играл пассивную роль защиты населения, с начала XVIII в. и в первой половине XVIII в. краю предстояло выполнить уже активную роль. Основное содержание этого периода истории заключается в увеличении населения, росте экономической культуры, усложнении социальных отношений, сближении русского и инородческого элементов. Все они в отдельности имеют аналогии с развитием других областей государства, но в общем представляют единственный в своем роде индивидуально-исторический процесс⁴.

Во второй половине XIX в. начинает пробуждаться интерес не только к истории казачества, переселенческого движения и крестьянского быта Приуралья, но и к устному народному творчеству, песенному фольклору. В это время первичное, фрагментарное собрание фольклорно-этнографического материала проводилось в большинстве случаев непрофес-

¹ Ефремов В.А. Из истории Уфимского края. Уфимский край в конце XVI и в XVII в... С. 11.

² Там же. С. 9.

³ Ефремов В.А. Из истории Уфимского края. Уфимский край в первой половине XVIII в... С. 251.

⁴ Там же. С. 252.

сиональными учеными. Еще в 1833–1834 гг., находясь в Оренбургском крае во временной ссылке, записи народных песен проводил известный композитор *А.А. Алябьев*¹. Среди его материалов, с большой долей вероятности могли быть и украинские песни, но достоверных источников, подтверждающих данные факты, не сохранилось. Однако повышенный интерес А.А. Алябьева к украинскому народному творчеству подтверждается тем, что уже в 1834 г. совместно с украинским историком-фольклористом М.А. Максимовичем он подготовил к изданию сборник «Голоса украинских песен» (25 напевов, положенных А.А. Алябьевым на ноты).

Р.Г. Игнатъев

На 1860–1880-е гг. приходится активная исследовательская деятельность известного краеведа, историка и этнографа *Р.Г. Игнатъева*². По окончании в 1846 г. Парижской консерватории он получил блестящее музыкальное образование. Совершая поездки по селам Белебеевского уезда Уфимской губернии, большое внимание уделял сбору фольклорного материала, изучал обычаи, бытовой уклад местного населения. Р.Г. Игнатъева особенно интересовало песенное творчество как исторический источник. Ученый считал, что в основе фольклорных произведений лежат исторические факты, а в песнях всегда скрывается «суть правды». К Антропологической выставке в Москве 1879 г. он подготовил выступление о песнях восточнославянских и тюркских народов Оренбургского края. В Уфе, где Р.Г. Игнатъев жил некоторое время с 1865 г., по собственному либретто им была написана опера в четырех актах на украинскую тему – «Запорожцы». Об этом он писал в личном письме к профессору Московской консерватории Д.В. Разумовскому³. Но дальнейшая судьба этого произведения осталась неизвестной.

¹ *Алябьев Александр Александрович* (1787–1851) – композитор, пианист, автор большого числа романсов, опер, музыкальных комедий, других произведений. В 1825 г. по недоказанному обвинению в убийстве приговорен к ссылке. Скорее всего, истинная причина наказания была в близости к декабристским кругам. В 1833–1834 гг. в положении поднадзорного находился на поселении в Оренбурге, где вел записи народных песен.

² *Игнатъев Руф Гаврилович* (1818–1886) – краевед, археолог, этнограф, архивист, журналист. С конца 1840-х гг., находясь на государственной службе, занимался историей, активно публиковался в периодической печати. С 1855 г. служил на Южном Урале, с 1865 – в Уфе, работал в Губернском статистическом комитете. Автор более 400 научных трудов.

³ См.: Атанова Л.П. Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора. Уфа: РМГ «Иэшлек», 1992. С. 46; Нигматуллина И. Они писали историю Уфы и края. О краеведах г. Уфы // Бельские просторы. 2010. № 10. С. 122.

В начале 1880-х гг. Р.Г. Игнатъев собирал материалы для обобщающего труда «Этнографические очерки Оренбургского края», так и оставшегося неопубликованным. В этот период в работах ученого появляется крестьянская тема, посвященная колонизационному освоению Южного Урала. В 1882 г. в «Оренбургских Губернских ведомостях» публикуется небольшая заметка научного характера о переселенцах-малороссиянах¹. В статье Р.Г. Игнатъев отмечает, что малороссияне «составляют отдельные селения», которых в трех уездах Оренбургской губернии насчитывается 9: 7 в Оренбургском, по 1 в Орском и Верхнеуральском, всего 11216 душ обоего пола. Приведены краткие данные о некоторых населенных пунктах (год основания, местности исхода, наличие церкви и др.). В целом ситуация в них была различной – в большей части малороссияне сохранили язык и обычаи родины, другие всё забыли и «овеликороссились». Отчасти интересные сведения предварительного характера о состоянии этих селений собирались Губернским статкомитетом от местных приходских священников, не всегда хорошо знакомых с особенностями народной жизни, поэтому быт малороссов, по мнению Р.Г. Игнатъева, «еще ждет своего описателя».

Указания на памятники украинского фольклора Южного Урала встречаются в творчестве известного музыканта, собирателя народных песен и просветителя С.Г. Рыбакова². В 1893–1894 гг. по заданию РГО он выезжал в Башкирию для сбора полевых материалов. В статье 1895 г. «Очерк быта и современного состояния инородцев Урала» С.Г. Рыбаков говорит о влиянии славянской песенной традиции на местное башкирское население и отмечает, что помимо национальных мелодий башкиры играют на своих инструментах и «русские» песни, например, «Як за гаєм, гаєм»³.

Указанные исследователи-музыканты специально украинскую культуру и быт не изучали, но сделали несколько интересных наблюдений, прежде всего, с точки зрения взаимодействия с другими национальными традициями. Тем не менее, работа, проведенная во второй половине XIX в., несмотря на свою фрагментарность и избирательность, открыла новые исследовательские направления и темы, показала потенциал фольклорных источников, которые требовалось изучать в дальнейшем.

* * *

¹ Игнатъев Р. Переселенцы из малороссиян в Оренбургской губернии // Оренбургские Губернские ведомости. 1882. № 26.

² Рыбаков Сергей Гаврилович (1867–1921) – этнограф, фольклорист. В 1889 г окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, а также прослушал курс в Петербургской консерватории, в 1893–1901 гг. – сотрудник-фольклорист Русского географического общества (РГО).

³ Рыбаков С.Г. Очерк быта и современного состояния инородцев Урала // Наблюдатель. 1895. № 8. С. 304.

Итак, вторую половину XVIII – начало XX вв. можно рассматривать как период накопления, систематизации и первого опыта критического анализа информации о появлении украинцев на территории Южного Приуралья. Такая работа проводилась, главным образом, в результате реализации частных инициатив. Вместе с тем, с середины 1860-х гг. постепенно возрастает роль организаций и обществ, занимавшихся изучением природных условий, населения, экономики, культуры региона: Статистический комитет Оренбургского губернского земства (1864), Уфимский губернский краеведческий музей (1864), Оренбургское отделение РГО (1867), Общество по изучению местного края (1908). Особое общественное значение и большой научный авторитет приобрела деятельность Губернских ученых архивных комиссий (ГУАК), занимавшихся поиском и отбором важных архивных документов, организацией архивного дела. В 1887 г. ГУАК создана в Оренбургской губернии, в 1916 г. – в Уфимской. В 1908 г. в Уфе было основано «Общество по изучению местного края».

Среди авторов, обратившихся к вопросам пребывания украинцев в Приуралье, были не столько профессиональные историки и этнографы (П.С. Ефименко, Н.А. Фирсов, Г.И. Перетяткович), но преимущественно представители самых различных областей: государственные чиновники (П.И. Рычков, И.Л. Дебу, В.А. Новиков, В.А. Абрютин, В.П. Михайлов), экономисты-статистики (В.М. Черемшанский, К.Е. Сувчинский, В.Э. Ден), местные краеведы (Ф.М. Стариков, В.Н. Витевский, В.А. Ефремов, Р.Г. Игнатъев), писатели (П.П. Свиньин, Т.Г. Шевченко, Г.И. Успенский, Ф.Д. Нефедов), музыканты (А.А. Алябьев, С.Г. Рыбаков). В зависимости от своих исследовательских интересов они разворачивали повествование в разных жанрах: книгах, статьях, отчетах, очерках, описаниях, заметках, записках, повестях. Эти сочинения отличаются по степени подробности и достоверности излагаемых событий. Авторы использовали достаточно широкий круг источников – законы, архивные документы, статистические данные, результаты личных наблюдений, труды предшественников, что позволяет увидеть элементы научной преемственности, когда одни и те же сюжеты с разной мерой детализации, хотя и не всегда с прямыми ссылками, воспроизводились в ряде произведений.

Благодаря исследовательскому энтузиазму и подвижнической деятельности ученых в научной и научно-популярной литературе XVIII – XIX вв. была проведена следующая работа:

1. Показаны основные этапы и содержание (причины, ход, условия, результаты) переселенческого движения в Южное Приуралье до начала XX в.
2. Отмечены факты первого появления украинцев (казаков) в приуральских землях, начиная с 1620-х гг.

3. Дана информация об основных местах исхода переселенцев в Украине (Слобожанщина, Полтавщина, Сумщина и др.).

4. Приведены важные статистические сведения об участии украинских казаков (черкас) в строительстве и обустройстве пограничной линии Оренбургского края, отмечены основные направления расселения, старейшие населенные пункты – крепости, слободы, села.

5. Даны характеристики особенностей ведения хозяйства (главным образом, земледелия и промыслов) украинских переселенцев, быта, нравов, языка, поведения, повседневной жизни на новых землях.

6. Отмечены особенности политики Российского правительства и местных властей в отношении украинских переселенцев (от первоначальной идеи привлечения колонистов из западных губерний до помощи в обустройстве на новых землях).

7. Приведена общая динамика демографических изменений в среде украинского населения края.

8. Показана дальнейшая судьба немногочисленных переселенцев XVIII – первой половины XIX вв. (возвращение домой; переезд на новые места; добровольный переход в категорию оренбургского казачества).

Таким образом, содержание научных исследований XVIII–XIX вв. позволяет сделать вывод о заметной роли украинских переселенцев в первоначальном военно-политическом и хозяйственно-культурном освоении Южного Приуралья.

ГЛАВА II

ИЗУЧЕНИЕ УКРАИНЦЕВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ В 1920–1930-е гг.

Развитие историко-этнографических исследований в 1920–1930-е гг. необходимо рассматривать в контексте краеведческой работы в России и в Южном Приуралье в первой трети XX в., когда проводилась систематическая и разносторонняя работа в области изучения родного края. В годы Первой мировой и Гражданской войн краеведение по объективным причинам приобретает значительно более скромные масштабы. Новый импульс краеведению придали радикальные социально-политические преобразования, связанные с установлением нового строя в послереволюционный период. Государственная политика и деятельность местных органов власти были ориентированы на удовлетворение национально-культурных потребностей народов Советской России, в некоторых регионах активно развивалось движение за автономизацию.

В 1921 г. в г. Стерлитамаке появляется «Башкирское научное общество». После перевода столицы Башкирии в Уфу по постановлению БашЦИКа при Академцентре Наркомата просвещения БАСССР в октябре 1922 г. создается «Общество по изучению быта, культуры и истории народов Башкирии» («Общество по изучению Башкирии»). Отделения и ячейки общества функционировали в Белорецке, Белебее, Бирске, Месягутово и других местах республики. Издавались журналы «Башкирский край», «Хозяйство Башкирии», «Знание», «Башкирский краеведческий сборник». Под влиянием успешной работы Общества в 1920-х гг. в различных волостях Башкирии появились многочисленные краеведческие кружки, в 1924 г. создается Башкирское областное бюро краеведения. Постепенно возникали инициативы по объединению всей краеведческой работы в республике. Важной вехой в этом направлении стало проведение I Всебашкирской конференции (съезда) краеведов 1927 г.

В сентябре 1922 г. при Наркомпросе БАСССР создан Академический центр (Академцентр), организовывавший и координировавший научно-исследовательскую, педагогическую, учебно-методическую, издательскую и краеведческую работу в пределах всей Башкирии. В составе Академцентра были комиссии по художественной литературе, музейным делам, издательству и др. С начала 1930-х гг. с возникновением сети отраслевых научно-исследовательских институтов и вузов часть функций Академцентра передавалась им, и в 1933 г. Академцентр был упразднен. В 1928–1932 гг.

в республике работала комплексная экспедиция АН СССР (17 специализированных отрядов), изучавшая хозяйственную и культурную жизнь Башкирии.

В 1930 г. при СНК БАССР организован комплексный Башкирский научно-исследовательский институт (БашНИИ), его сектор национальной культуры стал преемником «Общества по изучению быта, культуры и истории Башкирии». Наряду с подразделениями по промышленности, социалистическому земледелию, лесоведению, естественным наукам и медицине БашНИИ имел социально-культурный отдел. После реорганизации в ноябре 1931 г. на базе социально-культурного отдела с марта 1932 г. начал функционировать Башкирский научно-исследовательский институт национальной культуры, в 1934 г. создан сектор национальных меньшинств. Впоследствии в 1930–1940-х гг. краеведческие учреждения были необоснованно обвинены в разжигании националистических и местнических настроений, сепаратистских планах и закрыты, а многие выдающиеся ученые и деятели культуры репрессированы.

В рамках краеведческой работы довоенного периода, охватившей в качестве объектов исследования народы Приуралья, заметно внимание к истории и культуре украинцев как весьма представительного по численности этноса региона. Наиболее интенсивная исследовательская работа в этом направлении происходила в середине и второй половине 1920-х гг.

Одним из наиболее активных деятелей местного национального краеведческого движения в Уфе в 1920-е гг. был педагог, ученый и просветитель *Г.И. Комиссаров*¹. В 1924–1926 гг. он преподавал в Башсовпартшколе, Уфимском институте народного образования, где разработал учебный курс «История и этнография Башкирии», заведовал секцией краеведения Башнаркомпроса. Позднее был ведущим курсами по подготовке ликвидаторов безграмотности, председателем Программно-методической комиссии по политпросвету и председателем

Г.И. Комиссаров

¹ *Комиссаров (Вантер) Гурий Иванович* (1883–1969) – писатель, журналист, переводчик, языковед, основоположник научной чувашской фольклористики и литературоведения, кандидат богословия (1913). С 1903 г. преподавал в сельских школах, в 1906–1908 гг. обучался в Уфимской духовной семинарии, в 1908–1913 гг. – в Казанской духовной академии и Казанском университете. Автор трудов по этнологии, истории, краеведению Приуралья, организатор этнографических экспедиций для учащихся, активно занимался издательской деятельностью. В 1920–1940-х гг. – на преподавательской, музейной и административно-управленческой работе в Уфе, Цивильске, Казани, Кирове.

лем секции школьного краеведения Академцентра Наркомпроса БАССР. Многолетняя и разносторонняя деятельность в области организации национального образования позволила Г.И. Комиссарову обработать и проанализировать большой объем статистической и отчетной информации, подготовить сравнительно-исторические исследования.

В статье «Население Башреспублики в историко-этнографическом отношении»¹ Г.И. Комиссаров отмечает в высшей степени пестрое население БАССР, которое состоит не менее, чем из пятнадцати этнографических групп. По переписи 1920 г. были указаны не все группы. В том числе украинцы (иначе малорусы или хохлы) и белорусы, которые вошли в общее число русских – 1.152.564 чел.² Более определенными являются сведения 1923 г., в которых украинцев указано 76561 чел.³, они занимали шестое место по численности населения в Башреспублике. Однако Г.И. Комиссаров оговаривается, что приведенные цифровые данные (взяты из Башкирского Центрального Статистического Управления) о численности населяющих БАССР национально-этнографических групп не могут считаться абсолютно точными, в них имеются промахи, упущения. Например, в списках БЦСУ отсутствуют некоторые селения или не точно указан их этнический состав. Хотя по украинцам таких данных не приводится. Автор выражает надежду, что Всесоюзная перепись населения, намеченная на 1926 г., должна даст более точные сведения.

На основании имеющейся статистики Г.И. Комиссаров производит классификацию национально-этнографических групп республики по следующим параметрам:

1. По численности населения народы разделены на три группы: крупные (русские и башкиры), средние (в том числе украинцы) и мелкие (менее 10 тыс. чел.).

2. В языковом отношении представлены главнейшие семьи Азии и Европы – урало-алтайская и индо-европейская с различными их ветвями и наречиям, всего более 10 обособленных групп, из которых славяне составляют 43% всего населения. По мнению Г.И. Комиссарова, в Башкирии количество «живых языков» не совпадает с национально-этнографическими группами, т.к. обособленных языков несколько меньше. Что касается украинцев, язык которых находится в близком родстве с языком великорусским, то они, не имея пока в условиях здешнего существования особых украин-

¹ Комиссаров Г. Население Башреспублики в историко-этнографическом отношении // Башкирский краеведческий сборник: Материалы общества по изучению Башкирии. Уфа: Башкнига, 1926. С. 17–30.

² Там же. С. 17.

³ Там же.

ских школ с преподаванием на родном языке, постепенно бросают свои языки и усваивают великорусский¹.

3. По занятиям и экономическому состоянию: население БАССР занимается разнообразным трудом, но подавляющее большинство (около 95%) составляет население, занимающееся сельскохозяйственным трудом. Если рассматривать различные этнографические группы с точки зрения их занятий, то можно найти, что индоевропейцы ведут свое хозяйство более рационально и интенсивно. В этом отношении на первом месте стоят немцы, латыши и эстонцы, на втором месте – украинцы и белорусы, на третьем – великорусы. В экономическом отношении наиболее мощными из сельских жителей также являются немцы, латыши, эстонцы, затем украинцы, белорусы, великорусы². Каждая этнографическая группа имеет и свое классовое подразделение и может быть поделена на кулаков, зажиточных середняков и бедняков. Гражданская война и голод 1921 г. нанесли сильный удар экономическому благополучию населения Башреспублики.

4. В культурно-бытовом и идеологическом отношении население распадается на группы, не совсем совпадающие ни с племенными, ни с языковыми, ни с социально-экономическими группами. Характер культуры людей определяется прежде всего формами труда, но зависит также от географической среды, традиции, от воздействия соседей, государства, религии и научной мысли. Культура, развивающаяся без большого влияния со стороны внешних факторов, может быть названа самобытной. Но абсолютно самобытной культуры не бывает. А в Башреспублике, при распыленности и совместном жительстве различных этнографических групп, культурно-идеологические группы тем более не имеют отпечатка полной самобытности. Г.И. Комиссаров рассматривает в данном случае украинскую (и белорусскую) культуру как составную часть «русской»³. В культурно-бытовом отношении (в действительности по религиозному принципу) автор выделяет 10 групп. Украинцы вместе с некоторыми другими народами относятся ко второй группе – «православные христиане»⁴. Каждая из культурных групп имеет свою идеологию, обычаи и обряды.

Из всех представленных народов только башкиры могут считаться коренным населением. Все остальные национальности составляют пришлый элемент, имеющий различную давность. Украинцы пришли из нынешней Украинской республики, в мире их насчитывается около 20 млн., часть живет в СССР, часть – в Польше. Украинцы произошли в свое время

¹ Комиссаров Г. Население Башреспублики... С. 18–19.

² Там же. С. 20.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 21.

от смешения днепровских славян со всевозможными народностями, по преимуществу тюрками, проходившими через южные (черноморские) степи¹.

Обращается Г.И. Комиссаров и к некоторым вопросам колонизации края, замечая, что особенно быстро колонизация пошла с 30-х гг. XVIII в., когда правительство с целью закрепления за собой Южного Урала и использования богатств занялось искусственным заселением Оренбургского края. Крестьян из западных районов России гнало сюда безземелье и образовавшееся там безлесье. Беженцы из Западной России двинулись сюда и во время недавней империалистической войны, многие из них осели и до сих пор приток населения из малоземельных районов не прекращается².

Различные этнографические группы расселены по территории Башкирии далеко не равномерно и не сплошными, однородными полосами. Великорусы, украинцы и белорусы расселились по линиям городов, рек, трактов и заводов, встречаются они во всех кантонах. Для анализа отличительных особенностей различных народностей Г.И. Комиссаров выделяет несколько признаков³:

1. Происхождение и историческое прошлое (украинцы вместе с другими народами испытывали гнет со стороны царского правительства).

2. Наружность («смотрящие из-подлобья с висячими усами хохлы»).

3. Одежда, головные уборы и обувь.

4. Язык. Как ни сходны между собой некоторые языки (например, великорусский и украинский), все же и они отличаются друг от друга свойственными каждому из них специфическими особенностями: присутствием слов, форм и звуков, которых в других языках нет.

5. Устройство поселков, дворов и жилищ (русские отличаются от украинских, домашняя утварь, экипажи, сбруя у каждого народа тоже имеет свои особенности).

6. Занятия и формы ведения хозяйства (украинцы ведут интенсивное земледельческое хозяйство).

7. Экономическая мощь.

8. Формы общественной жизни.

9. Воззрения, идеология и вера.

10. Бытовые особенности – нравственные правила и обряды.

В заключении Г.И. Комиссаров делает вывод о том, что вопросы, возникающие в связи с населением, многообразны и заслуживают большого внимания. Чтобы различные народы, населяющие край, сблизились между собой, важно распространять точные и правдивые сведения о различных национальных группах, а для этого нужно усиленно и всесторонне изучать

¹ Комиссаров Г. Население Башкирии... С. 22–23.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 27–29.

население края, в том числе в историческом и этнографическом отношении, с привлечением местных научных сил и при помощи центральных научных организаций. Только в этом случае установится взаимное уважение между группами населения и осуществится столь необходимая для улучшения жизни солидарность населения.

В 1920-е гг. была продолжена и тема колонизации края как одна из традиционных для местной науки. Этим вопросам посвящена специальная статья в журнале «Хозяйство Башкирии»¹. Судьба Башкирии и ее колонизации, по мнению автора – *М. Никитина*, оказались в полной зависимости от общей системы отношений Московского государства к собственникам земель в завоеванных им областях. С переходом в московское подданство территория, заселенная башкирами, должна была колонизироваться по усмотрению завоевателя. Сложность и неустановившийся окончательно характер поземельных отношений открывал большие возможности для колонизации не только правительственной («сверху»), но и вольной («снизу»). Эти два пути колонизации шли параллельно, имели отличные друг от друга, свои специфические цели и элементы.

Правительство проводило одну систему – переход от обороны к наступлению на «степь». Для этого по военным границам сооружались оборонительные линии, по ним – укрепленные города, пригороды и острожки, между ними – валы и засеки. Районы городов и сами города заселялись сторожевыми войсками, поэтому главным контингентом правительственной колонизации оказывались «служилые люди». Таблица войскового населения Уфы с 1625 по 1636 гг. дает представление о доли «черкас»: 1625 – 2, 1626 – 2, 1627 – 2, 1628 – 2, 1630 – 1635 – нет, 1636 – 3². Доля эта была крайне мала при общем составе гарнизона приблизительно в 400 человек. Помимо черкас на службе находились также немцы и «литва» численностью 1–4 человека.

Военный характер колонизация сохраняла и в начале XVIII в. в эпоху Петра и его преемников. Насколько велико в это время было вольное движение народностей и «русских беглых», точных данных найти невозможно, но, вероятно, вольная колонизация имела уже определенный успех. С завершением постройки Закамской линии и других укрепленных районов в Башкирию все чаще стали переселяться государственные крестьяне, называемые в официальных документах «Вольными, гулящими людьми». Новую эру в истории колонизации в XVIII в. создали два мощных фактора: 1) переход от военной колонизации к крепостной сельскохозяйственной, 2) насаждение по Уралу и в Башкирии горной промышленности.

¹ Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. 1928. № 6–7. С. 73–85.

² Там же. С. 75.

По данным 4–8 ревизий, численность населения с 1782 по 1833 г. неизменно возрастала, увеличившись за этот срок почти в три раза, к 1850 г. на той же территории численность населения увеличилась еще в два раза¹. По национальному составу существенно преобладал «русский» элемент, который быстро оттеснил на второй план коренное население края. Этот русский элемент, с точки зрения правительства, был более «благонадежным», поэтому предпринимались все усилия для его дальнейшего увеличения, и переселение сюда трудовой крестьянской массы из внутренних губерний превратилось скоро в настоящую «переселенческую эпопею» (Табл. 2). Всего за период с 1865 г. до 1912 г. на территорию Башкирии переселилось 238497 чел. или 38121 двор. Однако внимание правительства к переселению в разные годы было различным, что отразилось, прежде всего, на темпах этого процесса. Так, наиболее успешными были 1891–1895 гг. (37316 чел.), 1876–1880 гг. (36897 чел.), 1871–1875 гг. (27905 чел.). И, наоборот, переселение сравнительно «затихало» в 1896–1897 гг. (502 чел.), 1911–1912 гг. (7320 чел.)².

Усилению переселенческого движения в 1880–1890-е гг. способствовали практика широкой перепродажи переселенцам бывших башкирских земель, скупленных «должностными лицами и служащими» (72,9% крестьян оседало на купленной земле, 18,2% – на арендованной), проведение Самаро-Златоустовской железной дороги, череда неурожайных лет во внутренних губерниях России, учреждение в 1893 г. Сибирского переселенческого комитета. Еще большему размаху переселенчества помешало то обстоятельство, что после 1906 г. значительная часть крестьян направлялась уже за Урал, в Сибирь и на Дальний Восток.

Таблица 2. Сведения о переселенцах в Башкирию по месту их прежнего жительства³

№	Губернии	Дворов	Душ об. пола	% дворов	% душ об. пола
...3	Полтавская	1 068	5 046	2,8	2,1
6	Киевская	700	4 163	1,8	1,9
11	Харьковская	533	3 419	1,4	1,4
12	Подольская	509	3 639	1,3	1,5
16	Черниговская	297	1 586	0,7	0,6
17	Екатеринославская	227	1 622	0,6	0,6
19	Херсонская	212	1 032	0,5	0,4
25	Таврическая	71	347	0,1	0,1
28	Волынская	24	126	0,06	0,05

¹ Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии... С. 79.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 83. Всего учтено 32 губернии.

В пестром конгломерате переселяющихся крестьян преобладали выходцы из соседних с Башкирией северо-восточных губерний, но и выходцы из Украины занимали весьма заметное место. До середины XIX в. в Башкирию переселялись преимущественно представители народностей Прикамья и Поволжья, а позднее преобладали уже великороссы и украинцы. В национальном составе по данным за время с 1865 по 1897 г. два славянских народа, объединенные в одну группу, давали 87% переселенцев (25682 двора и 165663 души обоого пола)¹. Используя историко-статистические таблицы Башстатуправления, М. Никитин сопоставляет в соответствующем разрезе численность основных народов Уфимской губернии по состоянию на 1912 и 1920 гг. По данным на 1912 г. украинцы фигурировали в статистической отчетности уже самостоятельно и по численности занимали пятое место (после башкир и татар (вместе), русских, марийцев, чувашей), насчитывая 56923 чел. или 2,59% населения края; по переписи 1920 г. украинцев было 67122 или 2,83% населения республики².

Из приведенных данных видно, что в период до и после революции 1917 г. украинцы в Уфимской губернии (затем – Башреспублике) несколько увеличили как абсолютную, так и относительную численность. На момент же подготовки статьи М. Никитин приводит численность украинцев в 89695 (или 2,99%), что вывело их на третье место в республике после башкиро-татар и русских, т.е. за первое десятилетие советской власти численность украинцев выросла более чем на 20 тыс. чел. Следовательно, делает вывод автор, среди так называемых «нацменьшинств» (с долей до 3%) украинцы вместе с марийцами и чувашами занимали в это время преобладающее положение³.

Наиболее подробное исследование о национальном составе послереволюционной Башкирии принадлежит уфимскому статистику и экономисту *Н.Н. Барсову*⁴, в 1923–1930-м гг. работавшему в Статуправлении БАССР, где он специализировался, в том числе, на демографической статистике⁵. Н.Н. Барсов определяет актуальность своего научного труда тем, что о численном соотношении племенных групп населения на территории Башкирии до тех пор отсутствовали точные и пользующиеся общим признанием данные. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. не могла дать ис-

¹ Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии... С. 84.

² Там же.

³ Там же. С. 85.

⁴ *Барсов Николай Николаевич* (1901–1981) – краевед, статистик, плановик-экономист. В 1920 г. окончил 2-ю Советскую трудовую школу в Уфе, в 1922 г. Московские курсы промкооперации. С 1923 г. работал в Уфе в органах статистики, в 1930–1936 гг. – в Башкомхозе НКВД, в 1936–1937, 1943–1961 гг. – в Госплане БАССР на различных должностях, изучал историю статистики, книжного, библиотечного дела края, г. Уфы, вел педагогическую и общественную работу.

⁵ Барсов Н.Н. Национальный состав населения БАССР (по районам проживания главных народностей) // Хозяйство Башкирии. 1928. № 8–9. С. 102–132.

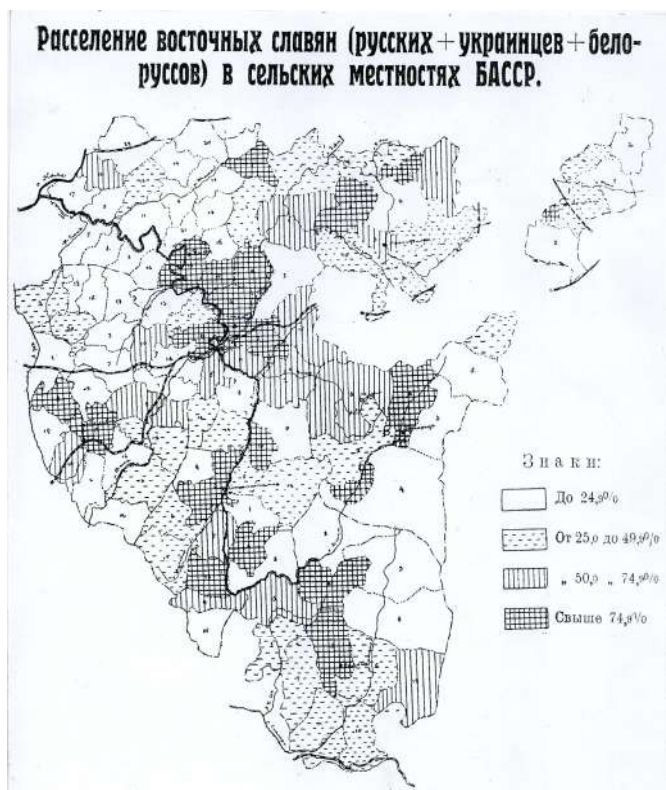
черпывающие сведения. Во-первых, с того времени минуло уже тридцать лет, произошли глубинные социально-политические и хозяйственные трансформации, изменилась и общая численность населения. Во-вторых, существенно изменились административные границы тех территорий, где проводилась перепись, произошло раздробление прежних уездов. В-третьих, национальность определялась по родному языку, а не по самоопределению опрашиваемых, поэтому степень погрешности оказывается очень великой по многим позициям.

Перепись 1920 г. была более свободна от указанных недостатков, но поскольку она проходила в условиях острейшего послереволюционного кризиса, то не был охвачен ряд районов Башреспублики и некоторые данные не вызывают доверия из-за неполного соблюдения методических рекомендаций переписчиками. К июлю 1928 г. окончательно были обработаны результаты переписи 1926 г. и, наконец, получены наиболее точные и бесспорные данные о национальном составе края. Впервые в истории переписей причисление себя к той или иной национальности происходило на основе свободного волеизъявления каждого человека, а регистратор лишь фиксировал мнение опрашиваемого.

Таким образом, на территории БАССР были зафиксированы представители 55 народностей. Н.Н. Барсов для научного анализа ограничивается 16 наиболее крупными народами края с числом представителей более 1000 человек, дающими статистически подавляющий объем информации. Кроме того, общность племенных и культурно-бытовых признаков, например, для русских, украинцев и белорусов позволяет объединить их в группу «восточные славяне» (по аналогии с собирательной группой «тюрки»).

В статье, снабженной таблицами и картограммами (*Карта 2*), на основе официальных материалов переписи 1926 г. рассматриваются вопросы численного соотношения 16 народов и их географического распределения по территории БАССР. Из 31 миллиона украинцев СССР на территории, принадлежащей БАССР, проживает группа в 76710 чел. или 2,87% всего населения Башкирии. Немногим менее половины (31469) всех украинцев республики проживает в Белебеевском кантоне, почти в равном количестве они оказались в Стерлитамакском (18220) и Уфимском (17008) кантонах. Меньшая группа украинцев (8748) зарегистрирована в Зилаирском кантоне. В Аргаяшском, Бирском, Месягутовском и Тамьян-Катайском кантонах украинцев насчитывается менее 1% населения. 2083 человека (2,7% украинского или 0,9% всего городского населения Башкирии) переписаны в составе городского населения. В группу городов с численностью украинцев более 100 человек вошли Уфа – 534 человека (или 0,5% всего населения города), Кувандык – 452 (12,7%), Белебей – 232 (2,1%), Стерлитамак – 185 (0,7%), Давлеканово – 160 (1,9%), Раевка – 149 (2,5%).

Карта 2. Расселение восточнославянских народов в Башкирии по данным переписи 1926 г.¹

В сельских местностях переписью учтено украинцев 74627 человек (97,3% всего украинского или 3,1% всего сельского населения Башкирии). Наиболее высокий процент украинцев (25,2%) приходится на Альшеевскую волость Белебеевского кантона. Свыше 1000 человек в каждой проживает по следующим волостям: Ахуновской, Белебеевской, Давлекановской, Зильдяровской, Киргиз-Миякинской и Приютовской – Белебеевского кантона; Кипчакской и Хайбуллинской – Зилаирского; Ашкадарской, Бегеняш-Абукановской, Зиргановской, Калкашевской, Кургазинской, Мелеузовской, Миркиглинской, Федоровской и Уршакминской – Стерлитамакского; Абраевской, Дмитриевской, Иглинской, Кармаскалинской, Новоселовской и Чишминской – Уфимского².

¹ Барсов Н.Н. Национальный состав населения БАССР... С. 132.

² Там же. С. 109.

Статистические материалы по украинцам Башкирии отражены в соответствующих приложениях к статье (Табл. 3–6).

Таблица 3. Украинское население БАССР по переписи 1926 г.¹

№	Народ	Городское население			Сельское население			Всего		
		муж.	жен.	об. пола	муж.	жен.	об. пола	муж.	жен.	об. пола
...7	Украинцы	1 196	887	2 083	36 588	38 039	74 627	37 784	38 926	76 710

Таблица 4. Городское и сельское население украинцев по кантонам БАССР²

Наименование кантона	Всего жителей	Украинцы	
		Численность	%
Аргаяшский	100 851	25	0,02
Белебеевский	556 681	31 469	5,7
Бирский	535 646	177	0,03
Зилаирский	195 036	8 748	4,5
Месягутовский	160 219	945	0,6
Стерлитамакский	429 490	18 220	4,2
Тамьян-Катайский	119 419	118	0,1
Уфимский	568 494	17 008	3,0
Всего по БАССР	2 665 836	76 710	2,87

Таблица 5. Украинское население городов и поселков городского типа БАССР³

Наименование кантонов и городских поселений	Всего жителей	Украинцы	
		Численность	%
1. Аргаяшский кантон			
Аргаяш	1 403	4	0,3
Итого по кантону	1 403	4	0,3
2. Белебеевский кантон			
Аксаково	643	28	4,3
Белебей	11 320	232	2,0
Давлеканово	8 180	160	1,9
Нижне-Троицкий завод	2 348	4	0,17
Раевка	6 072	149	2,4
Итого по кантону	28 563	573	2,0
3. Бирский кантон			
Бирск	12 044	21	0,17
Янаул	3 333	1	0,03
Итого по кантону	15 377	22	0,14

¹ Барсов Н.Н. Национальный состав населения БАССР... С. 114.

² Там же. С. 116–117.

³ Там же. С. 118–121.

4. Зилаирский кантон			
Баймак	3 324	56	1,7
Зилаир	5 624	37	0,65
Кувандык	3 567	452	12,7
Тубинск	2 130	9	0,42
Итого по кантону	14 645	554	3,8
5. Месягутовский кантон			
Месягутово	4 186	9	0,2
Итого по кантону	4 186	9	0,2
6. Стерлитамакский кантон			
Красноуольский завод	6 116	19	0,3
Стерлитамак	25 337	185	0,7
Итого по кантону	31 453	204	0,6
7. Тамьян-Катайский кантон			
Белорецк	19 929	49	0,2
Зигазинский завод	1 452	-	-
Тирлянский завод	8 587	7	0,08
Итого по кантону	29 968	56	0,2
8. Уфимский кантон			
Благовещенский завод	6 904	14	0,2
Красный Ключ	1 708	9	0,5
Уфа	98 537	534	0,5
Чишмы	714	42	5,9
Шингак-Куль	792	62	7,8
Итого по кантону	108 655	661	0,6
Всего по городским поселениям БАССР	234 250	2 083	0,9

Таблица 6. Украинское население сельских местностей по кантонам БАССР¹

Наименование кантонов	Всего жителей	Украинцы	
		Численность	%
Аргаяшский кантон	99 448	21	0,02
Белебеевский кантон	528 118	30 896	5,8
Бирский кантон	520 289	155	0,02
Зилаирский кантон	180 391	8 194	4,5
Месягутовский кантон	156 033	936	0,6
Стерлитамакский кантон	398 037	18 016	4,5
Тамьян-Катайский кантон	89 451	62	0,06
Уфимский кантон	459 839	16 347	3,5
Всего по сельской местности	2 431 586	74 627	3,0

¹ Барсов Н.Н. Национальный состав населения БАССР... С. 122–127. Н.Н. Барсов приводит статистику по кантонам и волостям. В данной таблице представлены сведения только по кантонам.

Статистические сведения, приведенные в систематизированном виде Н.Н. Барсовым, позволяют наглядно представить динамику изменения численности украинского населения Башкирии в первой половине 1920-х гг. и сделать выводы об интенсивности и направленности основных миграционных потоков.

В послереволюционный период интерес к истории народов края проявился не только у местных краеведов. Содержательную работу по этническому составу всего Приуралья подготовил Ф.А. Фиельструп¹ – петербургский ученый, путешественник, имевший большой опыт экспедиционной работы не только в России, но и за ее пределами. Над составлением карты этнического состава Приуралья (*Карта 3*) и ее описанием² он начал работать еще с 1918 г. под руководством известного специалиста в области этнографии С.И. Руденко. Ф.А. Фиельstrup характеризует Приуралье с его необычайно пестрым населением как «порог для людских волн, переливающихся из Европы в Азию или наоборот»³. Географическое понятие «Приуралье» в данной работе включало в себя Пермскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии. В качестве основных источников привлечены данные переписей населения 1897, 1917, 1920 гг., списки населенных мест 1908–1909 гг., подворные переписи 1912–1913 гг., историко-статистические и экономические сборники и таблицы разных периодов. Ф.А. Фиельstrup подходит к использованию этих источников критически,

Ф.А. Фиельstrup

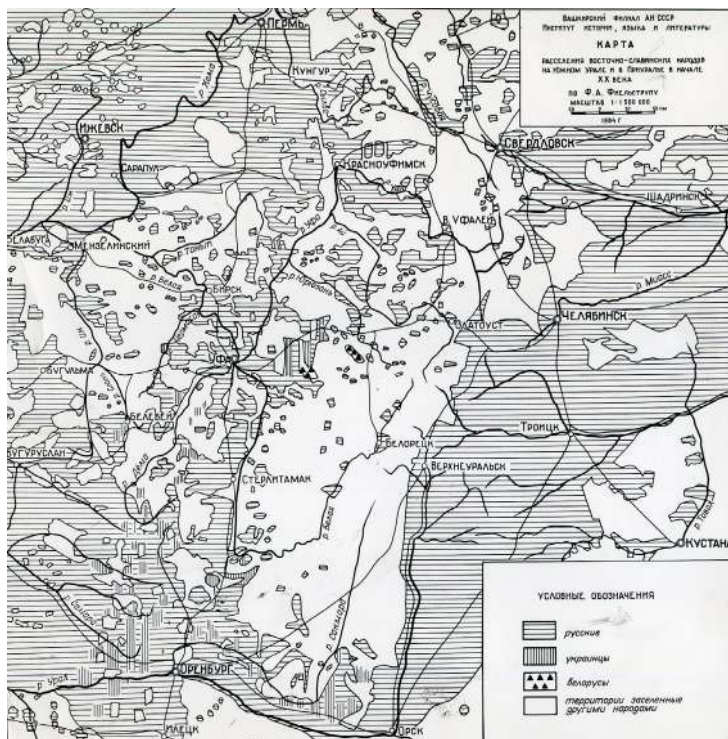
¹ Фиельstrup Фёдор (Геодор) Артурович (1889–1933) – этнограф, географ, путешественник. Родился в Петербурге (отец – датчанин, мать – англичанка). В 1908 г. после окончания гимназии и коммерческого училища поступил в Петербургский университет на факультет восточных языков, учился также на романо-германском отделении историко-филологического факультета, занимался в географическом кружке по антропологии и этнографии. В 1912–1915 гг. собирал этнографический материал в путешествиях на Кавказ, в Монголию, в Южную Америку, за что удостоен малой серебряной медали РГО. С 1916 г. – сотрудник Музея антропологии и этнографии. С 1920 г. читал курс географии в Томском университете, принимал участие в Минусинско-Абаканской экспедиции. В Томске мобилизован в армию Колчака в качестве переводчика. С 1921 г. – сотрудник этнографического отдела Русского музея, а также Комиссии по изучению племенного состава населения России/СССР (КИПС) при АН СССР. В 1923–1925 гг. работал в экспедициях в Крыму, Киргизии, обследовал Тянь-Шань и Ферганскую долину. В 1933 г. арестован ОГПУ по «делу Российской Национальной Партии», обвинен в контрреволюционной деятельности, умер во время следствия. Реабилитирован в 1958 г.

² Фиельstrup Ф.А. Этнический состав населения Приуралья. С этнографической картой и дополнениями к ней. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. 38 с.

³ Там же. С. 1.

указывая на то, что неоднократно и существенно изменялись административные границы в пределах края, не всегда в программу опросов населения входило выяснение «племенного состава», в некоторых переписях сама работа производилась недостаточно тщательно и аккуратно, существующие сведения нередко противоречивые и неполные. Такая ситуация приводит к множеству неувязок и погрешностей, делает цифры переписей не вполне достоверными, но это единственные официальные данные, игнорировать которые невозможно¹.

Карта 3. Расселение восточных славян в Приуралье в начале XX в.
(по Ф.А. Фиельструпу)²

Украинцы в этнической карте Приуралья играли весьма заметную роль, которая возрастала по мере усиления переселенческого движения (Табл. 7–8). В 1897 г. в Уфимской губернии украинцев насчитывалось 4907 душ, к 1912–1913 гг. они уже заняли видное место в ряду национальностей – 56923 души. Распределение по уездам (кроме Мензелинского) было таково:

¹ Там же. С. 5.

² Из личного архива В.Я. Бабенко.

Белебеевский – в 21 волостях из 34, Уфимский – в 14 из 34, Стерлитамакский – 19 из 34, Бирский – в Аскинской, Байкинской и Исмаиловской волостях, в Златоустовском уезде во 2-й Айлинской волости. В Оренбургской губернии украинцы в 1897 г. жили во всех уездах, не исключая Верхнеуральский, где в 1917 г. они не упоминаются. За 20 лет (1897–1917) их число выросло вдвое (с 39426 до 79964 душ), причем большая половина всех украинцев находится в Оренбургском уезде. В Пермской губернии в 1897 г. украинцев было 2028 (1889 человек в сельской местности и 139 в городах), из них 93% (1767 чел.) – в Верхотурском уезде. Перепись 1908–1909 гг. умалчивает об украинцах, включая их в общую группу «русских». В 1920 г. в некоторых уездах вновь появляется небольшая группа в 504 души¹ (больше всего в Оханском и Осинском уездах – 215 и 150 чел.), в городах – 418 чел.

Таблица 7. Украинское население по уездам и городам Уфимской губернии в 1897, 1912–1913 и 1920 гг.²

Уезд	Год учета населения		
	1897	1912-1913 (без городов)	1920 (без городов)
Уфимский	1 198	12 170	17 720
Белебеевский	2 111	30 049	32 133
Бирский	3	2 411	1 099
Златоустовский	11	174	1 785
Мензелинский	9	-	-
Стерлитамакский	1 575	12 119	14 385
Всего в сельской местности	4 907	56 923	67 122
Всего в городах	89	нет данных	нет данных
Всего по губернии	4 996	56 923	67 122

Таблица 8. Украинское население по уездам и городам Оренбургской губернии в 1897 и 1917 гг.³

Уезды	Год учета населения	
	1897	1917
Оренбургский	28 445	47 369
Верхнеуральский	610	-
Орский	8 579	26 012
Троицкий	724	871
Челябинский	1 068	5 712
Всего в сельской местности	39 426	79 964
Всего по городам	2 115	нет данных
Всего в губернии	41 541	нет данных

¹ Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья... С. 17–18.

² Там же. С. 28–30.

³ Там же. С. 31–32.

В общей этнической структуре Приуральского края украинцы расселены главным образом в Уфимской и Оренбургской губерниях, делясь почти поровну между ними (41,58% и 58,42% соответственно), то есть населяют юго-западную часть края. В Уфимской губернии они составляют, по данным на 1912–1913 гг., 2,14% от общего числа населения, в Оренбургской области на 1917 г. – 6,41%¹. При формировании этой структуры наблюдается очень интенсивное «размножение» населенных пунктов, которые основываются преимущественно выходцами с запада. Преобладающим контингентом в этом движении являются украинцы. Если для коренных народов «фактором роста» следует рассматривать естественное преобладание рождаемости над смертностью, то для «пришельцев» (украинцев-земледельцев и др.) – это приток новых переселенцев, если районы оседания отвечают их почвенно-географическим требованиям². Внутри региона происходят сложные этнические процессы – как ассимиляция, так и выделение одних народов из других (например, украинцев из великорусов). По справедливому выводу Ф.А. Фиельструп, сопоставление различных данных, старых и новых, даже при обнаружении ошибок в происхождении населения того или иного пункта или района, все равно способно показать динамику населения во всех возможных проявлениях.

К научным публикациям историко-краеведческого характера довоенного периода, в том числе по проблемам хозяйственного освоения Башкирии, по содержанию примыкает статья Г. Солодия, опубликованная в марте 1941 г. в газете «Красная Башкирия»³, хотя она и выходит за хронологические рамки настоящей главы. В статье отмечается, что Уфимское отделение Крестьянского банка в области хуторского строительства не ограничивало свою деятельность пределами Уфимской губернии. Банк развернул широкую вербовочную работу по переселению на хутора в Башкирии крестьян из других и часто очень отдаленных губерний Российской империи. За время столыпинской реформы свыше 40 губерний России дали в Башкирию хуторян-переселенцев. Из Гродненской губернии перешли на хутора в Башкирию 55 домохозяйств, из Могилевской – 43, из Каменец-Подольской – 35, Киевской – 28 и т.д. В отличие от общей массы переселенцев хуторяне-переселенцы в подавляющем большинстве люди обеспеченные, зажиточные.

Г. Солодий отмечает, что Башкирия издавна являлась одной из многочисленных окраин, куда сбывались «беспокойные» крестьяне из центральных губерний. Переселение в Башкирию особенно интенсивно началось в 1880-х гг. С 1865 по 1905 гг. переселение крестьян в Башкирию из

¹ Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья... С. 37.

² Там же. С. 21–22.

³ Солодий Г. Из истории столыпинской хуторской и переселенческой политики в Башкирии // Красная Башкирия. 1941. 2 марта.

других губерний России выразилось в цифре 211792 души обоего пола. После революции 1905 г. переселение в Башкирию значительно усилилось. По данным «Обзоров Уфимской губернии», за семь лет (с 1905 по 1911 г.) в Башкирию переселилось 179325 душ обоего пола, т.е. почти столько же, сколько за предыдущие 40 лет, из них 73% – на купленные земли, остальные – на арендованные.

Среди 47 губерний, давших Башкирии переселенцев, первые места занимали Вятская, Курская, Тамбовская, Рязанская губернии Центральной России и Полтавская, Киевская, Харьковская губернии Украины. Национальный состав переселенцев в Башкирию – это преимущественно русские и украинцы. В общем пестром национальном конгломерате они составляли свыше 85%.

В целом Г. Солодий критически оценивает характер и содержание столыпинской реформы, деятельность Крестьянского банка, колониальную политику царизма. Вместе с тем, в статье дан краткий обзор состоянию хозяйства Башкирии, приведена ценная информация по социальному и национальному составу переселенцев на восток, созданию системы хуторов, статистические сведения о размере участков, стоимости земли, количеству переселенцев и т.п.

На рубеже 1920–1930-х гг. в исторической науке региона начались важные изменения – переход от сугубо кабинетной работы с разнообразными письменными источниками к полевой работе по собиранию и изучению памятников материальной культуры и устного народного творчества экспедиционными методами.

В конце 1920-х гг. перед советским и партийным руководством Башкирии встает насущная потребность изучения ресурсов республики в целях повышения эффективности управления экономическим сектором, успешной индустриализации, для этого было необходимо организовать региональную науку и связать ее с потребностями народного хозяйства. С 1926 г. важное место отводилось методу комплексных экспедиций для оценки природных ресурсов и полезных ископаемых, активизации краеведческой работы. Была создана и соответствующая территориальная «Башкирская комиссия». Координатором всех научно-исследовательских сил работы стал Научный отдел, а с 1927 г. – Бюро производительных сил Госплана БАССР. Работу в общегосударственном и региональном масштабах предполагалось вести по 8 направлениям. Для этого требовалось серьезное финансирование и профессиональные научные кадры.

В 1928 г. Башкирскую комплексную экспедицию (БКЭ) АН СССР возглавил известный историк, археолог, антрополог С.И. Руденко, уроженец Харькова, проводивший экспедиции на территории республики еще в начале XX в. (1906–1907 гг.). Активная деятельность БКЭ заняла 1928–1932 гг. и принесла значительные положительные результаты. Но со второй по-

ловины 1929 г. работа экспедиции стала испытывать объективные трудности. Во-первых, начались проблемы с финансированием, материально-техническим обеспечением, изданием трудов; во-вторых, руководство страны взялось за чистку «старых» («буржуазных») научных кадров, от репрессий пострадали и научные силы Башкирии. В том числе в 1930 г. в Уфе во время командировки был арестован С.И. Руденко, оказавшийся впоследствии на многие годы в ссылке.

С Башкирской экспедицией связано имя известного этнографа, музееведа, уроженца Кубани *А.С. Бежковича*¹ – человека драматической судьбы, прошедшего через горнила сталинских репрессий. В Южное Приуралье он был приглашен коллегой и учителем С.И. Руденко, с которым вместе участвовали в Киргизской экспедиции 1927 г. Несмотря на все жизненные перипетии, А.С. Бежкович остался верен своему делу, его труды до сих пор являются эталоном научной тщательности, скрупулезности, высокого профессионализма. Вернувшись в 1948 г. в Ленинград и занимая должность заведующего отделом Украины и Белоруссии Государственного музея этнографии народов СССР (ныне – Русский этнографический музей), А.С. Бежкович проявил себя как разносторонний исследователь культуры разных народов (молдаван, узбеков, киргизов) и регионов СССР, в том числе родной Кубани, участник многочисленных экспедиций. Но наиболее глубокий след оставила его деятельность в области украинистики. Ученый был инициатором открытия и первым создателем специализированной тематической экспозиции «Украинцы. Конец XIX – начало XX веков».

А.С. Бежкович

¹ *Бежкович (Бежко) Афанасий Семенович* (1890–1977) – офицер, историк, этнограф, организатор музейного дела. Из семьи кубанского казака, в 1911–1918 гг. находился на военной службе, занимался самообразованием, после ранения перешел на учительскую работу. В 1922–1926 гг. учился в Ленинградском госуниверситете по специальности «этнография восточных славян». С 1926 г. – научный сотрудник АН СССР, участвовал в экспедициях в Казахстане, Киргизии, Башкирии, с 1933 г. преподавал этнографию в Институте народов Севера. В 1933–1936 гг. отбывал наказание по обвинению в сфабрикованном «Деле славистов» в КарЛАГе. Реабилитирован в 1956 г. С 1938 г. занимался организацией работы историко-краеведческих музеев в Намангане, Ташкенте, Самарканде, с 1947 по 1959 г. – научный сотрудник, заведующий отделом этнографии Украины и Белоруссии Государственного музея этнографии народов СССР. Активно работал в экспедициях в разных районах СССР, собрал более 700 экспонатов. Автор 45 опубликованных и 27 рукописных научных трудов. Член Российского географического общества.

Научное наследие А.С. Бежковича велико, но до сих пор полностью не опубликовано и не вовлечено в научный оборот. В частности, в архиве Научного центра украинистики в Уфе имеются несколько рукописей¹ А.С. Бежковича, подготовленные им в 1950-е гг. (все рукописи имеют собственноручную подпись автора, но, к сожалению, не имеют точных датировок), которые еще ждут изучения и публикации. Например, в монографии «Земледельческие орудия и труд украинцев (XVIII – первая половина XX в.)» рассматриваются такие вопросы как пахотные орудия и способы обработки почвы, посев и орудия заделки семян, уход за полевыми культурами, сбор урожая, орудия и способы молотбы, веяние и хранение семян. Цель книги – изучение всего многообразного комплекса украинского земледелия в историческом (временном) аспекте. Украинские плуги простой сельской конструкции послужили образцом для их изготовления на заводах в более позднее время. По достоинству нужно «...оценить роль простых народных творцов материальной культуры... Украинцы и их предки были прилежными хлеборобами». Земледелием в конце XIX в. занималось от 87 до 99% украинцев в зависимости от места проживания. Украинские земледельцы в средние века и новое время снабжали хлебом многие станы Европы от Константинополя до Германии, а в рамках СССР Украина давала 50% пшеницы. Такова ее роль и значение в земледельческой культуре Европы.

А.С. Бежкович подчеркивает, что земледелие как главное занятие по добыванию средств существования, оказывало огромное влияние на форму хозяйства, бытовой уклад, культуру и психологию народа. Это занятие прививало украинцу любовь к познанию природы, воспитывало широкий диапазон трудовых навыков... Поэтому изучение украинского земледелия и его техники является первоочередной задачей этнографов и историков культуры. В качестве источников использовались экспедиционные материалы из 15 областей Украины, а также Краснодарского края, Башкирии и других регионов СССР, материалы многих музеев, в том числе Кубанского краеведческого музея, личный опыт работы А.С. Бежковича в сельском хозяйстве Кубани, который «помог ориентироваться в этом вопросе, находить общий язык в деловых беседах с крестьянами». Важнейший методологический принцип А.С. Бежковича – земледелие изучается не в административных границах, а в этнических. Такой подход дает возможность шире, глубже и точнее изучить технику украинского земледелия, где бы оно ни находилось: на родине или на позже заселенных украинцами территориях. И

¹ См.: Бежкович А.С. Волоськи упряжки в Восточной Европе (XVIII – начала XX вв.). 21 с.; Он же. К истории происхождения сох. 21 с.; Он же. Колесный транспорт у кочевников и славян Восточной Европы с древнейших времен до XV в. 23 с.; Он же. Земледельческие орудия и труд украинцев (XVIII – первая половина XX в.). 293 с. Рукописные материалы получены В.Я. Бабенко в 1985 г. от семьи А.С. Бежковича.

здесь возникает важнейший вопрос заимствования и взаимовлияния, что для этнографии имеет немаловажное значение.

Одной из малоизвестных страниц жизни и деятельности А.С. Бежковича является его участие в экспедиции на территории Башкирии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В составе Башкирской экспедиции АН СССР действовало несколько отрядов: археологический, антропологический, фольклорно-лингвистический и др., которые впервые выехали в районы Башкирской республики в 1928 г. Животноводческо-полеводческий отряд в составе 2-х человек (руководитель А.С. Бежкович и переводчик с башкирского и татарского языков – студент географического факультета ЛГУ М.Н. Мамлеев) ставил своей задачей изучение этнографических особенностей земледелия и животноводства у народов Башкирии. Кроме «историко-познавательных целей» имелись в виду также задачи практического характера – выработка рекомендаций для организации сельского хозяйства с учетом местных природно-географических условий и опыта населения.

В программу работы экспедиции входило изучение бытовавших или ранее существовавших форм землепользования, типов хозяйств, систем полеводства, видов местных растений, земледельческой техники, трудовых процессов, связанных с различными видами деятельности на земле – от пахоты до обработки зерна, народные приметы о погоде, урожае, земледельческие культы. Был собран также материал по животноводству, включавший виды и породы домашнего скота, приемы улучшения их породности, условия содержания скота, особенности выращивания, кормления и ухода, обеспечение кормами (лугами и пастбищами), площади посевных трав и корнеплодов.

Важно заметить, что в ходе экспедиции также выявлялись и фиксировались факты и примеры культурного сотрудничества народов, степень и формы влияния друг на друга. В отношении украинцев это тем более интересно и важно, поскольку, по замечанию А.С. Бежковича, они пришли в край на волне последних миграций 90-х гг. XIX в. Сейчас известно, что эти данные не совсем точные, но историей переселенческого движения автор специально не занимался.

Некоторые предварительные результаты работ отрядов и подотрядов были опубликованы в приложениях к журналу «Хозяйство Башкирии» и ежегодных отчетах АН СССР по экспедиционным исследованиям. Только лишь через 43 года на основе материалов, собранных А.С. Бежковичем в составе Башкирской экспедиции в 1929–1930-х гг., была опубликована обобщающая статья¹, излагавшая результаты этнографического изучения земледелия у разных народов Башкирии, в том числе, украинцев. В статье

¹ Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии // Археология и этнография Башкирии. 1973. Вып. 5. С. 61–93.

помещены восемь фотографий с этнографическими сюжетами и два чертежа орудий труда (сохи и цепи). Судя по сохранившемуся «Списку фотографий, сделанных в Башкирии»¹ и по ряду рукописных статей, в публикациях предполагалось разместить значительно больше иллюстративного материала – фото, схем, рисунков, но, к сожалению, многое не сохранилось. Как писал автор, «статья ни в коем случае не претендует на исчерпывающий охват темы в целом». Это было важно подчеркнуть, поскольку «в зависимости от местных природных и социально-экономических условий, опыта и этнокультурных традиций хозяйственные навыки населения отдельных частей Башкирии различались довольно сильно»². Часть материалов так и осталась в ведомственных или личных архивах в виде рукописей³.

Летом 1929 г. отряд под руководством А.С. Бежковича обследовал четыре волости Уфимского кантона – Иглинскую, Петровскую, Архангельскую, Улу-Телякскую, и западную часть Усмангалинской волости Тамьян-Катайского кантона. Среди 27 населенных пунктов, которые посетила экспедиция и где проживали представители 9 национальностей, упоминаются Романовские хутора⁴ с преобладающим украинским населением⁵. Каждый народ был представлен, как правило, своими отдельными деревнями, но, как отмечает А.С. Бежкович, довольно часто уже встречались смешанные поселения: русско-украинские, украинско-белорусские. Сбор материалов осуществлялся по заранее составленному плану маршрутно-экспедиционным методом (полевые наблюдения и беседы с жителями) в большинстве деревень,

¹ См.: Бежкович А.С. Список фотографий, сделанных в Башкирии // Наукові архівні фонди рукописів і фонозаписів Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Рильського НАН України (далее – НАФРФ ІМФЕ). Ф. 51. Од. зб. 65. Арк. 1–5.

² Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии... С. 62.

³ Об основных результатах работы экспедиции см. в отдельных рукописных статьях А.С. Бежковича: Научная работа о земледелии в Башкирии // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 51. Од. зб. 44. Арк. 1–64; Этнические особенности земледелия народов Башкирии // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 51. Од. зб. 45. Арк. 1–6; Этнические особенности выращивания и сбора урожая у народов Башкирии (XIX – начало XX в.) // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 51. Од. зб. 46. Арк. 1–34; Связанные с земледельческим культом верования и обряды у народов Башкирии // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 51. Од. зб. 48. Арк. 1–22; Материалы и исследования по этнографии земледелия и животноводства Уфимского кантона Башкирской АССР // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 51. Од. зб. 62. Арк. 1–46.

⁴ Романовские хутора – населенный пункт в Иглинской волости Уфимского кантона. По «Списку населенных мест Башреспублики» 1926 г. значится 134 души, 14 дворов. В настоящее время не существует.

⁵ Здесь и далее информация об экспедиции приводится по: Маршрут Башкирской этнографической экспедиции в 1929 и 1930 гг., метод работы, число участников и задачи отрядов // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 51. Од. зб. 64. Арк. 1–5. Описание маршрута представляет собой справку, подготовленную А.С. Бежковичем 30 декабря 1960 г. Справка была составлена по памяти по прошествии длительного времени. В ней автор обращает внимание на то, что названия некоторых колхозов и населенных пунктов у него не сохранились (за 1929 г. – почти полностью, за 1930 г. – только 14), не всегда четко фиксировалась национальная принадлежность колхозов.

а в волостных центрах – стационарным методом (изучение статистических документов срочного учета и текущей отчетности).

В 1930 г. этнографический отряд продолжил исследования под названием «Отряд по изучению организации труда в колхозах Башкирии». В отряд входили два человека – А.С. Бежкович и переводчик Роза¹ – студентка I курса медицинского техникума, которая кроме перевода занималась копированием документов. Отряд проследовал по р. Белой до Бирска и затем обследовал колхозы Бирского кантона по маршруту Бирск – Уфа, всего 9 колхозов. Затем отряд проследовал от ж/д станции Буздяк по направлению к г. Белебею и обследовал 12 колхозов, в том числе колхоз в с. Богомоловка², населенном украинцами. По третьему маршруту от ж/д станции Шафраново до Стерлитамака обследовано 10 колхозов, в том числе украинские – «Новый мир», колхоз в с. Софиполь³, «Новая жизнь» в с. Талалаевка⁴. Еще 9 колхозов были обследованы в западной части Уфимского кантона по пути от Стерлитамака до Уфы. Всего было обследовано 40 колхозов в Бирском (22,5%), Белебеевском (30%), Стерлитамакском (25%) и Уфимском (22,5%) кантонах⁵. В этническом отношении было исследовано 19 русских, 13 татарских, 6 башкирских, 2 украинских, по 1 марийских, чувашских, эстонских, 6 смешанных населенных пунктов. В 1930 г., по признанию А.С. Бежковича, сбор этнографического материала продолжался уже не так интенсивно. Экспедиция была рассчитана на пять лет, однако уже в 1929 г. она в основном прекратила свое существование по причинам, указанным выше, и многие начинания так и не были доведены до конца. Почему работа экспедиции была остановлена? В явном виде ответ нигде не содержится, но можно предположить, что это связано с активным началом коллективизации, когда научные этнографические задачи выполнять становилось все труднее, т.к. традиционный уклад жизни народов подвергался стремительной трансформации. Не случайно один из самых больших массивов информации посвящен характеристике земледельческих традиций украинцев.

Говоря о содержании и результатах работы экспедиции, нельзя не принять во внимание и то, что 1929–1930-й гг. – переломный момент в истории советской деревни, сельского хозяйства и крестьянства в целом. Это последние годы старого крестьянского уклада, построенного на частной собственности, и начало коллективизации, массового колхозного строи-

¹ Фамилия А.С. Бежковичем не указана.

² Богомоловка – деревня в Чишминском районе РБ, население около 90 человек, преобладают украинцы (40%).

³ А.С. Бежкович ошибочно вспоминает «Стариполь» – имеется в виду крупнейшее украинское село в Башкирии Софиполь, которое в 1983 г. вошло в состав с. Толбазы – административного центра Аургазинского района РБ.

⁴ Талалаевка – село в Стерлитамакском районе РБ, основано в 1899 г. переселенцами из одноименного села Конотопского уезда Черниговской губернии.

⁵ Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии... С. 61.

тельства, обобществления. Начиная с этого времени, в деревне резко менялись все земельные отношения, организация труда в сельском хозяйстве, внедрялась новая земледельческая техника (орудия труда и машины). Уходил в прошлое старый крестьянский быт (Фото 1–3).

Фото 1. Хата в садочке, с. Софиоль, Стерлитамакский кантон, 1930 г.¹

Фото 2–3. Украинки в национальных костюмах, с. Софиоль. Стерлитамакский кантон, 1930 г.

¹ Здесь и далее в главе экспедиционные фотографии и зарисовки А.С. Бежковича (из личного архива В.Я. Бабенко).

В этих условиях отметить и сохранить информацию об исчезающих этнических особенностях труда на земле было очень важно с научной точки зрения. А.С. Бежкович пишет, что «крестьянская земледельческая техника... представляет большой научно-познавательный интерес, составляет важнейший элемент культурного наследия прошлого... Для этнографии она дает ценный материал, помогающий раскрыть многие, оставшиеся до сих пор не ясными вопросы этнической истории народов, их происхождения, взаимных контактов и культурно-исторического сотрудничества. Немало явлений современной жизни становятся понятными только в свете прошлого»¹.

Характер расселения украинцев в Башкирии выразительнее всего раскрывается на материалах Уфимского кантона, обследованного более тщательно. А.С. Бежкович отмечает, что украинцы разбросаны здесь по всей территории то отдельными населенными пунктами, то группами. Чаще всего встречаются смешанные русско-белорусско-украинские или белорусско-украинские населенные пункты, значительно реже – латышско-украинские, чувашско-украинские и др. С опорой на данные переписи 1926 г., выбранной по Уфимскому кантону, в Иглинской волости проживало 1312 украинцев (54,2% всех украинцев кантона или 4,2% всех украинцев Башкирии), в Архангельской – 447 (13,3%; 1,6%), в Петровской – 371 (10,4%; 1,8%), в Улу-Теляжской – 721 (21,5%, 3,1%), в Усмангалинской волости украинцев не зафиксировано. Всего в четырех волостях кантона – 3351 чел.² Украинцы селились селами (деревнями), хуторами, товариществами, после Октября – колхозами-коммунами. Хуторские тенденции наиболее сильно развиты именно у украинцев (также латышей, эстонцев и белорусов), которые «при всяком удобном случае стараются обзавестись хуторами»³.

В период экспедиции в Башкирском крае сосуществовало четыре системы полеводства: переложная, трехпольная, четырехпольная, многопольная. Украинцы использовали преимущественно четырехпольную, но наблюдалась довольно сильная тенденция замены четырехполья многопольем (по 6-7 полей, что было характерно для 10–15% украинских хозяйств⁴). Размеры посевных площадей (*Фото 4*) украинцев были выше средних цифр, сопоставимые с площадями русских, но не такие большие, как у латышей и белорусов, поэтому украинцы относились к группе среднеобеспеченных посевными площадями народов⁵. Например, по материалам восточных волостей Уфимского кантона, пашни и посевы составляли в среднем 4,6 га на одно хозяйство (средняя норма – 4,0 га), из них 1,2 – озимые и 1,7 – яровые посевы. По волостям колебания показателей были следующие – от

¹ Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии... С. 61.

² Бежкович А.С. Материалы к исследованию по этнографии... Арк. 21–22.

³ Там же. Арк. 25.

⁴ Бежкович А.С. Научная работа о земледелии в Башкирии... Арк. 14.

⁵ Там же. Арк. 6.

2,8 га в Архангельской волости до 6,0 га в Петровской волости. Ржаные поля составляли здесь 41,4% всех посевных площадей¹.

*Фото 4. Расчистка земли из-под леса,
с. Талалаевка, Стерлитамакский кантон, 1930 г.*

Большим вниманием у украинцев пользовалось луговодство. Вслед за латышами и белорусами они, например, начали сеять клевер. Но в целом луговыми угодьями украинские хозяйства были обеспечены хуже, чем латышские или белорусские, и соотносимы с русскими. По кантонам показатель колебался от 0,12 га в Иглинском до 1,94 в Петровском (максимальный зафиксированный показатель – 4,94 га)². Русско-украинская группа занимала здесь второе место из пяти. Типичным орудием для кошения травы была обыкновенная коса-литовка, сгребали сено обычными ручными граблями.

Особое внимание А.С. Бежкович уделил состоянию животноводства, замечая, что часть украинских хозяйств носит выраженный животноводческий уклон. Украинцы, в отличие от большинства других народов, дают картофель в корм скоту и свиньям, при том, что посев корнеплодов на огородах носит случайный характер.

По обеспеченности лошадьми русско-украинская группа также занимала второе место с показателем 1,2 головы на 1 хозяйство или 0,9 рабочих. Лошадь являлась только рабочим и упряжным животным, но не продовольственным. Лошади у украинцев содержались в сравнительно лучших условиях – получали не только грубый корм, но и концентрированный – овес, отруби и ржаную муку в мякине. В зимнее время лошади содержались в специальных конюшнях, в теплое летнее время – под навесами. Зимой ло-

¹ Бежкович А.С. Научная работа о земледелии в Башкирии... Арк. 3.

² Там же. Арк. 21.

шадей чистили, летом купали. В свободное от работы время лошади летом выпасали на выгоне или в лесу.

По обеспеченности крупным рогатым скотом украинцы имели 1,3 коровы на 1 хозяйство (средний показатель по кантону – 1,4). Содержали разные породы, были и племенные производители. Условия содержания, ухода и кормления также одни из наилучших. Некоторые украинские хозяйства являлись товарными в части свиноводства. Обеспеченность свиньями наивысшая – 1,5 головы на 1 хозяйство (как у латышей и белоруссов). Выращивались преимущественно породистые йоркширы. Эта отрасль пользовалась у украинцев большим хозяйственным вниманием. Наконец, по обеспеченности хозяйств овцами украинцы занимали второе место после русских – 2,7 головы на 1 хозяйство (у русских – 3,5, среднее значение по кантону – 2,7)¹. По всем указанным выше категориям скота А.С. Бежкович приводит в текстах статей подробные статистические таблицы по отдельным волостям.

Каждая народность, переселяясь в новый край, привозила с собой привычные орудия труда, которые, будучи хорошо приспособленными к работе на прежней родине, часто оказывались непригодными в новых условиях и заменялись другими, более подходящими. Прежде всего, это справедливо для пахотных орудий. Иногда более совершенные с технической точки зрения орудия, например, заводские плуги, уступали место менее совершенным, но хорошо приспособленным к местным почвенным условиям орудиям кустарного изготовления. Такой случай произошел и с украинцами, которые у себя на родине пахали заводскими плугами. Переселяясь в Башкирию, они взяли их с собой, но, убедившись в непригодности в более лесной зоне, временно заменили «косулями» – орудиями местной ручной работы².

У украинцев процесс подбора лучших, более приспособленных к местным условиям пахотных орудий и замена ими старых, за период между крестьянской реформой и коллективизацией деревни происходил в следующем порядке. Первый вариант: а) украинский плуг кустарного изготовления (т.н. «ковальский»); б) косуля; в) плуг заводского изготовления. Второй вариант: а) плуг заводского изготовления; б) косуля; в) плуги и буккера заводского изготовления³. По свидетельству А.С. Бежковича, у народов Башкирии нашли применение изготовленные самими крестьянами с помощью кузнецов 13 видов пахотных орудий, в том числе, «украинский плуг»⁴. В этой связи А.С. Бежкович упоминает, что ряд исторических и технических данных, детальное описание, конструкции, чертежи украинского плуга и рала, бытовавшего на Кубани, были подробно им даны в соответствующих публика-

¹ Бежкович А.С. Научная работа о земледелии в Башкирии... Арк. 30, 49, 53.

² Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии... С. 63.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. С. 66.

циях¹. Из трех основных типов пахотных орудий (сошного, сошно-плужного, плужного) украинский плуг относится к последнему и представляет по конструкции и техническим параметрам (градиль, передок, размер и массивность чепиги, лемеха, отреза, отвала) вполне законченный и обособленный от всех других тип орудия. В плуг обычно впрягали от 4 до 8 лошадей или волов. Таким образом, у украинцев первоначально существовали только орудия плужного типа, но в силу хозяйственных соображений (соха незаменима при распашке «чищобы», лесной почвы между частыми пнями) они были вытеснены сошно-плужными – сохами-одинарками (Рис. 1) и косулями (хотя и позднее, чем у других народов), а затем косули заменяются заводскими плугами. В итоге большинство украинских хозяйств заменили косулю и плуг кустарной работы заводскими плугами и буккерами².

Рисунок 1. Соха-«одинарка», с. Федоровское. 1929 г.³

Для ручного сева у украинцев (как и некоторых других народов) чаще всего использовалось приспособление под названием «сетиво» или «севалка», сплетенное из ржаной соломы или лыка, украинцы сеяли также из мешка. С точки зрения самой техники посева, т.е. разбрасывания семян, украинцы как русские и белорусы сеяли «в два сева»: бросив семена вперед и несколько вправо, сеятель делает широкий шаг вперед и с новой горстью повторяет движение⁴. Заделка семян производилась на 95-97% крестьянскими боронами и только на 3-5% заводскими⁵. В некоторых украинских хозяйствах посевы укатывали, употребляя специальные деревянные катки кустарной работы из вяза, дуба, липы и других деревьев – округленное бревно длиной около 2 метров и диаметром 35-40 см, к которому прилажен станок и дышло или оглобли для запряжки лошадей. Реже встречались и другие типы⁶.

¹ Бежкович А.С. Еволюція рильничного начиння на Кубані. Рало // Науковий Збірник Ленінградського Товариства Дослідників українського письменства й мови. 1928. С. 93–103; Он же. Кубанський плуг // Науковий Збірник Ленінградського Товариства Дослідників українського письменства й мови. 1930. С. 85–112.

² Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии... С. 68–69.

³ Там же. С. 67.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Там же. С. 71.

⁶ Там же. С. 72–73.

По интенсивности применения навоза как главного органического удобрения в крестьянских хозяйствах Башкирии А.С. Бежкович отнес украинцев ко второй группе из пяти: мера использования здесь была 70-80% (максимум 100% у латышей, а башкиры навоз совсем не применяли, выбрасывая в овраги)¹. Прополочные работы украинцы вели обычно ручными орудиями – мотыгами («сапками», «сапами»), которые были завезены в Башкирию именно украинцами и белорусами и распространились затем среди других народов. В этой связи А.С. Бежкович проводит аналогии с украинцами в Казахстане и Киргизии². В качестве изгороди для пашни или выгонов скота украинцы, как и другие народы, чаще всего использовали жерди³. В большинстве украинских хозяйств хлеб убирали жнейками, реже использовали серпы. А, например, украинские «грабки» (грабельки с 3-5 зубьями, которые прикрепляются к пятке косы, от каждого зубца идет тонкая бечевка и крепится у ручки косовища, чтобы скошенный хлеб не переваливался и ровно ложился на покос) как орудие жатвы оказали решающее влияние на традиции башкир⁴. Уборочные машины имелись не более, чем в 15% украинских хозяйств. По мнению А.С. Бежковича, причина незначительного применения жатвенных машин была не столько экономическая, т.к. целый ряд хозяйств могли затратить необходимую сумму на покупку машины, сколько «глубоко въевшаяся в хозяйственный быт» традиция жать хлеб серпами вручную⁵.

С другой стороны, украинцы сами перенимали земледельческие традиции у своих соседей, например, способы хранения хлеба на поле. Дело в том, что у украинцев нередко встречалась кладка «крестами» (или «копою»), распространенная также в Украине, на Дону, в Воронежской области, в Поволжье, Казахстане: из четырех снопов, обращенных колосьями друг к другу, ставят крест; на первую четверку кладут вторую и третью, затем покрывают в некоторых местах отдельными снопами, так получается кладка из 14-15 снопов. Однако, этот способ имел недостатки, т.к. снопы, сложенные друг на друга, уплотнялись, в них слабо проникал ветер, а покрытие не всегда спасало от дождя, «кресты» промокали и рожь начинала прорастать. Поэтому частично был заимствован русский способ складывания снопов в «бабки» для сырого хлеба («суслонь», «поставушки» и др.), когда один сноп ставят вертикально, а к нему прислоняют под небольшим углом еще восемь снопов, а последним десятым, обращенным колосьями вниз, покрывали бабку как

¹ Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии... С. 74–75.

² Бежкович А.С. Земледелие украинцев-переселенцев южной части Семипалатинской губернии // Украинцы-переселенцы: Материалы Комиссии Экспедиционных Исследований АН СССР. Вып. 16. Л., 1930. С. 50.

³ Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии... С. 75.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Там же. С. 80.

шляпой. Сухую жатву продолжали класть в «кресты» и «копы» большого размера – до 60 снопов¹. Украинцы, единственные из народов Башкирии, пользовались специально оборудованными арбами (Фото 5) с высокими бортами-драбинами для доставки снопов к месту молотбы на гумно (остальные – на обычных одноконных телегах без приспособлений).

*Фото 5. Перевозка снопов с поля на гумно,
с. Талалаевка, Стерлитамакский кантон, 1930 г.*

На гумне снопы клали в закрытые помещения – сараи («клуни» (Фото 6), реже – в стога².

Фото 6. Клуня для хранения снопов, с. Богомолвка, Белебеевский кантон, 1930 г.

¹ Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии... С. 81.

² Там же. С. 83.

Для молотбы украинцы первоначально использовали деревянные катки, которые к концу 1920-х гг. были уже заменены каменными. Молотили таким катком, запряженным в одну или две лошади, на току (Фото 7–8) – круглой и ровной площадке, где лошадей гоняли по кругу. Но в большинстве хозяйств для яровых (кроме гречихи и льна) использовали ручные молотилки, а рожь обмолачивали цепами.

Фото 7. Колхозный ток, с. Софиполь, Стерлитамакский кантон, 1930 г.

Фото 8. Колхозники приступают к обмолоту, с. Талалаевка, Стерлитамакский кантон, 1930 г.

В Башкирии А.С. Бежкович обратил внимание на одну важную особенность – почти повсеместную замену молотбы ногами животных (заимствование от скотоводческих народов) ручной молотью цепом, что явля-

лось на то время противоречием общему правилу, имевшему место в большинстве южных районов страны, в том числе на Украине, на Кубани, на Дону и т.д., где использование животных не только не вышло из традиции, но, наоборот, совершенствовалось¹.

Конструкции цепов и техника молотбы ими имели некоторые этнические особенности. А.С. Бежкович зафиксировал в изученных районах три типа: русский, русско-белорусский и украинский, последний отличался большим размером и способом крепления била к черену. Причем украинский тип встречался только в украинских хозяйствах, сами украинцы говорили, что не умеют молотить русским или другими цепами, а другие народы считали украинский цеп не очень удобным для работы. Кроме того, украинцы не соблюдали общепринятую у большинства других народов норму в 5-6 молотников, молотили в 1-3 цепа, редко больше – в зависимости от рабочих рук в семье; работали как мужчины, так и женщины². Веяли во многих хозяйствах веялками (в среднем 1 веялка на 3,1 хозяйства, это второе место после латышей – 1:1,2), но в некоторых украинских хозяйствах сохранился еще, как исключительная редкость, старинный способ очистки зерна для посева или размола через большое кожаное решето – «грохот» (Фото 9), что позволяло производить работу с гораздо большей чистотой, чем также широко распространенное веяние лопатой или с помощью других приспособлений (Фото 10)³.

Фото 9. «Грохот» – сито для очистки зерна, с. Богомолвка, Белебеевский кантон, 1930 г.

Фото 10. Украинки треплют коноплю, с. Богомолвка, Белебеевский кантон, 1930 г.

¹ Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии... С. 87–88.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 91, 93.

Основные выводы А.С. Бежковича заключались в том, что, во-первых, украинцы в культурно-хозяйственном отношении представляют особую группу населения, более прогрессивную с точки зрения ведения хозяйства. Во-вторых, для украинцев типично хуторское землепользование и поселение, значительно реже – общинное землепользование и сельско-деревенское поселение. В-третьих, в хозяйственных практиках украинцы многое заимствовали у других народов, в частности латышей, но, с другой стороны, передавали свои навыки и опыт русским, чувашам, марийцам.

В своих полевых наблюдениях А.С. Бежкович обратился еще к одной проблеме – народные верования, связанные с аграрной культурой. Эта тема находилась под негласным запретом с точки зрения официальной советской науки того времени, поэтому полученные сведения нигде не были опубликованы, оставшись в виде архивной рукописи. А.С. Бежкович отмечает, что у украинцев Башкирии посевной обряд выражался, главным образом, в символическом освящении семян, который совершался 1 августа в церквях. Святили по 3-4 зерна, затем освященные зерна смешивали с остальными, полагая, что они тоже превратятся в священные¹. Также, чтобы пошел дождь, у украинцев бытовал обряд поливания друг друга водой. Или ходили со священником, иконами и хоругвями по полю. Украинцы начинали жатву только в «легкие» дни: вторник, среду, пятницу и субботу. Первый сжатый сноп ставили в красный угол хаты и держали его там до посева, а затем обмолачивали и сеяли. Существовал и обычай завязывания «Николиной» или «Ильиной» бородки, когда по окончании жатвы на поле оставляли несколько колосков несжатой ржи, связывали в нескольких местах и около них ставили «жертвоприношения» – воду, куски хлеба, сало в тряпочке и т.п.² Связано это с тем, что дух поля относился к добрым духам, и с ним нужно было установить хорошие отношения, само поле также одухотворялось. Приведенные данные показывают, что в повседневной жизни украинцев и других народов края существовало двоеверие. В данном случае христианство соединялось со старинными языческими культами и обрядами³. Но, к сожалению, где именно на территории Башкирии зафиксированы указанные выше обряды, А.С. Бежкович не сообщает.

Таким образом, экспедиция 1929–1930 г. успела зафиксировать в истории земледелия в Башкирии многое из того, что исчезло впоследствии бесследно. Большое этническое разнообразие земледельческой техники под влиянием социально-экономических и иных условий подвергается значительной унификации. Этнические особенности в земледельческой технике народов Башкирии продолжали существовать вплоть до начала коллективи-

¹ Бежкович А.С. Связанные с земледельческим культом поверья и обряды у народов Башкирии... Арк. 5.

² Там же. Арк. 12, 14–15.

³ Там же. Арк. 17–18.

зации. Благодаря подвижнической работе А.С. Бежковича возможно воссоздать, в значительной мере, картину хозяйственной жизни того времени у разных народов, населявших центральную часть Башкирии, выяснить ее особенности, выявить истоки этих особенностей. Экспедиция со всей убедительностью показала, что уровень развития земледелия, его удельный вес, способы ведения хозяйства (Фото 11–12), техника у разных народов Башкирии были неодинаковыми.

*Фото 11. Технология постройки турлучной хаты,
с. Богомолвка, Белебеевский кантон, 1930 г.*

Фото 12. Колхозная пасека, с. Богомолвка, Белебеевский кантон, 1930 г.

Украинцы-переселенцы пришли на Южный Урал с уже сложившимися и высокоразвитыми навыками и в 1920–1930-е гг. обладали еще достаточно выраженным этнокультурным комплексом, наиболее развитым огородничеством (хотя из всех растений товарностью обладал только лук) и высоким по сравнению с другими народами уровнем земледелия. Земледельческий опыт украинцев существенно повлиял на другие народы Башкирии, но, в то же время, традиционный уклад и быт самих украинцев изменялись под влиянием местных условий.

Еще одна страница истории Уфы 1930-х гг. связана, пусть и косвенно, с украинской темой. Речь идет о судьбе знаменитого российского ученого *М.К. Любавского*¹ – ученика В.О. Ключевского, академика, ректора Московского университета в 1911–1917 гг. В 1882 г. по окончании университета он был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию, работал в Московском архиве Министерства юстиции по древне-литовским материалам.

М.К. Любавский

М.К. Любавский вошел в число корифеев отечественной науки за свои труды по истории Великого Княжества Литовского, обращая особое внимание на статус и положение украинских земель в составе этой федерации. По данной теме особого внимания заслуживают его работы «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута» (1894), «Начальная история малорусского казачества» (1895), «Литовско-русский Сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства» (1909), «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С приложением текста хартий, выданных княжеству Литовскому и его областям» (1915). Важнейшими трудами М.К. Любавского являются также «История царствования Екатерины II. Курс, читанный в Императорском Московском университете

¹ *Любавский Матвей Кузьмич* (1860–1936) – историк, магистр, доктор наук, организатор архивного дела, академик АН СССР (1929), член-корреспондент с 1917 г. В 1882 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета, преподавал в гимназиях. С 1894 г. – приват-доцент Московского университета, с 1901 г. – профессор, с 1908 г. – декан историко-филологического факультета, с 1911 г. – ректор. После революции 1917 г. работал на административных должностях в Главархиве. В 1931–1936 гг. – сотрудник Башкирского научно-исследовательского института национальной культуры в Уфе.

весной 1911 года», «Лекции по древне-русской истории до конца XVII века», «Русская история XVII–XVIII веков», «История западных славян», «Литовско-Русский Сейм». М.К. Любавский явился разработчиком таких направлений как историческая география и история колонизации. Серьезным научным вкладом ученого считается курс лекций «Историческая география России в связи с колонизацией» (1909), где М.К. Любавский показал причины, направления, этапы, характер русской колонизации. Курс лекций включает главы по истории юго-восточных областей, в том числе Башкирии, Казахстана и Средней Азии. В 1930 г. на 70-м году жизни М.К. Любавский был арестован по так называемому «академическому делу» (связанному с чисткой «идеологически неблагонадежных элементов» в Академии наук СССР), обвинен в контрреволюционной деятельности, стремлении к низвержению существующего строя. В 1931 г. осужден на пять лет, лишен звания академика и выслан в Уфу. В Уфе М.К. Любавскому было разрешено работать старшим научным сотрудником в Башкирском научно-исследовательском институте (БашНИИ), где стал инициатором открытия сектора истории. Он активно занимался народными движениями, подготовил рукопись «История башкирских восстаний в XVII и XVIII веках», а также проводил исследования по истории колонизации Башкирии, быту народностей Башкирии и планировал эти темы также оформить в монографию.

М.К. Любавский внес значительный вклад в развитие науки Башкирии на заре ее становления¹. Его заслуги несомненны в области обработки, копирования, сохранения и анализа архивных фондов Оренбургского военного губернатора, ввел в оборот много уникальных источников, подготовил к изданию два сборника ценных документов по политической и социально-экономической истории края, многие работы завершить не успел. Срок ссылки ученого закончился 5 ноября 1935 г., но его проживание в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик было запрещено. Неоднократные попытки добиться реабилитации или смягчения условий результата не дали. 22 ноября 1936 г. М.К. Любавский, не успев вернуться в Москву, скончался в Уфе и был похоронен на местном Сергеевском кладбище (реабилитирован в 1967 г.).

В 1938–1940 гг. на территории республики работала научная экспедиция Института истории, языка и литературы БашНИИ, организованная по инициативе Совнаркома БАССР. С осени 1938 г. для научного руководства полевыми исследованиями в Башкирию из Ленинграда была направлена

¹ См.: Фешкин В.Н. Участие академика М.К. Любавского в становлении исторической науки в Башкортостане // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 103–106.

*Н.П. Колпакова*¹ – к тому времени авторитетный и опытный специалист в области экспедиционных исследований. Экспедиция охватила, в том числе, и места компактного расселения украинцев в Абзелиловском, Баймакском, Белорецком, Хайбуллинском районах.

Н.П. Колпакова

В ходе экспедиции, проходившей с 23 августа по 24 сентября 1938 г., были записаны рассказы о пугачевщине, заводской фольклор, поговорки, пословицы и др., а также народные песни русских, башкир, татар – всего около 4000 образцов². Среди них было и несколько украинских – лирические «Їхав козак на війне-ньку», «За городом вишенка похилилась», «Розпрямуйте, хлопці, коней», свадебная «Із-за гори». Тексты этих песен без напевов вошли в состав сборника «Русские песни и рассказы», поскольку составители не ставили себе задачу строгой этнической дифференциации собранного материала, подразумевая под «русским» весь славянский фольклор³. Записаны песни были от разных информантов – как украинцев, так и русских, знали их и представители других национальностей, т.к. население сел и деревень было преимущественно этнически смешанным. Принято считать, что это наиболее ранние профессиональные записи украинского фольклора. Четыре песни были включены в сборники, посвященные русскому фольклору, т.к. этническая дифференциация собранного материала в то время не проводилась.

В публикациях и дневниковых записях описаны встречи и беседы Н.П. Колпаковой с местным населением, в том числе украинцами: «Шофер, с которым я ехала сегодня в кабине, рассказал мне, что он с Украины и что

¹ *Колпакова Наталья Павловна* (1902–1994) – фольклорист, литературовед, писатель, кандидат филологических наук (1949), доктор филологических наук (1963). В 1924 г. окончила Высшие курсы искусствознания Государственного Института истории искусств, с 1926 как аспирант участвовала в ряде экспедиций, занималась изучением русского фольклора. В 1930-е гг. сотрудничала с институтом литературы АН СССР. С 1939 г. заведовала Кабинетом народного творчества при филологическом факультете ЛГУ. С 1953 г. работала в секторе устного народно-поэтического творчества Института русской литературы АН СССР. До 1958 г. принимала участие в экспедициях в Ленинградскую область, на Урал и в Поволжье. Собрала более 3,5 тыс. текстов. Автор многочисленных научных, научно-популярных трудов и художественных сочинений. Член СП СССР (1943).

² Ахатова Ф.Г. Некоторые особенности бытования песенного фольклора украинских переселенцев в Башкирии // *Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии*. Киев: Музична Україна, 1995. С. 20.

³ Подробнее о работе экспедиции см.: Ахатова Ф.Г. Из истории исследования украинского песенного фольклора в Башкортостане // *Завези од мене поклон в Україну... Фольклор українців Башкортостану*. Уфа, 1999. С. 13–14.

вообще все шоферы тут украинцы...»¹. Кроме песен, внимание исследователей было обращено и на состояние материальной культуры – типы, материалы и расположение жилищ, хозяйственных построек, зафиксированы традиционные элементы – глиняные мазаные хаты под соломенной крышей, плетень, огород с типичным набором культур.

Экспедиция Н.П. Колпаковой положила начало изучению славянского фольклора в Башкирии, полученные результаты подтвердили наметившуюся в советский период тенденцию к межэтнической интеграции, взаимовлиянию и взаимопроникновению культурных форм, что находило отражение в быту, устном народном творчестве, музыкальных инструментах и др.

* * *

Научно-исследовательская деятельность в 1920–1930-е гг. происходила в политических, идеологических и социально-бытовых условиях, существенно отличавшихся от предшествующего этапа.

Во-первых, изучение истории края становится уже делом не энтузиастов-одиночек, любителей старины, а занятием профессиональных ученых, приобретает системный и организованный характер в рамках создающихся специализированных научных учреждений и обществ.

Во-вторых, государственная национальная политика до определенного времени способствовала развитию этнического самосознания народов молодой Советской России, новая власть видела в этом залог единства и стабильности страны. Украинцы систематически попадают в поле внимания исследователей как один из самых многочисленных народов Южного Приуралья.

В-третьих, в реалиях советской эпохи появляется и закрепляется мировоззренческая основа всей исследовательской работы в области исторических и этнокультурных процессов – идея интернационализма и необратимости активного межнационального сотрудничества.

Исходя из особенностей эпохи, анализируя содержание, формы, методы и направления исследований, можно сделать следующие выводы:

1. История переселенческого движения в довоенный период остается преобладающей темой научных трудов, постепенно наполняясь дополнительными сведениями, связанными с оценками результатов столыпинской аграрной реформы и миграционными потоками, вызванными Первой мировой войной и постреволюционными событиями – массовым голодом, индустриализацией, коллективизацией и т.п.

2. Благодаря совершенствованию методик организации и проведения переписей населения и текущего хозяйственного учета в советское время в научный оборот введено значительное количество нового и более точного

¹ Колпакова Н.П. Путевой дневник // Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. Вып. 3. Уфа: Изд-во Баш. ун-та, 1976. С. 232.

статистического материала, в том числе отражающего процесс формирования украинского населения Южного Приуралья.

3. Все исследователи в своих трудах стремились реализовать главный методологический принцип – проведение сравнительно-исторических параллелей с целью выявления общих и отличительных черт материальной и духовной культуры как в среде восточнославянской общности (русские – украинцы – белорусы), так и между представителями разных этноязыковых групп (славяне – тюрки – финно-угры).

4. Открывается новая страница в интеллектуальной истории приуральского региона, что связано с проведением первых научных экспедиций. На данном этапе ввиду отсутствия местных кадров в качестве руководителей привлекались специалисты из ведущих научных организаций страны. Полевыми исследованиями были охвачены как отдельные населенные пункты, так и целые районы компактного проживания украинцев Башкирии.

5. Успешное расширение источниковой базы за счет разнообразных полевых материалов позволило заложить крепкую основу для формирования в дальнейшем двух ведущих исследовательских направлений – 1) этнографического, связанного, прежде всего, с изучением особенностей хозяйства и быта местных украинцев; 2) фольклорного, позволившего продолжить собрание памятников устного народного творчества, где украинский пласт пока еще находился в общем контексте и объектом специального внимания не стал.

ГЛАВА III

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР В БАШКИРИИ В 1941–1943 гг.

С началом Великой Отечественной войны в июне 1941 г. встал вопрос об эвакуации научных учреждений УССР в удаленные от боевых действий районы страны. 25 июня на Общем собрании Академии наук УССР в Киеве прозвучал призыв ее президента, академика А.А. Богомольца направить все достижения науки на борьбу с агрессором. Накануне, 24 июня, в условиях быстрого продвижения врага вглубь страны по решению Политбюро ЦК ВКП(б) создается Совет по эвакуации населения, учреждений, военных и иных грузов. На Украине соответствующая Правительственная Комиссия была создана 26 июня. 29 июня она приняла решение об эвакуации АН УССР, 3–7 июля был утвержден состав академических учреждений и список ведущих ученых для первоочередной эвакуации. Местом расположения учреждения всесоюзный Совет назначил г. Уфу, куда 8 июля 1941 г. прибыл первый эшелон с 86 сотрудниками (из них 17 академиков, 25 членов-корреспондентов, 35 старших научных сотрудников и т.д.) и оборудованием некоторых институтов¹.

21 июля прошло первое организационное заседание Президиума АН УССР, на котором в виду незначительной численности эвакуированных сотрудников и необходимости скорейшего развертывания работ было принято решение об объединении материально-технической базы и научного состава нескольких институтов. В результате реорганизации был создан Институт общественных наук в составе шести отделов, которые представляли ранее самостоятельные Институт истории Украины, Институт археологии, Институт экономики, Институт языкознания, Институт украинской литературы им. Т.Г. Шевченко, Институт украинского фольклора (как отдел народного творчества), а также Кабинет по изучению еврейского языка, литературы и фольклора². Директором объединенного Института назначили известного языковеда, переводчика, литературоведа, академика М.Я. Калиновича. Таким образом руководство Академии стремилось сохранить научный и творческий потенциал в гуманитарной сфере, в том числе развернуть и активную краеведческую

¹ Онищенко О.С., Кучмаренко В.А. Передмова // Історія Національної академії наук України (1941–1945): Ч. 1. Документи і матеріали. Київ: НАН України, 2007. С. 10–11.

² Протокол засідання Президії АН УРСР про розгортання наукової роботи Академії в евакуації // Історія Національної академії наук України... С. 59.

работу¹. В этом направлении Институт установил тесные связи с Башкирским НИИ языка и литературы им. М. Гафури, Башкирским художественным музеем, Башкирским краеведческим музеем, Домом народного творчества БАССР, Союзом писателей БАССР и другими местными учреждениями².

В первые месяцы эвакуации Академия находилась в чрезвычайно сложных условиях – отсутствие регулярного и полного финансирования, слабая техническая база, недостаток помещений, бытовые проблемы сотрудников. Однако благодаря энергичной работе Президиума и активной поддержке со стороны органов власти Уфы и Башкирии эти вопросы постепенно решались. С начала 1942 г. наблюдалась стабилизация и улучшение как финансового, так и материального обеспечения Академии, что позволило увеличить численность научного коллектива, расширить тематику работ, возобновить деятельность ряда прежних учреждений, создать новые комиссии (например, комиссию по истории Великой Отечественной войны на Украине)³.

В марте и апреле 1942 г. на заседаниях Президиума Академии обсуждались вопросы целесообразности разукрупнения Института общественных наук, и в соответствии с принятыми решениями институты возобновили свою самостоятельную деятельность. В том числе, с 3 апреля продолжил работу Институт украинского языка и литературы им. Т.Г. Шевченко (директор – П.Г. Тычина), где среди актуальных направлений определили изучение диалектов украинского языка в Башкирии. С 12 июня вновь заработал Институт народного творчества и искусств (ИНТИ) – наследник Института украинского фольклора, существовавшего в составе АН УССР с 1936 г. Директором являлся музыковед и фольклорист, профессор Н.А. Гринченко, а после его смерти в ноябре 1942 г.⁴ Институт возглавил писатель, академик М.Ф. Рыльский. В марте – апреле 1943 г. были организованы архив, кабинет звукозаписи, кабинет музыкального творчества, фототека и другие подразделения⁵.

Главными задачами Академии и ее институтов были организационное укрепление в условиях эвакуации, а также уточнение и корректирование тематических планов созданных отделов и научных сотрудников. В 1943 г. в сводный план работы академии было внесено 400 тем, в том числе темы, связанные с вопросами украинской национальной культуры, национально-

¹ Онищенко О.С., Кучмаренко В.А. Передмова... С. 12.

² Доповідна записка Президії АН УРСР до РНК УРСР про зв'язки Академії з організаціями і підприємствами СРСР для наукової розробки проблем оборонної промисловості і народного господарства // Історія Національної академії наук України... С. 88.

³ Онищенко О.С., Кучмаренко В.А. Передмова... С. 16–17.

⁴ Н.А. Гринченко умер в Уфе, позднее перезахоронен в Киеве.

⁵ Онищенко О.С., Кучмаренко В.А. Передмова... С. 18.

культурного строительства, интернациональной дружбы. В том числе ИНТИ заявил 25 тем, значительно расширив круг исследовательских направлений по сравнению с деятельностью предшествовавшего отдела.

В связи с тем, что в Уфе также находилась в эвакуации и была привлечена к работе представительная группа профессиональных композиторов, художников и писателей Украины, прикомандированная к Академии, были созданы три дополнительных отдела: народного творчества (руководитель – П.Н. Попов), музыкального (Н.А. Гринченко) и изобразительного искусства (В.И. Заболотный). Творческие работники Института (хормейстер Г.Г. Веревка, композитор М.И. Вериковский, искусствовед Л.П. Калининченко, композитор Ф.Е. Козицкий, художник К.Д. Трохименко и др.) продолжили свою активную деятельность в Уфе, организуя выставки, концерты, творческие вечера и т.п.

Отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б) Украины в соответствии с планом работы на 1942 г. и требованиями к обществоведческим институтам в условиях военного времени рекомендовал в числе основных работать и над такой научной темой как «Язык и фольклор украинского населения в Башкирии»¹. Поэтому научная работа ИНТИ сосредоточилась, прежде всего, на изучении традиционной культуры украинских переселенцев в Башкирии, главным образом, фольклора, народного словесного творчества, искусства, материальной культуры. Для изучения языковых процессов в среде украинского населения были приглашены специалисты-лингвисты Института языка и литературы им. Т.Г. Шевченко.

Совместными усилиями было организовано семь² экспедиций и индивидуальных поездок по четырем районам – местам компактного проживания украинцев Башкирии. По возможности выбирались села разных типов – с мононациональным и смешанным населением, с выходцами разного времени и из разных областей (губерний) Украины. По свидетельству П.С. Лысенко, первичное ознакомление с отдельными украинскими селами Башкирии было проведено уже летом 1941 г.³

Первая организованная экспедиция состоялась с 20 по 26 сентября 1941 г. и по определению самих участников носила предварительный,

¹ Службова записка Президії АН УРСР до ЦК КП(б)У про діяльність Інституту суспільних наук АН УРСР в евакуації, необхідність його розукрупнення та тематику новостворених інститутів // Історія Національної академії наук України... С. 110.

² Возможно, состоялось восемь экспедиций. Однако сведения о поездке языковеда-диалектолога П.С. Лысенко в 1941 г. в село Кахновку Чишминского района, упомянутой в его статье (см.: Лысенко П.С. Особливості мови села Івангород Давлеканівського району БашАРСР // Наукові архівні фонди рукописів і фонозаписів Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Рильського НАН України (далее в главе – НАФРФ ІМФЕ). Ф. 12. Од. зб. 5. Арк. 400), другими архивными документами не подтверждаются. Точная дата и обстоятельства этой поездки не известны.

³ Лысенко П. Из спостережень над мовою українців Башкирії // Вісті АН УРСР. 1944. № 1–2. С. 33.

разведывательный характер. Результатом поездки в села Санжаровка, Богомоловка, Черниговка Чишминского района стали содержательные дневники В.П. Петрова, местного краеведа М.И. Касьянова и серия зарисовок башкирского художника *К.С. Давлеткильдеева*¹. В экспедиции кроме штатных сотрудников Института приняли участие украинские писатели П. Панч и А.И. Копыленко.

К.С. Давлеткильдеев

Результатом работы экспедиции стали отчет, представленный на заседании отдела 7 октября, дневниковые записи, журнальная публикация. Из материалов экспедиции известно, что ее работа началась с вечера 20 сентября 1941 г. на станции Чишмы в 50 км к западу от Уфы, где были окончательно определены интересующие объекты для изучения. Следующий день ушел на переезд на подводах в д. Санжаровка в 8 км от Чишмов, размещение в местной школе, затем в доме В. Коваленко и первичное ознакомление с населенным пунктом².

Содержательная часть экспедиции началась утром 22 сентября, когда было проведено краткое рабочее совещание по распределению направлений и тем исследований. А.И. Копыленко предполагал собрать информацию о времени, причинах, ходе и организации переселения, сведения о приобретенных землях, наделах. К.С. Давлеткильдеев заметил, что его роль будет вспомогательной – зарисовки по теме экспедиции – детали интерьеров, отдельные вещи, одежда, портреты, особое внимание будет уделено взаимодействию местных традиций и быта переселенцев. П. Панч предложил обязательно зафиксировать, что из материальной культуры украинцев сохранилось в Башкирии, а что изменилось под местным влиянием. М.И. Касьянов выступил с инициативой провести работу по этнографии, остановившись преимущественно на вопросах хозяйства (земледелие, скотоводство, птицеводство) в сравнительном аспекте.

¹ *Давлеткильдеев Касим Салиаскарович* (1887–1947) – живописец, график, первый профессиональный художник Башкирии, основатель башкирского изобразительного искусства и портретной живописи. В 1928–1935 гг. совершил ряд экспедиций по Башкирии для сбора этнографического материала и образцов башкирского искусства по заказу Уфимского художественного музея, где работал научным сотрудником. Член Союза художников СССР с 1937 г.

² Петров В.П. Щоденник експедиційної групи Інститута суспільних наук АН УРСР по темі «Українці в Башкирії» // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 7. Арк. 10.

П. Панч¹ решил сосредоточиться на изучении исторической памяти, фольклора в разных репертуарах – песни, сказки и др. Писатель предполагал, что необходимо будет провести несколько поездок, рассматривая настоящую как рекогносцировочную. В.П. Петров взял на себя изучение топографии, устройства дворов-усадеб, жилища, интерьеров². В его полевом дневнике сохранилось наиболее точное описание географического расположения с. Санжаровки, состава местного сельсовета, сельской инфраструктуры, планировки села, различных вариантов расположения хат, надворных построек. Наиболее подробно описана хата и хозяйство Василины Коваленко, у которой квартировали участники экспедиции.

П. Панч

В.П. Петров

В.П. Петров³ отметил в дневнике, что эта хата по сравнению с типичной украинской хатой на Полтавщине имела признаки изменений в соответствии с местными условиями, прежде всего с точки зрения материала – она была деревянной, рубленной и продолговатой (вытянутой). Второе отличие – сени, представлявшие «отдельное дополнение» и пристроенные с надворной стороны в восточной половине южной стены хаты. В типичной же украинской хате сени внутренние, составляют одно из отделений хаты. В-третьих, изменения коснулись внутреннего расположения хаты, прежде всего положения печи. В украин-

¹ Панч Петро (Панченко Петр Иосифович) (1891–1978) – писатель, новеллист, романист. Участвовал в Первой мировой войне, с 1921 г. после демобилизации начал литературную деятельность в газетах. Годы войны провел в Уфе и Москве, где работал главным редактором литературного отдела радиостанции «Советская Украина». После войны возглавлял Харьковскую организацию Союза писателей Украины, в 1966–1969 гг. – секретарь СП Украины. Автор многочисленных произведений в разных жанрах, лауреат Государственной премии им. Т.Г. Шевченко 1965 г. Находясь в Уфе, вел «Дневник», где показал обстоятельства и повседневную жизнь в эвакуации, бытовые условия, взаимоотношения, портреты коллег – представителей научной и творческой интеллигенции.

² Петров В.П. Щоденник експедиційної групи... Арк. 100б.

³ Петров Виктор Платонович (1894–1969) – писатель, литературовед, этнограф, археолог. В 1918 г. окончил историко-филологический факультет Киевского университета, в 1927–1933 гг. возглавлял Этнографическую комиссию АН УССР, в 1941 г. был директором Института украинского фольклора. Во время войны находился на оккупированных территориях Украины, в Германии. Позднее работал в Институте материальной культуры в Москве, с 1956 г. в Институте археологии в Киеве. Как этнограф писал статьи на темы народных верований, легенд, культур, книги о происхождении славян и украинцев.

ской хате печь стоит около стены, где двери, в описанной же хате печь находилась у противоположной к двери стены: дверь прорублена в южной стене, печь – у северной. Существенные отличия В.П. Петров нашел и в конструкции самой печи¹. Кроме хаты В. Коваленко в первые дни были обследованы и подробно описаны еще хозяйства Федоры Шпортько, Петра Лысенко, Мелании Лысенко. 23 сентября вновь состоялось совещание, на котором участники экспедиции давали краткие отчеты о проделанной работе. К.С. Давлеткильдеев в зависимости от погодных условий взял обязательство сделать 15 схематических зарисовок людей, объектов материальной культуры, преимущественно интерьеров (Рис. 2–4).

Рисунок 2. Портрет колхозника Петра Лихмана, с. Санжаровка, 1941 г.²

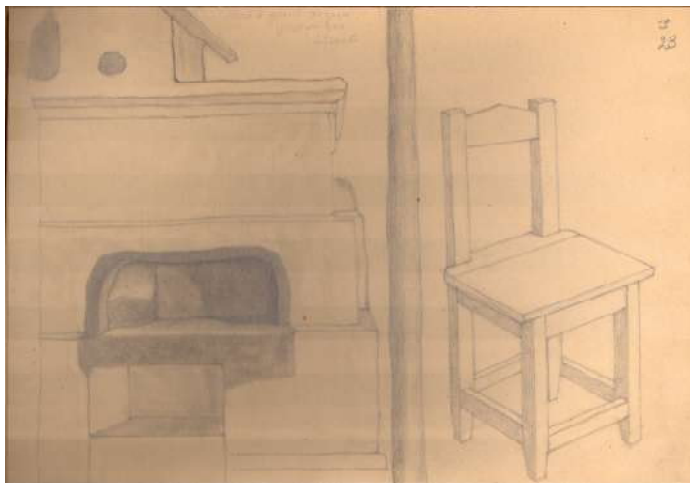
Рисунок 3. Зарисовки в хате Федоры Шпортько, с. Санжаровка, 1941 г.

¹ Петров В.П. Щоденник експедиційної групи... Арк. 11об.–13.

² Давлеткільдеев К. Малюнки // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 7. Арк. 21–23.

Рисунок 4. Печь в хате Федоры Шпортько, с. Санжаровка, 1941 г.

М.И. Касьянов¹ в соответствии с индивидуальным планом занимался изучением орудий труда и техники производства местных крестьян. Он заметил, что на завершение его темы по сельскому хозяйству необходимо еще три дня, в течение которых нужно обследовать пять дворов². В беседах с колхозниками исследователь собирал сведения об истории переселенцев, характере хозяйственных занятий, возделываемых культурах и т.п. Краеведу удалось зафиксировать, что «трехполосная» система землепользования продолжалась здесь вплоть до первых лет существования колхоза, организованного санжаровцами в 1930 г. По информации, собранной М.И. Касьяновым, сеяли рожь, пшеницу, овес, гречиху, просо, пробовали сеять ячмень. Из орудий обработки земли того времени сохранились еще особые плуги – так называемые «зайчики», сохи переселенцы никогда не применяли. Для боронования служили распространенные повсеместно деревянные бороны с железными зубьями («драпачи»), а также и бороны-«зигзаги». Сеялки и жнейки имелись в хозяйстве только очень зажиточных переселенцев и были большой редкостью вплоть до 1910 г. М.И. Касьянов обратил внимание на то, что хлеб убирался обыч-

¹ Касьянов Максим Ильич (?–?) – археолог, краевед. В 1920–1940-х гг. научный сотрудник Башкирского центрального краевого музея, был одним из инициаторов, участников и руководителей регулярных археологических экспедиций на территории Башкирии, одна из стоянок носит его имя. Опубликовал ряд статей. В середине 1930-х гг. собирал и переводил памятники башкирского устного народного творчества на русский язык. В 1941 г. в связи с сокращением штата музея сотрудничал с АН УССР. Биография и судьба ученого после войны неизвестны в связи с его неожиданным исчезновением.

² Петров В.П. Щоденник экспедиційної групи... Арк. 13об.

ным серпом, который всегда можно было купить «или на соседнем базаре, или у торгаша-лавочника». Для перевозки снопов с поля существовали, как и прежде, особые довольно глубокие телеги («гарбы»), которые вскоре переняли татары и башкиры. Для помола зерна частично практиковалась молотба цепом (особенно при обмолоте гречихи), но существовала уже и паровая мельница, находившаяся в соседней д. Богомоловке. Ранее же хлеб мололи на водяных мельницах, которые были в соседних русских и татарских деревнях¹.

М.И. Касьянов

24–25 сентября от санжаровских колхозниц М.И. Касьянов записал информацию о технологии производства домашних тканей. По их словам, в прежнее время в деревне были распространены обработка волокнистых растений и ткачество. Сеяли и обрабатывали преимущественно лен и коноплю, но в последнее время лен почти перестали сеять и пользуются одной коноплей. Из созревшей конопли выбиралась в определенное время посконь, связывалась в небольшие снопики и сушилась на солнце, будучи прислоненной к плетню сарая или бани. Хорошо высушенная, подготовленная конопля, вымачивалась затем в ямах с водой тут же при усадьбах. При этом следили, чтобы она не всплывала вверх, для чего накладывали на нее сверху какую-нибудь тяжесть. Мочили посконь обыкновенно в продолжении 2-3 недель в зависимости от температуры воды в яме и состояния погоды. По прошествии определенного времени, когда можно уже судить о степени готовности вымоченной конопли, снопики извлекали из ямы и просушивали. Для отделения волокон употребляли особые деревянные мялки («бытки»), «терныци» и гребни. «Терныця» служила для очистки волокон от кострики, оставшейся после битья конопли на мялке. Гребень же окончательно заканчивал процесс обработки и придавал волокнам блестящий шелковистый вид. Полученные таким образом волокна пряли посредством обыкновенного веретена или же самопрядки. В нужных случаях такая пряжа окрашивалась в разные цвета. При покраске предварительно кипятилась вода в каком-нибудь большом чугуне и туда засыпалась та или иная краска (большей частью анилиновая). При вторичном кипении в окрашенную воду запускалась пряжа, которая должна была выдерживаться в печке до следующего кипения. После всех этих приго-

¹ Касьянов М.И. Дневник экспедиционной группы Института общественных наук Академии наук УССР по теме «Украинцы в Башкирии» // НАФФ ИМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 7. Арк. 3–4об.

товлений, на что требовалось от 3 до 4 часов, окрашенная пряжа вынималась, прополаскивалась в холодной воде и развешивалась для просушки. Из конопляной и льняной пряжи ткали холст, который и употреблялся в зависимости от его толщины на рубашки, скатерти, полотенца и т.п. Причем для обыкновенного (грубого) холста («рудня») бралась более толстая пряжа, нежели для полотенец («рушников») и скатертей. Вытканые на своем домашнем станке полотенца и скатерти часто украшались разноцветными вышивками, а также кружевами¹.

А.И. Копыленко

Несмотря на непродолжительность работы в составе экспедиции, *А.И. Копыленко*² удалось собрать материал для небольшой статьи в журнале «Украинская литература»³, издававшемся в то время в Уфе, где даны обстоятельства массового переселения и природно-географическое описание башкирского края – «широкими, могучими полями, лесами синими, высоковерхими горами и степями, полноводными реками раскинулась богатая земля...». Сюда, в далекие края гнала судьба крестьян дореволюционной России из родных, насиженных, дедовских мест на «добровольное» переселение. Безземелье закинуло когда-то немало украинских крестьян на башкирские земли. «Кошмарные картины такого переселения не раз рисовали русские писатели – свидетели тех времен, когда крепостных крестьян, как скот, гнали на новые земли».

А.И. Копыленко проявил хорошую осведомленность в предмете своего рассказа. Так, говоря об истории переселенческого движения, он ссылается на публикации в журнале «Основа», приводит точные статистические данные по «Списку населенных пунктов Башкирской Республики» за 1926 г., указывает на примеры смешанного проживания украинцев с русскими, белорусами, латышами, мордвою, марийцами в некоторых населенных пунктах.

¹ Касьянов М.И. Дневник экспедиционной группы... Арк. 4об.–6об.

² *Копыленко Александр Иванович* (1900–1958) – писатель, педагог. С 1920-х гг. работал в Наркомпросе УССР, редакциях газет и журналов, член нескольких литературных объединений и союзов. С 1920 г. начал публиковать театральные рецензии, статьи, очерки, рассказы. В произведениях 1930-х гг. показывает события революционной эпохи, индустриализации, жизнь интеллигенции, в годы войны рассказывает о героизме на фронте и в тылу, в послевоенном творчестве главная тема – детство и юность, дружба, любовь, взаимопомощь.

³ Копыленко О.І. Українські переселенці в Башкирії // Українська Література. 1941. № 1–2. С. 193–196.

Писатель справедливо замечает, что для тех, кто более или менее знает Украину, очень часто по названиям сел можно определить, из каких районов прибыли переселенцы в Башкирию, например: Хрещатик, Нехворощанка, Тавричанка, Санжаровка, Черниговка, Верхне-Днепровка, Хотомля, Черкасское, Уманка, Полтавка, Киевский выселок и т.д. Переселенцы любили называть свои новые села именно так, как и свои родные, откуда они приехали. Однако, известны и села с чисто украинским населением, но название их характерно для данной местности: Туяш, Чатра, Шейхали и др.

А.И. Копыленко написал в статье, что на первый взгляд Санжаровка не очень похожа на полтавское село. Хаты в большинстве рубленые, лишь некоторые снаружи обмазаны глиной и побелены, садков мало. Зато внутри хаты бросается в глаза то же самое убранство, что и в настоящих украинских хатах. Обычаи свои и язык ни старые, ни молодые еще не забыли. Старшее поколение не забыло, почему им пришлось сюда переселиться, и кто-то красочно, хотя может быть и не очень охотно, вспоминает про те времена. Например, содержательный рассказ был записан А.И. Копыленко от Олексы Курелеха – «крепкого, сухопарого деда 78 лет». Он не бросил работы в колхозе и сторожил на пасеке. У него была небольшая, уютная, мазанная, сложенная на полтавский лад хата, широкий двор и огород при усадьбе. Жил он вдвоем с женой («бабой»), иногда забегали внуки, а невестка помогала по хозяйству. Про свои переселенческие мытарства как про далекое историческое прошлое дед Олекса рассказывал собеседнику выразительным полтавским языком¹. В кратком историческом очерке А.И. Копыленко удалось живым увлекательным языком показать достоверную картину переселенческого движения, а также в нескольких фрагментах отразить колорит повседневной жизни украинских крестьян в Башкирии.

В течение всего времени экспедиции стояла очень плохая погода. Почти ежедневный дождь и холодный, резкий, пронизывающий ветер стали главными причинами непродолжительности исследований. Писатели П. Панч и А.И. Копыленко вернулись в Уфу уже 23 сентября, а остальные участники экспедиции 26 сентября «вследствие неблагоприятной погоды и других разных сложившихся обстоятельств»². Общий вывод, к которому пришли участники первой экспедиции – народное творчество у украинских переселенцев не только сохраняется, но и процветает, поэтому можно надеяться на успех последующих исследований.

¹ Копиленко О.І. Українські переселенці в Башкирії... С. 196.

² Касьянов М.И. Дневник экспедиционной группы... Арк. 7–7об.

Вторая экспедиция в составе *П.С. Лысенко*¹ и старшего научного сотрудника Института общественных наук АН УССР фольклориста-музыковеда *М.Я. Береговского*² состоялась в апреле 1942 г. в село Кахновку Чишминского района, где жили потомки переселенцев 1904 г. из Полтавщины и Черниговщины. Записи народных мелодий проводились *М.Я. Береговским* при помощи фонографа. Результаты экспедиции, представленные 17 апреля на заседании отдела, были использованы в нескольких публикациях.

Прежде всего, это статья *М.Я. Береговского* в коллективном сборнике «Украинцы в Башкирии». Автор, признавая, что украинская наука мало занималась собиранием и изучением фольклора переселенцев, четко определил свое видение проблемы: «Изучение народного искусства переселенцев представляет большой интерес для науки, т.к., с одной стороны, на новых местах сохраняется много элементов народного творчества, которые нередко исчезают в местах происхождения переселенцев, с другой стороны – под влиянием нового окружения народное искусство дает новые интересные формы... Во время Отечественной войны сама жизнь стимулировала такую работу»³.

Кроме того, известна небольшая заметка *М.Я. Береговского* в уфимской газете «Литература и искусство», посвященная поездке в с. Кахновку⁴. Из этой заметки известно, что целью экспедиции было изучение языка украинских переселенцев и собирание образцов народного творчества. Изучение быта местного украинского населения давало возможность правильно разрешить целый ряд фольклорных и языковедческих вопросов.

¹ *Лысенко Панас (Афанасий) Силович* (1912–1990) – филолог, кандидат филологических наук. В 1934 г. закончил Киевский университет, с 1936 г. работал в Институте языкознания АН УССР, в 1939–1941 гг. заведовал отделом диалектологии, изучал систему говоров в Украине и Башкирии, о чем написал ряд статей, подготовил «Опросник для составления Диалектологического атласа украинского языка», программу для собирания лексики к «Словарю украинских говоров», руководил диалектологическими экспедициями, с 1964 г. сотрудник отдела лексикологии и лексикографии ИЯ АН УССР.

² *Береговский Моисей Яковлевич* (1892–1961) – музыковед, фольклорист, кандидат искусствоведения. В 1920 г. закончил Киевскую консерваторию по классу виолончели. В 1928–1936 гг. руководитель Комиссии по изучению еврейского фольклора, заведующий Кабинетом музыкальной этнографии фольклорной секции Института еврейской пролетарской культуры АН УССР, в 1936–1941 и 1944–1949 гг. заведующий фольклорным отделом Кабинета еврейской культуры АН УССР, одновременно заведующий Кабинетом музыкальной этнографии и преподаватель Киевской консерватории. В 1941–1944 гг. старший научный сотрудник Института общественных наук, Института языка и литературы АН УССР. В 1950 г. арестован, осужден на 10 лет за «антисоветскую деятельность», реабилитирован в 1956 г.

³ *Береговский М.Я.* Экскурс у вивчення музичного фольклору українських поселенців Башкирії // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 5. Арк. 356.

⁴ *Береговский М.Я.* Село Кахновка // Література і Мистецтво. 1942. № 11(15). 1 червня.

Село Кахновка, расположенное в 50 км от Уфы и в 25 км на север от станции Чишмы, было основано в 1900 г. переселенцами из Конотопского уезда Черниговской губернии и Кременчугского уезда Полтавской губернии. На момент приезда экспедиции село насчитывало 115 дворов. Очевидно, переселенцев из Полтавщины было больше, поэтому село получило название одноименного полтавского села. В первую очередь в Кахновке исследователи обратили внимание на побеленные хаты, садки – «все из Украины». Еще одна черта, которая резко выделяла это село – песня: «Село звучить. Воно співає під час відпочинку. Воно в пісні виливає сум, піснею висловлює радість. Співають літні люди, співають юнаки, співають діти»¹.

М.Я. Береговский

М.Я. Береговский замечает, что если до второй половины XIX в. переселение носило принудительный характер, было организованным и осуществлялось помещиками, то далее уже нищета стала гнать тысячи людей на поиски счастья в далекие малозаселенные окраины России. Переселенцы за деньги от проданных на Украине двух десятин получали на новом месте 10–15 и даже более десятин. Особенно высокими показатели переселения были в 1890-е гг. Жители Кахновки, пишет автор, не забыли родной край, сохранили родной язык, национальные черты быта, обычаи, привили молодежи любовь к Украине. Сохранились и черты украинской хаты: внутреннее расположение, побеленные стены, украинский орнамент на вышитых рушниках. По наблюдениям М.Я. Береговского, разговорный язык – украинский, в котором черты юго-восточных говоров (Полтавщина) преобладают над чертами северного говора (Конотопский уезд), чувствуются определенные влияния русского и татарского языков, полностью отсутствует послеоктябрьская социально-политическая терминология, что объясняется «отсутствием живой, постоянной связи с культурой Советской России».

Переселенцы сохранили много народных песен разных жанров, преимущественно это песни бытовые, лиричные. Полностью сохранился цикл свадьбы, которая еще до войны справлялась со всеми старинными подробностями. По данным М.Я. Береговского, наиболее распространены в Кахновке песни «Ой, посію рожу в три лана», «Ой, при лужку, при лужку», «Шумлять верби в кінці греблі», «Ой, на дворі дощик» и др. В школе во время перерыва он наблюдал такую картину: ученики окружают учитель-

¹ Береговський М.Я. Село Кахновка // Література і Мистецтво. 1942. № 11(15). 1 червня.

ницу – воспитанницу этого же села и этой же школы, и сразу же начинается пение. Но национальные музыкальные инструменты не сохранились. Лишь у одного деда нашлась дудка, а, например, про бандуру и лиру переселенцы не имеют представлений. Популярен был «Кобзарь» Шевченко, который «ходил» по селу, и зачитали его «до дыр», особенно нравилась сельчанам «Катерина». Интересно, что фамилию великого поэта переселенцы произносили, делая ударение на первый слог – Шéвченко, как бы снова возвращая утраченную семантику. М.Я. Береговскому сообщили, что драмкружок постоянно просит украинские книжки, газеты, патефонные пластинки (в селе был патефон в большом наборе пластинок, среди которых и некоторые украинские песни: «Галя», «Хміль», «Сонце низенько»). Отмечен у кахновцев интерес и к советскому периоду, что ставило перед деятелями украинской культуры и искусства важное задание – удовлетворить подобные требования.

Итак, в небольшой газетной заметке М.Я. Береговский несколькими яркими штрихами нарисовал картину самобытной жизни в украинском селе Кахновка, где, действительно, была «большая тяга к украинскому печатному слову, к украинской культуре и искусству». Главный научный результат поездки – с помощью фонографа записано 20 песен, в том числе от местной учительницы Ольги Горлач, от хора учениц школы, женщин села, имена которых не сохранились.

Впечатления П.С. Лысенко от поездки нашли отражение в статье «Из наблюдений над языком украинцев Башкирии»¹. Приводимые сведения в значительной степени перекликались с описанием М.Я. Береговского. Кахновка предстала перед ученым «средним по размеру» селом (всего по сельсовету с хуторами и поселками – 305 дворов с населением в 1500–1800 человек), состоящим из трех частей, раскинувшегося в степи на ровной местности. В селе была одна длинная улица без названия. По замечанию исследователя, планы усадеб и названия построек ничем не отличались от типовых украинских, размеры хат – обычные для Полтавщины, все хаты рублены из дерева, снаружи и изнутри обмазаны, крыты соломой, досками, железом и в некоторых случаях черепицей. Переселенцы из Украины, имея на родине не больше 2 десятин зем-

П.С. Лысенко

¹ Лисенко П.С. Из спостережень над мовою українців Башкирії // Вісті АН УРСР. 1944. № 1–2. С. 33–36.

ли, покупали здесь от 15 до 25 десятин, цена одной десятины колебалась от 57 до 140 руб. В селе в 1940-е гг. действовало два колхоза «Культурная Украина» и «Октябрь».

Особенно П.С. Лысенко отмечает, что население в своей массе было грамотное, есть неполная средняя школа, 286 учеников, 11 учителей, две библиотеки, клуб, очень велика потребность в украинской литературе. Но украинский язык, в котором «крепко сохранились старые черты», присутствует только в семейном быту.

По мнению П.С. Лысенко, отдельную проблему представляет взаимоотношение украинского языка с другими языками данной местности и в целом на территории БАССР. Наибольшее влияние имеет русский язык. В лексике украинские слова либо исчезают совсем, либо заменяются на соответствующие русские, например: *толока* → *помощь*, *чоловік* → *мужик*, *засік* → *ларь*, *садиба* → *усадьба*, *квочка* → *клушка* и т.д. Есть группа понятий, которые передаются то украинскими, то русскими словами: *рогач/ухват*, *кваша/кулага*, *гарбуз/кабак*, *димар/труба* и др. Крепко укореняются также некоторые татарские слова: *бастрык*, *буран*, *чапан*, *карда* и др.

Кроме проблемы активных заимствований, другая проблема в украинском языке – интеграционные процессы. Как и М.Я. Береговский, П.С. Лысенко выделил две группы наречий: северную (Конотопский уезд) и юго-восточную (Кременчугский уезд). В языке этих двух групп на протяжении 40 лет совместного проживания происходили борьба, взаимопроникновение, сближение диалектных черт. В этой борьбе черты юго-восточного наречия оказались более сильными и почти ассимилировали в себе северный говор. В качестве примеров П.С. Лысенко приведено восемь фонетических черт у представителей северной группы, характерные, прежде всего, для юго-восточной, три черты – в морфологии, проявления заимствований в лексике. Но, все же, главный путь обогащения лексики, по мнению лингвиста, – не внутренние заимствования, а интернациональные.

Предварительное ознакомление с жизнью украинцев Кахновки показало исследователям, что местные жители прекрасно сохранили «сочный родной язык, национальные черты быта, обычаи, а главное – любовь к родному краю, к украинской культуре, а также сохранили свои песни – песни свободного народа»¹. П.С. Лысенко выразил уверенность в том, что дальнейшие исследования помогут лучше понять не только характер и тенденции развития языка местных украинцев, но и в целом историю и результаты переселения в области культуры и быта.

Третья экспедиция в составе фольклориста М.М. Плисецкого и лингвиста В.С. Ильина работала в селах Давлекановского района – Руб-

¹ Лысенко П.С. Из спостережень над мовою українців Башкирії... С. 36.

левке, Софиевке, Ляшковке, Александровке с 31 мая по 10 июня 1942 г. Рублевка была взята как образец украинского села «компактного типа», другие – как села смешанного типа. Экспедиция имела целью общее ознакомление с состоянием народного творчества и украинского языка в выбранных населенных пунктах Башкирии.

*М.М. Плисецкому*¹ от сотрудников сельсовета удалось записать краткую историю Рублевки, которая восходила к 1899 г., когда прибыли первые переселенцы из одноименного села на Кременчугщине. Почти все рублевцы были казаками и несколько семей бывших крепостных. Землю купили по 15 руб. за десятину. На родине многие были безземельными, редко кто владел наделом до 5 десятин, а в Башкирии стали «куркулями», покупали земли уже до 100 десятин. Но были и такие семьи, которые долгое время батрачили на других². В целом история достаточно типична для украинских сел Башкирии. В Рублевке ученые также увидели типичные украинские хаты – белые, вымазанные алебастром, дворы были обнесены плетнями, колодцы-журавли с «серебряной» водой, много зелени. В селе с населением приблизительно в 500 человек работал колхоз «Победа», были школа, кино.

М.М. Плисецкий

Софиевка предстала перед исследователями небольшим селом примерно в 100 человек, две трети из которых – украинцы (главным образом из Полтавщины), остальные – русские и белорусы из Смоленской и Могилевской губерний. В селе была начальная школа, колхоз «Волга». Внешний вид Софиевки – это смесь разных типов построек, ученые отметили большое количество вышитых вещей: в одной хате в двух комнатах развешано 16 рушников, 10 ряден, а еще плахты и занавесочки³.

¹ *Плисецкий Марк Моисеевич* (1909–1990) – фольклорист, литературный критик, преподаватель, редактор, кандидат филологических наук, доктор исторических наук. После окончания аспирантуры в Киевском университете в 1937 г. преподавал в Киевском педагогическом институте, работал старшим научным сотрудником ИИФЭ АН УССР. Один из авторов «Очерка истории украинской литературы», осужденного постановлением ЦК КП(б) УССР в 1946 г. за «грубые буржуазно-националистические перекручивания и ошибки». В 1950–1960-х гг. работал в вузах Ужгорода, Нежина. Исследователь украинских дум и русских былин, читал курсы по теории литературы, русскому фольклору, литературе народов СССР. Многие труды стали научной и педагогической классикой.

² Плисецкий М.М. Фольклор українських поселенців Башкирії // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 3. Арк. 26.

³ Там же. Арк. 28.

М.М. Плисецкий с достаточной полнотой обследовал фольклорный материал, показавший богатство, наличие разных жанров (исторические песни, баллады, сказки и др.), устойчивость народного творчества, которое продолжало развиваться в новых условиях. Всего было записано 230 текстов, в том числе около 80 «долгих» песен¹. Особую ценность представляли беседы с наиболее известными знатоками и мастерами исполнителями фольклора.

В.С. Ильин² в ходе экспедиции старался найти ответы на следующие вопросы: 1) насколько сохранился язык у переселенцев; 2) какими путями шло развитие языка в последние десятилетия; 3) как отразилась на языке оторванность переселенцев от основной части украинского народа; 4) насколько глубоко влияние других народов; 5) в чем оно проявлялось³?

Большинство жителей указанных сел представляли переселенцы из одноименных и других сел Полтавщины. Их основание на башкирской земле приходится на 1898–1907 гг. По мнению В.С. Ильина, отличия в местном украинском языке от литературной нормы и диалектов Полтавщины были обусловлены, во-первых, почти полным отсутствием связи с родными землями, которая сводилась к редкой переписке между отдельными семьями, а украинская литература ограничивалась знанием «Кобзаря» Т.Г. Шевченко. Во-вторых, степень влияния инонационального (в Рублевке и Ляшковке преимущественно татарского) окружения, хотя это влияние минимально и ощущалась только в области лексики, т.е. заимствования отдельных слов. В Софиевке отмечено значительно более сильное влияние русского языка, жители села говорили большей частью по-русски с примесью украинизмов⁴.

В.С. Ильин

¹ Плісецький М.М. Фольклор українських поселенців Башкирії... Арк. 28.

² Ильин Василий Семенович (1901–1963) – филолог, преподаватель, кандидат филологических наук. В 1935 г. закончил Киевский университет, преподавал в нем современный украинский язык и стилистику. В 1938 г. работал в Институте языкознания АН УССР в отделе украинского языка и отделе словарей. Изучал морфологию и словообразование современного украинского языка, лексикологию, лексикографию, проблемы сравнения и синонимии, творчество Т.Г. Шевченко. Один из ведущих украинских языковедов 1950–1960-х гг., автор многих трудов, редактор словарей и научных изданий.

³ Іллін В.С. Мова сіл Рублівка, Софіївка і Ляшківка Давлеканівського району Башкирської АРСР // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 5. Арк. 421.

⁴ Там же. Арк. 422.

В.С. Ильин провел свое исследование в форме анализа языкового материала по трем разделам: лексика, фонетика, морфология. В фонетике языковед обратил внимание на следующие факты: 1) сохранение старых звуков «о», «е» в закрытых слогах («семья», «война», «вечор» и т.д.); 2) не наблюдается нарушения правила замены старого «ять» на «і» («ліс», «місто», «сіно» и т.д.); 3) диалектное мягкое «л» утрачено, его произношение соответствует современным литературным нормам; 4) в некоторых словах смягчение звука «м» через «н» («времня», «мясо» и т.п.); 5) как диалектная черта у многих встречаются смягченные звуки «р» и «щ»¹. В части морфологии ученый не наблюдает особых отклонений от норм литературного украинского языка, отмечая лишь: 1) путанице глагольных окончаний (например, «ходе – ходитьь, робе – робитьь») как под влиянием диалектов, так и норм русского языка; 2) сохранение у многих диалектной формы типа «просю», «ходю», «куса» и т.п.; 3) преобладание формы «-ть» в окончании инфинитива (ср.: робитьь/робити)².

В завершении статьи В.С. Ильин для иллюстрации привел записанную от местного жителя, 72-летнего колхозника Евдокима Гориславца небольшую притчу про умного бедняка как типичный пример разговора большинства украинцев изучаемой местности. Даже за короткое время собранные материалы дали специалистам возможность показать основные черты языкового облика исследуемой местности. Хотя выводы, сделанные участниками экспедиции, носили предварительный характер. Главный вывод заключался в том, что даже спустя 40–50 лет после переселения из Украины в Башкирию у местных жителей нет деградации и упадка национальной культуры. В языковой сфере В.С. Ильин выделил два основных момента:

1. Сохраняя украинскую бытовую лексику, местное население сознательно воспринимает новую русскую общественно-политическую лексику.

2. В фонетике и морфологии, меньше попадающих под иноязычное влияние, отличия от языка населения Украины совсем незначительные³.

В июне–июле 1942 г. состоялась четвертая экспедиция – индивидуальная поездка П.С. Лысенко в село Ивангород Давлекановского района. Ученый объяснял необходимость поездки тем, что исследования говоров, которые на долгое время оказались оторваны от основного языкового массива, представляли большой научный интерес, а украинский язык переселенцев в Башкирию никогда еще специально не изучался⁴. Такие исследования могли пролить свет, с одной стороны, на то, в какой мере пе-

¹ Іллін В.С. Мова сіл Рублівка, Софіївка і Ляшківка... Арк. 427.

² Там же. Арк. 428.

³ Там же. Арк. 429.

⁴ Лысенко П.С. Особливості мови села Ивангород Давлеканівського району БашАРСР // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 5. Арк. 400.

реселенцы сохраняют особенности той местности, откуда они вышли, с другой стороны, увидеть, как на язык влияет новое языковое окружение.

П.С. Лысенко, описывая топографию села, обратил внимание на его особенность: оно возникло в результате слияния трех ранее отдельных сел – Царичанки (переселенцы 1890 г. из Кобыляцкого уезда Полтавской губернии), Токмака Великого (переселенцы 1900 г. из одноименного села, Катеринославки и Херсонки Таврической губернии) и Ивангорода (переселенцы начала XX в. из Гайсинского уезда Подольской губернии)¹. Эти села были невелики по количеству дворов и численности населения и распланированы по общему принципу – одной длинной улицей. Кратко П.С. Лысенко зафиксировал устройство сельских усадеб, отметил некоторую разницу между тремя украинскими селами в конструкции и технологии постройки хат, расположении надворных построек.

П.С. Лысенко в общих чертах реконструировал историю возникновения Ивангорода. По рассказам местных жителей, из-за сложных условий жизни часть первопоселенцев вернулась домой, часть поехала дальше в Сибирь, оставшиеся дали названия своим селам. Общее название Ивангород связано с тем, что именно оттуда происходил инициатор приобретения казенных земель в Башкирии, а также тот человек, который устроил это предприятие. Но его имя в народной памяти не сохранилось. Причины, гнавшие переселенцев вдаль от родины, были разные – кто-то хотел заработать на промыслах, но большинство просто не могли выжить на своих кусочках земли. На новом месте их привлекла дешевизна земель и благоприятные природные условия. В вопросе о причинах и обстоятельствах переселения П.С. Лысенко опирался на работу Н.В. Ремезова «Очерки из жизни дикой Башкирии. Переселенческая эпопея» (М., 1889)².

Значительно больше информации П.С. Лысенко привел о послеоктябрьском периоде, когда село Ивангород «изменило свой внешний вид ... отстроилось», в селе появились школа, ясли, клуб, контора, магазины, амбары, маслозавод, МТС и т.д. Крестьяне объединились в колхозы и «стали жить по-новому», благодаря техническим новациям и агрономическим приемам улучшилась культура земледелия. Изменился и духовный облик села, «поднялся культурный уровень». Все эти изменения отразились на языке народа, на его песнях, в народном и индивидуальном творчестве³.

Обращаясь к анализу языка, П.С. Лысенко, прежде всего, указал на сложный характер того окружения, в котором он формируется и развивается. Если в семейном быту в силу традиции украинский язык еще доста-

¹ Лысенко П.С. Особливості мови села Ивангород... Арк. 401.

² Там же. Арк. 404.

³ Там же. Арк. 406.

точно крепко сохранялся, то в профессиональном и социальном общении под влиянием современных культурно-бытовых процессов происходило широкое усвоение лексических единиц официального языка – русского как языка школы, прессы, литературы и т.д. В результате в «живом», разговорном языке появилось много русских слов, а украинские соответствия постепенно выходили из употребления.

П.С. Лысенко выделил три лексических группы в зависимости от степени усвоения русских слов: 1) слова, которые полностью вытеснили украинские (вожжи, бороновать, усадьба, пруд, пахать, неделя и др.); 2) слова, которые используются параллельно (страда, петух, черенок, и др.); 3) слова, которые только начинают усваиваться (бадя, завалина и др.)¹. Такая неоднородность в усвоении русских слов говорила о том, что это не простой, механический процесс заимствования. Отбор усвоенных слов проходил долгий и сложный путь, усваивались только самые необходимые слова, закрепленные самой практикой жизни. Узкие диалектные слова как малопонятные большинству населения уходили из повседневного оборота.

Особенно быстро усваивались и становились органичной частью, во-первых, расхожие народно-бытовые выражения: «больно», «зря», «чекушка», «буран» и т.д.; во-вторых, общественно-политические слова советского периода: «сельсовет», «колхоз», «райвоенкомат» и т.д.; в-третьих, слова-новообразования: «прогрессивка», «камчатка», «красноармейка». По частоте употребления П.С. Лысенко разделил такие неологизмы на четыре группы, заметив при этом, что степень усвоения и распространения зависят также от возраста, культурного уровня и социального положения людей².

Еще одна важная черта в языке местных украинцев – заимствование слов и выражений из языка башкир, татар, чувашей, т.е. тех тюркских народов, с которыми доводилось наиболее часто контактировать. В качестве примеров таких слов приведены «сабан» (плуг), «айда» (пойдем), «бабай» (дед), «бирбар» (все равно), «якши» (хорошо) и т.п. Эти же слова нередко использовались и другими народами Башкирии, поэтому П.С. Лысенко пришел к обоснованному выводу, что они, скорее всего, перешли в украинский из русского языка³.

Не менее важным, чем вопрос русско-тюркских заимствований, представлялся исследователю и вопрос о соотношении различных языковых норм, принесенных переселенцами из самой Украины. Село Ивангород давало примеры двух групп наречий: юго-западной (Подолье) и юго-восточной (Полтавщина). Между двумя группами на протяжении более

¹ Лысенко П.С. Особливості мови села Ивангород... Арк. 407–408.

² Там же. Арк. 410.

³ Там же. Арк. 412.

40 лет складывались определенные взаимоотношения, влияющие на процесс развития языка. Совершенно закономерно, что различные элементы взаимопроникали, сходились и расходились. Но черты обоих наречий оказались традиционно крепкими, с ярко выраженными особенностями отдельных диалектных черт. Этому способствовало то, что различные группы населения поселялись здесь в разное время и вели хозяйство относительно обособленно. Так оказалось, что в языковой практике одни и те же понятия передавались разными словами: клуня/рига, криниця/колодязь, коцюба/кочерга и т.п.¹ Однако зафиксировано и немало случаев совпадения слов под влиянием одной группы наречий на другую.

Интересный объект исследования представляли слова, используемые в Ивангороде, но не известные в других селах (мутлик – мотылек, сак – пальто, всенький – весь, шалига – бурьян и др.). Эти факты подтверждали независимое развитие лексики в селе, ее относительную автономность. Кроме того, в ряде случаев сохранялись старинные слова украинского языка, пока еще не перешедшие в категорию пассивного лексического запаса (либонь – вероятно, комолий – безрогий, струб – сруб, майже – почти и т.п.)².

Собранный материал позволил проанализировать язык жителей Ивангорода не только с точки зрения лексики, но также фонетики и морфологии. П.С. Лысенко подчеркивал, что у людей, живущих колхозным строем, единым коллективом, необратимо начинают проявляться черты унификации разных говоров, главным образом, наиболее простые и понятные в употреблении для широких масс.

Подводя итоги своей работе, П.С. Лысенко заметил, что поднятые вопросы не исчерпывают полной характеристики языка села Ивангород. Интересное переплетение в языке украинцев Башкирии сразу нескольких местных языков часто приводило к появлению неожиданных особенностей и новых форм как в лексике, так и фонетике. И на это следует обратить внимание в ходе дальнейших исследований. В целом украинцы в Башкирии прекрасно сохранили свой родной язык, национальные черты быта, обычаи, любовь к печатному слову и искусству, особенно песням «свободного и счастливого народа»³.

Пятую экспедицию с 29 января по 13 февраля 1943 г. совершил М.М. Плисецкий. На этот раз объектами исследований стали село Софиполь и другие поселения Аургазинского района, а также село Хотомля Давлекановского района. Материалы данной поездки ученый объединил с записями своей предшествующей экспедиции 1942 г. в статье

¹ Лысенко П.С. Особливості мови села Ивангород... Арк. 413.

² Там же. Арк. 414–415.

³ Там же. Арк. 419–420.

«Фольклор украинских поселенцев Башкирии»¹. Автор ставил перед собой задачу изучить состояние народного творчества в украинских селах Башкирии и не ограничивал себя в выборе жанров.

Село Софиполь, расположенное в трех километрах от Толбазов – центра Аургазинского района, являлось к тому времени самым большим населенным пунктом украинцев республики, здесь проживало более 900 человек. Почти все – выходцы из с. Ставищи Тарашанского уезда Киевской губернии. От старожилов М.М. Плисецкий узнал, что земля здесь досталась переселенцам тяжело – купили землю по 70 рублей за десятину, но вместе с «темными» платежами «под скатерть» адвокатам, хатадаям, землемерам вышло под 100. После революции колхоз «Софиполь» стал одним из лучших и состоятельных в районе, было организовано производство повидла. В селе была школа, отсюда вышло много представителей сельской интеллигенции: агрономов, учителей, командиров армии, а также рабочих: трактористов, техников, шоферов. Но самое главное – софипольцы были известны на всю Башкирию тем, что в быту придерживаются «своего». Большинство хат и снаружи и внутри выглядели как типично украинские, были украшены рушниками, покрывалами. Женщины, а иногда и мужчины, носили вышитые сорочки. В селе изготовляли гончарную посуду, интересно ее раскрашивали. В сельском клубе с библиотекой работали кружки – драматический и хоровой, неоднократно ставились украинские пьесы: «Наталка-Полтавка» И. Котляревского, «Назар Стодоля» Т. Шевченко, «Кайдашева сім'я» И. Нечуй-Левицкого. Художественная самодеятельность софипольцев имела большую популярность в районе, на конкурсах всегда занимали одни из первых мест².

В 7 км от Толбазов располагалась Новая Степановка. Здесь вдоль небольшой речки Турсугалки на расстоянии 2-3 км находилась целая группа сел – Марьяновка, Караваевка, Марьевка, Макарово, хутор Добровольный (Жулёвка), объединенных в Степановский сельсовет. Степановка – одно из старейших украинских сел Башкирии, тут жили переселенцы из Сумского уезда Харьковской губернии, а первые ходоки приехали сюда еще в 1888 г. Землю покупали у местного помещика по 22 руб. за десятину, а потом и дороже, всего более 700 десятин, чтобы не было чересполосицы. В годы войны в селе проживало 550 человек, были школа, колхоз «III Интернационал», из четырех колхозных бригад две – украинские, а две имеют разнонациональный состав – русские, чуваша, мордва. В Марьяновке и Караваевке работал крепкий колхоз им. Буден-

¹ Плісецький М.М. Фольклор українських поселенців Башкирії // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Оп. 1. Од. зб. 3. Арк. 25–189; Од. зб. 4. Арк. 190–355.

² Плісецький М.М. Фольклор українських поселенців Башкирії... Од. зб. 3. Арк. 29–30.

ного. Здесь жили выходцы из села Коровай Пирятинского уезда Полтавщины, земля досталась переселенцам по 52 руб. за десятину¹.

Еще одно село Степановского сельсовета – Терешковка (или Балабан – по названию соседней горы), в 10 км от р. Турсугалки. Жители – почти земляки степановцам, выходцы из сел Терешковка, Подлеснивка, Корживка Сумщины. Переехали в 1893 г. и выгодно купили землю у хозяина-банкрота по 11 руб. за десятину. Ко времени приезда экспедиции в селе было 80 хозяйств, примерно треть – русские, работал колхоз «Объединенный труд». Терешковка, как и Софиполь, славилась своей художественной самодеятельностью, и эти два села всегда конкурировали за первые места².

Недалеко, но уже в пределах Давлекановского района располагалось село Хотомля, основанное в 1897 г. Исследование Хотомли помогло М.М. Плисецкому объединить материалы двух своих поездок в одно целое и получить данные для одной более или менее значительной территории соседних районов. На тот момент из 540 жителей села в 110 дворах большинство представляли переселенцы и их потомки из с. Хотомля Волчанского уезда Харьковской губернии, 125 человек – происхождением из Полтавщины и Черниговщины. Землю покупали в свое время по 10 руб. за десятину с рассрочкой. В экономическом отношении село было крепким – работал колхоз «Авангард», маслозавод, школа³.

За время двухнедельной экспедиции М.М. Плисецкий записал около 400 текстов, в том числе 120 «долгих» песен и 30 сказок, легенд, анекдотов⁴. Ученый заметил, что обследованные села достаточно разнообразны во многих отношениях: неодинаково экономическое состояние, размер, национальный состав, не в одно время селились тут украинцы и не в одинаковых условиях, происходили они из разных местностей Украины, т.е. неодинаково и «этнографическое наследие».

Вслед за своими коллегами, побывавшими ранее в других селах, М.М. Плисецкий обратил внимание на то, что в большинстве случаев сохранялся «украинский» тип постройки домов, преобладали мазанки, но часто встречались и рубленые хаты, вымазанные глиной и покрашенные алебастром. Села выделялись большим количеством колодцев с высокими журавлями. Зеленых насаждений здесь хотя и не так много, но они всегда были: если не сады, то березы, липы. Присутствовало и инонациональное влияние, например, в хозяйственных постройках: клуни по русским, а небольшие бани по башкирско-татарским образцам. Внутри хаты были вымазаны алебастром, потолок – белый со сволоком, но были потолки и из досок, покрашенные масляной краской как в соседних та-

¹ Плісецький М.М. Фольклор українських поселенців Башкирії... Од. зб. 3. Арк. 30–31.

² Там же. Арк. 32.

³ Там же. Арк. 33.

⁴ Там же. Арк. 34.

тарских и башкирских селах. Пол, как правило, деревянный, печи разнообразные, часто комбинированные: «варистая» печь соединялась дымоходом с «голландкой».

М.М. Плисецкий наблюдал остатки домашнего производства посуды, которое, впрочем, уже не выдерживало конкуренции с фабричным. Женщины пряли чаще всего на веретене, реже – на ножных прядках. В женской одежде сохранялось много национальных черт: очень распространены были вышитые сорочки, одеяла, вышитые рушники имелись почти в каждой хате в большом количестве, ими украшали окна, образа, портреты¹. В каждом селе, где был клуб, более или менее регулярно проходили спектакли, танцы, выступали хоры. Не редкостью были патефоны, наибольшей популярностью пользовались пластинки с украинскими народными песнями. Но в небольших сельских библиотеках почти отсутствовали издания на украинском языке, кроме нескольких экземпляров «Кобзаря». Поэтому селяне редко читали украинские газеты и почти не имели никакого представления об украинской классической литературе. По результатам наблюдений М.М. Плисецкий полагал, что, возможно, следовало бы больше использовать родной язык, в школах знакомить учеников с украинскими буквами, поставить вопрос об издании для таких сел самых важных украинских книг русскими буквами².

На вопросах языка М.М. Плисецкий останавливался достаточно бегло, зная, что они исследуются коллегами отдельно. По его наблюдениям, жители сел говорили на диалектах, которые они «вывезли из Украины». Лучше сохранялся язык там, где население представляло собой более или менее компактную, однородную в этническом отношении группу. Новая украинская лексика советского времени в эти местности не доходила, некоторые старые слова забывались, вместо них употреблялись нелогичные русские. Из синонимов обычно «выживало» то слово, которое было ближе к русскому языку. Зафиксировано немного заимствований слов тюркского происхождения. В целом, влияние русского языка было значительным, как наследие активных отношений с русскими в быту и общественно-политической жизни. Но М.М. Плисецкий предостерегал думать, что украинский язык совсем пришел в упадок. Синтаксически-стилевой строй языка остался полностью украинским, сохранилась основная лексическая масса, можно еще услышать выразительные слова, некоторые архаичные формы, позабытые даже в Украине и не попавшие в литературный язык. Вследствие разноязыкого и диалектного окружения ощущение языка у жителей сел обострено, они остро реагировали на новые слова, неожиданные произношения. Местные жители считали себя украинцами, но немного «перевертнями», думали, что в их селе

¹ Плисецкий М.М. Фольклор українських поселенців Башкирії... Од. зб. 3. Арк. 34–35.

² Там же. Арк. 36.

язык «подупал», но в большинстве случаев это мнение не имело серьезных оснований¹.

В отношении устного народного творчества М.М. Плисецкий пришел к выводу, что в украинских селах Башкирии того времени оно процветало. Сила чудесных старинных песен жила в памяти людей. Ученому повстречались хорошие рассказчики-«казкарі», язык старожилов оказался насыщен пословицами, поговорками, анекдотами. Особенно распространены частушки – «припѣвки», хотя преимущественно на русском языке, иногда звучит башкирская или татарская мелодия. В каждом селе были девчата, которые владели сотнями частушек, и настоящие мастерицы-импровизаторы. Местом, где можно было услышать наибольшее количество рассказов и анекдотов, являлись сторожки около стойла – так называемые «брехаловки», частушки же преобладали там, где собирались девчата с фермы. М.М. Плисецкий отмечал, что к нему и другим собирателям фольклора относились в большинстве случаев положительно. Соответствующие органы выдавали необходимые документы, руководители сел способствовали решению всех вопросов, крестьяне понимали научное и культурное значение проводимой работы. Многие ожидали, что в результате появятся сборники-песенники, в которых ощущалась большая потребность.

За время двух своих экспедиций по Башкирии 1942 и 1943 гг. М.М. Плисецкому удалось записать 630 текстов, в том числе 327 украинских (из них исторических – 26, бытовой и любовной лирики – 90, юмористических песен – 65, прозаического фольклора – 35, остальное – обрядовый фольклор, детские песни, игры, частушки и др.). Ставя перед собой основную задачу показать весь фольклор, присутствовавший в украинских селах, записывались также и тексты на русском языке, всего было собрано 300 текстов, из них частушек – 276, песен и романсов – 23².

В статье, подготовленной по итогам поездки, М.М. Плисецкий представил собранный материал в особом методологическом ключе – дав общую характеристику сел, он привел систематизацию текстов по отдельным видам и жанрам фольклора с небольшими комментариями по обстоятельствам записи песен, кратким анализом содержания, наличием вариантов, особенностям исполнения, называл исполнителей. Среди текстов на украинском языке выделены: 1) исторические и близкие к ним песни, 2) песни-баллады, 3) лирические песни, 4) юмор и сатира (песни и частушки), 5) обрядовый фольклор, главным образом свадебный, 6) народная проза (сказки, анекдоты, легенды, местные рассказы)³; русскоязычные тексты разделены на две груп-

¹ Плісецький М.М. Фольклор українських поселенців Башкирії... Од. зб. 3. Арк. 37–38.

² Там же. Арк. 41.

³ Там же. Од. зб. 3. Арк. 42–189; Од. зб. 4. Арк. 190–278.

пы: 1) песни и романсы, 2) частушки¹. М.М. Плисецкий сопроводил статью дополнительным справочным материалом в виде сводной таблицы с краткими данными по 8 обследованным селам; указателем сказочных сюжетов; алфавитным указателем песен (123 украинских и 5 русских); маршрутом экспедиции (*Карта 3*); фотографиями (*Фото 13–14*).

Карта 3. Схема фольклорных поездок М.М. Плисецкого в Башкирии²

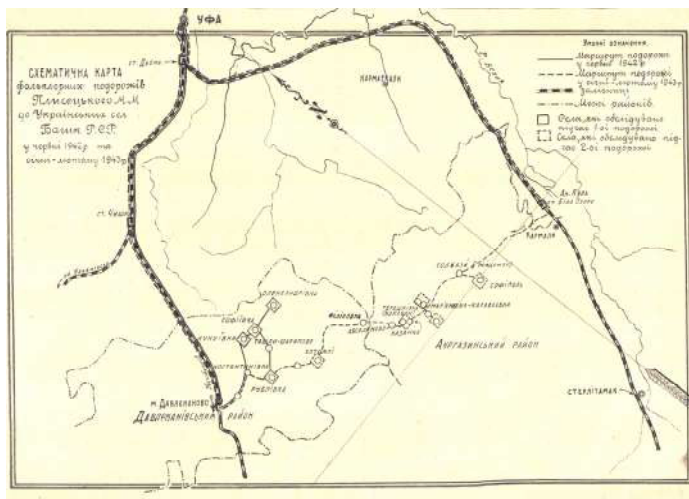

Фото 13. Хата Марка Бондаря, с. Софиполь³

¹ Плісецький М.М. Фольклор українських поселенців Башкирії... Од. зб. 4. Арк. 279–345.

² Там же. Од. зб. 4. Додатки (Приложение).

³ Там же.

Фото 14. Слева направо: Анастасия Зриевская, Елизавета Полозюк, Анастасия Ищенко, с. Софиполь¹

В марте 1943 г. П.С. Лысенко посетил села Талалаевку и Николо-Хуторянское Стерлитамакского района. К сожалению, собранные материалы по данной поездке, которую можно считать шестой экспедицией, в обработанном виде представлены не были и в архивных фондах не сохранились².

Седьмая экспедиция была предпринята М.Я. Береговским во второй половине марта 1943 г. в село Золотоношку и окружающие его на расстоянии 2-3 км населенные пункты Вознесенское, Полтавка, Деевка, Малодеевка Стерлитамакского района. В составе экспедиции находилась также лаборант ИНТИ Е.М. Володарская³, которая вела полевой дневник – важнейший источник информации об организационно-бытовой стороне экспедиции и содержании выполненной работы наряду с научными статьями М.Я. Береговского. Решение ехать именно в Золотоношку (колхоз им. Шевченко), находившуюся приблизительно в 40 км на юго-запад от Стерлитамака, в «дальнем углу района» было принято для того, чтобы не повторять маршрут П.С. Лысенко, который, как указано выше, приблизительно в это же самое время (скорее всего, чуть раньше) находился в поездке по населенным пунктам, расположенным ближе к железной дороге. Золотоношка, где была проведена основная работа – представляла собой большое село в 350 дворов полтавских и черниговских переселенцев. Поездка до села стала для участников экспеди-

¹ Плісецький М.М. Фольклор українських поселенців Башкирії... Од. зб. 4. Додатки.

² О поездке известно только из статьи П.Н. Попова: Попов П.М. До історії вивчення українського населення Башкирії (вступна стаття) // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 3. Арк. 21.

³ Из архивных документов ИНТИ известно, что Е.М. Володарская работала в институте до 15 августа 1943 г., владела украинским языком, по-видимому, имела музыкальное образование, возможно, была временным сотрудником из числа эвакуированных.

ции существенной проблемой, поскольку, несмотря на конец марта, сделать это можно было только на санях с попутным транспортом. Дорога по степи в снег, буран, туман и нестерпимый ветер заняла почти весь день¹.

По первым впечатлениям исследователей, село оказалось раскиданным, сады не огорожены, деревьев очень мало, не хватало привычных для украинских сел садков возле хат. Хаты были мазанные, но встречались и деревянные. Но в самой хате уже все напоминало Украину: чисто, вымазано белым, вокруг печи лежанки, обведенные более темным цветом, много вышитых рушников, цветастых ковриков ручной работы. Сохранились украинские костюмы, но молодежь одевала их только на выступления, носить повседневно стыдилась. У девчат еще можно было увидеть ленты в косах, наместо – остатки прошлых нарядов матерей.

Село Золотоношка являлось центром крепкого колхоза, обладало развитой инфраструктурой: мельница с двигателем, маслобойка, электростанция с 1934 г., свет в домах, радиозузел, в каждой хате радио, колодец на 2–3 двора, колхозные бани, детские ясли, велосипеды. В клубе на 250 мест (до 1930 г. – здание бывшей церкви) много самостоятельных коллективов, имелся патефон, сельская библиотека («хата-читальня») с украинскими книгами (в том числе «Кобзарь»), которые читала преимущественно молодежь и эвакуированные. Несколько лет назад в селе было свое кино, картины привозили из района. До 1942 г. работали мастерские: сапожная, шорная, одежная, парикмахерская. Больница и родильный дом находились в 6 км в соседней деревне².

Общий вывод, сделанный после первого ознакомления с колхозными службами, культурными и бытовыми учреждениями, внешним и внутренним видом хат, отзывами отдельных людей о колхозе в предвоенное время – жизнь была сытой и счастливой. Но теперь ощущается военное положение, отсутствие мужчин и некоторый упадок, хотя те, кто остался, работают дружно и дисциплинированно³.

Согласно дневниковым записям Е. Володарской, работа по сборанию и изучению местного фольклора началась с утра 22 марта. От квартирной хозяйки исследователи узнали про некоторых известных в селе исполнительниц: Степаненко, Ганна и Маруся Падалки, Коломиец и др. У Степаненко гостей встретила сама хозяйка – Наталья, 52 лет, «энергичная и жизнерадостная женщина, очень любящая петь». Без мужа, который умер, воспитала пять детей, при этом принимала участие в творческих олимпиадах, имела премии. Две ее дочери «співають там, де тільки

¹ Володарська Е.М. Щоденник експедиції по збиранню музично-фольклорних матеріалів в Стерлитамакському районі українських сел Золотоношка, Вознесенське // НАФРФ ІМФЕ. – Ф. 12. Од. зб. 10. Арк. 2–3.

² Там же. Арк. 3.

³ Там же. Арк. 3–4.

можно» также хорошо, как мать, сыновья – тоже артисты. Семья Степаненко с большим удовольствием пела на фонограф. В течение дня исследователи посетили еще несколько хат.

23–24 марта продолжались записи у Степаненко, а также Домны Ивановны Коломиец, 56 лет, Прасковьи Ивановны Черненко, 67 лет, которые знали свадебные песни. Работать с фонографом можно было только поздно вечером, когда женщины приходили домой. 25 марта М.Я. Береговский проверял и расшифровывал ранее записанные тексты, Е.М. Володарская уточняла тексты у Степаненко, договаривалась на вечерние встречи. Желание собраться и петь на фонограф было у многих, но возможностей мало. Каждая женщина много работала в колхозе, а потом до позднего времени еще и по дому. Но вечером удалось собрать группу женщин у Ганны Падалко, от которой записали щедривки, колыбельные песни. Пока репетировали, «разошлись так, что стали соревноваться группами – трудовыми бригадами, забыли даже про кино в клубе. Особенно отличились прекрасным голосом и знанием песен Марийка Черненко и Надя Кийко»¹.

26 марта исследователи проверяли тексты, приводили их в порядок, расшифровывали фонозаписи. Несколько раз приходили женщины и бабушки послушать свои записи, спеть что-то новое. Часто песни вызвали воспоминания про девичество, молодость, довоенное время, на глазах появлялись слезы. Снова записывали песни у Степаненко, которые встречали ученых наиболее приветливо, всегда были готовы спеть, их семья владела богатым репертуаром. Наталка рассказывала: «Люблю співати, де б не гуляли без мене не буває. Тай вдома, чи за прядивом, чи на городі, все співаю і пораюсь співаю. Дівчата мої сміються, кажуть мати завжди щось співають і слова самі вигадують, воно і так буває, але я їх не пам'ятаю. А співаю, то й підхватять мої дочки. Жалко, що їдете, бо я все більш і більш пісень згадую»².

Во второй половине дня по договоренности с директором школы собрали учеников 6–7 классов для ознакомления с задачами работы, демонстрации техники фонозаписи. М.Я. Береговский рассказал детям про работу Академии наук Украины в Уфе, задачи Института фольклора, значение такой работы в условиях войны, в эвакуации. Ученики слушали серьезно и с большим вниманием. Поздно вечером после 9 часов в д. Вознесенское в трех километрах от Золотоношки состоялась встреча с семьей Кийко, которые охотно пели («співали би, аби слухали, хоч до ранку») и удалось записать несколько интересных песен. На этом работа экспедиции закончилась, но участники сделали вывод, что если бы усло-

¹ Володарська Е.М. Щоденник експедиції по збиранню музично-фольклорних матеріалів... Арк. 5–6.

² Там же. Арк. 6.

вия для работы были иными, то при такой популярности можно было бы поработать с гораздо большей эффективностью¹.

Несмотря на кратковременность пребывания экспедиции в Золотоношке и окружающих селах здесь было записано 35 песен – 28 на фонограф и 7 на ноты непосредственно от исполнителей². Большинство песен принадлежат к лирическим хоровым, часть – свадебные, несколько обрядовых (колядки, шедривки). Однако значительные трудности вызвала запись свадебных песен. Во-первых, к началу 1940-х гг. они уже начали выходить из активного употребления и нередко на свадьбы приходилось специально приглашать женщин, еще хорошо знавших обрядовый репертуар. Во-вторых, свадебные песни исполнялись, как правило, на несколько голосов, но найти в военных условиях спешуюся группу для качественной записи почти не удавалось. В-третьих, записывать группу на фонограф было технически сложно. М.Я. Береговский признавался, что вторые голоса почти не было слышно и расшифровке они потом не поддавались, поэтому от таких записей часто приходилось отказываться.

Анализируя собранные материалы, М.Я. Береговский отметил, что переселенцы не просто хорошо помнят народные песни, но являются основными исполнителями современного народно-песенного репертуара, как сольного, так и хорового. Манера исполнения оставалась типичной для мест происхождения переселенцев. Но, конечно, за 40–50 лет жизни в одном селе выходцев из разных местностей репертуар и манера исполнения не могли быть абсолютно такими же как в первые годы. Происходил объективный процесс смешивания и приспособления разных музыкальных диалектов, при этом мог присутствовать один доминирующий диалект. Данный вопрос на тот момент в фольклористике оставался неразработанным, а собранных материалов не всегда хватало для его безупречного решения³. Поэтому более уверенно М.Я. Береговский предпочитал говорить лишь о некоторых основных чертах, характерных для манеры исполнения украинских народных песен в обследованных селах⁴.

1. Мелодика хоровых лирических песен отличалась большой интонационной выразительностью и сконцентрированностью.

2. В основном песни исполнялись двухголосно, изредка нижние голоса делились надвое и отдельные моменты или фразы исполнялись трехголосно.

3. Песни свадебного обряда исполнялись в том виде, в каком они были вывезены из Украины, исключительно многоголосно, с небольшим

¹ Володарська Е.М. Щоденник експедиції по збиранню музично-фольклорних матеріалів... Арк. 7.

² Береговський М.Я. Експурс у вивчення музичного фольклору українських поселенців Башкирії // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 5. Арк. 361.

³ Там же. Арк. 362.

⁴ Там же. Арк. 363–375.

количеством музыкальных мотивов к разным текстам, все мелодии малого диапазона, с более или менее свободным ритмом.

4. Заметно различались манеры исполнения в отношении ритмического оформления определенных номеров и исполнителей разных поколений.

5. Отмечались разные способы голосоведения в партиях как выводчика, так и основного нижнего голоса.

Указанные и другие особенности М.Я. Береговский подтверждал примерами песен с фрагментами текстов и нотными записями. 20 песен (17 лирических, 3 свадебных) были опубликованы в сборнике «Украинцы в Башкирии», 9 из них с полными текстами, остальные – с начальными словами¹. Такая ситуация объяснялась ограниченным количеством валиков в распоряжении экспедиции, что позволяло фонографировать только по две первые строфы. Кроме того, в условиях военного времени нотные записи песен, выполненные М.Я. Береговским на разлинованной бумаге, наклеивались затем для прочности на газеты.

Важный вывод, к которому пришел М.Я. Береговский по результатам исследования, заключался в том, что украинская народная песня – один из основных элементов народной культуры украинцев, переселившихся далеко за пределы Украины. Песни жили не только среди украинцев, но и легко заимствовались другими народами, которые пели их с воодушевлением, интересом и любовью. В Башкирии эти песни можно было услышать и в отдаленном селе, и на улицах Уфы. Влияние украинской народной песни ощущалось в творчестве многих народов, среди которых жили украинцы, и исследователи народной музыки должны были учитывать эти явления. А само народное творчество украинцев-переселенцев заслуживает серьезного отношения и глубокого изучения².

Итак, находясь в условиях эвакуации, украинские ученые проделали титанический по объему и содержанию труд, несмотря на малочисленный состав участников, кратковременность научных поездок, ограниченный контингент респондентов (особенно среди молодежи, которая ушла на фронт или неотрывно была занята на тыловых работах), неокончательную обработку записей, невозможность провести сравнительный анализ, недостаток специальной литературы в условиях эвакуации. Сами исследователи полагали, что делать на основе полученных материалов глубокие обобщения пока преждевременно. Проведенное изучение фольклора, быта и языка украинских переселенцев и их потомков оценивалось лишь как предварительное, выборочное, поэтому ставилась задача обязательного продолжения и расширения подобной работы по всем направлениям. Выражалась надежда, что интерес к истории и культуре ук-

¹ Береговський М.Я. Екскурс у вивчення музичного фольклору... Од. зб. 5. Арк. 378.

² Там же. Арк. 376–377.

раинских переселенцев не угаснет, и украинские села Башкирии не в последний раз принимали у себя исследователей¹.

Главным результатом полугодовых системных исследований стала подготовка и оформление собранных сведений в виде сборника научных статей «Украинское народное творчество за пределами УССР. Украинцы в Башкирии». Изложение материалов в сборнике было выполнено по возможности популярно, доступно, поскольку издание имело важную задачу – пробудить живой интерес к быту, языку, творчеству, культурным потребностям украинцев Башкирии не только среди ученых-специалистов, но и в широких общественных кругах – башкирских, российских, украинских.

Вступительная статья в сборнике, осветившая общие вопросы переселения украинцев в Башкирию и опыт изучения их жизни в крае, была подготовлена уже к 16 июня 1943 г. членом-корреспондентом АН УССР *П.Н. Поповым*². В статье рассмотрены причины, побудившие широкие массы украинского крестьянства, жившие в границах разных держав, пускаться в далекие и сложные переселения. Исторические условия обозначили основное направление миграционных волн в России – с запада на восток, в том числе в Приуралье.

Однако П.Н. Попов обратил справедливое внимание на то, что появление здесь большого количества украинских крестьян – явление не новое: небольшие группы украинцев отмечены некоторыми источниками еще в середине XVIII в. Этот «ранний период», продолжавшийся до отмены крепостного права в 1861 г., характеризуется принудительным со стороны власти переселением в государственных целях³. Новый этап в истории переселенчества начался после 1861 г. и занимал 1870–1890-е гг. – это «свободная» миграция крестьян в поисках земли как способ спасения от своеволия помещиков, мало/безземелья, налогового гнета и т.п. Башкирия, по замечанию П.Н. Попова, располагалась на одном из наиболее оживленных транзитных путей на Вос-

П.Н. Попов

¹ Попов П.М. До історії вивчення українського населення Башкирії (вступна стаття) // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 3. Арк. 23–24.

² *Попов Павел Николаевич* (1890–1971) – литературовед, фольклорист, искусствовед, доктор филологических наук, член-корреспондент АН УССР. В 1916 г. закончил Киевский университет, с 1920 г. работал в системе АН УССР, преподавал в вузах Киева. С начала 1920-х гг. собирал фольклорные материалы, разрабатывал проблемы истории устного народного творчества, истории книги, исследовал тексты Г. Сковороды, Т. Шевченко, А. Пушкина и др. Внес значительный вклад в изучение украинской и восточнославянской литератур. Научное наследие охватывает около 300 работ в разных гуманитарных областях.

³ Попов П.М. До історії вивчення українського населення Башкирії... Арк. 4.

ток, но многие переселенцы оседали именно здесь, в уральских степях. На третьем этапе в конце 1890-х – начале 1900-х гг. переселенческое движение достигает своего «кульминационного пункта», когда возникает большинство поселений в регионе¹.

Помимо своего видения периодизации переселенческого движения П.Н. Попов обращается к историографическому обзору, вспоминая вклад Т.Г. Шевченко, Ф.Д. Нефедова, П.С. Ефименко, М. Никитина, Н.Н. Барсова и некоторых других авторов в описание положения украинских крестьян на новых местах поселения. Многие приведенные ими факты свидетельствовали о национальном угнетении украинцев и непринятии самого существования украинского народа и украинской культуры со стороны официальных кругов царской России. Также в статье с опорой на материалы переписей и текущую отчетность приведены некоторые данные о динамике численности украинского населения.

Обобщая предшествующий опыт, П.Н. Попов приходит к выводу о том, что почти во всех отношениях, кроме статистического, серьезное научное исследование украинцев Башкирии еще не проводилось². По его мнению, этому препятствовало отсутствие в республике украиноведческих организаций, кадров, библиотек. Вместе с тем, и в самой Украине в довоенное время дело по изучению украинского населения за пределами исторической родины находилось в начальном состоянии. Украинских ученых интересовала преимущественно «западная диаспора», следовательно опыта и серьезных результатов изучения украинцев в пределах СССР было еще явно недостаточно. Развивая эту тему, П.Н. Попов сформулировал три принципиально важных теоретико-методологических положения:

1. Жизнь народа, попавшего в силу разных обстоятельств в новые этнокультурные условия, не обязательно будет увядать, замыкаться, обособливаться, а, наоборот, она неминуемо должна обогащаться опытом своих соседей.

2. Глубже понять специфику культурно-исторического развития народа можно, проводя сравнительные исследования на нескольких уровнях: а) сопоставление общих и особенных черт диаспорных групп и материнского этноса; б) сопоставление общих и особенных черт разных диаспорных групп, находящихся в разных условиях; в) сопоставление общих и особенных черт диаспорной группы и окружающих ее народов.

3. Изучение частей народа за пределами исторической родины должно представлять собой комплексную проблему, т.е. проводиться одновременно и параллельно по нескольким взаимосвязанным направлениям: статистическому, демографическому, историческому, экономическому и т.д.

¹ Попов П.М. До історії вивчення українського населення Башкирії... 9–10.

² Там же. Арк. 14.

Таким образом, П.Н. Попов обозначил новый и принципиально важный для советской этнографической науки того времени исследовательский объект – история и культура народа в ино- и полиэтническом окружении. В реализации вышеуказанных методологических подходов заключались огромные и еще надлежащим образом не использованные научные, творческие возможности. Сам факт расселения компактных частей украинского народа в различных областях страны и мира, существование и развитие в этих группах языка, фольклора, быта, обусловленных особенностями конкретной местности, степенью инокультурного влияния, предоставлял основания для разработки по своей сути новой, экспериментальной методики изучения сложных процессов народной жизни и творчества за пределами родины¹.

Помимо вступительного раздела в сборник «Украинцы в Башкирии» были также включены проблемно-тематические статьи М.М. Плисецкого, М.Я. Береговского, П.С. Лысенко, В.С. Ильина по итогам их научных поездок и экспедиций. Несмотря на то, что экспедиционная работа ИНТИ завершилась в марте 1943 г., обсуждение и правки материалов для сборника продолжались до середины июня, о чем свидетельствуют редакторские пометки на страницах некоторых рукописей, сделанных рукой ответственного редактора – П.Н. Попова².

В индивидуальном отчете 20 декабря за 1943 г. П.Н. Попов отметил, что его работа как автора вступительной статьи была закончена к 1 июня, а весь сборник объемом в 20 печатных листов полностью готов и сдан в печать к 18 июня³. Все пять статей, вошедших в сборник, были обсуждены на заседании Ученого совета ИНТИ 19 июня, а также представлены, заслушаны и одобрены как имеющие высокую научную ценность на вечернем заседании Общего собрания АН УССР 28 июня, посвященного итогам работы Академии в Башкирии⁴. На тот момент Институт уже возглавил М.Ф. Рыльский, и на титульном листе сборника, а также на первых страницах всех статей стоит его разрешение – «В печать»⁵.

В июне – июле 1943 г. на материалы подготовленного рукописного сборника откликнулись ведущие специалисты в области теории и практики народного творчества. Например, в рецензии на статью М.Я. Береговского

¹ Попов П.М. До історії вивчення українського населення Башкирії... Арк. 14–15.

² Лисенко П.С. Особливості мови села Івангород Давлеканівського району БашАРСР // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 5. Арк. 400.

³ Індивідуальний звіт по Інституту Народної Творчості і Мистецтв П.М. Попова за 1943 рік // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 18. Арк. 96.

⁴ Попов П. Робота Відділу Фольклору Інститута Народної Творчості і Мистецтв АН УРСР в 1943 році // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 18. Арк. 124.

⁵ См., напр.: Попов П.М. До історії вивчення українського населення Башкирії... Арк. 3.

*К.В. Квитка*¹ не согласился с некоторыми авторскими выводами, предложив свои методологические подходы к анализу собранного материала и свои редакции некоторых разделов статьи, обратив внимание на то, что полные тексты поданы не ко всем песням. Кроме того, рецензент сожалеет, что имена и возраст исполнительниц не указаны полно и понятно².

В рецензии на совместную статью М.Я. Береговского и Е.М. Володарской *Г.Г. Веревка*³ отметил, что разделение текста на две содержательные части обосновано. В первой части, описательной, даны основные сведения об украинских переселенцах в Башкирии, показана их культурно-художественная жизнь в новых условиях, дан необходимый минимум музыкально-теоретических пояснений, которые помогли бы читателю разобраться в характерных особенностях украинских песен. Этот материал является для науки новым, изложен он вполне обосновано. Значимость нарисованной картины культурной жизни заключается в том, что украинским переселенцам, которые сохранили в живом и полноценном виде сокровища народного творчества, для дальнейшего развития необходима связь с Украиной. Вторая часть включает 26 песен с текстами и нотами. Этот материал является интересным и ценным как для ученых-фольклористов, так и для музыкантов – исполнителей, композиторов, работающих в разных областях музыкального искусства. По мнению Г.Г. Веревки, следовало бы более полно охарактеризовать культурную жизнь в украинских селах Башкирии в военное время, более развернуто показать структуру украинской народной песни и особенности ее исполнения, более точно систематизировать песни по жанрам, дать более полную информацию о происхождении приведенных песен и т.д.⁴

*Ф.Е. Козицкий*⁵ в рецензии на ту же статью указал, что ценность работы заключается именно в самом факте публикации песен украинских переселенцев. Среди основных замечаний и пожеланий композитора – необходимость более тщательной проверки расшифровок с фоноваликов, едино-

¹ *Квитка Климент Васильевич* (1880-1953) – музыковед-фольклорист, собиратель и исследователь народных песен, организатор Кабинета музыкальной этнографии в АН УССР в 1922 г.; профессор Московской консерватории, с 1937 г. – научный руководитель Кабинета по изучению музыкального творчества народов СССР.

² Квітка К. Рецензія на статтю М. Береговського «Експурс у вивчення музичного фольклору українських поселенців Башкирії» // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 5а-в. Арк. 436–447.

³ *Веревка Григорий Гурович* (1895–1964) – композитор, дирижер, педагог, профессор, занимался обработками народных песен; преподавал в Киевской консерватории, научный сотрудник Института фольклора АН УССР в 1941–1945 гг.; в 1943 г. создал Украинский государственный народный хор, председатель Союза композиторов Украины в 1943–1952 гг.

⁴ *Верьовка Г.* Рецензія на роботу М. Береговського і Е. Володарської «До вивчення народно-пісенного музикального репертуару українців Башкирії» // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 5а-в. Арк. 448–459.

⁵ *Козицкий Филипп Емельянович* (1893–1960) – композитор, музыковед, педагог, с 1935 г. преподавал в Киевской консерватории, профессор, в 1938–1941 гг. – художественный руководитель Украинской государственной филармонии, член Союза композиторов Украины.

образия в нотных обозначениях, более точных смысловых определений, сравнительного анализа стиливых черт в песенном творчестве переселенцев и общетипичных черт украинской песенной традиции¹. Все рецензенты рекомендовали статьи к публикации после соответствующих доработок и правок. Наличие нескольких рецензий на статьи показывает, что, по-видимому, первоначально существовали различные рукописи, которые затем были приведены М.Я. Береговским и редакторами сборника к одному окончательному варианту.

Летом 1943 г. работа над изданием сборника совпала по времени с подготовкой к переезду Академии наук УССР из Уфы в Москву², которая была осуществлена с 19 по 25 августа. В Уфе временно еще оставались библиотека Академии, Музей Т.Г. Шевченко, отдел рукописей Института языка и литературы, склады с некоторым имуществом³. Путь домой оказался долгим и трудным. В Москве АН УССР находилась до марта 1944 г., когда началось возвращение в Киев. Здесь, в соответствии с Постановлением СНК УССР «О структуре АН УССР» от 17 июля 1944 г., в составе Отдела общественных наук на основе Института народного творчества и искусств был создан Институт искусствоведения, фольклора и этнографии (ИМФЭ).

Возможно, по причине сложностей переезда из Уфы издание сборника было отложено. В последующие несколько месяцев уже в Москве сборник снова подвергся редакции, о чем свидетельствует виза главного литературного редактора от 21 декабря 1943 г. на вступительной статье П.Н. Попова. На сохранившихся в архиве ИМФЭ черновиках некоторых статей редакторские правки сделаны разными почерками и чернилами. Это позволяет предположить, что над текстами работали несколько редакторов или один и тот же текст редактировался неоднократно. 28 декабря 1943 г. в годовом отчете о работе отдела фольклора ИНТИ П.Н. Попов отметил, что «сборник частично уже поступил к изданию. Окончательная сдача его в печать задерживается по некоторым техническим моментам в статье Береговского»⁴. Некоторые пометки на одном из черновых вариантов статьи М.Я. Береговского показывают, что исправления вносились еще и в сентябре 1944 и даже в мае 1945 г.⁵

¹ Козицкий П. М. Береговський і Володарська. «До вивчення музичного фольклору українців в Башкирії» // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 5а-в. Арк. 460–462. Вероятно, рецензии подвергся один из рабочих вариантов статьи М.Я. Береговского и Е.М. Володарской, т.к. названия несколько отличаются.

² Решение об этом принято 9 мая 1943 г. Постановлением СНК СССР, срок перевода – до 1 июля 1943 г., см.: Постанова РНК СРСР про переведення АН УРСР з м. Уфа до м. Москва // Історія Національної академії наук України... С. 214–215.

³ Протокол засідання Урядової Комісії в справі переїзду академії наук УРСР до м. Москва // Історія Національної академії наук України... С. 217.

⁴ Попов П. Робота Відділу Фольклора... Арк. 8.

⁵ Береговський М.Я. Екскурс у вивчення музичного фольклору українських поселенців Башкирії / Українці в Башкирії. 1. Примірники розділів // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 2 а-д. Арк. 1.

К сожалению, титаническая работа, выполненная украинскими учеными в Башкирии, в свое время так и не увидела свет. Вероятно, среди причин, что задержали выход сборника, привели к приостановке работы и дальнейшей отправке его в архивохранилище, стали и быстрый переезд из Уфы, и материально-технические трудности военного времени. Кроме того, нельзя исключать фактор идеологического влияния, которое ощущали на себе общественные науки в условиях войны, официальные и неофициальные установки, которые формировали тематику исследований, также могли оказать заметное влияние на судьбу сборника и надолго вывести его за рамки востребованных в то время трудов.

Одним из «белых пятен» в истории сборника является тот факт, что имя М.Я. Береговского вскоре попало в списки «неблагонадежных». В 1950 г. ученый был арестован и обвинен в «антисоветской деятельности». Нельзя исключать того, что необъяснимо длительное, так и незаконченное редактирование его научных трудов могло стать «первой ласточкой» негласных наблюдений за исследователем. Так или иначе, делать абсолютно безупречные выводы об обстоятельствах подготовки сборника и причинах его дальнейшей сложной судьбы невозможно, поскольку архивные документы о деятельности Института в 1943–1944 гг. сохранились лишь фрагментарно.

В настоящее время материалы сборника «Украинцы в Башкирии», а также рукописные дневники М. Касьянова, В. Петрова, Е. Володарской хранятся в Научном архиве рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Ф. Рылского НАН Украины (г. Киев), фонд № 12. Потребность использования материалов сборника в научных целях появилась уже в послевоенное время в связи с продолжением исследований в области украинистики в Башкирии. В 1970–1980-х гг. в архивных фондах Института для подготовки научных трудов по истории, этнографии, фольклору работали В.Я. Бабенко, Ф.Г. Ахатова (Уфа), Н.М. Пазяк (Киев), Т.Д. Крамарчук (Черкассы). Некоторые разделы рукописного сборника неоднократно использовались в авторских и коллективных публикациях¹. Полное издание сборника «Украинцы в Башкирии» в том виде, в котором он был подготовлен к печати в 1943 г., а также с дополнением в виде экспедиционных дневников, рецензий, очерков, иллюстраций, примечаний осуществлено в 2011 г. к 70-летию эвакуации АН УССР в Уфу

¹ См., напр.: Весільні пісні. В 2-х кн. Київ: Наукова думка, 1982. Кн. I. 871 с.; Кн. II. 679 с.; Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа: [б.и.], 1992. 260 с.; Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии. Київ: Музична Україна; Уфа: [б.и.], 1995. 240 с.; Завези од мене поклон в Україну... Фольклор українців Башкортостану. Уфа: [б.и.], 1999. 168 с.; Ахатова Ф.Г. Украинские песни в Башкортостане (историко-этнографическое исследование). Уфа: Гилем, 2000. 146 с. и др.

и 90-летию Института искусствovedения, фольклористики и этнологии им. М.Ф. Рывльского НАН Украины¹.

* * *

Пребывание гуманитарных институтов Академии наук УССР в Башкирии в годы Великой Отечественной войны позволило:

во-первых, провести регулярное и комплексное исследование истории переселения, языка, культуры местных украинцев в экспедиционной форме;

во-вторых, убедительно показать уникальные и неисчерпаемые возможности устных источников для реконструкции культурно-исторического наследия народа;

в-третьих, на основе полученных материалов и фактов, сведенных в систему, сформулировать новую не только для украинской, но и всей советской науки того времени, актуальную проблему, связанную с изучением особенностей функционирования этнической группы, оторванной от материнского этноса (данная проблема не потеряла своей актуальности до настоящего времени);

в-четвертых, реализовать на широком эмпирическом материале важный исследовательский принцип – необходимость проведения сравнительного анализа, в данном случае между украинцами Башкирии и разных областей Украины, а также между украинцами, проживающими компактно и дисперсно, в моно- и иноэтничном окружении;

в-пятых, определить направления дальнейших перспективных исследований, поскольку внимание было обращено преимущественно на фольклор, разножанровое народное творчество, язык, быт, в то время как историческое, статистико-демографическое, хозяйственное изучение в полной мере осуществлено еще не было, этнографическое описание украинцев Башкирии в 1940-е гг. также осталось незавершенным.

¹ Українці Башкирії: у 2 т. Т. 1. Дослідження і документи / гол. ред. Г. Скрипник, наук. ред. В. Бабенко, відп. ред. Д. Чернієнко. Київ: ІМФЕ НАН України; Уфа, 2011. 492 с.

ГЛАВА IV

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР УКРАИНЦЕВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ В НАУЧНЫХ ТРУДАХ 1950–1980-х гг.

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время социально-экономические и гуманитарные отношения между Украиной и регионом Южного Приуралья значительно укрепились. Определяющими событиями стали здесь не только прием в 1941–1943 гг. эвакуированного из Украины населения, а также учреждений и предприятий, но и активное участие боевых подразделений, сформированных в Башкирии и Оренбуржье, в освобождении Украины и восстановлении хозяйственной инфраструктуры ее восточных областей, а также наращивание промышленно-технического, социального и культурного сотрудничества в 1950–1970-е гг. На таком фоне постепенно формируется и научно-познавательный интерес к различным сюжетам, связанным с пребыванием украинцев в приуральском регионе. Развитие этого интереса происходило по четырем основным направлениям: история переселенческого движения; народное творчество украинцев Южного Приуралья; этнографическое изучение украинского населения; украинско-южноуральское сотрудничество.

I. Традиции изучения *истории переселенческого движения* украинцев на Южном Урале во многом были заложены в послевоенное время усилиями С.А. Попова¹ – известного не только в регионе, но и за его пределами краеведа, музейного работника, вузовского преподавателя. С его именем связана одна из самых ярких страниц южноуральской украинистики в 1950–1970-е гг. Уроженец Коми края С.А. Попов начал заниматься историко-краеведческой работой с середины 1920-х гг., собирая этнографический, этнографический и лингвистический материал у себя на родине, публикуя первые очерки в местной прессе и научных изданиях. Но в начале 1930-х гг., как отмечалось в предыдущей главе, советское

¹ Попов Сергей Александрович (1905–1986) – историк, этнограф, археолог, музеевед. Родился в крестьянской семье. После окончания гимназии и педагогического техникума в Сыктывкаре в 1925–1926 гг. работал учителем, в 1926–1930 гг. учился на этнологическом факультете Московского университета. С 1930–1933 гг. преподавал в техникуме, заведовал Коми областным краеведческим музеем. В 1933–1936 гг. репрессирован и сослан в Казахстан, где работал в музеях. В годы войны мобилизован в строительные войска. С 1948 по 1986 г. – старший научный сотрудник, заведующий отделом Оренбургского областного краеведческого музея. Изучал материалы по истории заселения, этнической истории, археологии, топонимике края, войне под предводительством Е.И. Пугачева, оренбургской пушкиниане и др. Автор десятков научных статей в сборниках, журналах и других изданиях.

краеведение повсеместно оказалось под идеологической критикой и разгромом под предлогом необоснованных обвинений в национализме, многие ученые были репрессированы. Вместе с коллегами в жернова репрессий в Сыктывкаре попал и С.А. Попов, арестованный в апреле 1933 г. и в январе 1934 г. отправленный в трехлетнюю ссылку в Казахстан (Алма-Ата). В ссылке С.А. Петров смог продолжить научную деятельность в качестве сотрудника Центрального республиканского музея Казахстана, где остался и после завершения срока ссылки в 1936 г., а с 1938 по 1942 г. работал в Северо-Казахстанском областном музее в Петропавловске.

С.А. Попов

графических занятий, чем Север России. Представители многих народов, длительное время сосуществую на одной земле, сохраняли особенности национальной культуры, традиций и языка.

В качестве научного сотрудника С.А. Попов открыл целую эпоху в истории краеведческого музея. Важные данные о профессиональном становлении и повседневной жизни ученого-краеведа дают материалы его личного дела и автобиографии¹. В музее появились возможности для проведения не только «кабинетной», но и настоящей полевой работы, поэтому уже с первого года работы С.А. Попов с увлечением и профессионализмом совершал регулярные и многочисленные поездки и пешие походы по районам области, выявляя и собирая интересные старинные вещи, записывая и изучая топографические названия, исторические сведения и предания от старожилов, фольклорные произведения и многое другое. Такую работу облегчало знание языков, в известном смысле С.А. Попова можно назвать полиглотом (коми, русский, финский, английский, немец-

¹ Попов С.А. Биографические документы // Оренбургский губернский историко-краеведческий музей (далее – ОГИКМ). Личный фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–39.

кий, татарский, башкирский). Этнографические коллекции Оренбургского областного краеведческого музея регулярно пополнялись результатами экспедиций, под руководством С.А. Попова создавались тематические экспозиции.

Наиболее активная экспедиционная деятельность краеведа приходится на конец 1940-х – начало 1950-х гг., позже он закономерно перешел от собирания к глубокому изучению разных аспектов процесса складывания многонационального населения области. К такой работе благодаря энтузиазму С.А. Попова были привлечены школьники, студенты, музейные работники и другие, собравшие базу данных на более чем 200 населенных пунктов области. С.А. Попов выступая на различных научных мероприятиях, неоднократно отмечал в то время, что национальные особенности населения области изучены еще крайне недостаточно, предлагал проводить системную и регулярную полевую работу, уделять внимание созданию историко-этнографических карт, вопросников, картотеки, публикации познавательных материалов в СМИ.

Деятельность С.А. Попова в качестве сотрудника, а потом заведующего отделом досоветского периода способствовала организации не только этнографических, но и археологических исследований. Среди многих научных интересов определилось главное направление – история заселения Оренбургского края. Важной задачей здесь было собирание, систематизация и уточнение сведений о возникновении населенных пунктов.

Одним из народов, привлекавших повышенное внимание краеведа, были украинцы, занимавшие заметное место на этнической карте региона. Самая большая по объему и основательная по содержанию работа на эту тему – статья о поселении украинцев в Оренбургском крае в юбилейном сборнике «Великая дружба»¹, подготовленном в 1954 г. к 300-летию воссоединения Украины и России. По оценкам специалистов, именно в этой работе проявились все лучшие качества С.А. Попова-исследователя – основательность в разработке темы, научная добросовестность, внимательное и бережное отношение к историческим источникам, стремление не ограничиваться отдельными примерами, а создавать предельно общую картину².

В статье А.С. Попов ставит цель «проследить сложение украинского населения на территории нынешней Чкаловской области в дореволюционное время и ознакомить с историей оснований отдельных украинских населенных пунктов»³. Автор отмечает многонациональный состав насе-

¹ Попов С.А. Из истории поселения украинцев в Чкаловской области // Великая Дружба: Сборник общественно-политических статей и литературно-художественных произведений, посвященных 300-летию воссоединения Украины с Россией. Чкалов: Чкаловское книжное изд-во, 1954. С. 60–84.

² Зобов Ю.С. Подвижник краеведения // Историки и исследователи Оренбургского края: историко-биографические очерки. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. С. 362.

³ Попов С.А. Из истории поселения украинцев в Чкаловской области // Великая дружба... С. 61.

ления области, где «исконными насельниками» являются башкиры и казахи, а все другие народы, в том числе украинцы, появились относительно недавно – в течение последних 200 лет. Исследование проведено на широкой источниковой базе¹ и охватывает значительный период времени от 20-х гг. XVIII в. до середины XX в., показывая основные вехи в процессе освоения украинцами Южного Приуралья.

По структуре статья состоит из введения и шести подразделов. В кратком введении речь идет о впечатлениях Т.Г. Шевченко от степного края, его описаниях украинского быта. Первый раздел посвящен истории поселения украинского крестьянства, которую С.А. Попов разделяет на четыре этапа:

1. Середина XVIII в. – период военной и помещичье-дворянской колонизации края. Этот краткий этап охватывает время от 1737 г. (основание Илецкого городка) до 1742 г. (запрет Сената на набор «малороссийцев»), когда возникают первые украинские поселения, просуществовавшие недолго. Вслед за предшествующими исследователями С.А. Попов рассматривает причины, обстоятельства и итоги раннего переселенческого движения украинцев на Урал.

2. С начала XIX в. до 60-х гг. XIX в. – период дореформенного развития России. К концу этого периода С.А. Попов насчитывает 12 украинских селений, в которых проживало около 14 тыс. человек, почти все они находились в пределах Оренбургского уезда, на расстоянии около 100 км вокруг г. Оренбурга и только два в западной части края². В статье кратко представлен обзор этих поселений (Островное, Кардаиловка, Краснохолм, Белозерка, Дедуровка, Буланово, Кочубеевка, Слоновка, Ново-Черкасская, Николаевка, Богдановка, Филипповка), однако, история их возникновения остается пока недостаточно изученной. Кроме вышеназванных селений украинцы жили вместе с другими народами еще в ряде населенных пунктов Оренбургского края.

3. С 60-х гг. XIX в. до конца XIX в. – период пореформенного развития России. С.А. Попов разделяет мнение, что «развитие капитализма, проведение крестьянской реформы и разложение крестьянского хозяйства» усилило переселенческое движение в России на ее окраины по причине расслоения крестьянства и малоземелья бедняцко-середняцких слоев, уход в районы, где имелся «достаточный земельный простор». В результате, за 1860–1890-е гг. число украинцев в Оренбургском и Орском уездах

¹ Опубликованная статья содержит только ссылки на В.И. Ленина и Т.Г. Шевченко, список использованной литературы отсутствует. Однако рукописный вариант содержит ссылки на архивные материалы, сведения статистической отчетности, различных переписей, научные труды авторов дореволюционного и советского периодов.

² Попов С.А. Из истории поселения украинцев в Чкаловской области... С. 65.

увеличилось в 3 раза, а в Бузулукском в 4,5 раза¹. Украинское население появляется теперь и в юго-западной части края, а также в зауральских казахских степях. Переселенцы поселялись как отдельным украинским поселком, так и общим поселком с другими народами. С.А. Попов проследживает историю возникновения отдельных поселений в это время в соответствии с современной ему административной картой области, приводя информацию по 15 населенным пунктам в 10 районах².

4. С начала XX в. до 1917 г. – период столыпинской аграрной реформы. Активизация переселенческого движения в этот период связана, по мнению С.А. Попова, с провалом попытки правительства решить земельный вопрос, дальнейшим ухудшением положения бедняцко-средняцкой массы крестьянства. По материалам переписей наблюдается устойчивый рост численности украинцев в Оренбургском крае: 38905 в 1897 г. и 74219 в 1920 г. Особенно интенсивно приток шел в пределы бывшей Тургайской области, в юго-восточные земли, казахские степи. Если в 1897 г. здесь не было ни одного украинского населенного пункта, то по переписи 1920 г. их насчитывалось уже 78³. Следуя логике своего повествования, С.А. Попов приводит данные об украинских селах, охватывая 8 районов и 18 населенных пунктов⁴.

Оперируя статистическими данными, С.А. Попов приходит к выводу, что до 60-х гг. XIX в. приток украинского населения был незначительным, с 60-х гг. до конца XIX в. наблюдается более усиленный приток, а с начала XX в. и по 1917 г. наблюдается «массовый наплыв» украинского населения в пределы области⁵. После 1917 г. с решением земельного вопроса одна из главных причин переселения отпала и дальше уже шел процесс преимущественно естественного роста украинского населения.

В последующих разделах статьи С.А. Попов обращается к вопросу о том, из каких мест шло переселение в Заволжье и на территорию области. Если в первой половине XIX в. миграционные потоки шли в основном из восточных районов Украины, то во второй половине XIX и начале XX в. уже из самых разных губерний – Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Таврической, Одесской, Екатеринославской и т.д. Часто переселенцы на новом месте давали название своему селению по имени прежнего на Украине, приведены многочисленные примеры. Другие важные вопросы, интересовавшие С.А. Попова – обстоя-

¹ Попов С.А. Из истории поселения украинцев в Чкаловской области... С. 70.

² Там же. С. 70–72.

³ Там же. С. 75.

⁴ В кратком описании населенных пунктов приводятся, главным образом, сведения о времени основания села, происхождении названия, количестве земли, домохозяйств, указывается, откуда прибыли переселенцы и т.п.

⁵ Попов С.А. Из истории поселения украинцев в Чкаловской области... С. 77.

тельства переезда на новое место жительства и приобретения земли, социально-экономическое положение крестьян. С.А. Попов ссылается не только на официальную статистику, но и на художественные произведения, ярко показывающие тяжелую долю крестьян-переселенцев – картины С. Иванова, Л. Попова, очерки Г. Успенского, Н. Прянишникова, воспоминания старожилов и фольклорные записи.

Несмотря на все трудности, возникавшие в пути и в процессе освоения на новой родине, украинцы внесли большой вклад в хозяйственное освоение края. Прежде всего, отмечается использование волов как рабочего скота, широкое развитие в крае свиноводства, птицеводства, огородничества. В качестве подтверждения приводятся отрывки из повестей Т. Шевченко, а также описания некоторых сел, сделанные авторами конца XIX в. Общий вывод С.А. Попова заключается в том, что расширение районов земледелия и развитие отдельных отраслей сельского хозяйства в зауральской части области больше всего связано с переселенцами-украинцами. От них казахское население, переходившее от кочевого скотоводства к земледелию, больше всего получало практических навыков¹.

С.А. Попов затрагивает и вопрос о характере размещения украинцев в современный ему период: более чем 150-тысячное украинское население расселено на территории Чкаловской области неравномерно. По данным переписи 1926 г. из 3767 населенных пунктов около 300 можно считать «украинскими», не считая тех, где украинцы живут вместе с русскими и другими национальностями. Больше половины украинцев живет в районах на восток от Чкалова и по левобережью Урала, меньше всего украинцев в западных и северо-западных районах. Приведена статистика по отдельным районам, где доля украинского населения колеблется от 22,2% в Ташлинском районе до 42,2% в Ак-Булакском. Наиболее крупными населенными пунктами в основном с украинским населением по-прежнему являются Ак-Булак, Адамовка, Буланово, Беляевка, Черный Отрог, Домбаровка, Красный Холм, Богдановка и др.²

Заключительный сюжет статьи посвящен дружественным отношениям украинцев с другими народами края. В заволжских, оренбургских и казахских степях украинцы вступали в тесные экономические и бытовые связи с местным соседним населением – русскими, казахами, башкирами, мордвой, чувашами и др., усваивали лексический состав и грамматическую структуру иных языков. Но большинство украинцев сохранило свой родной язык и отчасти свою национальную одежду³.

¹ Попов С.А. Из истории поселения украинцев в Чкаловской области... С. 82.

² Там же.

³ Там же. С. 84.

В указанном сборнике был опубликован отредактированный и сокращенный вариант многолетних исследований. Черновики и более полные варианты рукописей, содержащие подробные статистические данные, примеры, детали, сводные таблицы хранятся в настоящее время в Оренбургском губернском историко-краеведческом музее. Эти архивные материалы позволяют воссоздать и понять скрытую от глаз «кухню» ученого, особенности кропотливой аналитической работы с историческими фактами. Сравнение опубликованного текста с сохранившимся рукописным¹ позволяет увидеть, что, во-первых, сам автор работал над изменением структуры и содержания, во-вторых, по всей видимости, для сборника «Великая дружба» были сделаны существенные правки.

Основные отличия заключаются в следующем:

1. В рукописном варианте приведена более полная статистика, есть сведения, не попавшие в сборник (указана доля украинцев в общем населении области 9,1% – второе место; упомянуты 900 населенных пунктов на 1860-е гг. и 600 (380 моноэтничных украинских и 220 смешанных)² по статматериалам 1920–1930-х гг.; приведены данные по отдельным, наиболее крупным населенным пунктам по количеству дворов и точной численности украинского населения и др.).

2. Рукописный вариант содержит сведения, не попавшие в печать. Например, ссылки на информацию об истории сел, полученную от местных жителей во время личных поездок С.А. Попова³; описание украинского поселка: «ровный ряд гладко вымазанных и свежесырококрашеных хат с палисадником на улицу, небольшим садиком и зеленым огородом»⁴; перечисление качеств, свойственных украинцам-переселенцам, постепенно осваивающим бескрайние оренбургские степи – упорный труд, исключительная любовь к земле, трудолюбие, неиссякаемая энергия⁵.

3. В первом варианте статьи периодизация переселенческого движения украинцев включает три этапа, события XVIII в. выделены в отдельный период уже в опубликованном тексте, сами этапы обоснованы более четко.

¹ Попов С.А. Из истории поселения украинцев в Чкаловской области // ОГИКМ. Личный фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–45. В конце статьи подпись С.А. Попова и дата 20.01.1954.

² По другим данным 617, 389 и 228 населенных пунктов соответственно. См.: Попов С.А. Материалы к очерку «Из истории поселения украинцев в Чкаловской области» // ОГИКМ. Личный фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 18. Л. 40–41.

³ Будучи научным сотрудником музея, С.А. Попов проводил активную экспедиционную работу в области. В 1948 г. в Грачевском и Саракташском районах, в 1949 г. – Соль-Илецком, в 1950 г. – Халиловском, 1952 г. – Адамовском, 1953 г. – Ново-Сергиевском, Свердловском, в 1955 г. – Адамовском.

⁴ Попов С.А. Материалы к очерку «Из истории поселения украинцев...»... Л. 44.

⁵ Там же.

4. Во втором варианте добавлены разделы о хозяйственной деятельности переселенцев и состоянии украинцев области на период написания статьи.

Кроме вариантов подготовленной к изданию статьи в личном фонде С.А. Попова содержатся рабочие материалы – выписки из документов, исторических исследований, отдельные наброски, которые ученый собирал на протяжении длительного времени в архивах и полевыми методами¹. В частности среди этих материалов списки населенных мест по сведениям 1866 г., сводные статистические таблицы по данным сельскохозяйственного налогового учета 1930 г. по отдельным населенным пунктам, полные данные о численности и доле украинского населения по районам области по переписям 1920 и 1939 г., черновик карты, где показаны основные «кусты» расселения украинцев, подсчет количества русских и украинских дворов и населения по 32 районам области, конспективные выписки из научных трудов, перечень хуторов, возникших на соляном пути, планы усадеб постройки начала XX в. в масштабе 1:100 и др.

Интерес представляют также подробные сведения по отдельным районам. Например, о 22 населенных пунктах Адамовского района. Сохранились списки информантов с указанием имен и фамилий, времени рождения, мест переселения². Ценнейшими также являются экспедиционные дневники и записи, зарисовки, глоссарии³, «Очерк о заселении Оренбургского края в XVIII в.»⁴, включающий выписки из архивных документов, черновики статей, в том числе об основании Илецкого городка⁵, первых поселений на Оренбургской линии⁶, о которых историческая память оставила только несколько топографических названий.

По материалам С.А. Попова об украинцах и других народах области в 1960–1970-е гг. появилась серия газетных публикаций об истории сел и городов Оренбуржья, планировалась подготовка большой книги о заселении края, но по личным обстоятельствам С.А. Попов вынужден был покинуть Оренбург. Поисково-краеведческая работа С.А. Попова (более 30 опубликованных трудов и значительное количество неопубликованных) получила высокую оценку со стороны научных кругов Оренбуржья и

¹ Попов С.А. Материалы к очерку «Из истории поселения украинцев в Чкаловской области» // ОГИКМ. Личный фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–54.

² Попов С.А. История заселения Адамовского района // ОГИКМ. Личный фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 7. Б.н.

³ Документы по заселению Оренбургского края. Оренбургский уезд // ОГИКМ. Личное дело С.А. Попова. Оп. 1. Д. 3. Б.н.

⁴ Попов С.А. Очерк о заселении Оренбургского края в XVIII в. // ОГИКМ. Личный фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–101.

⁵ Там же. Л. 37–38.

⁶ Там же. Л. 39–44.

Урала, на его статьи ссылаются многие местные исследователи, и до сих пор они остаются востребованными новыми поколениями историков¹.

В Башкирии на протяжении длительного времени вопросы переселенческого движения изучал *Х.Ф. Усманов*². Эта работа проводилась ученым в рамках более широкой проблематики – изучения аграрной истории, истории промышленности, революционного движения в крае в условиях реформ второй половины XIX – начала XX в. Уже в публикациях начала 1950-х гг., посвященных столыпинской аграрной реформе, *Х.Ф. Усманов* обращает внимание на значительное присутствие украинского компонента в общем переселенческом движении и его результаты для различных категорий крестьянства. По данным ученого, в особенно тяжелом положении оказывались маломощные хуторяне и отрубники.

С опорой на архивные документы *Х.Ф. Усманов* показывает конкретные примеры неэффективной деятельности землеустроителей. При выделении из общины крестьянам, как правило, были обещаны безвозмездные ссуды на благоустройство, постройку дорог, мостов через овраги, рытье новых колодцев и т.п. На практике обещания не выполнялись, середняки и бедняки, выходя на хутора, не только не улучшали свое хозяйство, но, наоборот, нередко это приводило к фактическому разорению крестьян. В качестве наиболее показательных примеров *Х.Ф. Усманов* приводит жалобы жителей украинского села Нижний Кульчум Белебеевского уезда, которые «воду возят кадужкой за четыре версты ... в настоящее время не только думать, чтобы жить на этих участках, прямо хоть каждый в нищие иди ... мы прожили уже три года и видели, что не улучшается каждого крестьянина хозяйство, а только каждый до последнего разорился...»³. Поэтому писали уфимскому губернатору с просьбой о разрешении войти обратно с хуторов и отрубов в общее владение.

В том же Нижнем Кульчуме члены «Каменец-Подольского товарищества» три года ждали обещанные дорогу, мост, колодцы и ссуды, но ничего не получили, а «теперь вовсе некуда ехать», «последнюю скотину изогнали и остались ни при чем», «по жребию достался отрубной участок, но

¹ Попов С.А. Из истории поселения украинцев в Оренбургской области // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург: [б.и.], 1994. С. 69–79.

² *Усманов Хамза Фатыхович* (1923–2009) – историк, доктор исторических наук (1978), профессор (1994). Участник Великой Отечественной войны. В 1950 г. окончил Башкирский педагогический институт. С 1955 г. работал в Институте истории, языка и литературы (ИИЯЛ), в 1962–1963 гг. – проректор Бирского педагогического института. В 1978–1979 гг. – зав. сектором ИИЯЛ, в 1980–1988 гг. – директор Института, в 1988–1993 гг. – зав. отделом истории дореволюционного периода, с 1993 г. – главный научный сотрудник ИИЯЛ. Заслуженный деятель науки БАСССР (1981), Почетный академик АН РБ (1998).

³ Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа: Башк. книжное изд-во, 1958. С. 100, 103.

воды ни глотка»¹ и т.д. О подобных случаях часто писали местные газеты. Например, у многих переселенцев из Подольской губернии, когда пришло время распахать купленную землю, не оказалось ни рабочего скота, ни сельскохозяйственных орудий, и они вынуждены были сдавать землю в аренду, а сами пошли в батраки². Не менее показательным является рассказ одного из переселенцев из Черниговской губернии, который, продав землю на Украине, вместе с семьей и всем имуществом прибыл в Оренбуржье. В Троицке переселенческое начальство для решения вопросов об устройстве на новом месте погнало его за 200 верст в Кустанай, оттуда за 400 верст в Мариинский поселок, оттуда обратно в Троицк. Продолав за свой счет весь этот путь, переселенец совсем разорился, наконец, устроился в одном поселке, «на последние деньги справил из дерна землянку, хлеба же купить стало не на что, и пришлось просить пособия...»³.

Кроме неэффективности землеустроительных служб существенной причиной разорения являлись нараставшие задолженности Крестьянскому поземельному банку – «...бедный крестьянин банку еле-еле платит, а сам голодный сидит»⁴. Слабое хозяйство переселенцев сильно подрывали и периодически повторявшиеся неурожаи. Например, переселенцы 1906 г. из Таврической губернии, вложив свои состояния в посевы, «остались без ничего» в первый же год, скот был продан за бесценок. Полученной ссуды хватило только на пропитание, а на новые посевы не осталось⁵. В результате невозможности устроиться на новых землях немалая часть переселенцев отправлялась дальше на восток, в Сибирь, или возвращалась на родину. Численность таких обратных переселенцев постоянно возрастала и к 1912 г. достигла более 50% как в Уфимской, так и в Оренбургской губернии⁶.

Работа Х.Ф. Усманова в этом направлении активно продолжалась и в последующие годы, что нашло отражение в его монографии, посвященной развитию капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в 1861–1900 гг.⁷ Исследование охватывает территории Уфимской и Оренбургской губернии и подготовлено на основе как ранее опубликованных, так и новых на тот период архивных документов Уфы, Оренбурга, Москвы, Казани, Самары. В части данных по украинскому населению региона особый интерес представляет раздел «Положение переселенцев в Башкирии». Х.Ф. Усманов выделяет три основных очага переселенчества – Стерлитамакский, Уфимский

¹ Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии... С. 103.

² Там же. С. 134.

³ Там же. С. 128.

⁴ Там же. С. 100.

⁵ Там же. С. 135.

⁶ Там же. С. 129.

⁷ Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М.: Наука, 1981. 370 с.

и Белебеевский уезды, которые располагали удобными для хлебопашества землями и имели сравнительно редкое население¹. Еще в 1876 г. Стерлитамакская уездная земская управа разослала в волостные правления Херсонской, Харьковской и Черниговской губерний объявления о сдаче в аренду земельных угодий и о намерении башкир продать определенный объем земли. Переселенцы шли из разных районов. Например, в Уфимский уезд наибольшее количество переселенцев из Украины дала Харьковская губерния (1717 душ), в Оренбургской губернии преобладающая часть украинских переселенцев представляла Черниговскую и Полтавскую губернии. Украинцы, приток которых значительно усилился в 1890-е гг., предпочитали оседать в степных местностях, близких к их родине по географическим и климатическим условиям². Так на башкирских, частовладельческих (помещичьих), казачьих, казенных и удельных землях ежегодно появлялись новые хутора и села украинских и других переселенцев. Интересно, что большая их часть предпочитала поселаться именно во вновь образованных поселках, а не в селениях старожилов³.

Таким образом, Х.Ф. Усманов на широком круге примеров из архивных документов приводит ранее не вовлеченные в научный оборот важные статистические данные, показывает реальную картину обстоятельств и механизмов приобретения земель и повседневной жизни переселенцев, среди которых выходцы из Украины в начале XX в. составляли уже значительную часть. Исследования Х.Ф. Усманова в последствии использовались в публикациях других авторов, информация о пребывании украинцев на башкирских землях упоминалась в ряде изданий⁴.

II. *Народное творчество украинцев Южного Приуралья* в качестве самостоятельной исследовательской проблемы впервые было обозначено в 1940-е гг. учеными АН УССР, находившейся в Башкирии в эвакуации. Но по причине краткосрочности их пребывания в этом направлении совершены только первые шаги. В послевоенное время важной задачей работы в области изучения восточнославянского, в том числе украинского, населения региона стало дальнейшее накопление фактического материала в форме фольклорных экспедиций. Такая работа была чрезвычайно актуальна, поскольку вплоть до середины 1950-х гг. не было ни одного исследования, ни одного сборника, посвященного систематическому изучению устно-поэтического творчества русского (и не только русского) населения Башкирии⁵. В условиях нехватки местных научных кадров руководство экспе-

¹ Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии... С. 73.

² Там же. С. 74–75.

³ Там же. С. 77.

⁴ См., напр.: Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. С. 58–59.

⁵ Русское народное творчество в Башкирии. Уфа: Башк. книжное изд-во, 1957. С. 4.

дициями по-прежнему осуществлялось приглашенными специалистами. В 1948–1949 гг. Башкирский НИИ истории, языка и литературы им. М. Гафури совместно с кафедрой фольклора Московского государственного университета организовал ряд экспедиций с целью выявления и записи произведений устно-поэтического творчества русского населения республики. Руководила этими экспедициями с участием научных сотрудников БашНИИ и московских студентов доцент МГУ Э.В. Померанцева¹.

В 1948 г. работа проходила в трех северных районах республики с преобладающим русским населением – Караидельском, Покровском, Благовещенском, было записано около 2 тыс. текстов – песни, сказки, частушки, пословицы, загадки и др. Летом 1949 г. участники экспедиции продолжали исследования в южных Кигинском, Салаватском и Дуванском районах. На этот раз с помощью сотрудницы Московской государственной консерватории Н.М. Бачинской проводились и музыкальные записи. Уфимские музыковеды в составе экспедиции собирали также башкирский фольклор. В течение месяца было собрано около 3 тыс. текстов русского фольклора, сделаны интересные наблюдения над бытованием традиционного фольклора в селах с преимущественно русским населением. Помимо записей фольклорных текстов собиралась информация об истории отдельных сел, этническом составе, быте, традициях, языковой ситуации и т.п. Результаты исследований позднее были частично опубликованы в сборнике «Русское народное творчество в Башкирии» (1957), где с соблюдением территориального принципа изложения представлены 207 песен и сказок, 258 частушек. Полный материал находится в архиве Уфимского научного центра РАН.

Среди собранного материала находилось около 30 украинских народных песен², поскольку маршруты экспедиции пролегали и по местам компактного поселения украинцев. Например, среди украинских «певческих» сел Кигинского района, ставших объектами изучения и давших интересный материал – с. Новотроицкое, основанное в 1910-х гг. переселенцами из Черниговской губернии, с. Теплый Ключ, возникшее в начале XX в., с. Лезузы, куда украинцы подселились к русским³. В этих селах украинские народные песни составляли основу репертуара музыкального фольклора, их знали представители разных поколений, наиболее популярные песни зву-

¹ Померанцева (Гофман) Эрна Васильевна (1899–1980) – филолог, фольклорист, этнограф, доктор исторических наук. В 1922 г. окончила филологический факультет МГУ, в 1938–1958 гг. – доцент на кафедре фольклора МГУ, в 1960–1980 гг. работала в Институте этнографии АН СССР. Представитель фольклорной школы братьев Ю. и Б. Соколовых. Автор около 300 научных публикаций, посвященных историческим судьбам русской народной сказки, соотношению традиционного и современного фольклора. Как ученый исповедовала единство полевой работы, архивных разысканий, теоретических обобщений и популяризации фольклора.

² По оценкам Ф.Г. Ахатовой, см.: Ахатова Ф.Г. Украинские песни в Башкортостане (историко-этнографическое исследование). Уфа: Гилем, 2000. С. 34.

³ Там же. С. 35–36.

чали в разных селах. Присутствие украинского элемента в разножанровых песнях фиксировалось также в Дуванском и Салаватском районах¹. Исследователи отмечали, что украинцы живут здесь в деревянных рубленых хатах, на улицах встречаются колодцы с высокими журавлями и др.

После экспедиций 1948–1949 гг. работа по собиранию славянского фольклора в Башкирии была приостановлена до 1960-х гг. К этому времени в Башкирии дает результаты система подготовки собственных кадров в ведущих вузах Уфы и других городов республики, что приводит к формированию научных школ в разных областях знания. Заметным явлением всесоюзного уровня становится научная школа известного фольклориста и литературоведа, уроженца Киева профессора *Л.Г. Барага*², сложившаяся в Башкирском государственном университете. В рамках работы этой школы появляются и труды, связанные с украинским устным народным творчеством в Башкирии как составной частью восточнославянского фольклора южноуральского региона.

Л.Г. Барага

Проблема взаимосвязи русского и нерусского фольклора в Башкирии и на Южном Урале неоднократно поднималась Л.Г. Барагом на теоретическом уровне в работах 1963–1969 гг. Опираясь на материалы фольклорных экспедиций второй половины 1960-х гг., Л.Г. Бараг отмечал, что в селениях, где живут переселенцы из Украины или их потомки, сохраняются традиции национального песнетворчества. Такие селения украинского или отчасти украинского происхождения являются очагами распространения народных песен. Так, летом 1968 г. экспедицией кафедры русской литературы БашГУ в отдельных населенных пунктах было записано более 30

популярных украинских песен, в том числе в с. Шаровка Белебеевского района (переселенцы из одноименного села Харьковской губернии), д. Успенка Зилаирского района (переселенцы из Полтавщины)³. Некоторые пес-

¹ Ахатова Ф.Г. Украинские песни в Башкортостане... С. 37.

² *Бараг Лев Григорьевич* (1911–1994) – фольклорист, литературовед, кандидат филологических наук (1938), доктор исторических наук (1969), профессор (1970). Работал в Минске, Свердловске, с 1943 г. Уфе. В 1972–1992 гг. зав. кафедрой русской литературы и фольклора БашГУ, с 1972 г. – научный сотрудник Института истории, языка и литературы БФ АН СССР (затем – БашНИЦ УрО АН СССР). С 1974 г. основатель и редактор научного сборника «Фольклор народов РСФСР». Лауреат Премии БАССР им. Салавата Юлаева за лучшие произведения и работы в области литературы, искусства и исполнительского мастерства (1987), Заслуженный деятель науки БАССР (1977). Собиратель и исследователь восточнославянского и тюркского сказочного эпоса.

³ Бараг Л.Г. Взаимосвязи русского и нерусского фольклора современной Башкирии // *Расцвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР*. Вып. 2. Уфа: Изд-во БашГУ, 1970. С. 158.

ни записывались даже в разных вариантах. В это время фиксировались случаи, когда украинские песни пели хором на улице, в поле, на пирушках. Отмечены настоящие знатоки фольклора, знавшие по несколько десятков песен (люди 1905–1910 гг. рождения), вокруг которых группировались сельские любители хорового пения. Украинские песни регулярно исполнялись на районных смотрах художественной самодеятельности¹. Говор местного населения в таких селах сохраняет украинскую основу, но сильно русифицирован, чаще звучит уже литературная русская речь. Кроме русских украинские песни перенимают также татары, чувашаи и др. Не владея украинским языком, такие песельники часто подвергают тексты искажению, вставляя более понятные русские слова, окончания, ударения и т.п. В ряде сел записаны сказки на языке, по определению Л.Г. Барага, «переходном от украинского к русскому»².

Собранный в 1960-е гг. экспедициями БашГУ фольклорный материал имел значение не только для изучения состояния и взаимовлияния местных национальных традиций, но и давал возможность поставить вопрос о своеобразии фольклора Башкирии в целом как сложного, исторически развивающегося единства³. С этого времени фольклор народов Южного Урала с его разнообразным национальным составом и глубокими корнями стал самостоятельным объектом научных исследований.

В первом выпуске специализированного научного сборника «Фольклор народов РСФСР», издававшемся с 1974 г. в Уфе, Л.Г. Бараг обозначил первоочередную задачу составления на основе сказочных текстов сводного сравнительного указателя восточнославянских сказочных сюжетов. Решение такой задачи, по его мнению, откроет новые перспективы славистических сказковедческих исследований, позволит осмыслить родство имеющихся материалов⁴. Ведущим принципом такой работы является признание единства и различий в белорусских, украинских и русских сказках в качестве цельной основы их национального своеобразия. Самым значительным проявлением восточнославянской фольклорной общности является то единство, которым отличается картина многообразных вариантов отдельных сюжетов – самые распространенные сюжеты сказок одного из восточнославянских народов являются, как правило, популярными сюжетами репертуара других восточнославянских народов⁵. Руководствуясь данными методологическими установками, в Башкирии во второй половине XX в.

¹ Бараг Л.Г. Взаимосвязи русского и нерусского фольклора современной Башкирии... С. 159.

² Там же. С. 164.

³ Там же. С. 166.

⁴ Бараг Л.Г. О межнациональном в сказках восточнославянских народов // Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. Вып. 1. Уфа: Изд-во БГУ, 1974. С. 69–70.

⁵ Там же. С. 70.

была проделана огромная работа в области исследования славянского и тюркского фольклора.

Важным направлением в деятельности уфимских фольклористов стало не только собирание, изучение, редактирование текстов, но и регулярная экспедиционная работа. На богатых материалах многочисленных полевых исследований проводились сравнительные анализы песенных традиций разных народов, проживающих длительное время в иноэтничном окружении. Большой вклад в изучение украинской песенной культуры во второй половине 1960 – первой половине 1980-х гг. внесла ученица Л.Г. Барага – *Л.И. Брянцева*¹, которой принадлежит серия статей по данной проблематике.

Результаты экспедиций студентов и преподавателей филологического факультета Башкирского государственного университета в 1968–1973 гг. в степных и горнолесных южных и юго-восточных районах Башкирии – Баймакском, Зианчуринском, Зилаирском (Владимировка), Кумертауском (Андреевка), Мелеузовском, Федоровском, а также в западном Белебеевском (Омельник, Репьевка, Шаровка, Шатры) и северном Шарлыкском (Слоновка) районах Оренбургской области. Наблюдения над некоторыми особенностями песенной культуры на тех территориях, где относительно много селений украинского происхождения, позволили на обширной эмпирической базе рассмотреть вопрос о взаимосвязях украинского и русского свадебного фольклора. Участников экспедиций в первую очередь интересовали особенности процесса взаимодействия разных традиций национального свадебного фольклора и сохранение в нем архаических черт на современном этапе под влиянием исторических и географических условий.

Л.И. Брянцева

Среди общих черт русских и украинских свадеб Л.И. Брянцева отмечала, например, совпадение названий ряда эпизодов в обрядах (сватовство, выкуп косы, поиски «ярки» и др.); одинаковые действия, имевшие магические функции (сажание молодых на тулуп, осыпание зерном, обливание гостей водой и др.)². Но различий между русским и украинским свадебным

¹ *Брянцева Людмила Ивановна* (1946–2012) – доцент кафедры русской литературы и фольклора Башкирского государственного университета, кандидат филологических наук (1984), специалист по русской народной песенной традиции, ответственный секретарь научного сборника «Фольклор народов РСФСР», научный консультант ряда творческих коллективов Башкортостана.

² *Брянцева Л.И.* О взаимосвязях русского и украинского свадебного фольклора в современной Башкирии // *Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. Вып. 2. Межнациональные связи и национальное своеобразие.* Уфа: Изд-во БГУ, 1975. С. 181.

фольклором гораздо больше, чем в обрядах. Например, на украинской свадьбе отсутствуют причитания невесты¹; исполняется больше плясовых и шуточных песен; участвуют «платные музыканты», которые являются непременными участниками свадебной игры. В некоторых селах (Белебеевский район) сохранялись еще обычаи «дать гарбуза» как несогласие на брак с нелюбимым, а также повязывания старост рушниками или зажигания свечи у иконы как знак согласия². Но в целом, общность социально-экономических условий жизни русских и украинцев в Башкирии вела к тесному сближению их местного фольклора. Русский и украинский обряды постепенно трансформируются. Для последнего это выразилось, например, в «выпадении» обряда печения каравая; утрате традиции танцев невесты с боярами после венчания в ее доме и др. Данные изменения происходили, вероятно, под воздействием русского обряда³.

Кроме изменений в украинских обрядах, связанных с исчезновением каких-либо элементов, Л.И. Брянцева отмечает в некоторых селах и факты прямого влияния украинского свадебного обряда на русский:

1) перенимание обряда «ржяженных» («цыганщины»), когда разодетые гости, распевая песни и шутки, старались прибрать к рукам все, что плохо лежало;

2) принятие в ряде районов из украинского языка названия обряда «Гарны», когда гости шли в дом родителей молодой с «гарной» вестью;

3) одевание невесты в белое или розовое платье с длинными рукавами с венком из ярких искусственных цветов, украшенным разноцветными лентами.

4) заимствование сватами свадебных фольклорных формул – приговоров дружки, воспроизведенных в переводе на русский язык;

5) заимствование свадебной песенной лирики – исполнение одной и той же песни и на русском, и на украинском языках или создание смешанных вариантов, когда заменяются отдельные слова, соединяются части песен, а строй, ритмика, мелодия остаются неизменными⁴.

Таким образом, русский свадебный обряд нередко вбирал в себя элементы украинского свадебного обряда и наоборот – на украинских свадьбах исполняют русские свадебные, лирические и шуточные песни. Особенно тесное взаимовлияние происходит в случаях смешанных свадеб русско-украинского типа.

В публикациях начала 1980-х гг. Л.И. Брянцева концентрирует внимание на украинской песенной традиции. В тот период украинских сел в

¹ Л.И. Брянцева данный вид песенного фольклора не отразила, хотя он изредка встречается у украинцев Башкирии (например, «Не поплачешь за столом – поплачешь за углом...»).

² Брянцева Л.И. О взаимосвязях русского и украинского свадебного фольклора... С. 182.

³ Там же. С. 183.

⁴ Там же. С. 184–185.

Башкирии насчитывалось еще больше, чем смешанных русско-украинских, поэтому, несмотря на процессы ассимиляции, национальное самосознание украинцев сохранялось достаточно прочно. Анализируя полевые материалы, Л.И. Брянцева отмечала, что украинцы Башкирии, не забывая родной язык, легко переходят с русского на украинский и наоборот. Песни чаще всего поют на украинском языке, в русских же песнях нередко встречаются украинизмы¹. Исследовательница зафиксировала и на конкретных примерах показала такое интересное с научной точки зрения явление как «переделки», выделила в них две группы: 1) переделки песен неизвестных авторов, ведущие к созданию автономных произведений (с изменением мотива, иногда сюжета); 2) литературная обработка народных песен поэтами и дальнейшее их развитие вновь в народной среде, усиливающее элементы фольклорной поэтики². Такие переделки были распространены в ареале украинской культуры в XIX в.

Характеризуя репертуар народных песен среди современного украинского населения, Л.И. Брянцева отметила его разнообразие. В украинских населенных пунктах исполнители разных поколений знают много народных песен – традиционную лирику, шуточные, о тяжелой доле и др., перенимают от местного населения и русские народные песни. Изредка встречались даже старинные песни, но исторические, баллады, календарные и свадебные все же были редки и записывались лишь от исполнителей старшего поколения. В основе научных обобщений, представленных в статье «Украинские песни в Башкирии», лежали как уже ранее использовавшиеся материалы прежних фольклорных экспедиций БашГУ (1967 г. в Белорецком, 1968 г. в Белебеевском, 1974 г. в Кумертауском районах Башкирии, 1972 г. в Шарлыкском районе Оренбургской области), так и новых – 1976, 1978 гг. в Белебеевском районе.

Важное значение имела типологизация украинских песельниц³. К первой группе отнесены песельницы старшего поколения (родившиеся на рубеже XIX–XX вв., часть из них непосредственно приехала из Украины), сохраняющие не только уникальные тексты и мелодии, но и любовь к песне. От каждого из таких информантов было записано по несколько десятков песен. Вторая группа – песенные коллективы, которые собираются по случаю, на работе или «гулянках». В их составе люди преимущественно среднего поколения, имеют признанных запевал, основа их репертуара – традиционные лирические песни, но знают они и современные украинские и русские песни, романсы. По наблюдению Л.И. Брянцевой, таких исполнителей лучше записывать вместе. Третья группа – семейные коллективы

¹ Брянцева Л.И. Украинские песни в Башкирии // Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. Уфа: Изд-во БГУ, 1980. С. 28–29.

² Там же. С. 30–31.

³ Там же. С. 32–34.

из представителей разных поколений с широким диапазоном репертуара от традиционных песен до новейших советских.

Многолетний опыт общения с респондентами в полевых условиях позволил Л.И. Брянцевой сделать несколько важных выводов:

1) наблюдается процесс трансформации отдельных песен, например, исторических в лирические или даже шуточные с утратой части оригинального содержания и смысла (песни о Сагайдачном и Морозенко);

2) свадебные украинские песни – большая редкость, на украинских свадьбах украинские песни поют реже, чем на русских – русские;

3) часто традиционные украинские песни бытуют параллельно с их русскими вариантами даже в одном и том же или соседних селениях;

4) зафиксированы разнообразные контаминации (сочетания) русских и украинских текстов, чаще украинских традиционных песен с русскими литературными песнями. В украинскую среду проникают и русские песни более позднего происхождения, что находит проявление в замене окончаний, отдельных слов или фраз, подборании синонимов под рифму. Вместе с тем, среди русского населения бытуют и украинские песни, прежде всего лирические и шуточные. Все эти примеры показывают, что взаимодействие русской и украинской песенных традиций – явление развивающееся, обогащающее культуру обоих народов¹.

Летом 1979 г. фольклорная экспедиция БашГУ работала в Архангельском районе Башкирии, расположенном в восточной части республики. Эта местность издавна была заселена башкирами и русскими, а с конца XIX в. здесь появляются и украинцы-переселенцы. Экспедиция шла по маршруту 1960 г. с целью установления сохранности репертуара и изменений песенных жанров за прошедшие 20 лет. В результате было записано 303 текста (в 1960 г. – 96) разных жанров: исторические, тюремные, разбойничьи, любовные, семейно-бытовые и т.д.² Новшеством оказалось то, что была выявлена богатая местная балладная традиция. Несмотря на то, что Архангельский район не относится к ареалу многочисленного и компактного расселения украинцев, здесь (с. Алексеевка) были зафиксированы некоторые балладные сюжеты с очевидным украинским влиянием. В качестве примеров, имеющих известные украинские варианты, Л.И. Брянцева приводит сюжеты «Дочка-пташка», «Приворот на зелье» (героиня носит имя Ганночка!), «Казак и шинкарка» (где казаки манят молодую уехать с ними на Украину!) и др.³ На Украине, в том числе в Закарпатье, эти сюжеты появились еще в конце XVIII – XIX в. и могли быть принесены на Урал с волнами переселенцев разного времени.

¹ Брянцева Л.И. Украинские песни в Башкирии... С. 35.

² Брянцева Л.И. Балладная традиция в Архангельском районе БАССР // Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. Уфа: Изд-во БГУ, 1981. С. 65.

³ Там же. С. 66–68.

Завершает цикл «украинских» публикаций Л.И. Брянцева статья, посвященная русско-украинским песенным взаимосвязям, в которой использованы материалы экспедиций 1979 г. в Архангельском и 1981 г. в Благоварском (с. Иваненково) районах Башкирии¹. Принимая во внимание, что украинские переселенцы оседали на землях Башкирии еще с XVIII в. и интенсивность переселенческого движения нарастала вплоть до Великой Отечественной войны, Л.И. Брянцева отмечает как их ярко выраженную национальную специфику, так и воздействие украинцев на культуру соседних народов. Например, русские, башкиры и татары под влиянием украинцев начали обмазывать глиной и белить стены домов, восприняли некоторые приемы земледелия, обычаи, в том числе и народное творчество². Местный фольклорный репертуар носит преимущественно смешанный характер, т.к. в одном селе нередко живут выходцы из разных украинских губерний. Песни, общие для культурного наследия восточных славян, получают вторую жизнь под влиянием современных традиций родственных народов.

Так, с одной стороны, многие русские и украинские песенники исполняют песни другого народа. Например, украинский вариант баллады «Ой, ты Галю, Галю молодая» распространен больше, чем русский «Шинкарка и казак», а русский вариант «Было у вдовушки девять сынов...» больше, чем соответствующий украинский. В двух соседствующих русском и украинском селах могут сосуществовать песни с общим сюжетом, но в разноязычных вариантах. Не менее популярны у украинских песенников и русские песни литературного происхождения (авторские). С другой стороны, украинские песни обретают в Башкирии местный колорит, связанный с вкраплением нетрадиционных образов. Например, в одной из баллад зелье для приворота чабана приготавливается девушкой не из «коріння з-під білого каміння», а из курая – национального символа башкир³. Исполнители создают своеобразные песенные варианты в общем русле восточноевропейской фольклорной традиции, возможно, укорачивая тексты, несколько упрощая стили, но не нарушая общей художественности песни. Это явление исследователями народного творчества называется «фольклорный бумеранг»⁴. Новые варианты ориентируются все же на народную песню, появляются дополнительные бытовые детали, могут изменяться ритм и мелодика стиха, переводя песню в русло народной поэтики⁵.

¹ Брянцева Л.И. О русско-украинских песенных взаимосвязях в Башкирии // Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. Межэтнические фольклорные связи. Уфа: Изд-во БГУ, 1987. С. 104–110.

² Там же. С. 104.

³ Там же. С. 106.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 107.

Материалы фольклорных экспедиций, как подчеркивает Л.И. Брянцева, показали, что реже всего происходит взаимодействие русской и украинской обрядовой поэзии и взаимодействия в жанре исторических песен, они не стали единым достоянием (обрядовые песни имеют ярко выраженную специфику даже среди моноэтничных украинских сел). Наиболее же заметны межэтнические фольклорные русско-украинские связи в области традиционной песенной лирики. Это находит свое проявление в таких фактах как присутствие в украинских песнях русизмов, в русских – украинизмов; взаимозаменение союзов (як/как, що/что, це/это и т.п.) и местоимений (він/он); исполнение песен в народных переводах на другой язык и т.д.¹

Таким образом, значение украиноведческих публикаций трудов Л.И. Брянцевой заключается, во-первых, в том, что под ее руководством на протяжении длительного времени экспедиционным методом собирался уникальный разножанровый фольклорный и этнографический материал. Во-вторых, на примере русско-украинских связей в русле научной школы Л.Г. Барага было системно продолжено изучение проблем межэтнического взаимодействия в области народного творчества, прослежены основные закономерности и формы эволюции украинской песенной традиции в Башкирии. В-третьих, фольклор украинцев Башкирии был репрезентрован в ряде научных публикаций автора, дипломных работ студентов БашГУ, систематизирован в архиве кафедры.

Самобытный научный центр фольклористики Башкирии начал формироваться во второй половине 1960-х гг. в Стерлитамакском государственном педагогическом институте. Здесь к изучению украинского фольклора неоднократно обращался *И.Е. Карпухин*², которым была разработана специальная программа изучения национальных свадеб, апробированная в более чем 40 районах на материалах 8 крупнейших этносов Башкирии. В том числе результаты регулярных фольклорных экспедиций преподавателей и студентов СГПИ в 1966–1972 гг. в Альшеевском, Аургазинском, Белебеевском, Кумертауском, Мелеузовском, Стерлибашевском, Стерлитамакском, Федоровском районах позволили подготовить материал о взаимосвязи русских и украинских свадебных обрядов³. Особую актуальность проделанной работе придавало то, что до середины 1970-х гг. эта тема ос-

¹ Брянцева Л.И. О русско-украинских песенных взаимосвязях в Башкирии... С. 109.

² *Карпухин Иван Егорович* – филолог, фольклорист, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы филологического факультета Стерлитамакской государственной педагогической академии (ныне – Стерлитамакского филиала БашГУ). Заслуженный учитель школы Башкирской АССР, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Известен как писатель, автор поэтических сборников.

³ Карпухин И.Е. Взаимодействие русских и украинских свадебных обрядов в Башкирии // Фольклор и литература Урала. Вып. 2. Пермь: Изд-во ПГПИ, 1975. С. 82–91.

тавалась совершенно не изученной, вопрос о сравнительном анализе разных национальных традиций, как правило, не ставился, поскольку слаба еще была эмпирическая база.

И.Е. Карпухин

По наблюдениям И.Е. Карпухина, украинцы в Башкирии еще достаточно хорошо держат в памяти старинную свадьбу, многое из нее сохраняется. Наиболее жизнеспособной традиционная украинская свадьба была зафиксирована в Альшеевском и Стерлитамакском районах, где сохранились группы украинских хуторов и деревень: Байдаковка, Константино-Александровка, Золотоношка и др.¹ От некоторых информантов было записано по несколько десятков украинских народных песен, в том числе свадебных. Вместе с тем, в Башкирии часто встречаются свадьбы, где в единое целое слиты русские и украинские обряды и фольклор. И.Е. Карпухин выделяет два типа подобного явления: а) слияние носит полумеханический характер, например, при вступлении в брак представителей разных национальностей (доля межнациональных браков постоянно растет, и русско-украинские браки в начале 1970-х гг. занимали среди них по частоте регистрации первое место в республике); б) слияние – результат длительного творческого общения, которое бывает более тесным в населенных пунктах со смешанным населением². В качестве примера приведен случай на свадьбе в д. Новая Казанковка Мелеузовского района в 1971 г. Здесь сватовство шло по украинскому образцу, поскольку жених был украинцем: сватов приняли за столом, мать жениха подала матери невесты каравай на вышитом рушнике, последняя, приняв его, дала в ответ свой. В своих же домах родственники жениха и невесты, когда отсутствовали представители другой стороны, придерживались национальных традиций. Когда представители обеих сторон оказывались вместе, то обряды смешивались, свадебные и несвадебные песни звучали без какой-либо закономерности³.

И.Е. Карпухин обращает внимание на то, что проблема взаимодействия русской и украинской свадеб в смешанных русско-украинских селениях, встречающихся в Башкирии довольно часто, представляет особый интерес, диффузия обрядов и фольклора здесь видна наиболее отчетливо. Исследователь фиксирует подтвержденную материалами экспедиций закономерность – в тех местностях, где не было компактных украинских поселе-

¹ Карпухин И.Е. Взаимодействие русских и украинских свадебных обрядов... С. 83.

² Там же.

³ Там же. С. 83–84.

ний, украинские свадьбы игрались почти одинаково с русскими еще с 1940–1950-х гг. С утратой компактности поселений усиливаются диффузия свадебных обрядов и песен и совместная творческая их переработка, что ведет к созданию единого для данной местности свадебного и песенного репертуаров¹. Например, в Альшеевском районе русские и украинские деревни вступали в различного рода связи с давних пор, поэтому появилось много общего в свадебных обрядах. Такие элементы украинской свадьбы как разрезание каравая дружкой, угощение этим хлебом всех поезжан, одаривание «баяр» и другие встречались и на свадьбах во многих русских деревнях, где также исполнялись старинные украинские песни².

Опубликованные тексты и собранные полевыми методами сведения показывают: между русской и украинской свадьбой XVIII в. меньше сходства, чем между украинской свадьбой того же периода и русской свадьбой середины XX в., что убедительно говорит о более поздних изменениях и взаимодействиях, формы проявления которых разнообразны³. Следовательно, в многонациональных селах процесс смешения свадебных обрядов и фольклора достиг уже к рубежу 1960–1970-х гг. такого уровня, когда свадьбы утрачивают свои специфически национальные черты. Эта же закономерность (в несколько ослабленном виде) наблюдается и в украинских одиночных селениях, входивших в состав крупных колхозов⁴. Методологически ценным является заключение И.Е. Карпухина о том, что в процессе взаимодействия сходных обрядов часто меняются их функции. Например, из украинского обряда «ряженных» выпадает традиция «цыганить» и появляется сугубо игровая задача развлечения гостей плясками, шутками, песнями, а русские на свадьбах, наоборот, нередко начинают «цыганить»⁵.

Наиболее выразительные материалы дали исследования, проведенные в с. Гоголевка Федоровского района БАССР, где $\frac{3}{4}$ населения составляли украинцы, переселившиеся сюда во второй половине XIX в. из Полтавской и Черниговской губерний. Знание направлений переселенческого движения позволило сравнивать данные, полученные в селах Башкирии, с записями, сделанными в разное время в указанных губерниях. Результаты такого сравнения дают более полную картину произошедших изменений в сфере культуры. Со ссылками на труды украинской историографии конца XIX в. И.Е. Карпухин проводит сравнительный анализ обряда сватовства и приходит к выводу, что среди украинских переселенцев, осевших на территории Башкирии, описанные на Полтавщине обряды бытовали ранее, но в не-

¹ Карпухин И.Е. Взаимодействие русских и украинских свадебных обрядов... С. 84.

² Там же. С. 85.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

сколько измененном виде встречаются и теперь¹. Хотя обряд сватовства начал нарушаться уже вскоре после переезда на новое место жительства, что являлось результатом сильного влияния со стороны русского и мордовского населения, также широко здесь представленного (например, замена каравая пирогом и т.п.).

Кроме того, в селах со смешанным населением под влиянием обычаев и обрядов инонационального окружения менялся не только характер отдельных сходных обрядов, но и их место в свадебной игре. Например, обычай прятать невесту от жениха не во время сватовства, как на Полтавщине, а перед тем, как ей уехать жить к суженому. Чаще всего прятали в доме соседей. По мнению И.Е. Карпухина, здесь прослеживается очевидное влияние башкирского и татарского обычая прятать невесту в доме близкого родственника².

Постепенно в Гоголевке вместе с уходом в прошлое некоторых обрядов сокращалось и количество украинских свадебных песен, их сопровождающих, вместо них звучат соответствующие русские песни или частушки на русском языке. По наблюдениям исследователя, свадебные песни на родном языке чаще поются в тех случаях, когда живет еще специфический для народа обряд, с которыми они связаны³. По такому же принципу происходит и заимствование. Например, обычай причитания невесты и ее матери утром в день отъезда новобрачной к мужу, исполняемый на русском языке, заимствован украинцами Гоголевки от русского и мордовского населения Федоровского района. Указанный факт можно считать специфическим для данной местности, поскольку причитания не встречаются не только в свадебных обрядах Полтавщины, но и у украинцев в других районах Башкирии.

С другой стороны, И.Е. Карпухин подчеркивает, что украинские обычаи, обряды, песни оказали заметное влияние на русскую и мордовскую свадьбы. Часто на них присутствовали представители всех национальностей, которые вбирали в себя культуру других народов. Нередко свадебные песни исполнялись в полных вариантах или в виде, совсем незначительно отличающемся от оригинала. Зафиксированы случаи создания местных вариантов украинских свадебных песен, их расширения или сокращения, что, впрочем, не нарушает основную мысль песен, их эмоциональность. Но встречаются и песни, в которых появляются несвойственные им образы, искажающие заложенный смысл⁴.

Еще одним проявлением взаимодействия в обрядовой сфере можно считать исполнение свадебных песен на смешанном русско-украинском

¹ Карпухин И.Е. Взаимодействие русских и украинских свадебных обрядов... С. 86.

² Там же. С. 87.

³ Там же. С. 88.

⁴ Там же. С. 89.

наречии. В этих случаях происходит замена отдельных украинских слов, союзов, частиц, местоимений русскими и наоборот. И.Е. Карпухин приводит ряд характерных примеров подобного рода¹. Отмечено такое явление как сознательное включение украинских слов и выражений в русские песни с целью придания им большей эмоциональности. Кроме того, свободное владение подавляющим большинством украинцев Башкирии русским языком и фактическое двуязычие позволяют исполнять песню по-русски, затем перейти на русско-украинскую речь и завершить песню уже по-украински для придания особого колорита². Бытовое двуязычие объясняет наличие буквальных, вольных и творческих народных переводов свадебных и вне-свадебных песен.

Итак, активная и методологически выверенная экспедиционная деятельность студентов и сотрудников СГПИ под руководством И.Е. Карпухина позволила, во-первых, собрать и систематизировать новый, ранее не зафиксированный материал, оригинальные образцы народной песенной культуры; во-вторых, показать доминирующие фольклорные процессы в среде восточнославянских народов, изучить поэтику свадебных песен; в-третьих, понять внутренние механизмы и универсальные закономерности глубокого и многогранного процесса взаимодействия русской и украинской свадеб в различных районах Башкирии; в-четвертых, выявить основные формы данного взаимодействия³:

- заимствование и исполнение песен на языке другого народа;
- смешение при пении слов русского и украинского языков;
- перевод песен на язык исполнителей;
- использование отдельных художественных образов, символов из песен другого народа;
- образование новых вариантов путем сокращения или расширения текста;
- возникновение русско-украинских песенных контаминаций.

В фольклорных экспедициях, организуемых высшими учебными заведениями, начиная с 1940-х гг. наряду с преподавателями и научными сотрудниками обязательное участие принимали студенты. Результатами такой, зачастую многолетней, работы становились дипломные проекты, посвященные различным аспектам народного творчества. В области украинистики самостоятельное научное значение получили два исследования, подготовленные в конце 1970 – начале 1980-х гг. Так, дипломная работа студентки Уфимского государственного института искусств И.А. Ва-

¹ Карпухин И.Е. Взаимодействие русских и украинских свадебных обрядов... С. 90.

² Там же. С. 91.

³ Там же.

лишиной обращена к проблеме сохранения национальных черт¹. Автор подчеркивала, что в среде переселенцев бытует еще немало неизвестных в научной литературе песен, их музыкальная культура в Башкирии изучена недостаточно². Исследование проходило в д. Александровка и д. Жуково Уфимского района, образованных переселенцами из Полтавской и Черниговской губернии в 1904–1907 гг., где от местных жителей было собрано 70 украинских песен. Все записи разделены на три группы: 1) обрядовые песни (свадебные и календарные); 2) лирические песни (протяжные и шуточные) – наиболее представительная группа; 3) баллады.

Рассмотрев некоторые жанры, отдельные напевы, И.А. Валишина отметила, что украинские песни многочисленны и разнообразны как по форме, так и по содержанию, их исполняют «практически в каждом доме на родном языке»³. В сравнении с песенным творчеством на территории Украины сделан вывод о том, что сюжетная и образно-тематическая стороны почти не имеют различий, ладовая и ритмическая основы также сходны, основное же расхождение идет в мелодических контурах⁴. Поставлен вопрос о необходимости более полного изучения народного музыкального творчества украинцев, расширении масштабов экспедиционной работы. Помимо фольклорного материала дипломная работа содержала этнографическую информацию, отмечены общие черты национального быта.

Дипломная работа выпускницы БашГУ Л.Н. Гареевой была выполнена на основе сравнительного анализа русско-украинского песенного фольклора с. Иваненково Благоварского района⁵. Из 137 записей украинцам принадлежали 115. Л.Н. Гареева классифицировала собранный материал по жанрам и тематике, выделив лирические, свадебные, сатирические, чумацкие и другие песни. Рассматривая песенный фольклор с точки зрения историко-этнографических процессов, характерных для переселенцев на Урале, Л.Н. Гареева выделила два пласта заимствований: 1) результаты взаимодействий украинских песенных традиций с традициями других народов, происходившие еще на Украине; 2) заимствования, которые произошли уже после переселения в Башкирию. Одним из проявлений таких заимствований предстает исполнение украинских песен на русском языке с использованием украинизмов⁶. Таким образом, активная полевая работа студентов различных вузов Башкирии позволила продолжить на-

¹ Валишина И.А. Украинская песня в Башкирии (на примере музыкального фольклора д. Александровка и Жуково Уфимского района БАССР): Дипломная работа / УГИИ. Уфа, 1979. 60 с.

² Там же. С. 1.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 58–59.

⁵ Гареева Л.Н. Сравнительная характеристика русско-украинского песенного репертуара сестер Анастасии Нестеровны и Александры Нестеровны Чуча из села Иваненково Благоварского района БАССР: Дипломная работа / БашГУ. Уфа, 1981.

⁶ Инф. по: Ахатова Ф.Г. Украинские песни в Башкортостане... С. 39.

полнение теоретических построений профессиональных ученых конкретным эмпирическим материалом.

Ф.Г. Галиева

С середины 1980-х гг. в разработку проблем взаимодействия культур в многоэтнической среде активно включилась *Ф.Г. Ахатова*¹. В 1985–1991 гг. украинские песни собирались в рамках фольклорно-этнографических экспедиций стационарным методом в Благоварском, Давлекановском, Чишминском районах Башкирии. Для сравнительно-исторического анализа записи делались также в Альшеевском, Уфимском, Зилаирском, Хайбуллинском и ряде других районов. Регулярные полевые исследования среди восточнославянского, в том числе украинского населения, позволили собрать солидную базу данных. Среди информантов были не только этнические украинцы, но и представители других народов, знавшие

и исполнявшие украинские песни, всего более 170 человек².

В 1989–1991 гг. Ф.Г. Ахатова проводила исследовательскую работу в тех сохранившихся населенных пунктах, которые в годы войны посетили участники экспедиций Института общественных наук АН УССР. В с. Хотомля Давлекановского района, например, удалось разыскать информанта из семьи Чернобаев, родственники которых исполняли песни в 1940-е гг. Песенный материал в значительной части повторялся, но некоторые песни ранее в записях не встречались и были зафиксированы впервые³. В целом песенно-музыкальный облик села существенно изменился – вышли из употребления многие ранее часто использовавшиеся музыкальные инструменты (бубен, скрипка, мандолина, гармонь и др.), значительно меньше стало исполнителей, забылись многие песни, ушла в прошлое традиция массовых веселых посиделок и т.п. Сравнительный анализ записей начала 1940-х и конца 1980-х гг. показал, что произошли некоторые изменения в текстах и напевах, преобладающими стали русские песни, появились частушки на языках других народов, старинные песни вытеснены современ-

¹ *Галиева (Ахатова) Фаридат Габдулхаевна* – кандидат исторических наук (1997), старший научный сотрудник (2000), доктор филологических наук (2007). В 1988 г. окончила факультет теории, истории и композиции музыки Уфимского государственного института искусств. В 1988–2002 гг. – научный сотрудник, ученый секретарь отдела народов Урала с МАЭ, реорганизованного в Центр этнологических исследований УНЦ РАН. В 2002–2005 гг. – заместитель директора по научной и воспитательной работе, международным связям Уфимского филиала МГТУ им. М.А. Шолохова. В 2006–2009 гг. – зав. отделом этнологии ЦЭИ УНЦ РАН, с 2009 г. – главный научный сотрудник отдела этнологии ЦЭИ УНЦ РАН. Автор более 60 научных трудов.

² Ахатова Ф.Г. Украинские песни в Башкортостане... С. 40.

³ Там же. С. 33.

ными, некоторые песни оказались оторванными от конкретных обрядов и получили самостоятельную жизнь. Лучше других сохранился цикл календарных и свадебных песен¹.

Предварительные итоги полевых исследований Ф.Г. Ахатовой были представлены в 1989 г. на научной конференции, посвященной роли этнических и этнографических групп в этнокультурных процессах. В соответствующей публикации Ф.Г. Ахатова сделала ряд важных наблюдений: 1) украинский музыкальный фольклор значителен по масштабам распространности в Башкирии, охватывает все ареалы расселения украинцев, а также выходит за их пределы; 2) в результате контактов украинцев с другими народами, с одной стороны, происходит консервация этнических черт (восприятие народных песен как национальной реликвии, популярность определенных жанров, преемственность исполнительских приемов); 3) с другой стороны, необратимое обогащение иноэтничными компонентами приводит к сюжетно-образным модификациям, утрате некоторых традиций, связи с конкретными обрядами, забвению отдельных жанров, проникновению русизмов и т.д.; 4) восприятие иноэтничных элементов носит взаимный характер, более сильное взаимовлияние прослеживается с русскими (репертуар, язык, жанры, сюжеты)².

Итак, к концу 1980-х гг. по итогам более чем двадцатилетней полевой работы, во-первых, был собран значительный фонд фольклорно-песенных материалов; во-вторых, предприняты попытки систематизации и жанровой классификации; в-третьих, проведен сравнительный анализ с состоянием устного творчества других народов, показаны результаты взаимовлияния; в-четвертых, сделаны теоретические обобщения, выявлены основные закономерности трансформации украинского фольклора.

III. *Этнографическое изучение украинцев Южного Приуралья*. Своего рода предтечей будущих исследований в области материальной культуры украинцев, которые развернутся с середины 1970-х гг., можно считать экспедицию сотрудников Казанского государственного университета 1959 г. под руководством *Е.П. Бусыгина*³. Участниками экспедиции было обследо-

¹ Ахатова Ф.Г. Украинские песни в Башкортостане... С. 34.

² Ахатова Ф.Г. Украинский музыкальный песенный фольклор в Башкирии: к проблеме взаимодействия и взаимовлияния культур в многоэтничной среде // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в этнокультурных процессах. Волго-Уральская историко-этнографическая область.: Тез. докл. науч. конф. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 99–102.

³ *Бусыгин Евгений Прокопьевич* (1914–2008) – этнограф, историк, доктор исторических наук (1963), профессор (1964), почетный член РГО (1985). В 1940 г. окончил географический факультет Казанского университета, в годы войны служил в Красной Армии. С 1945 г. начал преподавательскую работу в КГУ, в 1988–93 гг. – зав. кафедрой этнологии и археологии. Автор научных трудов по истории и этнографии русского населения Среднего Поволжья, колонизации края, расселению, материальной культуре, общественному и семейному быту, этнокультурным контактам и взаимодействию русского и коренных народов Поволжья.

вано 23 населенных пункта на обширной и чрезвычайно смешанной в этническом отношении территории к западу от р. Белая. Однако обобщение и публикация полевых материалов были осуществлены значительно позднее, в статье, посвященной культуре русских в Башкирии¹. Вместе с тем, маршрут экспедиции проходил и через старинные украинские села – Золотоношку² (Стерлитамакский район) и Софиполь³ (Аургазинский район).

Е.П. Бусыгин

Е.П. Бусыгин обратил внимание на наиболее характерные черты украинской национальной культуры и использовал их для сравнительного анализа. В частности, обращено внимание, что украинцы, как правило, говорят по-русски с употреблением многих украинских слов, но сам украинский язык постепенно забывается. Местные жители, по их словам, «настоящий» украинский язык не понимают, многие знают татарский язык⁴. В материальной культуре наблюдалось много черт, появившихся в результате активного взаимодействия местных народов, особенно русско-украинского взаимовлияния. Например, во многих селах для молотьбы хлеба использовали как украинские, так и «северновеликорусские» цепы, в украинских селах отмечено отсутствие срубных овинов для сушки хлеба⁵.

По замечанию Е.П. Бусыгина, украинские села «утопают в зелени», так что часто не видно фасадов домов, выходящих на улицу. Золотоношка – это «сплошной сад», дома скрыты под кронами тополей, лип, кленов, фруктовых деревьев, распространены колодцы «журавлем»⁶. Дома стоят обычно вдоль улицы, но имеются и повернутые по отношению к улице под некоторым углом. Планировка была трехкамерная: хата+сени+комора. По данным исследователя, в Софиполе до революции насчитывалось свыше 100 домов, из них только 5 были крыты тесом и железом, а в 1959 г. в деревне было 146 домов, из них большинство крыто железом, шифером, только, тесом. Кое-где сохраняются и соломенные крыши, но их бытование объясняется в настоящее время исключительно недостатком кровельного

¹ Бусыгин Е.П. Материальная культура русского населения западных районов Башкирской АССР // Географический сборник. Вып. 2. Казань: Изд-во КГУ, 1967. С. 108–127.

² Е.П. Бусыгин в статье использует неправильную форму «Золотоножка».

³ Украинское с. Софиполь в 1983 г. официально вошло в состав с. Толбазы – административного центра Аургазинского района БАССР.

⁴ Бусыгин Е.П. Материальная культура русского населения... С. 109.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ Там же. С. 113.

материала. Преобладает четырехскатная (шатровая) форма крыш, двухскатные (коньковые) встречаются реже¹.

На обследованной территории резьбы на украинских домах раньше не было, сейчас, под влиянием традиций русской культуры, встречаются резные выпиленные украшения преимущественно с мотивами геометрического характера, в послевоенные годы появилась и раскраска наличников, карнизов, фронтонов². Пол в украинской хате был глинобитным, печь стояла слева от входа и жерлом обращена к боковой стене. Печь делалась с небольшой лежанкой, к которой в сторону передней стены пристраивался «піл» – настил из досок, занимающий всю боковую часть хаты от печи до окон. В настоящее время, по наблюдениям Е.П. Бусыгина, старинные хаты с глинобитным полом уходят из быта, глинобитный пол иногда сохраняется в сенях. Украинцы строят добротные большие дома, обычно пятистенники, ничем не отличающиеся от русских домов. Однако национальный украинский колорит проявляется достаточно ярко – это и традиционная планировка, и множество расшитых полотенец³. Национальная старинная одежда, сохранявшая свои традиционные черты в конце XIX – начале XX в., постепенно вышла из быта, заменилась «общесоветской», городской, сохранились лишь отдельные детали из прошлого комплекса, которые в сочетании с современным костюмом придают своеобразный колорит. Среди традиционных черт украинского женского костюма, известного и в Башкирии, Е.П. Бусыгин называет вышитую сорочку с прямыми поликами, корсетку, юбку (спидницу), запаску, свитку из белого сукна, расшитую кожушину, туфли (черевики); мужского – рубашки-косоворотки с богатой вышивкой, широкие шаровары и кожаные сапоги (чоботы)⁴. В целом в статье упоминается 11 сюжетов, характеризующих традиционный украинский быт, из них 1 связан с одеждой, 2 – с земледелием, 8 – с жилищем. В 9 случаях из 11 речь идет об отличительных особенностях украинской культуры по сравнению с русской и только в двух случаях отмечены общие закономерности (дома ставят преимущественно широкой стороной на улицу, происходит замена старой кровли на современные материалы).

Таким образом, собранный в 1959 г. полевой материал позволил Е.П. Бусыгину, во-первых, зафиксировать специфические черты украинского быта, сохранявшиеся в конце 1950-х гг. в селах юго-западной части Башкирии, во-вторых, показать примеры эволюции некоторых форм украинской культуры; в-третьих, сопоставить украинские и русские элементы культуры и сделать вывод об их интенсивном взаимодействии.

¹ Бусыгин Е.П. Материальная культура русского населения... С. 116.

² Там же. С. 117–118.

³ Там же. С. 119–120.

⁴ Там же. С. 126.

Начало системных и широких по тематике исследований в области этнографии неразрывно связано с теми процессами, которые происходили в науке Башкирии в 1970-е гг. Ведущая роль в развитии региональных исторических знаний в этот период принадлежала одному из крупнейших ученых-этнографов СССР второй половины XX в, основателю крупной научной этнологической школы в Башкортостане и Урало-Поволжье *Р.Г. Кузееву*¹. Под его руководством в республике и на всем Южном Урале получили развитие новые направления – история и теория этноса, историческая этнография, этносоциология, этнополитология, этнодемография. Р.Г. Кузеев широко известен и как организатор науки, инициатор создания Центра этнологических исследований с Музеем археологии и этнографии, Академии наук Республики Башкортостан, способствовал системе подготовки местных профессиональных кадров.

Р.Г. Кузеев

Одно из наиболее значимых научных достижений школы Р.Г. Кузеева в области теории этноса – разработка концепции «малых этнических групп» (МЭГ) – одной из структурных единиц в иерархии историко-культурных общностей, выделенных советской этнографической наукой. Изучение проблем взаимоотношений этносов в многонациональной среде особенно актуализировалось и приобрело практическое значение с середины 1980-х гг. в условиях кризиса и трансформации советской системы, активизации этнических и миграционных процессов, нарастания межнациональной напряженности во многих регионах СССР. Во второй половине XX

в. наблюдалась характерная для СССР тенденция – постоянный рост численности населения, живущих вне своих этнических территорий². Особый научный интерес представляло поведение этнических групп, под влиянием ряда факторов отколовшихся от материнского этноса и продолживших свое существование на иных территориях. Р.Г. Кузеев, его коллеги и ученики

¹ *Кузеев Раиль Гумерович* (1929–2005) – тюрколог, этнолог, археограф, историк, востоковед, доктор исторических наук (1971), профессор (1972), член-корреспондент РАН (1991), Заслуженный деятель науки РСФСР (1979). В 1950 г. окончил исторический факультет Башкирского пединститута им. К.А. Тимирязева, в 1955–1961 гг. – зав. сектором истории, археологии и этнографии Института истории, языка и литературы БФ АН СССР, в 1960–1987 гг. – заместитель председателя Президиума БФ АН СССР, с 1983 г. – заведующий отделом народов Урала и Музеем археологии и этнографии УНЦ РАН, в 1999–2001 гг. – директор ЦЭИ УНЦ РАН. Научные труды посвящены проблемам теории этноса, этногенеза, истории формирования этнического состава населения Волго-Уральского региона.

² Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Малые этнические группы: основные этапы этнокультурного развития: по материалам СССР // Советская этнография. 1985. № 4. С. 13.

проводили большую работу по выявлению таких факторов и анализу их роли в этнических процессах.

Отправной точкой являлось признание того факта, что в этнических процессах важная роль принадлежит этнокультурным контактам крупных этносов с малыми этническими группами. Крупные этносы в процессе продолжительных этнических контактов активно воздействуют на малые и нередко растворяют их в своей среде. С другой стороны, последние, становясь компонентами формирующихся или уже сформировавшихся народностей, оказывают определенное воздействие на их этнокультурную и антропологическую характеристику. В историко-этнографических исследованиях указанные предельно общие закономерности и локальные особенности функционирования малых этнических групп в процессе активного контактирования были изучены слабо, хотя и присутствовало понимание того, что на различных этапах взаимодействия МЭГ могут вести себя неодинаково. Башкирия и Южное Приуралье в целом исторически формировались как ареал древней и повышенной контактности народов, культур, языков, где проживало немало групп населения, оторвавшихся от своего этнического ядра, поэтому глубокое изучение обозначенных вопросов имело для региональной науки большое значение.

Результаты исследований этнокультурной ситуации в Урало-Поволжье в исторической ретроспективе и на современном этапе позволили Р.Г. Кузееву и его коллегам предложить определение МЭГ – как сравнительно небольшой по численности этнической общности, живущей в территориальном и хозяйственном отрыве от основного массива материнского этноса, расселенной дисперсно или компактно на определенной территории и находящейся относительно длительное время в численно превосходящем иноэтничном или полиэтничном окружении¹. Таким образом, главным общим признаком МЭГ является их обособленность и определенная отдаленность от основного этнического массива. Выделение МЭГ из общей совокупности этнических групп кроме количественных показателей было обусловлено еще и территорией их размещения.

Другим важным достижением школы Р.Г. Кузеева было выделение нескольких последовательных этапов развития МЭГ в контексте их вовлеченности в разнонаправленные этнические процессы: 1) внутренняя консолидация → 2) этническая интеграция (взаимное сближение с окружающим иноэтничным населением) → 3) этнокультурная адаптация → 4) аккультурация (переход к новому хозяйственно-культурному типу) → 5) этническая ассимиляция (утрата этноязыковых и этнокультурных признаков материнского этноса)². Принципиальной позицией данной теории было признание

¹ Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Малые этнические группы... С. 14.

² Там же. С. 17–20.

двустороннего характера взаимодействия между МЭГ и окружающими этносами: с одной стороны, МЭГ активно воспринимает этнокультурные элементы соседних народов, с другой стороны, оказывает определенное воздействие на окружающее большинство¹.

В последующие годы развитие и уточнение теории МЭГ продолжалось. Особенно исследователей интересовал вопрос о степени воздействия на продолжительность, интенсивность и особенности этнических процессов у МЭГ разных факторов: численности, близости языков, хозяйственно-культурного типа, интенсивности миграций, характера расселения, социально-политических процессов, половозрастной структуры, семейно-брачных отношений, религиозных взглядов и др.² Но как именно ведет себя МЭГ в конкретном этноязыковом окружении – этот аспект не получал еще достаточной разработки. Приведенная схема в последующем использовалась в качестве инструмента исследования этнических процессов и механизмов поведения МЭГ в ино- и полиэтнической среде, с определенной корректировкой в зависимости от конкретной этнокультурной ситуации. В частности, этнокультурная история украинцев Южного Приуралья, изученная к 1980-м гг. все еще фрагментарно, позволяла на практике проверить действенность теоретических моделей, а также дать новый материал для их совершенствования.

В рамках научной школы Р.Г. Кузеева началась активная исследовательская деятельность историка, этнографа, фольклориста, организатора национального образования *В.Я. Бабенко*³, открывшая особый период в развитии украинистики в Приуралье. В.Я. Бабенко родился в семье потомков черниговских крестьян-переселенцев начала XX в. Его родное село – Верхний Кульчум, находившееся в отдаленном Еремеевском районе юго-западной Башкирии, в конце 1970-х гг. исчезло с административной карты республики в ходе широко практиковавшегося в то время процесса укрупнения колхозов. От родителей и односельчан, сохранявших язык, обычаи, обряды, многие элементы быта, остался глубокий интерес к истории и

¹ Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Малые этнические группы... С. 21.

² См.: Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я., Моисеева Н.Н. Этнографические и этнические группы в новое и новейшее время // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа: БФ АН СССР, 1987. С. 12–36; Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Этнические и этнографические группы в СССР. Препринт доклада. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. 27 с.

³ *Бабенко Василий Яковлевич* – историк, этнограф, кандидат исторических наук (1985), доцент. В 1977 г. окончил исторический факультет БашГУ, с 1982 г. – преподаватель БГПУ, с 1985 г. – научный сотрудник ИИЯЛ БФ АН СССР, с 1989 г. – консультант мэра г. Уфы по межнациональным отношениям, советник Председателя Государственного Собрания – Курултая РБ по общественно-политическим вопросам, с 1999 г. – директор Уфимского филиала МГТУ им. М.А. Шолохова, Председатель межрегионального «Научного общества украинистов им. Т.Г. Шевченко». Автор около 100 научных трудов по этнической истории, культуре, фольклору украинцев и других народов Урало-Поволжья, методам этнографических исследований, этносоциальным процессам, соавтор и научный редактор ряда коллективных монографий.

культуре своего народа на башкирских и уральских землях, что в значительной степени предопределило дальнейшую судьбу и профессиональную деятельность ученого. Обучение на историческом факультете Башкирского государственного университета в первой половине 1970-х гг., работа в последующие годы преподавателем в различных учебных заведениях Уфы помогли развить необходимые навыки и укрепиться в правильности выбранной научной темы.

В.Я. Бабенко

Показательно, что первая научная статья В.Я. Бабенко, посвященная свадебной обрядности украинских переселенцев в Башкирии, была опубликована в 1978 г. именно на Украине, в главном печатном органе украинских этнографов – академическом журнале «Народна творчість та етнографія»¹ (НТЕ), издававшемся Институтом искусствоведения, фольклористики и этнографии им. М.Ф. Рильского АН УССР. На протяжении 1980-х гг. в этом журнале было опубликовано несколько статей ученого, посвященных наиболее значимым вопросам материальной культуры украинцев Башкирии². С самого начала научной карьеры необходимость поддерживать и расширять взаимовыгодные контакты с коллегами из разных регионов России и Украины стала важным профессиональным кредо В.Я. Бабенко. Показательно, что система связей с Украиной постепенно наращивалась через активное участие в научных мероприятиях разного статуса – конференциях, симпозиумах, круглых столах и т.п. на территории всего СССР. Особенно важно это было для выявления общих закономерностей этнических процессов и состояния национальных культур в полиэтничном окружении, что было характерно для многих регионов СССР, служивших своеобразными локальными моделями.

Именно материальная культура стала главным объектом многолетних исследований ученого. Такой выбор был подготовлен сразу несколькими взаимосвязанными причинами. Во-первых, глубокое личное знание и понимание народного быта, обусловленное тем, что детство и юность прошли в крестьянской среде, в одном из старейших украинских поселений в Баш-

¹ Бабенко В.Я. Весільний обряд українських переселенців у Башкирії // Народна творчість та етнографія. 1978. № 4. С. 98–100.

² Бабенко В.Я. Сім'я і родинні стосунки українських переселенців у Башкирії: (кінець XIX – поч. XX ст.) // Народна творчість та етнографія. 1983. № 1. С. 48–50; Бабенко В.Я. Традиції та інновації у житлі українських переселенців у Башкирії // Народна творчість та етнографія. 1985. № 4. С. 30–36; Бабенко В.Я. Етнокультурні процеси в середовищі українських переселенців у Башкирії (кінець XIX–XX ст.) // Народна творчість та етнографія. 1989. № 1. С. 10–16.

кирии, длительное время сохранявшем свой самобытный национальный колорит. По воспоминаниям В.Я. Бабенко, память о бабушке, родителях, передавших все богатство народной культуры, язык, воспоминания об Украине, образ родной хаты с соломенной крышей и земляной доливкой никогда не покидали его, являясь мощным стимулом не только научной, но и общественной работы¹.

Во-вторых, данная тема вплоть до 1970-х гг. была изучена крайне слабо, специальных работ по комплексному историко-этнографическому описанию украинцев Башкирии не было. Предшествующий опыт заключался лишь в фрагментарных сведениях ряда дореволюционных авторов, еще не до конца обработанных материалах кратковременной экспедиции А.С. Бежковича в 1929–1930 гг. и некоторых зарисовках, сделанных украинскими учеными во время эвакуации АН УССР в 1941–1943 гг. в Башкирию. Можно утверждать, что именно со второй половины 1970-х гг. началось действительно системное изучение этнических процессов и особенностей материальной культуры украинского населения Башкирии и Южного Урала.

В-третьих, в рамках научной школы Р.Г. Кузеева региональная башкирская историческая наука выработала ряд принципиально значимых теоретических положений в области этнографии, которые требовали подтверждения и проверки на конкретном эмпирическом материале разных народов Урало-Поволжья, в том числе украинцев, составлявших значительную часть населения республики. Изучение истории и культуры украинцев Южного Приуралья проводилось В.Я. Бабенко в 1970–1980-х гг. по нескольким наиболее актуальным и востребованным направлениям:

1. *Семейно-брачные отношения и свадебная обрядность.* Уже материалы первых экспедиций второй половины 1970-х гг. дали возможность для предварительных обобщений: 1) основная форма первичной социальной ячейки – малая семья; 2) семейный быт украинцев в Башкирии характеризуется сравнительно устойчивым сохранением многих традиционных черт (подчинение младших старшим, активное участие женщины в делах семьи и др.); 3) новые социально-исторические условия приводят к некоторым изменениям; 4) в общих чертах сохраняется национальный свадебный обряд, но с заметным русским влиянием; 5) происходит необратимый переход от эндогамных браков к экзогамным, преимущественно с русскими и т.д.² В последующие годы проблема семейно-брачных отношений в среде украинского населения Башкирии стала объектом специального рассмотре-

¹ Сиренко Ю.В. «Я все життя мріяв бути українцем...» // Украинская этничность в социокультурном пространстве России: мат-лы междунар. науч. интернет-конф. Уфа: ИЦ УФ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2011. С. 22.

² Бабенко В.Я. Семья и семейные отношения украинских переселенцев в Башкирии // Всесоюз. сессия по итогам полевых этнограф. и антропол. исследований. 1978–1979: тез. докл. Уфа: БФ АН СССР, 1980. С. 125–126.

ния¹. На конкретных примерах показаны внутренний строй традиционной и современной украинской семьи, положение различных членов семьи, элементы архаических черт (существование неразделенных крупных семейных коллективов), особенности хозяйственной занятости, характер брачного поведения, традиции и новации в свадебной обрядности и похоронно-поминальных обрядах². Изучение семьи, внутрисемейных взаимоотношений и семейной обрядности позволили проследить сохранившиеся традиционные черты, определить причины их сохранения, а также проследить те изменения, которые произошли под влиянием социально-экономических изменений и повышения степени взаимодействия с другими народами Башкирии.

2. *Особенности жилища и хозяйственных построек.* В силу слабой изученности данного вопроса основная задача заключалась в необходимости показать характерные черты украинского жилища, конструктивные особенности, степень сохранения традиций, новые черты, появившиеся как под влиянием местных экологических условий, так и контактов с соседними народами. К середине 1980-х гг. экспедиционной работой В.Я. Бабенко было охвачено 7 районов Башкирии, более 20 населенных пунктов, привлекались также описания, оставленные в трудах Т.Г. Шевченко, данные экспедиций А.С. Бежковича, АН УССР в 1941–1943 гг., что позволило впервые предпринять этнографическое описание украинских жилищ³. Географическое расположение Башкирии обусловило тот факт, что украинские поселения располагались в неодинаковых природно-экологических условиях и различном этническом окружении, что обуславливало отличительные черты в планировке и застройке. Большую роль играли при этом привезенные из Украины технологические приемы и навыки.

В.Я. Бабенко выделяет несколько типов поселений: села, деревни, поселки, хутора. Наблюдались различия как во внутренней планировке усадьбы, так и в ее размещении относительно улицы (порядка) в селе. В застройке двора выделено три варианта: однорядная, Г-образная, свободная. Жилище подразделялось на двухкамерное (хата+сени) и трехкамерное (хата+хата+сени или хата+сени+хата)⁴. В зависимости от природно-

¹ Бабенко В.Я. Традиционное и новое в свадебной обрядности украинских переселенцев в Башкирии // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнограф. исследований 1980–1981 гг. Нальчик: НИИ СМ КБАССР, 1982. С. 78–79.

² Бабенко В.Я. Семья и семейный быт украинцев Башкирской АССР. Препринт. Уфа: БНЦ Уро АН СССР, 1990. 45 с.

³ Бабенко В.Я. Жилище украинских переселенцев в Башкирии (по материалам полевых поездок 1974–1981 гг.) // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии / БФ АН СССР. Уфа, 1984. С. 49–56; Он же. Традиции и новации в хозяйственных постройках украинцев БАССР (конец XIX–XX в.) // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнограф. и антропол. исследований 1984–1985 гг.: тез. докл. Йошкар-Ола: НИИ СМ МАССР, 1986.

⁴ Бабенко В.Я. Жилище украинских переселенцев в Башкирии... С. 50–51.

климатических условий и характера местности практиковались постройки различной конструкции и с применением различного материала (дерево, глина, солома, камень) и строительной техники: деревянные дома (рубленные хаты), саманные хаты (мазанки), каркасные постройки с плетневыми стенами, временные землянки и полуземлянки¹. Важным в контексте изучения жилища является вопрос о степени и формах заимствований. Установлено, например, что под влиянием местного населения в некоторых районах украинцы со временем перестали обмазывать дома снаружи, а другие народы, наоборот, начинают обмазывать и белить стены внутри; или под влиянием русских появляются подполья². В целом основная линия трансформации жилища проходила следующим образом: замена соломенных и камышовых покрытий на черепичные, переход от саманных домов к деревянным и каменным, замена деревянных полов на дощатые и т.д.

В современных украинских селах Башкирии в незначительном количестве, но еще сохраняются традиционные постройки, представляющие типичный национальный облик: рубленные хаты с четырехскатными крышами (Фото 15–16) либо длинные («довгі») хаты с двухскатными крышами (Фото 17). В некоторых населенных пунктах можно встретить редкие образцы саманных хат с соломенными крышами.

*Фото 15. Жилой дом на подклете с галерей,
с. Антинган, Хайбуллинский район, 1981 г.³*

¹ Бабенко В.Я. Жилище украинских переселенцев в Башкирии... С. 51–52.

² Там же. С. 53–54.

³ Здесь и далее в главе экспедиционные фотографии 1980-х гг. из личного архива В.Я. Бабенко.

Фото 16. Рубленая и обмазанная хата с глиняной крышей, с. Ново-Воздвиженское, Хайбуллинский район, 1981 г.

Фото 17. Традиционная украинская «длинная» хата, с. Иваненково, Благоварский район, 1983 г.

Основной вывод В.Я. Бабенко заключался в том, что в жилище украинцев Башкирии, во-первых, прослеживаются сложные напластования, обусловленные, с одной стороны, сохраненными этническими традициями, с другой стороны, спецификой жизни в многонациональном окружении; во-вторых, обнаруживается большая общность с постройками русских¹.

¹ Бабенко В.Я. Жилище украинских переселенцев в Башкирии... С. 55–56.

3. *Система питания.* Данный элемент культуры также рассматривался в контексте общих этнических процессов. Определяющим моментом являлось то, что украинцы – это народ с глубокими земледельческими традициями, основу питания составляла пища растительного происхождения – мука, крупы, овощи, бобовые, особое развитие получило огородничество. Характер производства и потребления продуктов позволял на протяжении длительного времени сохранять традиционные черты, которые оказались перенесены почти в неизменном виде в Приуралье, где подвергались определенным модификациям. Например, в Башкирии украинцы не выращивали на зерно чрезвычайно распространенную на Украине кукурузу, по причинам суровых климатических условий редко занимались садоводством, но широко разводили ягодные кустарники, заготавливая различные ягоды на зиму, в этих же целях собирали и обрабатывали дикорастущие растения и травы, что в довоенный период служило важным источником получения витаминов¹. Впоследствии роль этих занятий резко упала. Продукты животного происхождения играли в питании на начальных этапах переселенческого движения меньшую роль, их употребление зависело от времени года. Потребность в жирах и белках удовлетворялась в основном за счет молока и молочных продуктов. Основные районы расселения украинцев Башкирии были лишены крупных рек и водоемов, по этой причине рыбная ловля не имела широкого распространения, охота и пчеловодство также имели подсобный второстепенный характер².

Исходя из указанных особенностей основными блюдами в крестьянской среде, как и на Украине, являлись хлеб, каши, квашни, мучные вареные блюда, различные кисели, квас, компот (узвар). Под влиянием местного населения украинцы воспринимают от русских пельмени, непривычные начинки для вареников (сырой картофель), окрошку, курники, пироги, ватрушки, от башкир и татар – беляши, конину, хворост, кумыс, чай и т.д.³ За счет инокультурных заимствований существенно расширился пищевой рацион. С другой стороны, под влиянием украинцев местное население начинает готовить борщ, вареники, употреблять сало и т.д. Заметная трансформация системы питания начинается с 1960-х гг., что связано с общим повышением качества жизни, унификацией и интернационализацией национальной кухни⁴. В результате почти полностью выходят из употребления

¹ Бабенко В.Я. Некоторые традиционные и современные черты системы питания украинцев Башкирии (к вопросу о поведении малых этнических групп) // Социальные и этнические аспекты истории Башкирии. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 56.

² Там же. С. 60–62.

³ Бабенко В.Я. Пища украинского населения Башкирии // Советская этнография. 1989. № 2. С. 99–100.

⁴ Там же. С. 102.

некоторые блюда и напитки (кулиш, лемишка, кваша, припс и др.), мясо-молочные продукты начинают преобладать в рационе над хлебными.

Таким образом, традиции питания прежде всего заметны в пищевых предпочтениях и способах обработки продуктов и приготовлении блюд. В новой этнокультурной среде украинцы усвоили многие местные способы консервации продуктов, при этом сохранив и развив свои кулинарные навыки и приемы, были задействованы компенсаторные механизмы (например, замена фруктов употреблением большого количества разнообразных культурных и дикорастущих ягод). На процессы трансформации системы питания и рациона активно воздействуют такие факторы как влияние СМИ, межнациональные браки, расширение сети общественного питания и др.¹

4. *Особенности расселения украинцев в Приуральском регионе* в различные исторические периоды. Углубляя поднятый предшествующими исследователями вопрос об истории переселенческого движения, В.Я. Бабенко на широкой источниковой базе, включающей архивные документы, материалы переписей, статистические и ведомственные отчеты, впервые дает системное представление о динамике, причинах и результатах этого движения, выделяет пять последовательных этапов переселения². Новаторским подходом для региональной этнографической науки была постановка задачи картографирования поселений украинцев в Башкирии³. Ареальные исследования позволили выделить 3 основных направления: 1) юго-западные и центральные районы Башкирии, заселенные относительно компактно; 2) северо-западные и северо-восточные районы, заселенные слабо; 3) юго-восточные районы степного Зауралья, представляющие область «периферийной группы», более связанной с украинцами Оренбуржья⁴.

Также впервые В.Я. Бабенко обращается к изучению украинской топонимики на территории Башкирии, что позволяет проследить характер заселения, определить основные районы, уточнить перечень сел, места выхода переселенцев из Украины⁵. Названия украинских населенных пунктов сгруппированы в восемь категорий:

1) географические названия, заимствованные из родного края (Золотоношка, Степановка, Санжаровка, Полтавка, Тавричанка и др.);

2) названия по церковным праздникам (Казанка, Троицкое, Воздвиженка и др.);

¹ Бабенко В.Я. Пища украинского населения Башкирии... С. 103.

² Бабенко В.Я. Украинские поселения в Башкирской АССР // Исследования по башкирской диалектологии и ономастике. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 100–102.

³ Бабенко В.Я. Опыт картографирования расселения украинских переселенцев в Башкирской АССР (конец XIX–XX в.) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: тез. 5-й конф. на тему: «Проблемы атласной картографии». Уфа: БФ АН СССР, 1985. С. 13–14.

⁴ Бабенко В.Я. Этнические процессы у украинских переселенцев в Башкирии (конец XIX–XX в.) // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа: БФ АН СССР, 1984. С. 138.

⁵ Бабенко В.Я. Украинские поселения в Башкирской АССР... С. 103.

3) названия в честь известных деятелей культуры (Гоголевка, им. Шевченко);

4) названия, образованные в ходе социалистических преобразований (Успех, Новый мир, Красный Октябрь и др.);

5) названия в честь основателей или прежних владельцев земли (Константино-Александровка, Ново-Константиновка, Деевка и др.);

6) общеславянские по происхождению названия (Александровка, Алексеевка и др.);

7) названия, характеризующие местность или ее свойства (Ключи, Горянка, Равнина, Зеленый клин и др.);

8) названия, воспринятые от местного населения (Верхний Кульчум, Антинган, Иртюбяк и др.).¹

Рассматривается также феномен двойных названий сел, бытовавших параллельно в официальной документации и народном обиходе. Важным для изучения этнодемографических тенденций является не только вопрос о динамике общей численности народа, но и плотности освоения новых территорий. По подсчетам В.Я. Бабенко, если в 1926 г. в Башкирии населенных пунктов, где украинцы проживали компактными или дисперсными группами, было более 520, то в середине 1980-х гг. – 125-130, т.е. произошло сокращение более, чем в четыре раза, что в целом подтверждало активные ассимиляционные процессы. Среди основных причин, приводивших к значительному сокращению числа украинских населенных пунктов, В.Я. Бабенко видит исчезновение малодворных поселений, политику по укрупнению колхозов, внутренние миграции и изменение этнического состава прежних сел.²

5. *Этнические процессы* в среде украинских переселенцев и современного украинского населения Южного Приуралья. На разных этапах истории украинцев в Южном Приуралье протекали разнонаправленные этнические процессы, обусловленные различными социально-экономическими, социально-политическими и культурно-языковыми причинами³. Данные процессы, имеющие свои особенности по хронологическим рамкам, причинам, формам проявления и результатам, рассматривались, во-первых, в контексте общих закономерностей функционирования МЭГ, во-вторых, в контексте восточнославянского единства, поскольку они развиваются наиболее интен-

¹ Бабенко В.Я. Украинские поселения в Башкирской АССР... С. 104–106.

² Там же. С. 108.

³ См.: Бабенко В.Я. Этнические процессы у украинских переселенцев в Башкирии // Этнокультурные процессы в современном мире: Май 1981 г.: кр. тез. докл. и сообщ. всесоюз. конф. Секция I: Этнокультурные процессы в СССР (общие проблемы). Элиста: НИИ СМ КАССР, 1981. С. 17–18; Он же. Тенденции в этнических процессах у украинцев Башкирии // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982–1983 годов.: тез. докл. Ч. 1. Секция 2. Черновцы: ЧГУ, 1984. С. 54–55.

сивно и динамично между родственными по языку и культуре народами с тесными внутренними контактами¹. Тем более, что русские представляют собой крупную этническую группу, а украинцы и белорусы – малые.

В одной из первых научных работ В.Я. Бабенко позиционирует украинцев Башкирии как маргинальную группу, делая акцент на сильных ассимиляционных процессах, характерных, прежде всего, для северных, западных и восточных районов республики, украинцы центральных и южных районов испытали меньшее влияние в силу большей компактности расселения². Анализируя основные компоненты этнической культуры – язык, семейные отношения, поселения, одежда, питание, орудия труда, транспорт (*Фото 18*) и др., ученый приходит к выводу, что украинцам Башкирии присущи следующие черты:

- 1) постепенная и необратимая утрата традиционных форм культуры;
- 2) усиление влияния русского населения в материальной и духовной культуре, усвоение элементов культуры других народов республики;
- 3) большое воздействие современной наднациональной культуры³.

Фото 18. Рыдванка, колеса укрыты от рассыхания, с. Константино-Александровка, Стерлитамакский район, 1980 г.

Негативные демографические процессы для украинцев в советское время В.Я. Бабенко объясняет быстрыми темпами ассимиляции, переездом части украинского населения в другие районы страны или возвраще-

¹ Бабенко В.Я., Ковязин С.А. Этнические и этнографические группы восточнославянского населения в Башкирии и их демографическая характеристика // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах: тез. докл. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 103.

² Бабенко В.Я. Украинцы Башкирии как маргинальная группа украинского этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос): сб. науч. тр. Л.: Наука, 1983. С. 123.

³ Там же. С. 128–129.

нием на Украину в послевоенный период¹. Кроме того, важным фактором, оказывающим существенное влияние на протекание этнических процессов, признана урбанизация, особенно характерная для региона во второй половине XX в.² В.Я. Бабенко впервые поднял и вопрос о самосознании украинского населения региона, которое существует как бы на двух уровнях: осознается принадлежность к своему народу, но длительная изолированность, отрыв от основного этноса привели к формированию особого понятия о своей этнической принадлежности – «хохлы», дающий пример превращения клички, утратившей первоначальный презрительный смысл, в новый этноним³.

Необходимыми и по некоторым сюжетам ключевыми компонентами обширной источниковой базы являлись результаты историко-этнографических экспедиций. Ежегодная полевая работа В.Я. Бабенко началась еще в студенческий период – с 1974 г., затем в качестве преподавателя среднеспециальных учебных заведений, с 1982 г. – Башкирского государственного педагогического института, а с 1985 г. научного сотрудника Института истории, языка и литературы Башкирского Филиала (ИИЯЛ БФ) АН СССР. Регулярные полевые исследования преимущественно в форме индивидуальных поездок продолжались в течение 15 лет, до конца 1980-х гг. За это время В.Я. Бабенко посетил 34 района Башкирии, более 100 населенных пунктов, где проводил наблюдения за бытом местных жителей, записывал рассказы старожилов об истории сел, переселении из Украины, фиксировал сохранившиеся обычаи и обряды, собирал образцы декоративно-прикладного искусства и песенно-фольклорный материал. Фотосъемка и фонозаписи бесед этнографически ценных предметов материальной культуры легли в основу уникального личного архива ученого.

Собранный к середине 1980-х гг. в результате многолетних полевых исследований и архивной работы материал позволил В.Я. Бабенко подготовить диссертацию по теме «Материальная культура украинцев Башкирии: историко-этнографическое исследование»⁴ (1985). Актуальность выполнения именно такого исследования была обусловлена рядом факторов.

Во-первых, украинцы Башкирии к этому времени являлись одним из крупных народов республики, насчитывали более 75 тыс. человек, но находились пока за рамками внимания активно развивающейся башкирской этнографической науки.

¹ Бабенко В.Я. Этнические процессы у украинских переселенцев в Башкирии... С. 139.

² Бабенко В.Я., Ковязин С.А. Этнические и этнографические группы восточнославянского населения в Башкирии... С. 105.

³ Бабенко В.Я. Этнические процессы у украинских переселенцев в Башкирии... С. 142.

⁴ Бабенко В.Я. Материальная культура украинцев Башкирии: Историко-этнографическое исследование: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 19 с.

Во-вторых, важной научной проблемой оставалось выявление степени взаимовлияния культур разных народов, длительное время сосуществующих на одной территории. Для украинцев определенная работа здесь была проделана, как указывалось выше, только в области фольклора и народного творчества.

В-третьих, слабо изученной со всех позиций был вопрос об особенностях функционирования этноса вне пределов своей исторической родины, находящегося к тому же на значительном удалении от нее. В-четвертых, была установлена определенная зависимость степени изученности национальной культуры и способов, форм ее сохранения в повседневной общественной жизни, т.е. поставлен вопрос о практическом значении историко-этнографических исследований.

Диссертационная работа была выполнена с привлечением комплекса источников: архивных, полевых, статистических, литературных. Среди письменных источников для установления динамики численности впервые были проанализированы фонды центральных московских архивов – окладные книги Оренбургской губернии по итогам серии ревизий, приходские списки и др. Демографическая характеристика украинцев Башкирии была выполнена по данным переписей населения, опубликованных статистических справочников, отчетов. Для характеристики хозяйства и занятий украинцев привлекались уже сведения региональных уфимского и оренбургского архивов. Особую ценность представляли материалы подворной переписи крестьянских хозяйств 1912–1913 гг. по Уфимской губернии. Анализ комплекса современной культуры украинцев предпринимался на основе личных полевых наблюдений.

Диссертационное исследование В.Я. Бабенко включало теоретико-методологическое обоснование концепции малых этнических групп, развернутую этнодемографическую характеристику украинцев Башкирии в XVIII – XX вв., а также обращение к традиционным формам хозяйства и материальной культуры¹. Очевидную новизну имел материал, показывавший военно-политические и экономические причины колонизации Южного Урала, темпы переселенческого движения, области исходов, основные направления и географическое размещение переселенцев, их социальный состав, особенности адаптации и быта на новых местах, механизмы приобретения земель, социально-экономические последствия переселения и др. Данные вопросы рассматривались в широком историческом контексте, что позволило В.Я. Бабенко разработать и обосновать периодизацию переселенческого движения, выделив три основных этапа: 1) с 1730-х гг. до отмены крепостного права в 1861 г.; 2) переселение украинцев в пореформенный период (вторая половина XIX – 1917 г.); 3) хозяйственная мигра-

¹ Бабенко В.Я. Материальная культура украинцев Башкирии... С. 5–15.

ция в советское время. Раздел о материальной культуре содержал этнографическое описание и анализ происходивших изменений в хозяйственных занятиях переселенцев и их потомков в Башкирии; типы, планировку, материалы и технику возведения жилищ; особенности системы питания и национальной кухни в новой этнокультурной среде; комплекс национальной одежды.

Среди основных выводов В.Я. Бабенко по итогам исследования следует отметить следующие¹:

1. В конце XIX – первой четверти XX в. в среде украинцев, переселившихся в Башкирию из разных губерний Украины и принесших с собой особенности материальной и духовной культуры, языка, существенное значение приобретают процессы консолидации, которые наблюдаются в нивелировке культурно-языковых различий, преобладании эндогамных браков, создании моноэтничных поселений и др.

2. В 1920–1940-е гг. складываются предпосылки для усиления адаптационных, а затем этнотрансформационных процессов, обусловленных существенным ростом количества смешанных браков, формированием полиэтничных поселений, стремительная коллективизация и индустриализация, расширение сфер применения русского языка. Наиболее интенсивно и разнообразно идет процесс интеграции украинского населения с русским.

3. В послевоенный период (1950–1960-е гг.) не менее активно развивается процесс аккультурации – принятие русского языка как родного большинством украинского населения, поступательное снижение интенсивности функционирования национальных обычаев и обрядов, включение народа в формирование «общесоветской» культуры (советской общности).

4. В 1970–1980-е гг. продолжается необратимый процесс ассимиляции, особенно среди городского населения. Вместе с тем, с потерей характеризующих черт материальной культуры, значительная часть украинцев Башкирии еще сохраняет национальное самосознание, ощущая свое генетическое родство с предками-переселенцами, идентифицируя себя со своим народом.

Диссертационное исследование В.Я. Бабенко 1985 г. стало первой специальной научной работой, посвященной локальным аспектам истории и культуры украинцев за пределами Украины не только в Башкирии и Урало-Поволжском регионе, но и в масштабах СССР. Впервые в отечественной науке в отношении украинского населения были даны периодизация переселения; уточнены и исправлены известные ранее в литературе сведения о численности украинцев в регионе; показана нелинейная динамика численности; проведено картографирование главных ареалов расселения; зафиксирован достаточно полный комплекс материальной культу-

¹ Бабенко В.Я. Материальная культура украинцев Башкирии... С. 16–18.

ры, отмечены основные направления и формы его эволюции. С другой стороны, исследование показало соответствие основных процессов и тенденций в украинской среде общим закономерностям этнокультурного развития отдельных народов и групп населения в условиях доминирующего иноэтничного и иноязыкового окружения, на конкретно-историческом материале подтвердило основные положения теории «малых этнических групп». Кроме того, собранные в экспедициях артефакты явились составной частью формирующегося в 1980-е гг. Музея археологии и этнографии Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР.

К концу 1980-х гг. накопленные за 15 лет полевые материалы, архивные и статистические документы, историографические источники позволили В.Я. Бабенко предпринять попытку обобщения своего исследовательского опыта в виде монографического труда, который предваряло препринтное издание¹. В этой работе были объединены и дополнены новейшими данными все основные аспекты истории и культуры украинцев Башкирии – формирование украинского населения, поселения, жилище, пища, одежда, украшения. Однако бурные общественно-политические события и экономические проблемы в стране на рубеже 1980–1990-х гг. отложили на некоторое время издание монографии.

IV. *Изучение сотрудничества между Южным Приуральем и Украиной.* Поступательное развитие в 1950–1970-е гг. местных научно-образовательных и культурных центров Башкирии и Оренбуржья – высших учебных заведений, академических институтов, творческих союзов и т.п., способствовало расширению круга и интенсификации деятельности национальной интеллигенции – ученых, писателей, многие из которых в обратились к теме научно-культурных связей между Украиной и Уралом. Следует вспомнить, что еще в годы Великой Отечественной войны украинские писатели и художники, находясь в эвакуации в Уфе и Оренбурге, устанавливали тесные творческие связи с местными коллегами. После окончания Великой Отечественной войны, драматически связавшей Украину и далекий Урал, чрезвычайно актуальной являлась задача по укреплению и дальнейшему развитию установленных научно-культурных связей.

На 1950-е гг. приходится период активной научной деятельности П.Е. Матвиевского², связавшего Оренбургский край и Украину не только своими трудами, но и личной судьбой. П.Е. Матвиевский – уроженец с. Бобрин Полтавской губернии (ныне – Сумская область), из крестьянской семьи. После окончания гимназии в г. Ромны работал сельским учи-

¹ Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской АССР. История. Этнография: Препринт. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1990. 65 с.

² Матвиевский Павел Евменович (1904–1987) – историк, профессор, специалист в области истории России, заведовал кафедрой истории СССР в Оренбургском педагогическом институте, автор более 90 научных трудов, в том числе около 50 по истории Оренбургского края.

телем и в 1923 г. поступил в Днепропетровский университет на историко-филологический факультет. Параллельно работал в местном историко-археологическом музее, где под руководством директора – знаменитого историка, академика Д.И. Яворницкого начал заниматься научной работой. После окончания аспирантуры в 1931 г. работал в Полтавском музее, затем научным сотрудником Харьковского НИИ истории культуры и заместителем директора по научной части Харьковского исторического музея. В это время основной темой его исследований являлось становление фабрично-заводской промышленности и рабочего класса Украины XVIII в., происходил сбор материалов для диссертации по истории местной мануфактуры.

Но научная карьера оказалась прерванной ложным доносом, по которому в 1937 г. П.Е. Матвиевский был осужден на 10 лет и отбывал наказание под Хабаровском. В начале 1940 г. по реабилитации вернулся в Харьков, но работать в прежнем коллективе института было уже сложно по многим обстоятельствам². Поэтому ученый подал документы на конкурс в несколько вузов и в итоге выбрал Оренбургский педагогический институт, где стал работать с сентября 1940 г.³ С этим вузом П.Е. Матвиевский связал всю последующую жизнь, будучи деканом исторического факультета, проректором по научной работе, заведующим кафедрой истории СССР. В 1942 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1960 г. стал профессором. П.Е. Матвиевский за долгие годы работы подготовил не одно поколение оренбургских историков, явился одним из основоположников региональной школы исторического краеведения.

После переезда в Оренбург темы научных исследований естественным образом изменились. Главным делом его жизни стала история Оренбургского края, особенно в XVIII – первой половине XIX в. Большой вклад П.Е. Матвиевский внес в изучение возникновения города, торго-

П.Е. Матвиевский

¹ См., напр.: Матвиевский П.Е. Историко-археологическая экспедиция на Днепрострой // Заря. 1927. Декабрь. С. 27–31; Он же. Бунт посессионных рабочих на Глушковской мануфактуре в конце XVIII в. // Записки историко-филологического отделения АН УССР. 1930. Т. 26. С. 389–416; Он же. Строительство Днепровской верфи в конце XVIII в. // Красный архив. 1936. № 4. С. 159–180.

² См.: Емельянова Н. Подданная богини Клио – <http://orenlit.ru/tvorchestvo/kulturnyy-sloy/poddannaya-bogini-klio.html>

³ О научной биографии П.Е. Матвиевского см. раздел «Ученый и педагог» в издании: Зобов Ю.С. Историки Оренбургского края. Советский период. Оренбург: [б.и.], 1993. С. 55–80.

экономических связей России со странами Востока, внешней политики в Средней Азии, Крестьянской войны 1773–1775 гг., деятельности П.И. Рычкова, организации управления Оренбургским краем, роли оренбуржцев в Отечественной войне 1812 г., просветительства, общественного и революционного движения в Оренбурге и т.д. Научное наследие П.Е. Матвиевского весьма велико, но значительная часть осталась неопубликованной. Он был одним из тех ученых, кто первостепенное внимание уделял систематической работе с документами, более 40 лет изучал редкие источники, хранящиеся в различных архивах страны и прежде всего в архиве Оренбургской области.

Неслучайно именно П.Е. Матвиевскому, ставшему в 1950-е гг. признанным лидером оренбургской исторической науки, была поручена подготовка вступительной статьи для юбилейного сборника «Великая дружба» к 300-летию воссоединения Украины и России¹. В статье дается краткий очерк истории украинского народа, освещаются вопросы формирования древнерусской народности, культура Древней Руси, результаты монгольского нашествия, польско-литовская власть на территории Украины. Отдельное внимание обращено на положение крестьянства, рост народных восстаний, в том числе причины освободительной войны Б. Хмельницкого 1648–1654 гг. Особенно подробно показаны обстоятельства воссоединения и его историческое значение. В качестве важного сюжета рассматривается процесс складывания Запорожской Сечи и начало переселенческого движения казаков в Россию, которое ученый относит к 1589 г. и связывает с именем атамана Матвея Федорова. Неотъемлемой частью раздела является описание революционных настроений и нарастание революционной ситуации в конце XIX – начале XX в. Завершается материал анализом современного социально-экономического и научно-образовательного потенциала Украины, особенностей культурных связей с Россией.

Таким образом, П.Е. Матвиевский в небольшой статье дает обзор важнейших исторических событий и общественных процессов на Украине от эпохи Киевской Руси до середины XX в. К украинской теме в оренбургский период своей жизни П.Е. Матвиевский возвращался в научных публикациях еще несколько раз².

В Башкирии мощным стимулом для разностороннего изучения сюжетов научно-гуманитарного взаимодействия с Украиной оставалась историческая память о периоде эвакуации в годы войны, что обусловило по-

¹ Матвиевский П.Е. 300-летие воссоединения Украины с Россией // Великая дружба... Чкалов: Чкаловское книжное изд-во, 1954. С. 3–26.

² Матвиевский П.Е. Бунтари Глушковской мануфактуры. Курск: Курская правда, 1949. 66 с.; Он же. К истории промышленности Южной Украины в конце XVIII в. // Научные записки Института истории АН УССР. К., 1956. Т. 9.

явление ряда тематических направлений. Например, башкирский ученый и писатель *А.Н. Киреев*¹ поставил вопрос о роли украинских ученых в становлении башкирской фольклористики и этнографии. В своих публикациях он показал, как на основе опыта первых исследователей выросла сама башкирская фольклористика. А.Н. Киреев подчеркивал, что работе фольклористов Башкирии способствовало включение в научную жизнь республики украинских ученых, эвакуированных в годы войны в Уфу в составе АН УССР. С первых же дней пребывания они проявили живой интерес к культуре башкирского народа, его литературе и фольклору – были организованы совместные выезды башкирских и украинских фольклористов в башкирские аулы и украинские села. Такая работа привлекла внимание широких кругов общественности. Украинские писатели П. Тычина, М. Рьельский и другие обратились, например, к выявлению патриотических мотивов в фольклоре и литературе башкирского народа. Поэтому не случайно П. Тычина переводил башкирские народные песни, посвященные героям Отечественной войны 1812 г., а позднее написал книгу «Патриотизм в творчестве Мажита Гафури» (1943). На заседаниях ученых советов ряда институтов АН УССР заслушивались и обсуждались доклады А. Усманова, Г. Амири по различным аспектам башкирского фольклора². Системное взаимодействие башкирских и украинских фольклористов заключалось в совместной подготовке научных сборников, консультациях, рецензиях.

Научный интерес *Г.Р. Мухаметдинова*³ был направлен на изучение истории эвакуации, интернационализма трудящихся, состояния промышленного потенциала, обороноспособности, хозяйственного и военнотехнического сотрудничества украинских и башкирских ученых в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных источников ученый рассматривал не только показатели научной результативности, но и особенности организации исследований в военных условиях. Данные материалы нашли отражение в диссертационном исследовании⁴ и ряде статей,

¹ *Киреев Ахнаф Нуриевич (Кирей Мэргэн)* (1912–1984) – башкирский ученый, писатель, журналист, педагог, драматург, доктор филологических наук (1963). В 1942–1943 гг. находился на фронте сборком «Комсомольской правды». С 1946 по 1964 гг. – научный сотрудник, зав. сектором фольклора и литературы Института истории, языка и литературы, организатор фольклорных экспедиций. В 1965–1983 гг. – зав. кафедрой башкирской литературы БашГУ. Автор большого количества повестей, новелл, романов, в том числе в переводе на украинский язык.

² Киреев А.Н. Роль русских и украинских ученых в становлении башкирской фольклористики и этнографии // Фольклористика Российской Федерации. Л.: Наука, 1975. С. 54–55.

³ *Мухаметдинов Гумер Рауфович* – заведующий кафедрой гуманитарных наук Уфимского института коммерции и права, кандидат исторических наук, профессор.

⁴ Мухаметдинов Г.Р. Братское сотрудничество трудящихся Башкирской АССР с трудящимися республик и областей в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1978.

опубликованных в Уфе и Киеве¹. Так, обоснованно показано, что из 400 научных тем, разрабатываемых институтами АН УССР, около 75% были территориально связаны с Башкирией, что способствовало становлению и развитию местного производства, многих крупных промышленных предприятий, ставших основой экономики послевоенной Башкирии (например, Уфимские нефтеперерабатывающий и моторостроительный заводы²). В совместных научных лабораториях были сделаны важнейшие изобретения, спасшие тысячи жизней – в промышленных объемах появились антисептические препараты, эффективное кровоостанавливающее средство викасол и др.

В результате в годы войны в республике появились новые отрасли промышленности, произошли изменения в размещении производительных сил, в характере экономических связей Башкирии с другими республиками и областями, осуществлялось системное изучение природно-ресурсной и трудовой базы Южного Урала, предлагались новые принципы хозяйственного районирования, что привело в итоге к поступательному экономическому росту во всех областях производства³. Не менее важным был тот факт, что благодаря академическим мощностям Украины шел процесс становления и повышения квалификации местных научных кадров, действовали аспирантура, диссертационные советы, издано 20 работ общим объемом 165 печатных листов, прошло 10 совместных научных сессий. Такое тесное сотрудничество украинских и башкирских ученых способствовало не только дальнейшему развитию производства и научных знаний, но и упрочению дружественных связей между народами⁴.

По мнению Р.Н. Пормана, советское литературоведение традиционно уделяло большое внимание изучению деятельности писателей-фронтовиков, но гораздо меньше работ создано о писателях, оказавшихся в эвакуации в тылу. В 1941–1943 гг. центр культурной и литературной жизни Украины переместился именно в Уфу. В тяжелых условиях тыла

¹ Мухаметдинов Г.Р. Укрепление сотрудничества трудящихся Башкирской АССР с трудящимися других республик и областей в годы Великой Отечественной войны // Во имя Победы: Из истории Башкирской АССР периода Великой Отечественной войны. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1986. С. 127–141; Он же. Интернациональное воспитание трудящихся Урала в годы Великой Отечественной войны // Октябрьская революция и проблема национальных отношений. Межвуз. науч. сб. Уфа: БГУ, 1987. С. 68–76; Он же. Руководство партийных организаций Урала деятельностью Советов по оказанию помощи эвакуированному населению в годы Великой Отечественной войны // Партийное руководство государственными и общественными организациями. Межвуз. науч. сб. Уфа: БГУ, 1988. С. 38–43; Он же. Нові документи про відновлення діяльності і роботу на Уралі в роки Великої Вітчизняної війни евакуйованих з України підприємств // Архіви України. 1990. № 2. С. 26–34.

² Мухаметдинов Г.Р. Сотрудничество украинских и башкирских ученых в годы Великой Отечественной войны // Из истории развития культуры в Башкирии. Уфа: БФ АН СССР, 1978. С. 60–61.

³ Там же. С. 62–63.

⁴ Там же. С. 64–65.

были созданы всенародно признанные произведения М. Рыльского, П. Тычины, Ю. Яновского, В. Сосюры, других писателей и поэтов. Важнейшими идейно-художественными достижениями их творчества стали: 1) связь с народной жизнью; 2) реализм; 3) патриотизм и интернационализм¹. Деятельность большой группы украинских писателей в Башкирии явилась примером той значительной общественной работы, которую проводили писатели в тылу, свидетельством неразрывной дружбы башкирского, русского, украинского и других народов, межнациональных связей, взаимно обогативших их культуры. Впоследствии мысль Р.Н. Пормана об Уфе как временной интеллектуальной и культурной столице Украины в годы войны неоднократно встречалась и обосновывалась в последующих публикациях.

В 1970–1980-е гг. творческие контакты между Украиной и Башкирией развивались особенно активно: в 1970 г. прошла Неделя башкирской литературы в Украине, а в 1979 г. в Башкирии проводились Дни украинской литературы. В Уфе регулярно гастролировали театральные и музыкальные коллективы из Киева, Днепропетровска, Донецка, Сум, Черновцов и других городов. Поэтому закономерно, что к вопросам башкирско-украинских связей в годы войны, участию украинцев в формировании этносоциальной и хозяйственной карты республики, культурному (преимущественно литературному) сотрудничеству в послевоенный период на страницах различных научных изданий неоднократно обращались Г.З. Рамазанов, Х.Б. Кинзебулатов, С.Г. Сафуанов, М.Г. Рахимкулов, И.В. Давыдов, Ю.А. Узиков, М.З. Шакиров, У.Х. Рахматуллин и др.²

Анализ научной литературы 1950–1980-х гг., посвященной истории и культуре украинцев Южного Приуралья, позволяет сделать следующие выводы:

1. Научная работа в данный период приобретает междисциплинарный характер в форме интеграции исторических, этнографических и

¹ Порман Р.Н. Украинские писатели в Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Проблемы художественной типизации и читательского восприятия литературы. Стерлитамак: СГПИ, 1990. С. 176.

² См., напр.: Кинзебулатов Х.Б. Дружба і співробітництво українських і башкирських народів у роки Великої Вітчизняної війни // Український історичний журнал. 1960. № 3; Сафуанов С.Г. Межнациональные связи башкирской литературы. М.: Наука, 1979. 280 с.; Рахимкулов М.Г. У истоков дружбы // По тропам былого. Краеведческий сборник. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1980. С. 150–164; Давыдов И.В. На земле друзей. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1981. 125 с.; Узиков Ю.А. Это с нами навсегда. Литературная карта Башкирии. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1983. 239 с.; Шакиров М.З. Непереборна сила братерської дружби і співробітництва // Вісник Академії наук Української РСР. 1983. № 12. С. 3–11; Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII – XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. 188 с.

фольклорных исследований. В данном направлении В.Я. Бабенко явился первым отечественным исследователем, который развернул системное и комплексное изучение истории, культуры, фольклора, этносоциальных процессов украинцев на материалах одного из регионов России.

2. Во второй половине XX в. начинается разработка новых тем, связанных с изучением различных аспектов материальной культуры; семейно-брачных отношений; механизмов адаптации переселенцев и их потомков в полиэтничной и поликультурной среде; научно-культурного сотрудничества. Ранее поднимавшиеся вопросы истории переселенческого движения и песенного фольклора украинцев в процессе архивной и экспедиционной работы получают дополнительные источники.

3. Развитие украинистики в рамках формирующихся научных школ фольклористики (Л.Г. Бараг) и этнографии (Р.Г. Кузеев) и на основе ведущих университетских и академических центров Башкирии способствовало тому, что исследования приобретают организованный и регулярный характер, прочную методологическую основу (теории малых этнических групп и межкультурного взаимодействия), расширяется круг вовлеченных в работу специалистов.

4. Устанавливаются и укрепляются научные связи Южного Приуралья с Украиной, что нашло проявление в доступе к украинским архивам, возможности публиковать результаты исследований в украинских журналах, взаимном участии в конференциях, симпозиумах и других мероприятиях в Башкирии и Оренбургской области.

В своей совокупности происходившие изменения подготовили прочную базу для продолжения исследований в последующее время.

ГЛАВА V

УКРАИНОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ В 1990–2010-е гг.

Общественно-политические и социально-экономические изменения на рубеже 1980–1990-х гг. существенно отразились на проблематике исторических исследований. Прекращение существования СССР, сложные и противоречивые процессы демократизации, установление многопартийности, появление плюрализма в дискуссиях, оживление национально-го движения, расширение возможностей для гражданской самоорганизации значительным образом повлияли не только на различные сферы общественной жизни, но и на состояние науки в постсоветской России, особенно в области гуманитарного знания. Отказ от жестких идеологических схем, возможность свободно выражать свое мнение, получать необходимую информацию из различных источников, публиковать результаты исследований без цензуры привели к интенсификации и значительно большему разнообразию научных поисков, прежде всего, с точки зрения выявления и обоснования актуальности новых тем и слабоизученных вопросов. Данные тенденции были характерны не только для обновленной российской науки в целом, но находили конкретные проявления и на региональном уровне.

Постсоветские 1990-е гг. многие исследователи связывали с такими явлениями как «всплеск этничности», «этническая мобилизация», понимая под ними не только борьбу за политические права, национальное самоопределение и суверенитет, но активизацию национально-культурного движения. В Башкирии истоки организованного украинского движения восходят к весне 1989 г. и связаны с подготовкой праздника к 175-летию Т.Г. Шевченко. С этого события началось объединение украинцев республики, завершившееся созданием Товарищества почитателей украинской культуры «Кобзарь» в январе 1990 г. (с 1992 г. – Республиканский национально-культурный центр украинцев Башкортостана «Кобзарь»). В Оренбургской области украинское культурно-просветительское общество им. Т.Г. Шевченко было создано в июле 1992 г.

Расширение автономных прав национальных административно-территориальных образований в Российской Федерации также стало важным фактором повышения научного интереса к этнической проблематике. Чрезвычайно востребованными оказались вопросы государственной национальной политики, национального строительства, этногене-

тических и этнополитических процессов, межкультурного взаимодействия и т.д. Обретение независимости и государственности бывшими республиками СССР также повлияло на содержание научной работы. Произошедшие изменения на политической карте Восточной Европы привели, в частности, к необходимости поиска новых подходов к пониманию феномена «диаспоры», актуализировали этноисторические исследования. Образование независимых государств, появление суверенной земли «материнского этноса» в значительной степени всколыхнуло рост национального самосознания и повышения познавательного интереса к «исторической родине».

В полной мере отмеченные общие тенденции относятся и к особенностям изучения украинского населения России. Провозглашение независимости Украины 24 августа 1991 г. стало не только ключевым политическим событием для страны в XX в., но и положило начало формированию нового отношения и восприятия украинской государственности и всего культурно-исторического опыта украинского народа как в повседневном общественном сознании, так и в научно-исследовательских практиках. Изменение государственного статуса Украины оказало влияние и на ее политику по отношению к восточной диаспоре, а в самой России в 1990-е гг. оживилось изучение истории Украины, украинско-российских отношений как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе, повысился интерес к положению украинской диаспоры в стране.

Таким образом, общий закономерный рост интереса к национальным вопросам, истории российско-украинского взаимодействия, особенностям функционирования украинского этноса на территории России обусловили появление ряда особенностей, принципиально отличающих состояние и развитие украинистики в Южном Приуралье на рубеже XX–XXI вв. от предшествующих периодов.

1. Организационное оформление научно-исследовательской и культурно-просветительской деятельности, складывание исследовательских коллективов.

Первые попытки институционализации украиноведческих исследований относятся к началу 1990-х гг. К этому времени многолетние контакты уфимского историка В.Я. Бабенко с коллегами из Института искусствоведения, фольклористики и этнографии им. М. Рильского АН УССР (Киев) привели к идее создания в Уфе Урало-Поволжского регионального научного центра украинистики АН УССР, который бы объединил научные силы Башкирии, Оренбуржья, Челябинской и Волгоградской областей. Однако прекращение существования СССР не позволило реализоваться этому проекту, прежде всего, с юридической точки зрения, по-

скольку АН УССР стала зарубежным учреждением. Вместе с тем, необходимость более системного подхода к организации исследовательской работы была очевидной и воплотилась в 1993 г. в форме общественной организации «Научный центр украинистики В. Бабенко» – единственного в то время подобного центра за пределами Украины (в России и странах СНГ).

Центр создавался с целью придания исследованиям целенаправленного комплексного характера и вел работу по таким направлениям как история формирования украинского населения южноуральского региона, изучение социально-экономического положения украинцев в регионе, фольклор, этнография и народное искусство и др. В планах Центра значились подготовка фотоальбома «Украинская вышивка в Башкирии», сборника «Украинцы Башкирии: документы и материалы», монографий «Хозяйство украинских переселенцев в Башкирии», «Семейный и общественный быт украинцев Башкирии», «Украинцы Башкирии: проблемы национального развития на современном этапе», проведение экспедиций, сбор и систематизация статистических данных, научные консультации¹. В ходе реализации этих проектов предполагалось выйти за территориальные границы Башкирии и охватить исследованиями Южный Урал.

В рамках работы Центра, действовавшего в 1993–1999 гг. исключительно на общественных началах, удалось объединить тех ученых Башкирии, которые в той или иной степени затрагивали темы, связанные с Украиной. Конкретным результатом подобной интеграции стал сборник «Украина – Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества» по материалам одноименной конференции 1991 г.², где в 14 статьях уфимские и киевские авторы отразили многообразие исторических, экономических, культурных и межнациональных связей между Украиной и Башкортостаном. В 1995 г. Центром совместно с Отделом народов Урала с Музеем археологии и этнографии УНЦ РАН подготовлено издание «Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии»³, представлявшее сборник текстов и нот 239 песен, объединенных по жанровым группам, с научными комментариями и вступительными статьями по истории и фольклору украинцев в Башкирии. В 1999 г. подобная работа была выполнена совместно с Институтом искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Рыльского НАН Украины в формате сборника на укра-

¹ Например, В.Я. Бабенко выступал научным консультантом дипломных работ в БГПИ: Янин Б.Б. Крестьянские хозяйства украинских переселенцев Уфимского уезда Уфимской губернии. Уфа, 1991. 49 с.; БашГУ: Юнак А.И. Этнокультурные процессы в новое и новейшее время в многонациональном регионе (на примере украинцев Башкортостана). Уфа, 1996. 102 с.

² Украина – Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества: сб. ст. Уфа: [б.и.], 1993. 170 с.

³ Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии. Київ: Музична Україна; Уфа: 1995. 240 с.

инском языке «Завези од мене поклон в Україну...»¹, в который была включена значительная часть материалов (более 150 разножанровых текстов с примечаниями), собранных украинскими учеными в экспедициях по Башкирии в 1941–1943 гг. и хранившихся в архиве Института, а также фрагменты научных статей 1940-х гг.

В 1999 г. Центр официально прекратил существование, поскольку научная работа в области украинистики начала организовываться при ряде кафедр гуманитарной направленности в структуре Уфимского филиала Московского государственного открытого педагогического университета им. М.А. Шолохова (МГОПУ), созданного в 1998 г. (в 2007 г. преобразован в Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова, МГГУ). С этого времени начался особый этап в развитии украинистики Башкортостана. Образовательное учреждение стало признанным центром притяжения украиноведческих исследований не только в Урало-Поволжском регионе, но и в Российской Федерации, местом проведения круглых столов, семинаров, курсов повышения квалификации, конференций, во многих случаях совместно с учеными Украины. На кафедрах, курировавших историческое образование, выпускниками был подготовлен ряд дипломных проектов по украинистике². Материально-техническая база, наличие собственного издательского центра и типографии позволили регулярно публиковать материалы научных мероприятий, а также отдельные книги³, сборники⁴, справочники⁵ по различным аспектам региональной украинистики. Большой вклад в развитие организационных форм и научных направлений украинистики в Уфимском филиале МГГУ им. М.А. Шолохова в последние годы внесли Ю.В. Сиренко, С.В. Бабенко, А.И. Юнак, В.Ю. Высоцкий, М.А. Пилипак и другие.

Кроме того, Уфимский филиал МГГУ им. М.А. Шолохова имеет свой печатный орган – «Вестник» (выпуски № 1–4), на страницах которого также регулярно появляются материалы украиноведческого содержа-

¹ Завези од мене поклон в Україну... Фольклор українців Башкортостану. Уфа: [б.и.], 1999. 168 с.

² См.: Михайлюк В.Н. История формирования украинского населения Республики Башкортостан. Выпускная квалификационная работа. Уфа, 2004. 81 с.; Шевченко Е.Ю. Общественный быт украинцев Башкортостана. Выпускная квалификационная работа. Уфа, 2004. 76 с. и др.

³ Хабибуллина А.Р. Историко-культурные центры Башкортостана. Уфа: ИЦ УФ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. 102 с.; Черниенко Д.А., Пилипак М.А. Село Казанка и украинцы Альшеевского района. Уфа: ИЦ УФ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2012. 134 с. и др.

⁴ Славяне Башкортостана: сб. ст. Уфа: Изд-во Филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, 2005. 90 с.; Почуй мене, Україно!: Сучасна українська публіцистика в Росії. Уфа: Изд-во Филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, 2006. 271 с. и др.

⁵ Украинисты России: Биобиблиографический словарь. Вып. 1. Уфа: ИЦ УФ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2011. 93 с.

ния¹. В мае каждого года на базе филиала проходит традиционная научная конференция «Кирилло-Мефодиевские чтения», посвященные широкой славянской проблематике. Материалы конференции находят отражение в итоговом сборнике статей, где также нередко присутствуют украинские сюжеты².

В 2010 г. в структуре Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова создан Научно-методический центр (НМЦ) по изучению славянских языков и культур с целью использования результатов научных исследований в области славяноведения (история, этнография, фольклористика, лингвистика, педагогика, литературоведение, искусствоведение) для создания методических разработок и последующего их внедрения в образовательный процесс. Основу НМЦ составляет сектор украинистики, который занимается проведением научных исследований, организацией на базе филиала конференций и других мероприятий, подготовкой печатных трудов, научными консультациями, взаимодействует с образовательными учреждениями, в том числе разных регионов России. В работе центра и сектора принимают участие преподаватели университета – специалисты в разных областях гуманитарного знания – историки, этнографы, филологи, педагоги, искусствоведы.

Для координации научно-исследовательской деятельности и совместной работы с коллегами-украинистами из других городов в 2010 г. в Уфе создана Межрегиональная общественная организация «Научное общество украинистов им. Т.Г. Шевченко». Инициаторами создания Общества выступили представители Краснодарского края, Камчатского края, Республики Башкортостан, Удмуртской Республики, Саратовской области, Свердловской области, Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области. Основными целями Общества являются: развитие украинистики в России и за рубежом, координация научно-исследовательской работы в области истории, этнографии, фольклористики, языкознания и культуры украинцев в различных регионах, содействие сохранению исторического и культурного наследия, национальной самобытности украинского народа. В настоящее время Общество имеет региональные представительства в Краснодарском крае (г. Краснодар), Республике Башкортостан (г. Уфа), Удмуртской Республике (г. Ижевск),

¹ См., напр.: Ключковська І. Українознавчі студії у європейському часопросторі // Вестник Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова. Вып. 3. Уфа: Изд-во УФ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. С. 35–44 и др.

² См., напр.: Бабенко В.Я. Етнодемографічна характеристика українців Башкортостану на зламі тисячоліть // Кирилло-Мефодиевские чтения: мат-лы науч.-практ. конф. Уфа: Изд-во УФ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. С. 11–15; Бабенко В.Я., Черниенко Д.А. Украинистика в Башкортостане: становление и развитие // IV Кирилло-Мефодиевские чтения: мат-лы науч.-практ. конф. Уфа: Изд-во УФ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. С. 12–22 и др.

Саратовской области (г. Саратов), Тюменской области (г. Сургут), а также индивидуальное членство. Общество проводит исследования по согласованным темам, организует научные мероприятия, разрабатывает исследовательские программы, готовит научные труды к публикации (Рис. 5), развивает международное сотрудничество с другими украиноведческими центрами.

Работа Общества ориентирована, прежде всего, на проведение комплексных историко-этнографических экспедиций по украинским селам Нижнего Поволжья и Южного Приуралья; составление и уточнение полного списка поселений, основанных украинцами; информационное содержание историко-культурного портала «Украинцы России»; поиск и публикация архивных документов по проблемам украинизации в различных регионах России; проведение конкурсов исследовательских проектов; разработку программ для украинских воскресных школ и т.п.

Рисунок 5. Издания с участием Научного общества украинистов им. Т.Г. Шевченко 2010–2012 гг.

В Оренбургской области первый опыт организационного объединения украинистов связан с деятельностью сначала общественного «Института Тараса Шевченко», а затем «НИИ Тараса Шевченко» в составе Оренбургского государственного университета под руководством из-

вестного шевченковеда Л.Н. Большакова, о чем более подробно будет идти речь в следующей главе.

Параллельно с работой «Института Тараса Шевченко» в ОГУ на базе кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета в 1993 г. создается областная общественная организация «Научно-исследовательский центр истории народов Южного Урала», действующий по настоящее время под руководством профессора *А.В. Федоровой*¹. Основные задачи Центра заключаются в проведении этнографических, исторических, социологических, культурологических, лингвистических исследований и просветительских мероприятий. Интерес к истории и культуре украинцев Оренбургского края возник задолго до открытия Центра. А.В. Федорова, привлекая несколько поколений студентов ОГАУ, более 25 лет собирает материалы из разных районов области для университетского историко-этнографического музея. Современные фонды музея по украинской тематике насчитывают более 460 единиц хранения. Среди них коллекция национального украинского мужского и женского костюма, рушников, венков, предметов быта, орудий труда. Важной частью фондов являются также старинные фотографии (в том числе переселенцев из Украины начала XX в.), копии различных документов, обнаруженных в архивах.

На материалах музейных фондов и с использованием данных собственных поисков в рамках этнографических экспедиций и индивидуальных поездок студенты, обучающиеся по кафедре истории Отечества, ежегодно готовят рефераты, выступления на конференциях. К настоящему времени накоплена уникальная база данных, не имеющая аналогов в России – более 300 научных студенческих работ, посвященных истории украинских семей и сел, генеалогий. С научно-просветительским проектом «Украинцы Оренбуржья» А.В. Федорова, преподаватели кафедры и студенты регулярно принимают участие в различных городских и областных выставках, конкурсах, фестивалях, в том числе «Шевченковском марте», выполняя важную социальную миссию – ознакомление общественности с культурой украинского народа.

Преемником «Института Тараса Шевченко» в Оренбургском государственном университете, более 10 лет развивавшем традиции шевченковедения и в значительной степени координировавшем работу в области украиноведческой тематики, постепенно становится Научно-

¹ *Федорова Алла Владимировна* – историк, доктор исторических наук (1996), профессор. С 1987 г. заведующая кафедрой истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета, организатор этнографических экспедиций, музея истории крестьянского быта, генеалогической лаборатории, автор проекта «Летопись оренбургских деревень». Председатель Оренбургского отделения Академии военно-исторических наук, академик Петровской Академии наук и искусств. Автор около 300 научных работ, в том числе 10 монографий.

исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала. Институт был создан в 2010 г. путем реорганизации существовавшего с 1999 г. НИИ истории Южного Урала и казачества России, ориентированного на исследования по истории региона и казачества как социокультурного явления. Среди приоритетных направлений научных исследований Института под руководством профессора *В.В. Амелина*¹ – история военно-административного управления, этнокультурные особенности казачества; история краеведческой науки; изучение национальной и этноконфессиональной политики на Южном Урале в 1941–1991 гг.; механизмы социально-культурной адаптации мигрантов в Оренбуржье на современном этапе и др. В контексте широкой региональной проблематики сотрудники обоих институтов в разные годы затрагивали в своих исследованиях некоторые аспекты пребывания украинцев на Южном Урале и их этнокультурного взаимодействия с другими народами региона. Данные вопросы отражены, например, в работах Л.И. Фурорьянского об оренбургском казачестве², этнографических очерках Г.П. Ким³, статьях К.А. Моргунова о государственной национальной политике⁴, В.В. Амелина об этноконфессиональной ситуации и миграционных процессах в области⁵. Большое внимание Институт уделяет организации конференций, изданию научных трудов, тематических сборников и материалов конференций. Итак, к настоящему времени в Республике Башкортостан и Оренбургской области сложились необходимые организационные формы в виде специализированных центров и институтов на базе образовательных учреждений, а также в виде общественных объединений, которые обладают

¹ *Амелин Веналий Владимирович* – доктор исторических наук (1995), профессор, директор НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета. В 2000-х гг. – заместитель министра – начальник Управления по связям с общественными, национальными и религиозными организациями Министерства информационной политики, общественных и внешних связей Оренбургской области. Редактор научно-публицистического журнала «Этнопанорама». Автор более 500 научных публикаций по проблемам национальной политики, межэтнических отношений, этнокультурной истории региона.

² Фурорьянский Л.И. Украинский элемент в казачестве России в конце XIX в. // Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития: мат-лы межрег. науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2004. С. 72–74.

³ Панина Т.Т., Ким Г.П. Украинцы // Мы – оренбуржцы. Историко-этнографические очерки. Оренбург: Южный Урал, 2007. С. 92–113.

⁴ Моргунов К.А. Правовая регламентация переселенческой деятельности: украинские переселенцы в конце XIX – начале XX вв. // Украинцы в Оренбургском крае: мат-лы науч.-практ. конф. Оренбург: Димур, 1997. С. 66–71; Он же. Деятельность Краевой Рады по защите прав украинских переселенцев и беженцев // Миграционные процессы в Оренбуржье: мат-лы науч. семинара. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2004. С. 33–36; Он же. Советская национальная политика: Южно-Уральский регион в 1917–1940 гг. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. 312 с.

⁵ Амелин В.В. Этническое многообразие и власть в российском регионе. М.: УОП ИЭА РАН, 2004. 320 с.

кадровыми и материально-техническими ресурсами для системных украиноведческих исследований.

2. *Проведение научных мероприятий, посвященных украиноведческой проблематике.*

Регулярная организация конференций, семинаров, круглых столов является важным показателем активной и успешной исследовательской деятельности, позволяет координировать работу по различным направлениям, создает высокую научную репутацию региональным научным центрам. Башкортостан и Оренбуржье имеют в этом отношении богатый опыт, что позволяет говорить о формировании собственных традиций. Наиболее интенсивный период приходится на 2000-е гг., что объясняется во многом начальным этапом зарождения постсоветской региональной украинистики в 1990-е гг., а также объективными финансово-экономическими трудностями образовательных и академических учреждений по организации представительных форумов.

Однако следует отметить, что первая украиноведческая научная конференция прошла в Уфе еще в декабре 1991 г. по теме «Украина – Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества» и была посвящена памятной дате – 50-летию начала Великой Отечественной войны. Заявленная тема предопределила содержание выступлений, основанных в значительной степени на еще не введенных в научный оборот и образовательные практики источниках. Главная идея, вокруг которой строилась работа конференции – дружба народов Украины и Башкирии испытана временем. Символично, что в конференции принял участие директор киевского Мемориального музея-квартиры П. Тычины И.Д. Блюдо. В Оренбурге первая конференция «Украинцы в Оренбургском крае» состоялась в 1997 г. Более 40 докладов, прозвучавших на конференции, свидетельствовали о нарастании интереса к местному украинскому сообществу в первой половине 1990-х гг. В выступлениях были затронуты самые различные сюжеты – появление украинцев в крае, знаменитые украинцы Оренбуржья, история сел, история и культура Украины, состояние архивных источников, музейная работа и т.д.¹

Формат заочной конференции в 2001 г. носил сборник «Украина – Башкортостан: связь времен», ставший продолжением серии публикаций научно-просветительского характера об историческом взаимодействии Башкортостана и Украины². В 2002 г. к Году Украины в Российской Федерации была приурочена республиканская конференция «Развитие социально-экономического и культурного сотрудничества Башкортостана и

¹ Украинцы в Оренбургском крае: мат-лы науч.-практ. конф., посвященной 150-летию пребывания Т.Г. Шевченко в Оренбургском крае. Оренбург: ПД «Димур», 1997. 184 с.

² Украина – Башкортостан: связь времен: сб. ст. Уфа: Полиграфкомбинат, 2001. 216 с.

Украины». Конференция вышла за рамки собственно украиноведческой темы и охватила такие проблемы как диалог народов в поликультурном обществе, интерференция культурных традиций в истории и этнографии народов Башкортостана¹.

В 2004 г. в украинистике региона произошло знаменательное событие – конференция «Михаил Грушевский – историк, общественный и политический деятель, человек», посвященная жизни и творчеству всемирно известного ученого. Это был первый в России опыт осмысления и обсуждения литературного наследия М.С. Грушевского². О значимости форума свидетельствовали участие представителя НАН Украины – кандидата исторических наук Г.Б. Бондаренко (Киев), а также приветствия и обращения к участникам конференции, направленные от имени директора Института истории Украины НАН Украины В.А. Смолия, директора Института философии НАН Украины М.В. Поповича, ректора Национального университета «Киево-Могилянская академия» В.С. Брюховецкого, ректора Нежинского государственного университета им. Н.В. Гоголя В.П. Яковца и многих других деятелей науки и образования Украины.

В 2009 г. по инициативе уфимских украинистов в Культурном центре Украины в Москве была организована I Международная научная конференция «Украинистика в России: история – состояние – тенденции развития», которая прошла 11–12 ноября 2009 г. Цель конференции – обозначить наиболее важные задачи, проблемы, перспективы развития украинистики, подчеркнуть ее научную и социокультурную значимость. Участниками конференции в очной или заочной форме стали более 65 ученых из 15 регионов России и Украины, по итогам издан сборник материалов³.

В 2010 г. «Научное общество украинистов им. Т.Г. Шевченко» организовало международную интернет-конференцию «Украинская этничность в социокультурном пространстве России», в которой участвовали ученые из России – Уфы, Москвы, Петрозаводска, Саратова, Волгограда, Сургута, Владивостока и Украины – Киева, Донецка, Каменец-Подольска, Горловки. Были рассмотрены различные вопросы истории переселенческого движения украинцев, особенности формирования и функционирования украинских диаспорных групп в регионах России, динамика этнических и языковых процессов, опыт реализации украинского национального

¹ Развитие социально-экономического и культурного сотрудничества Башкортостана и Украины: мат.-лы междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Изд-во Филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова в Уфе, 2003. 195 с.

² М. Грушевский – историк, общественный и политический деятель, человек: мат.-лы междунар. науч. конф. 24.11.2004 г. Уфа: УФ МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2005. 89 с.

³ Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: мат.-лы междунар. науч.-практ. конф. Киев; М.; Уфа: Изд-во УФ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. 254 с.

образования, культурное наследие украинского населения России, историография и источниковая база российской украинистики¹.

В 2011 г. к 70-летию эвакуации Академии наук УССР в Башкирию в 1941–1943 гг. в Уфе состоялась международная научная конференция «Башкортостан – Украина: наука, образование и культура в годы Великой Отечественной войны». В рамках работы конференции Башкортостан посетила представительная делегация в составе Чрезвычайного и Полномочного Посла Украины в России В.Ю. Ельченко, первого вице-президента НАН Украины А.Г. Загороднего, директоров нескольких ведущих научно-исследовательских институтов. На конференции были подняты вопросы, связанные с ходом и обстоятельствами эвакуации населения и предприятий из Украины в Башкирию, условиями деятельности учреждений науки и культуры в тылу, ролью представителей научной и творческой интеллигенции в развитии социальной сферы и народного хозяйства, результатами и историческим значением совместной работы украинских и башкирских ученых². Кроме историко-этнографических исследований в 1990–2000-е гг. Уфа стала известна как одна из главных методических площадок России в области организации и совершенствования преподавания предметов украиноведческого цикла в образовательных учреждениях различного типа (Фото 19).

Фото 19. Чрезвычайный и Полномочный Посол Украины в РФ В.Ю. Ельченко (справа) осматривает выставку украинских национальных школ Республики Башкортостан. Уфимский филиал МГГУ им. М.А. Шолохова, сентябрь 2011 г.³

¹ Украинская этничность в социокультурном пространстве России: мат-лы междунар. науч. интернет-конф. Уфа: Изд-во Уф МГГУ им. М.А. Шолохова, 2011. 224 с.

² Башкортостан – Украина: наука, образование и культура в годы Великой Отечественной войны: мат-лы междунар. науч. конф. Уфа: Изд-во Уф МГГУ им. М.А. Шолохова, 2011. 192 с.

³ Здесь и далее в главе фотографии из личного архива Д.А. Черниенко.

В Республике Башкортостан разработана уникальная программа обучения на государственных и родных языках, действуют муниципальные украинские воскресные школы, курсы повышения квалификации учителей. Большой научно-педагогический опыт, накопленный в этой области, становится в последние годы предметом научных обобщений¹. Значительный вклад в разработку теоретико-методологических вопросов национального украинского образования и практическое внедрение педагогических методик внесла *Ю.В. Сиренко*². С 2003 г. проводятся ежегодные летние языковые лагеря с участием преподавателей из Украины. За последние годы состоялось четыре научно-методических семинара республиканского, межрегионального и международного уровней (1994, 1996, 2002, 2008), которые ориентированы на обсуждение проблем, определение эффективных путей, новых подходов, форм и методов изучения данных предметов; обобщение опыта по созданию и функционированию национальных украинских образовательных учреждений; принятие практических рекомендаций для педагогических работников³.

В 1990–2000-е гг. в Оренбургской области проводится целенаправленная научно-исследовательская деятельность в сфере изучения истории, культуры и современного положения различных этносов и этнографических групп края. С 1996 г. действует проект «Многонациональный мир Оренбуржья», в рамках которого вышло более 25 сборников материалов научных конференций.

В Оренбурге украиноведческие конференции, как правило, связаны с именем и памятливыми датами жизни Т.Г. Шевченко. В 2000 г. к 185-летию со дня рождения поэта прошла конференция «Помнят степи певца Украины», на которой помимо основной шевченковской темы прозвуча-

¹ См.: Бабенко В., Сиренко Ю. З історії української освіти в Башкортостані // Український вимір. Вип. 3. Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2010. С. 54–58; Сиренко Ю.В., Климина И.В., Пилипенко Е.А. Становление системы национального образования украинцев Башкортостана // Современное развитие регионов России: политико-трансформационные и культурные аспекты: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Уфа: БАГУ, 2010. С. 396–400; Сиренко Ю.В. Украинское высшее образование в Башкортостане // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Киев; М.; Уфа: Изд-во УФ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. С. 186–189; Сиренко Ю. Українська освіта в Башкортостані: вчора, сьогодні, завтра // Українська восточная діаспора в контексті сучасних культурно-історических і обществено-політичних процесів в постсоветських державах: сб. мат-лов I междунар. Шевченковских чтений. Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2012. С. 299–303.

² *Сиренко Юлия Валериевна* – заведующая кафедрой психолого-педагогического и гуманитарного образования Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, кандидат педагогических наук, председатель Ассоциации украинских учителей Башкортостана, учитель украинского языка и литературы воскресной школы «Злагода – Согласие» г. Уфы.

³ Совершенствование преподавания предметов украиноведческого цикла в школах Российской Федерации: мат-лы междунар. семинара. Уфа: Изд-во Филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова в Уфе, 2003. 143 с.

ли выступления по истории и современному положению украинской диаспоры Южного Урала, общественно-политическим процессам и культурному развитию Украины¹. В 2004 г. конференция «Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития» была посвящена 190-летию со дня рождения поэта. Выступления более 30 участников отразили основные исторические аспекты пребывания украинцев в Оренбургском крае, а также этнические особенности культуры, науки и образования в области². В 2006 г. в рамках XXX «Шевченковского марта» прошла конференция «Кобзарь и Оренбуржье». Более 20 докладов были обращены к различным сторонам жизни и творческой деятельности Т. Шевченко в ссылке, а также вопросам этнической истории и современной духовной жизни украинцев Оренбуржья³. Доклады, связанные с украинской проблематикой, регулярно звучат и в рамках традиционных конференций «Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона», «Культура Оренбургского края: история и современность (Большаковские чтения)».

Таким образом, за последние годы интенсивность мероприятий постепенно нарастает, они становятся более представительными по составу участников и научному статусу.

3. Подготовка диссертаций и научных трудов монографического характера.

Накопление разнообразных фольклорно-этнографических источников учеными Башкирии в ходе активной экспедиционной работы в предыдущий период, появление значительного количества новых научных публикаций, освещающих те или иные стороны материальной и духовной культуры украинского населения Южного Приуралья, обусловили необходимость подготовки обобщающих работ, учитывающих весь имеющийся на тот момент исследовательский опыт.

Архивные, полевые, статистические материалы, обширная историография, собранные к середине 1980-х гг. в ходе подготовки диссертации, а также новые данные по результатам экспедиций в конце 1980-х – начале 1990-х гг. позволили В.Я. Бабенко в 1992 г. реализовать важную задачу по изданию книги «Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде»⁴. На региональном уровне до начала 1990-х гг. немногие народы Башкортостана являлись объектами специального изучения. Для России монография, посвященная комплекс-

¹ Помнят степи певца Украины: мат.-лы науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2000. 112 с.

² Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития: мат.-лы межрегион. науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2004. 152 с.

³ Кобзарь и Оренбуржье: мат.-лы обл. науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2006. 100 с.

⁴ Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа: [б.и.], 1992. 260 с.

ному историко-этнографическому описанию украинцев конкретного региона, стала первой. В одной из рецензий на книгу отмечалось, что «украинцам Башкортостана в диаспоре прежнего Советского Союза повезло больше всех, поскольку их историко-культурная судьба и современное этнонациональное присутствие в России стали предметом многолетней исследовательской работы»¹. В.Я. Бабенко удалось отойти от распространенной еще с дореволюционного периода точки зрения на украинцев «восточной диаспоры» как составную часть общерусского этноса, выходцев из южнорусских губерний.

Исследовательский приоритет В.Я. Бабенко заключался в том, что украинская этническая группа в Башкирии рассматривалась им не как изолированный, оторванный от социально-культурного контекста феномен, а как неотъемлемая часть местного полиэтничного окружения. Стабильно высокий исследовательский интерес к южноуральскому региону, в том числе, и свой собственный, ученый объясняет в значительной мере его естественными природно-географическими особенностями – расположением на границе Европы и Азии, повышенной интенсивностью этнокультурного контактирования. Говоря об актуальности проделанной работы, В.Я. Бабенко убежден, что на примере украинцев Башкирии имеются все возможности изучать закономерности изменений в различных сферах общественной жизни малых этнических групп в полиэтничном окружении².

В монографии, во-первых, подробно рассмотрены вопросы, связанные с этнодемографической характеристикой украинцев Башкирии – история и направления (с юга на север) переселения, изменение численности народа с XVIII в. по настоящее время, данные известных статистических источников были неоднократно перепроверены и уточнены с помощью авторских методик подсчета, которые показывали заниженную численность украинцев в регионе. В.Я. Бабенко определено три основных этапа переселения украинцев в Башкирию: 1) 1730-е – 1860-е гг.; 2) 1860-е гг. – 1916 г.; 3) миграции советского периода. Относительно территориального размещения выделено несколько ареалов, сложившихся еще в начале XX в.: южный, юго-западный, центральный, северо-восточный, юго-восточный³. Во-вторых, главное внимание уделено анализу традиционных форм и особенностей материальной культуры – хозяйства (земледелие, животноводство, промыслы и т.д.), поселений (усадеб, жилище, интерьер и т.д.), пищи (сырье, блюда, напитки, режим питания и т.д.), одежды и украшений. В-третьих, объектом рассмотрения стали особен-

¹ Клинченко Т. Дослідження з історії і культури українців Башкортостану // Україна – Башкортостан: зв'язь времен: сб. ст. Уфа: Полиграфкомбинат, 2001. С. 170.

² Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской ССР... С. 7.

³ Там же. С. 57.

ности семейно-брачных отношений – структура семьи, внутрисемейные отношения, семейные праздники и обряды, свадебная и похоронно-поминальная обрядность. Тщательное изучение этих вопросов позволило В.Я. Бабенко проследить сохранившиеся традиционные черты, определить причины их сохранения; с другой стороны, дало возможность выявить произошедшие под влиянием ряда внешних факторов глубинные изменения.

Главный вывод заключался в признании того, что на разных этапах истории украинцам Башкирии были присущи разнонаправленные этнические процессы: внутриэтническая консолидация → этническая этнокультурная трансформация, адаптация → этнокультурная интеграция, аккультурация → этноязыковая ассимиляция. В.Я. Бабенко обосновал содержание этих процессов и причины необратимого перехода на следующую стадию. Данная схема подтверждала разработанную автором в середине 1980-х гг. теорию «малых этнических групп». В целом, в этнокультурном развитии украинцев Башкирии отмечены следующие тенденции: а) сохранение некоторых национальных традиций, но выраженных менее интенсивно по сравнению с материнским этносом; б) усиление доминирующего начала русской культуры, а также влияния культуры других народов; в) большое воздействие норм общесоветской культуры¹. На широком эмпирическом материале выделены и обоснованы этапы эволюции в основных культурно-языковых характеристиках, определены степень и формы взаимодействия украинцев с другими народами региона.

Значительное место в книге уделено статистическим таблицам, рисункам, картам, которые показывают динамику численности и плотность украинского населения, основные ареалы расселения в сельской местности городов, списки старинных населенных пунктов и краткие сведения о них. Безусловную ценность изданию придали уникальные фотографии из экспедиционных поездок самого автора, а также из архива А.С. Бежковича по его поездкам 1929–1930 гг. Наличие письменных и визуальных материалов различных исторических периодов позволило провести сравнительный анализ произошедших за 50 лет изменений.

Таким образом, монография включала не только опыт теоретико-методологических разработок, но и системный этнографический, социографический, культурологический анализ конкретно-исторической информации. По мнению одного из рецензентов, книга В.Я. Бабенко «на все времена останется содержательным историческим документом про жизнь украинской восточной диаспоры»².

¹ Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской ССР... С. 246.

² Клименко Т. Дослідження з історії і культури українців Башкортостану... С. 173.

В 1996 г. в научно-образовательной сфере Башкортостана произошло исключительное событие – при содействии РНКЦ УБ «Кобзарь» в Уфе издана «История Украины»¹, рекомендованная Министерством образования Украины как учебное пособие для учащихся и студентов с русским языком обучения. Это был первый опыт издания подобного учебника в постперестроечный период за пределами Украины и на территории всего бывшего СССР. Авторами учебника выступил коллектив опытных преподавателей из Украины – доктор исторических наук, профессор Черкасского инженерно-технологического института Н.И. Бушин, кандидат исторических наук, доцент Черкасского государственного университета В.И. Коваль, кандидат исторических наук, доцент Киевского национального университета В.Ю. Крушинский, кандидат исторических наук Г.Д. Никредин (Черкассы), кандидат исторических наук, доцент Г.Т. Галиев (Уфа), аспирантка Н.А. Баранова (Уфа).

В учебнике, ориентированном преимущественно на иностранных студентов с русским языком обучения, рассматривалась история Украины с древнейших времен до начала 1990-х гг. Главным объектом внимания для авторов явился наиболее актуальный для того времени процесс становления украинской государственности, показанный в исторической ретроспективе. По замечанию рецензентов, новаторство учебника заключалось в том, что история Украины никогда ранее не анализировалась как история самоорганизованной системы, всегда исследовалась в контексте истории Российского государства, а затем СССР². Авторы ставили своей целью в сжатой форме «показать героическое прошлое народа в борьбе за национальную и государственную самостоятельность... расширить круг знаний об украинском народе и его государстве... удовлетворить возросший в связи с обретением независимости интерес к истории своей страны»³. Не обойдены стороной и спорные с точки зрения научных интерпретаций исторические сюжеты и события в истории Украины и украинского народа, но такой материал подавался достаточно взвешанно и корректно, без излишних эмоциональных и субъективных оценок.

Учебник имел солидную методическую основу – контрольные задания к каждой главе, тематические списки терминов с переводом на английский язык, карты, схемы, рисунки, иллюстрации, фотографии, хронологические таблицы, хрестоматию с текстами источников и историческими документами, фрагменты некоторых документов включены в текст отдельных глав. Авторы взяли за основу совершенно оправданный

¹ История Украины: Учебное пособие / Н.И. Бушин, В.И. Коваль, В.Ю. Крушинский и др. Уфа: Ай, 1996. 416 с.

² Бабенко В., Садиков Р. «История Украины» в Башкортостане // Украина – Башкортостан: связь времен: сб. ст. Уфа: Полиграфкомбинат, 2001. С. 167.

³ История Украины: Учебное пособие... С. 6.

при написании учебника истории, охватывавшего огромные хронологические периоды, принцип подробного комментирования иллюстраций¹. Это позволило насытить учебник дополнительной информацией, которую не всегда целесообразно включать в основной текст. Охват обширного объема исторической информации, «вкладывание» его в определенную логическую структуру, неизбежно привели к неоправданной фрагментарности некоторых разделов, недостатку проблемных вопросов, неясности принципа подбора источников и др.² Но в целом первое учебное пособие, изданное за пределами Украины, представляет вполне успешную попытку новых подходов к освещению истории страны. Через несколько лет в 2000 г. под руководством профессора Черкасского инженерно-технологического института Н.И. Бушина, поддерживавшего в 1990-е гг. активные связи с образовательными учреждениями Уфы и РНКЦУБ «Кобзарь», с опорой на источники и научную литературу Южного Приуралья Т.Д. Крамарчук³ была подготовлена новаторская для Украины того времени диссертация⁴.

Многолетняя исследовательская деятельность Ф.Г. Ахатовой во второй половине 1980-х – 1990-е гг. позволила к 1997 г. систематизировать и проанализировать собранный фольклорный материал в рамках диссертационной работы⁵. Актуальность исследования, выполненного в русле этномузыковедения, была несомненной, поскольку изучение песенного музыкального фольклора придавало изучению этнической культуры украинцев комплексный, заверченный характер. Автор особо подчеркивала, что именно музыка обладает фундаментальным свойством концентрировать в себе многовековые культурные традиции, стереотипы поведения, в ней отражено восприятие людьми картины мира во всем многообразии и т.п.⁶ Важнейшим методологическим принципом стало изучение особенностей и дальнейшей судьбы национальной песенной традиции через практику длительного и непрерывного контактирования, межкультурного взаимодействия украинцев с другими народами. Кроме изучения конкретных историко-этнографических сюжетов функционирования украинской диаспоры, региональной специфики песенного фольк-

¹ Бабенко В., Садилов Р. «История Украины» в Башкортостане... С. 167.

² Там же. С. 168–169.

³ Крамарчук Татьяна Дмитриевна – кандидат исторических наук (2000), доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Черкасского института пожарной безопасности, майор внутренней службы. Область научных интересов – политическая история Украины, положение национальных меньшинств, формирование диаспор.

⁴ Крамарчук Т.Д. Українська діаспора Республіки Башкортостан: історія формування та особливості існування в іншоетнічному середовищі: Дис... канд. іст. наук. Черкаси, 2000. 205 с.

⁵ Ахатова Ф.Г. Песенный фольклор украинцев Башкортостана (историко-этнографическое исследование): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1997. 22 с.

⁶ Там же. С. 3.

лора ставилась задача раскрытия особенностей эволюции украинской культуры в иноэтнической среде¹.

В 2000 г. материалы диссертационного исследования Ф.Г. Ахатовой были представлены в виде монографии², подготовленной на основе комплексного изучения исторических, демографических, этнографических, лингвистических и фольклорных данных. Песни украинцев Башкортостана анализировались, во-первых, в сравнении с музыкальными традициями материнского этноса, во-вторых, прослеживались взаимодействия с культурами других народов Южного Приуралья, выявлялся механизм влияния фольклора на этническую характеристику украинцев, их этническое самосознание. Ф.Г. Ахатова обращается к особенностям переселения украинцев в Башкортостан, прослеживая основные этапы и тенденции этнодемографических изменений в XIX–XX вв., а также к современному состоянию украинцев в республике, соглашаясь во многих выводах со сторонниками теории «малой этнической группы». Особое внимание Ф.Г. Ахатовой обращено на процесс возрождения национальной культуры в 1990-е гг., нашедший отражение, например, в создании национально-культурного общества, республиканского историко-культурного центра, системы национального украинского образования, самодеятельных творческих коллективов, учреждении традиций разнообразных массовых мероприятий и т.д.³

Особый историографический интерес представляет раздел монографии, посвященный опыту исследовательской работы и состоянию источниковой базы. Ф.Г. Ахатова выделяет пять этапов в изучении украинского фольклора в Башкирии: 1) первичное собирание песенного материала в XIX в. (А.А. Алябьев, Р.Г. Игнатьев, С.Г. Рыбаков и др.); 2) записи украинских народных песен в конце 1930-х гг. (Н.П. Колпакова); 3) экспедиционная работа и первые научные обобщения 1940-х гг. (М.М. Плисецкий, М.Я. Береговский, П.С. Лысенко, В.С. Ильин и др.); 4) изучение украинского фольклора в Башкирии в конце 1940-х гг. (Э.В. Померанцева); 5) изучение украинского фольклора в 1960–1990-е гг. (И.Е. Карпухин, Л.И. Брянцева, В.Я. Бабенко, Ф.Г. Ахатова и др.)⁴. Результатом последовательной работы представителей разных научных школ стала достаточно разнообразная и богатая источниковая база – не-

¹ Ахатова Ф.Г. Песенный фольклор украинцев Башкортостана... С. 8.

² Ахатова Ф.Г. Украинские песни в Башкортостане (историко-этнографическое исследование). Уфа: Гилем, 2000. 146 с.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 26–44.

сколько сотен образцов песенного творчества, многие из которых были опубликованы в специальных сборниках¹.

В книге в контексте изучения общих и особенных черт песенного фольклора украинцев с другими народами поднимается совершенно новая тема этнической музыкальной психологии. По наблюдениям Ф.Г. Ахатовой, устойчивую популярность украинским песням придает ощущение связи с исторической родиной, землей предков, восприятие их как источника народной мудрости, соответствующего разным эмоциональным состояниям². В качестве важной задачи, обозначенной в свое время еще Л.Г. Барагом, отмечена и необходимость выявления черт восточнославянской общности в песенных традициях украинцев. Разбирая ладовые, мелодические, ритмические, гармонические закономерности напевов песен, жанровое разнообразие, примеры соединения песенной традиции с обрядовой сферой, Ф.Г. Ахатова приходит к выводу о том, что, испытывая сильное влияние со стороны других культур, украинский фольклор сохраняет ярко выраженную самобытность, оригинальность и востребованность не только в своей этнической среде³.

Высокую научную ценность имеет выделение Ф.Г. Ахатовой пяти этапов в формировании специфической песенной культуры украинцев Башкортостана: обособленные ареалы – сближение музыкальных диалектов – взаимодействие восточнославянских традиций – взаимодействие с тюркскими и финно-угорскими традициями в регионе – возрождение некоторых фольклорных жанров в современных условиях⁴. В целом, с учетом поднятого круга проблем и новаторских подходов к их решению книга «Украинские песни в Башкортостане» явилась заметным научным фактом не только для региональной науки, но и одним из немногих исследований подобной направленности в России.

Тема взаимосвязи украинского и восточнославянского фольклора была продолжена Ф.Г. Ахатовой в рамках последующего монографического труда «Восточнославянские песни в Башкортостане»⁵ и соответствующей докторской диссертации⁶. Обосновывая актуальность исследования, автор отмечала, что с середины XIX в. славянское и тюркское население республики находилось в устойчивом демографическом равнове-

¹ См.: Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии. Киев: Музична Україна; Уфа: 1995. 240 с.; Завези од мене поклон в Україну... Фольклор українців Башкортостану. Уфа: [б.и.], 1999. 168 с.

² Ахатова Ф.Г. Украинские песни в Башкортостане... С. 44–45.

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же. С. 131.

⁵ Ахатова Ф.Г. Восточнославянские песни в Башкортостане: Фольклорные процессы в многоэтничном регионе. М.: Наука, 2006. 286 с.

⁶ Ахатова Ф.Г. Восточнославянские песни в Башкортостане: Фольклорные процессы в многоэтничном регионе: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2007. 384 с.

сии, при этом песенная культура русских, украинцев и белорусов изучена недостаточно. Специфика фольклорных традиций трех народов рассматривалась в сравнении с культурой других этносов республики и материнских этносов. Ф.Г. Ахатова обращается к различным уровням фольклорной культуры – творчеству отдельных исполнителей, коллективов, селений, районов, но главный интерес представляет сама традиция, запечатленная народным массовым творчеством¹. Системное изучение поэтики и фольклорных процессов восточнославянских народов позволили Ф.Г. Ахатовой сформулировать основную гипотезу о существовании в Башкортостане единой локальной фольклорной традиции, характеризующейся традиционными жанрами, образами, сюжетами, мотивами, разнообразием и богатством поэтики². Кроме того, исследование позволило подтвердить существование неразрывной взаимной связи между этническими и фольклорными процессами, определить региональные особенности последних. Структуру исследования составляло изучение жанров обрядового и необрядового фольклора, интерференция славянских и тюркских песенных традиций, особенностей бытования частушек. Ф.Г. Ахатова приходит к выводу о формировании в Башкортостане «общеславянского культурного суперстрата», для которого характерны, с одной стороны, консервация некоторых культурных черт песенной традиции в условиях дисперсного проживания, с другой стороны, постепенное «осовременивание» фольклора – вытеснение одних жанров (думы, солдатские, чумацкие песни) другими (частушки, городской фольклор). Внутри данного субстрата, а также со стороны соседних неславянских народов иноэтничное влияние нашло отражение в лексике, фонетике, сюжетах, манерах исполнения и др.³

Книга Ф.Г. Ахатовой – не первое обращение к теме восточнославянского фольклора в науке Башкортостана и Урало-Поволжья, но для региональных исследований безусловная новизна состояла в проведении глубокого сравнительного анализа различных традиций исполнения в пределах определенной территории, выявлении диалектического единства тенденций консервации и модернизации песенных традиций, определении этапов и содержания взаимодействия песенной культуры славянских народов с другими народами Башкортостана, проведении комплексного анализа трансформации жанров, поэтики, мелодики, приемов с привлечением потенциала смежных научных дисциплин⁴. Тем самым украинская песенная традиция с учетом ее национальных особенностей и ло-

¹ Ахатова Ф.Г. Восточнославянские песни в Башкортостане... М.: Наука, 2006. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 220–223.

⁴ Там же. С. 12.

кальных вариаций впервые была вписана в широкий региональный этнокультурный контекст.

К началу 2000-х гг. стало очевидно, что глубокая тема башкирско-украинского сотрудничества, представленная до тех пор рядом содержательных статей, достойна более глубокого, системного изучения и обобщения. В этом направлении на протяжении нескольких лет активно работала *Н.А. Баранова*¹, которая в 2003 г. подготовила диссертационное исследование по данным вопросам². В работе справедливо отмечалось, что в современных условиях, когда высок интерес к политическим проблемам в истории народов, все более актуальным становится обращение к процессам взаимодействия культур. Украинцы Башкортостана, очевидно, принадлежат к тем этносам, которые в силу исторически сложившегося высокого культурного уровня сыграли в судьбах республики особую, значительно большую роль, чем их удельный вес в общем составе населения. Особенно подчеркивалось наличие общих закономерностей культурно-исторического развития башкир и украинцев – длительная борьба за государственность, политическую самостоятельность, сохранение языка и традиций³. В целом диссертационное исследование на основе широкого круга источников и историографии открывало малоизвестные страницы экономического и гуманитарного взаимодействия Башкортостана и Украины в XX в. В 2010 г. диссертационное исследование было переработано в монографию, где украинская диаспора Башкортостана позиционировалась как «мост» в поэтапном строительстве взаимоотношений с Украиной методами «народной дипломатии»⁴. В хронологической последовательности рассматривался вклад украинцев Башкортостана в экономическое, культурное, научное, политическое развитие республики в советское время и на современном этапе. Монография снабжена значительным количеством статистической информации, оформленной в сводные таблицы и графики. Автор справедливо отмечает, что успешная практика многовекторного сотрудничества на уровне субъектов двух государств, а также опыт решения национально-культурных проблем украинцев в Республике Башкортостан имеет общероссийское значение, что неоднократно подчеркивалось представителями федеральных органов власти⁵.

¹ *Арсентьева (Баранова) Надежда Анатольевна* – кандидат исторических наук (2003), доцент кафедры права и обществознания Института исторического и правового образования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы.

² Баранова Н.А. Экономические и культурно-духовные связи Башкортостана и Украины (XX век): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2003. 26 с.

³ Там же. С. 23.

⁴ Арсентьева Н.А. Взаимоотношения Башкортостана и Украины: история и достижения. Уфа: [б.и.], 2010. С. 92.

⁵ Там же. С. 86.

Оценка этнонациональной ситуации в Башкортостане и положение украинцев в этнической структуре республики представлены в научных публикациях и диссертационном исследовании *А.Р. Хабибуллиной*¹. На основе анализа нормативно-правовой базы, опыта реализации государственной национальной политики, конкретных управленческих решений, условий социально-экономического развития села и современных потребностей населения предлагается развернутый анализ деятельности украинского Историко-культурного центра «Золотоношка» Стерлитамакского района РБ, созданного в 1999 г. ИКЦ рассматривается как новая форма этнического самоопределения, обращено внимание на комплексный характер проводимой работы – соединение просветительских, образовательных, исследовательских и культурно-массовых форм функционирования центра². Автор приходит к выводу, что разнообразная деятельность центра объединяет разные поколения местных жителей, способствует сохранению исторической памяти и, как следствие, формированию позитивной локальной этнической идентичности³. В с. Золотоношка в меньшей степени выражены ассимиляционные процессы, украинцы составляют здесь значительное большинство от общей численности жителей села. Полевые материалы А.Р. Хабибуллиной показывают рост национального самосознания на территории ИКЦ. Так, в 2002–2003 гг. украинскую этническую идентичность сохраняли 56% жителей села, в 2008–2009 гг. – 84%⁴, что является самым высоким показателем в Башкортостане. Кроме того, ИКЦ выполняет важную задачу поддержания интереса к этнической культуре в масштабе всей республики⁵.

¹ *Хабибуллина Айгуль Рафкатовна* – доктор исторических наук (2010), профессор, начальник отдела развития национальных культур и межрегионального сотрудничества Министерства культуры Республики Башкортостан, заведующая кафедрой регионоведения Башкирского государственного университета.

² Хабибуллина А.Р. Историко-культурные центры как форма оптимизации этнической идентичности и межэтнических коммуникаций в Республике Башкортостан: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ижевск, 2010. С. 30, 32.

³ Там же. С. 46.

⁴ Хабибуллина А.Р. Историко-культурные центры Башкортостана: форма оптимизации этнической идентичности и межэтнических коммуникаций в регионе. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 295 с.

⁵ См.: Хабибуллина А.Р. Удовлетворение национально-культурных потребностей украинцев Башкортостана // Ватандаш. 2002. № 8. С. 96–99; Она же. Роль историко-культурных центров в сохранении и развитии традиционной культуры славянских народов // Славянский мир Башкортостана: сб. ст. Уфа: ИЦ УФ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2005. С. 6–11; Она же. Славянские историко-культурные центры Башкортостана // Национальная политика и культура в современных условиях: мат.-лы регион. науч.-практ. конф. Ч. 1. Уфа: Гилем, 2006. С. 281–284; Она же. Историко-культурные центры Башкортостана. Уфа: Изд-во УФ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2009. С. 73–79.

Таким образом, книга В.Я. Бабенко, посвященная локальным особенностям формирования украинского населения в республике, его материальной культуре, семейным отношениям, и монографии Ф.Г. Ахатовой о фольклорных традициях украинцев и других восточнославянских народов, стали закономерным итогом системной исследовательской работы в данных направлениях в Башкортостане и первыми научными изданиями в России с подобными проблемно-тематическими и методологическими подходами, получившие широкую известность и высокие оценки научного сообщества.

В Оренбуржье, как отмечалось выше, цикл монографических шевченковедческих изданий принадлежал Л.Н. Большакову, тогда как более широкая украиноведческая тематика была репрезентована в виде отдельных статей или тематических сборников по материалам научных конференций, проходивших с определенной регулярностью. Накопленный в 1990–2000-е гг. значительный опыт со всей убедительностью обозначил актуальную в контексте системного изучения народов Оренбуржья задачу подготовки самостоятельного исследования по истории украинцев края. В рамках работы НИЦ истории народов Южного Урала ОГАУ такую инициативу взял на себя один из активных участников разнообразных проектов центра *А.Н. Молощенков*¹, подготовивший к 2010 г. специальное диссертационное исследование «Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития»². Автор рассматривал переселенческое движение украинцев как составную часть общеславянского колонизационного потока, имевшего сначала военный, а затем крестьянский характер.

Актуальность обращения к данной теме объяснялась необходимостью изучения современного положения этнической группы в регионе, этнического своеобразия и изменений в самосознании, происходивших под влиянием активных ассимиляционных и интеграционных процессов в условиях дисперсного расселения украинцев на Южном Урале с середины XVIII до начала XXI в.³ В основу исследования была положена широкая источниковая база, включавшая архивные документы Государственного архива РФ, Российского государственного архива экономики, Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива литературы и искусства, Государственного архива Оренбургской области, Объединенного государственного архива

¹ *Молощенков Антон Николаевич* – кандидат исторических наук (2010), старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы Оренбургского государственного аграрного университета.

² Молощенков А.Н. Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010. 26 с.

³ Там же. С. 3.

Челябинской области, Центра документации новейшей истории Оренбургской области, нормативные документы, обширную статистическую информацию хозяйственного и демографического содержания, материалы периодической печати дореволюционного, советского и современного периодов. В работе рассматривались основные тенденции и проблемы этнокультурного развития украинцев на Южном Урале в постсоветский период, вопросы национальной государственной политики в различные исторические периоды, деятельность региональных национально-культурных обществ и другие. Однако главное внимание было обращено именно на поэтапную историю поселения украинцев в Оренбургском крае, раскрытие исторических закономерностей и условий переселенческого процесса.

Многие сюжеты, обозначенные в формате диссертационного исследования, были рассмотрены и дополнены новыми данными в книге «Украинцы на Южном Урале»¹, в авторский коллектив которой вошел известный российский ученый, ведущий специалист по региональной этнокультурной проблематике В.В. Амелин. С одной стороны, книга решала ряд научных проблем, с другой стороны, выполняла важную просветительскую задачу популяризации знаний об истории и культуре украинского населения, доля которого в Оренбургской области была традиционно высокой.

Рассматривая переселенческое движение украинцев на Южный Урал в хронологической последовательности, авторы выделяют ряд особенностей учета вновь прибывавшего населения. Например, отмечается, что определить реальное количество переселенцев из Украины, закрепившихся на постоянное жительство в Оренбургской губернии в XVIII в., невозможно из-за отсутствия достоверной информации о численности населения в целом и неразделенности собирательного понятия «русские» в то время². Данные ревизий указывают на слабую самоидентификацию с этнонимом «малоросс», и для XVIII в. этот термин можно использовать только условно. В XIX в. ситуация изменилась – украинские ареалы расселения в южноуральском регионе приобрели более четкие границы, сформировались компактные группы поселений, более заметными стали этнокультурные особенности. Перепись 1897 г. дает более точные показатели, поскольку национальная принадлежность определялась по родному языку. Но и в этом случае цифра могла быть заниженной, поскольку ассимиляционные процессы уже оказывали существенное влияние, особенно в районах с многонациональным населением³.

¹ Амелин В.В., Молощенков А.Н. Украинцы на Южном Урале. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2012. 190 с.

² Там же. С. 39.

³ Там же. С. 67–68.

На рубеже XIX–XX вв. и в первые годы советской власти в переселенческом движении произошел существенный прорыв, что объясняется результатами аграрной реформы дореволюционного периода, а также бегством от голода значительных масс населения из Украины, обращено внимание и на вынужденный в некоторых случаях характер миграции¹. Миграционные процессы 1930–1980-х гг. анализируются авторами через призму планово-нормативной структуры советской экономики и управления государством. В качестве ключевых факторов, повлиявших на интенсивность внутренних миграций, рассматриваются события Великой Отечественной войны, освоения целинных земель, создание промышленной и оборонной инфраструктуры Южного Урала. Сделан вывод о том, что в советский период произошли значительные перемены в составе, образе жизни, самосознании украинцев региона, усиливаются ассимиляционные процессы². На основе привлеченных статистических источников и понимания закономерностей миграционного движения В.В. Амелин и А.Н. Молощенков выделяют и обосновывают пять этапов появления украинцев на Южном Урале: 1) 1730–1790-е гг.; 2) начало XIX в. – 1870-е гг.; 3) конец XIX в. – начало 1920-х гг.; 4) 1920–1980-е гг. (с внутренней периодизацией); 5) 1990-е гг. – начало XXI в.³

Обращает внимание обозначение в качестве самостоятельного раздела книги ряда вопросов о состоянии этнокультурного развития в постсоветский период. Хотя выполнен только предварительный, конспективный обзор этой проблематики – показаны генеральные демографические тенденции на современном этапе негативные для украинцев России и ее отдельных регионов, в том числе, Южного Урала, а также рассмотрены некоторые аспекты деятельности региональных украинских национально-культурных организаций⁴. Для дальнейшего изучения механизмов, результатов и последствий культурных трансформаций в данном направлении необходимы более серьезные этносоциологические исследования.

Таким образом, книга «Украинцы на Южном Урале» явилась важным историографическим событием региональной украинистики (*Фото 20*), поскольку впервые дала системное представление о картине переселенческого движения в сравнительном отношении между территориальными частями Южного Урала. Глубокому научному анализу подверглись вопросы, связанные с причинами миграций, характером расселения, социальным составом переселенцев, условиями адаптации, демографическими показателями и другие сюжеты. Монография В.В. Амелина и

¹ Амелин В.В., Молощенков А.Н. Украинцы на Южном Урале... С. 85–87.

² Там же. С. 115.

³ Там же. С. 164–165.

⁴ Там же. С. 139–163.

А.Н. Молощенкова содержит богатую историографию по теме исследования. Статистические материалы, оформленные в книге в таблицы и графики, дают наглядное представление о происходящих этнодемографических изменениях, приложение с фотографиями информирует читателей о разноплановой деятельности Оренбургского областного культурно-просветительского общества им. Т.Г. Шевченко по сохранению и развитию национальных традиций.

Фото 20. Презентация книги «Украинцы на Южном Урале», г. Оренбург, 31 марта 2012 г.

Появление в Оренбуржье диссертации, а затем и книги по украиноведческой проблематике стало закономерным результатом научно-исследовательской работы, проводившейся длительное время в этой части Южного Урала, что позволило собрать, обобщить и проанализировать обширную и разнообразную по своей структуре источниковую базу. С другой стороны, подведение предварительных итогов дает возможность обозначить на перспективу и новые актуальные задачи. Прежде всего, почти не изученными остаются особенности материальной и духовной культуры в их исторической динамике, отсутствуют развернутые этнографические описания, полевые исследования в Оренбургской области носят единичный и несистемный характер; во-вторых, в условиях стремительной ассимиляции важным объектом внимания могут стать этноязыковые процессы в украинской среде; в-третьих, нерешенной осталась задача по изучению этнического самосознания украинцев региона; в-четвертых, с учетом богатых традиций переселенчества, в целях сохранения исторической памяти целесообразным выглядит изучение истории отдельных населенных пунктов, основанных украинцами.

4. *Расширение тематических направлений в исследованиях.*

Отмеченные выше факторы – придание украиноведческим исследованиям организованного характера, проведение регулярных конференций, подготовка диссертаций и монографий привлекли к региональной украинистике повышенное внимание со стороны представителей разных гуманитарных наук, что в свою очередь способствовало появлению новых идей, постановке новых задач. Закономерно, что в 1990–2010-е гг. украинистика развивается как междисциплинарная область, которая поступательно расширяет свои исследовательские поля.

В украинистике Башкортостана на современном этапе можно выделить ряд наиболее разработанных сюжетов:

1. История переселенческого движения и украинских крестьян в Башкирии (М.И. Роднов, В.Я. Бабенко).

2. Песенный фольклор украинцев Башкортостана (Ф.Г. Ахатова, И.Е. Карпухин¹).

3. Башкирско-украинские связи в годы Великой Отечественной войны (Ю.В. Ергин, М.А. Ильгамов, М.А. Сайтова, Р.Г. Мухаметдинов, А.У. Киньябулатов, Р.Н. Порман, Л.В. Голубев, В.В. Симонов, М.А. Бикмеев и др.).

4. Современные этнодемографические и этносоциальные процессы в среде украинского населения Башкортостана и Приуралья (В.Я. Бабенко², А.Н. Аринин, И.В. Голубченко, Д.А. Черниенко).

5. Башкирско-украинские культурные и гуманитарные связи в послевоенный период и на современном этапе (Н.А. Баранова, Р.Г. Латыпова, В.М. Сорокина, Г.Р. Хусаинова, Ю.В. Калашников, А.В. Шарипова, С.Г. Сафуанов и др.).

6. Национально-культурное движение в Республике Башкортостан (В.Б. Дорошенко, В.Я. Бабенко).

7. Развитие украинского национального образования в республике Башкортостан (Ю.В. Сиренко, В.Я. Бабенко, В.Г. Вахитова и др.).

¹ Карпухин И.Е. Свадьба русских Башкортостана в межэтнических взаимодействиях. Стерлитамак: СГПИ, 1997. 239 с.; Он же. Фольклорно-этнографические взаимовлияния свадеб русских и украинцев Башкортостана // Украина – Башкортостан: связь времен: сб. ст. Уфа: Полиграфкомбинат, 2001. С. 92–110.

² Бабенко В.Я. Календарные праздники и обряды украинцев Башкортостана: традиции и современность // VI Кирилло-Мефодиевские чтения: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Уфа: ИЦ УФ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2012. С. 7–13; Он же. Українці Башкирії: тенденції та перспективи етнокультурного та етномовного розвитку // Українська східна діаспора в контексті сучасних культурно-історических і громадсько-політичних процесів в постсоветських державах: сб. мат-лов I міжнарод. Шевченковських читань. Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2012. С. 253–259; Он же. Традиційні форми господарства та побуту українців Башкирії // Традиційна культура діаспори: мат-ли міжнарод. наук. конф. «Одеські етнографічні читання». Одеса: Вид-во КП ОМД, 2012. С. 15–26.

8. Современные культурные тенденции украинцев Башкортостана (А.Р. Хабибуллина, И.Б. Черниенко, Т.П. Балдова, А.В. Колбина, З.Н. Кашапов, М.А. Пилипак¹ и др.).

9. История украиноведческих исследований (В.Я. Бабенко, Ф.Г. Ахатова, Д.А. Черниенко²).

10. История украинских сел Башкортостана (А.И. Юнак, А.З. Асфандияров³).

В Оренбуржье развитие украинистики проходит по следующим тематическим направлениям:

1. Украинцы Оренбургского края в истории и современных принципах национальной политики (К.А. Моргунов, Н.В. Федосова).

2. Украинские крестьяне на оренбургской земле (Д.А. Сафонов, Г.К. Стяжкова, Л.А. Зубарева, И.В. Люкшина).

3. История, культура и международные отношения Украины (С.А. Ханаш, И.М. Габдулгафарова, О.М. Косянова, Г.П. Матвиевская, А.П. Прусс, В.Ю. Белецкий, Ф.А. Ветлугина, Д.С. Григорьев, Н.А. Смирнова, М.В. Морозов, Т.П. Лукьянова).

4. Украинский язык как форма культуры (Л.С. Панина, Л.М. Устюгова).

¹ Пилипак М.А. Свадебный обряд украинских переселенцев в Башкирии (историографический аспект) // Башкортостан – Украина: наука, образование, культура в годы Великой Отечественной войны: мат-лы междунар. науч. конф. Уфа: Изд-во УФ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2011. С. 115–121; Он же. Проблемы сохранения традиционных обычаев и обрядов украинцев Башкортостана (на примере свадебной обрядности) // Украинская восточная диаспора в контексте современных культурно-исторических и общественно-политических процессов в постсоветских государствах: сб. мат-лов I междунар. Шевченковских чтений. Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2012. С. 310–314; Он же. Весільна обрядовість українців Башкортостану // Традиційна культура діаспори: мат-ли міжнар. наук. конф. «Одеські етнографічні читання». Одеса: Вид-во КП ОМД, 2012. С. 324–333.

² Чернієнко Д. Розвиток українознавства в Башкортостані: досвід та сучасний стан // Українознавство. 2010. Вип. 4. С. 68–72; Черниенко Д.А. Украинистика в Башкортостане: опыт – проблемы – перспективы // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Киев; М.; Уфа: Изд-во УФ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2010. С. 50–58; Он же. Украиноведческие исследования в России: опыт регионального взаимодействия // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия: мат-лы междунар. науч. конф. Вып. 5. Краснодар: Изд-во ЭДВИ, 2011. С. 333–343; Бабенко В.Я., Черниенко Д.А. Украина и украинцы в научно-образовательных традициях Башкортостана // Башкортостан – Украина: наука, образование, культура в годы Великой Отечественной войны: мат-лы междунар. науч. конф. Уфа: ИЦ УФ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2011. С. 41–53; Он же. Научное изучение украинского населения в России: опыт, состояние, перспективы // Украинская восточная диаспора в контексте современных культурно-исторических и общественно-политических процессов в постсоветских государствах: сб. мат-лов I междунар. Шевченковских чтений. Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2012. С. 325–330.

³ Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 1–7. Уфа: Китап, 1997; Он же. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.

5. Украинцы Оренбуржья в годы Великой Отечественной войны (А.В. Федорова¹, О.Ю. Устинова, Г.И. Хвостова, В.Н. Маин, Р.Р. Хисамудинова, О.А. Дорошева, Е.В. Нижник).

6. Украинско – российско – оренбургские связи в различных сферах (С.Г. Горшенин, Ю.В. Струц, Н.В. Березовская, С.В. Кузнецова, Т.С. Панина, С.В. Семенов, И.В. Люкшина).

7. История населенных пунктов и районов Оренбуржья с украинским населением (А.В. Федорова, Т.С. Панина, А.Г. Прокофьева, Н.К. Коцарев, Т.В. Судоргина, А. Гордиенко, В. Матвеев, О.В. Гуковская, А.Н. Потапова, Т.С. Космачева).

8. Знаменитые украинцы Оренбуржья (А.Н. Дубинин, Л.И. Футорянский, Е. Вертоусова, Н.И. Волобуева, Ю.С. Зобов, Т.В. Судоргина, Г.И. Хвостова, И.В. Люкшина).

9. История переселенцев, механизмы социокультурной адаптации (А.Н. Молощенков, А.В. Федорова, Ю.С. Зобов², К.А. Моргунов, И.Е. Дубский, М.Н. Ефименко, Н.П. Науменко³, Л.И. Футорянский, В.В. Дворноступ, Т.С. Панина, А.Н. Поляков, Т.Л. Акулова, А.Н. Лихтин).

10. Оренбургская украиника – состояние архивных, музейных источников (Т.А. Камскова, Т.С. Панина, Т.Г. Лукьянова, Г.К. Стяжкова, Е.Н. Попова, Е.И. Колесник, Т.В. Судоргина, Р.П. Чубарева).

11. Этнографические особенности украинцев Оренбургской области (Т.Ю. Скопинцева⁴, Э.М. Виноградова, В.К. Пласкось, Ф.М. Надршин).

12. Т.Г. Шевченко в Оренбургском крае (Л.Н. Большаков, В.В. Дорофеев, И.М. Габдулгафарова, Т.А. Камскова, А.Л. Ильясов, С.А. Ханаш, В.К. Пласкось, Т.Г. Черкас, Е.А. Расулова, Т.В. Стрельцова, Р.Б. Кинтаева, Е.Н. Попова, Н.В. Воловик и др.).

¹ Федорова А.В. Украинцы в контексте Оренбургской истории // Украинцы в Оренбургском крае: мат-лы науч.-практ. конф. Оренбург: ПД «ДИМУР», 1997. С. 32–38; Она же. Украинские театры на Южном Урале // Помнят степи певца Украины: мат-лы науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2000. С. 57–60; Она же. Эвакуация на Южный Урал // Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития: мат-лы межрег. науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2004. С. 45–48; Народы Южного Урала: Этнический взгляд на историю / авт.-сост. А.В. Федорова и др. Оренбург: Пресса, 2001. 196 с. и др.

² Зобов Ю.С. Крестьянская колонизация: Заселение Оренбургского края в XVIII – начале XX в. // Гостинный Двор. 1995. № 3. С. 224–233; Он же. Переселение украинцев в Оренбургский край в XVIII – XIX веках // Украинцы в Оренбургском крае: мат-лы науч.-практ. конф. Оренбург: ПД «ДИМУР», 1997. С. 11–16.

³ Науменко Н.П. Украинцы Оренбуржья: прошлое и настоящее // Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития: мат-лы межрег. науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2004. С. 23–31.

⁴ История заселения, быт, обычаи и обряды украинских переселенцев на Оренбургской земле / сост. Т.Ю. Скопинцева. Оренбург: ИЧП Агентство «Пресса», 1997. 54 с.

13. Украинская культура в Оренбуржье (А.В. Федорова, Г.И. Хвостова, М.Н. Ефименко, Н.В. Иванова, Д.А. Астафьев, В.С. Семенова и др.).

Таким образом, анализ содержания украиноведческих исследований показывает, что наиболее интенсивно работа ведется по таким общим направлениям как история переселенческого движения и основание сел, связи с Украиной в годы войны, социально-экономическое сотрудничество в новейшее время, современные формы украинской культуры в Южном Приуралье. Башкортостанская украинистика сохраняет приоритет в таких вопросах как фольклорно-этнографические исследования, развитие образования, история украинистики в регионе и России. Оренбургские ученые больше внимания сосредотачивают на изучении состояния источников, теории и практики национальной политики, истории Украины, языковых особенностях украинцев, шевченковедении. Но в своей совокупности и системе южноуральская украинистика в той или иной мере охватывает почти все разнообразие актуальной научной проблематики.

5. Нарастание интенсивности научных и творческих связей с научно-образовательными центрами Украины.

В проведении разноплановых и плодотворных исследований большое содействие оказывают ведущие научно-образовательные центры Украины, которые, с одной стороны, помогают в укреплении интеллектуальных и материальных ресурсов регионального центра украинистики в Южном Приуралье, с другой стороны, искренне заинтересованы в распространении научной информации об истории и культуре российских украинцев в самой Украине. На протяжении 1990–2010-х гг. Уфимским филиалом МГУ им. М.А. Шолохова нарабатывалась система, которая представлена рядом договоров о сотрудничестве с образовательными учреждениями Киева, Львова, Полтавы, Тернополя, Нежина.

Установление системных научных контактов украинистов Башкирии и Украины относится к середине 1980-х гг. Впервые украинские исследователи Л.Ф. Артюх, Т.В. Космина, М.Р. Селивачов, представлявшие Институт искусствоведения, фольклористики и этнографии им. М. Рильского АН УССР (ИИФЭ, г. Киев), посетили Уфу в рамках проведения V Всесоюзной конференции по проблемам атласной картографии в 1985 г. С этого момента началось активное и плодотворное сотрудничество с ИИФЭ. Возможно, определяющим моментом явился тот факт, что история Института была самым тесным образом связана с Башкирией и Уфой в период эвакуации 1941–1943 гг. С формированием в Уфе украиноведческого центра можно говорить о возрождении этих связей спустя определенное время. В 1980–1990-е гг. сотрудничество выражалось в публикации серии статей В.Я. Бабенко в журнале «Народна творчість і етнографія», работе В.Я. Бабенко и Ф.Г. Ахатовой в архиве рукописей и фонозаписей Инсти-

туда для подготовки монографий, участия в конференциях, консультациях с киевскими коллегами. Важными научными результатами совместной работы стали издания «Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии» (1995), «Завези од мене поклон в Україну...» (1999), «Українці в Башкирії» (2011).

Фото 21. Круглый стол в Институте искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Рильского НАН Украины, г. Киев, август 2011 г.

Интенсивное сотрудничество с ИИФЭ было необходимо для южно-уральской региональной украинистики, поскольку Институт со времен М.Т. Рильского, являвшегося директором с 1942 по 1964 гг., стал признанным мировым центром в различных областях научного знания, культуры и искусства, обладает богатой библиотекой и уникальным рукописным фондом с более чем 20 тыс. единиц хранения. Среди приоритетных научных тем Института – изучение этнической истории и культуры украинского народа, народного творчества украинцев, в том числе, за пределами Украины, этнокультура зарубежных стран. Высокое научное значение, в том числе, для украинистики Южного Приуралья имеют научные издания Института – специализированные серии «История украинского искусства», «Украинская музыкальная энциклопедия», «История декоративного искусства Украины» и др. Большое внимание традиционно уделяется экспедиционному изучению украинского населения в разных культурно-языковых ареалах. В 1990–2000-е гг. ученые из Киева во время своих ви-

зитов в Башкортостан неоднократно принимали участие в фольклорно-этнографических экспедициях по украинским селам республики.

С 2000 г. Институт возглавляет известный этнолог, академик НАН Украины, доктор исторических наук, профессор А.А. Скрипник, ведущая исследования в области историографии украинской этнографии, современных этнических процессов, этнографии музеев. Одновременно А.А. Скрипник возглавляет один из отделов Института, основанный в конце 1990-х гг. – «Украинский этнологический центр». Именно с сотрудниками этого центра (В.И. Наулко, В.Б. Евтух, Т.В. Космина, Г.Б. Бондаренко, Л.Ф. Артюх и др.) у украинистов Башкортостана сложились и развиваются наиболее интенсивные профессиональные связи (*Фото 21*). Кроме того, на базе Института действует «Международная ассоциация украинистов», которую с 2008 г. возглавляет восьмой Президент – академик А.А. Скрипник. Коллективным членом МАУ в настоящее время является и российское «Научное общество украинистов им. Т.Г. Шевченко».

Другим важным партнером является Национальный научно-исследовательский институт украиноведения и всеобщей истории (ННИИУВИ, г. Киев), отметившим в январе 2012 г. свое 20-летие. В 1992–2000 гг. Институт украиноведения был создан и развивался на базе филологического факультета Киевского государственного (позднее – национального) университета им. Т.Г. Шевченко под руководством доктора филологических наук, профессора, академика П.П. Кононенко, который остается бессменным директором Института по настоящее время. В 1990-е гг. Институт стал первым в Украине специализированным учебно-научным украиноведческим центром. С 2000 г. Институт становится отдельным структурным подразделением Министерства образования и науки Украины, а в 2004 г. получил статус Национального.

Основными направлениями деятельности Института являются разработка научной концепции украиноведения, внедрение ее результатов в образовательную практику, проведение дистанционного обучения и международных конкурсов для различных категорий учащихся, а также координация украиноведческих студий в более чем 30 странах проживания украинцев – Австралии, Германии, Канады, Польши, США, Франции, Японии и других. Результатом длительного и активного сотрудничества стали 15 международных конгрессов, более 200 книг, несколько десятков конференций, семинаров и круглых столов (*Фото 22*), более 20 выпусков серии «Сборник научных трудов ННИИУВИ». С 2001 г. Институт издает научный журнал «Украиноведение», на страницах которого рассматриваются наиболее значимые вопросы теории и практики современного украиноведения.

Фото 22. Круглый стол в Национальном научно-исследовательском институте украиноведения и всеобщей истории, г. Киев, 23 августа 2011 г.

В России надежным партнером Института является, например, Библиотека Российской Академии наук в Санкт-Петербурге. С 2010 г. действует соглашение о научном и творческом сотрудничестве между ННИИУВИ и Научным обществом украинистов им. Т.Г. Шевченко. На протяжении 2010–2012 гг. на базе Института было проведено несколько научных мероприятий – круглых столов и творческих встреч. В том числе, в феврале – июле 2012 г. совместными усилиями впервые в России был проведен Республиканский конкурс научно-исследовательских работ для учащихся общеобразовательных и воскресных школ по теме «История и культура украинцев Башкортостана». В рамках действующего соглашения в настоящее время достигнуты договоренности о создании совместных рабочих групп по таким направлениям как научно-методическое обеспечение национального украинского образования в России, изучение истории украинистики в России, организация экспедиционного украиноведения, создание электронных баз данных, подготовка коллективной монографии «Украинцы в России», интенсивно происходит и обмен научной литературой.

В 1992 г. во Львове по инициативе известной украинской писательницы и общественного деятеля И. Калинец был создан Международный центр образования, науки и культуры, в 1999 г. преобразованный в Международный институт образования, культуры и связей с диаспорой Национального университета «Львовская политехника» (МИОК). Целью Института является, в том числе, расширение деятельности в сфере со-

трудничества с высшими учебными заведениями мира, ведущими украиноведческую работу в различных формах. Львовский МИОК наряду с киевским ННИИУВИ были одними из первых институтов в Украине, непосредственно ориентированных на укрепление взаимодействия с мировыми центрами украинистики. Ключевым принципом в деятельности Института является признание научных достижений зарубежных исследователей составной частью интеллектуального капитала Украины, поэтому всесторонняя поддержка различных научно-просветительских проектов рассматривается как стратегическое направление политики Украинского государства.

Фото 23. Презентация Научного общества украинистов им. Т.Г. Шевченко в МИОК, г. Львов, декабрь 2011 г.

Сотрудничество МИОК с Уфимским филиалом МГГУ им. М.А. Шолохова и другими образовательными учреждениями Башкортостана развивается по нескольким направлениям:

1. Участие украинистов Башкортостана в традиционных международных конгрессах «Дiaspora как фактор утверждения государства Украина в международном сообществе» (2006, 2008, 2010 гг.).

2. Научно-методическое сопровождение образовательных учреждений, преподающих предметы украиноведческого цикла в рамках проекта «Украинскому образованию в России». В Республике Башкортостан поддержку МИОК в виде участия в обучающих семинарах, обеспечения учебной литературой, рабочими программами, рекомендациями имеют все школы с украинским компонентом.

3. Взаимные публикации научных трудов в тематических сборниках, материалах конференций, специальных изданиях.

4. Презентации и творческие встречи на базе МИОК научных проектов российских исследователей (*Фото 23*).

В 1999 г. в структуре Нежинского государственного университета им. Н.В. Гоголя Постановлением Кабинета министров Украины создан Центр гуманитарного сотрудничества с украинской диаспорой. Деятельность Центра направлена на обеспечение научно-образовательных потребностей представителей диаспоры, культурный обмен, развитие краеведческой работы и др. Центр организует и проводит конференции, презентации, выставки, конкурсы, имеет возможность публиковать научные труды в своих изданиях – журнале «Наш український дім», сборнике «Український вимір»¹. Один из долгосрочных проектов Центра «Откроем для Украины украинскую диаспору» направлен на популяризацию в Украине разнообразных творческих достижений украинцев зарубежья, в том числе, в научной сфере. Сотрудники центра неоднократно принимали участие в различных научных и культурно-просветительских мероприятиях в Уфе (например, в рамках международного семинара по совершенствованию преподавания предметов украиноведческого цикла 2002 г.), а также организовывали встречи делегаций из Башкортостана в Нежине.

В последние годы уфимские украинисты установили перспективные и взаимовыгодные контакты с новыми партнерами в Украине. Например, с Полтавским национальным педагогическим университетом им. В.Г. Короленко разрабатывается совместный экспедиционно-издательский проект «Полтавские переселенцы в Башкирии», аналогичный проект «Подольские переселенцы в Башкирии» планируется реализовать с Винницким государственным педагогическим университетом им. М. Коцюбинского.

Позитивным фактом башкирско-украинского сотрудничества в последнее время является то, что удалось придать новый импульс межкадетемическому диалогу. В рамках Международной научной конференции «Башкортостан – Украина: наука, образование и культура в годы Великой Отечественной войны» (к 70-летию эвакуации Академии наук УССР в Башкирию в 1941–1943 гг.) в сентябре 2011 г. прошла рабочая встреча делегации НАН Украины и Академии наук РБ (*Фото 24*). 27–28 марта 2012 г. по приглашению Президента НАН Украины академика Б.Е. Патона в Киеве с официальным визитом находилась башкирская делегация во главе с Президентом АН РБ Р.Н. Бахтизиным.

¹ См., напр.: Бабенко В., Сіренко Ю. З історії української освіти в Башкортостані // Український вимір. Вип. 3. Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2010. С. 54–58.

Фото 24. Встреча делегации НАН Украины с Президиумом Академии наук Республики Башкортостан, г. Уфа, сентябрь 2011 г.

Главным результатом переговоров стало подписание Договора о сотрудничестве в области науки между АН РБ и НАН Украины. В том числе, достигнутые договоренности предполагают создание в структуре обеих Академий на паритетных началах сектора башкирско-украинских исследований, который проводил бы научную работу по широкому спектру гуманитарной проблематики, в том числе, по изучению истории и культуры украинцев южноуральского региона.

Одним из конкретных результатов активизации научного сотрудничества по итогам международной конференции «Башкортостан – Украина: наука, образование и культура в годы Великой Отечественной войны» (сентябрь 2011 г.) стала реализация уникального научного проекта Научно-методического центра по изучению славянских языков и культур Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова и Института украинского языка НАН Украины. Проект был инициирован доктором филологических наук, директором Института украинского языка НАН Украины П.Ю. Гриценко, который после посещения в сентябре 2011 г. в Башкортостане старинного села Троицкое поднял вопрос о необходимости системной работы по диалектологическому изучению местного украинского населения. 20–26 октября 2012 г. в Башкортостане состоялась совместная комплексная историко-диалектологическая экспедиция по изучению украинского языка в с. Золотоношка Стерлитамакского района (переселенцы 1900 г. из Полтавщины, сейчас – г. Золотоноша Черкасской области) и с. Степановка Аургазинского района (переселенцы 1888 г. из соответ-

вующего села на Сумщине). В этих селах украинское население до сих пор составляет значительное большинство, в повседневной жизни звучит родной язык предков, сохраняются уникальные предметы материальной культуры.

В состав экспедиции вошли пять человек: научные сотрудники из Уфы – филолог, канд. пед. наук Ю.В. Сиренко, историк, канд. ист. наук Д.А. Черниенко, этнограф, канд. ист. наук М.А. Пилипак, а также языковеды-диалектологи из Киева – канд. филол. наук Г.С. Кобырынка, канд. филол. наук М.Н. Ткачук. Главной задачей экспедиции было изучение состояния языка среди украинского населения сел, основанных крестьянами-переселенцами на рубеже XIX–XX вв. Участников экспедиции интересовало, во-первых, как изменяется язык под воздействием иноэтничного окружения, культурных традиций и языковых практик соседних народов. Во-вторых, как отличается язык предков украинских переселенцев в Башкирии от языка, который распространен на их родине – Черкашине и Сумщине. В-третьих, интерес представляет сравнение языка украинцев разных районов Башкирии. В-четвертых, необходимо сравнить современные материалы с теми, которые были получены украинскими учеными в 1940-е гг. Внимание исследователей было сосредоточено также на особенностях традиционного и современного быта, этнографических чертах жизни потомков первых поселенцев.

Важно заметить, что в советское время совместная экспедиционная работа проходила относительно регулярно в некоторых регионах на украинско-российском пограничье, но за время новейшей истории независимой Украины – это первый экспедиционный выезд ученых-языковедов НАН Украины в Россию. Украинские ученые на практике показали уфимским коллегам некоторые особенности полевой работы, передали свой опыт. Собранные материалы войдут в будущие книги, посвященные юбилейным датам старинных украинских сел – в 2013 г. с. Степановка отмечает свое 125-летие, с. Золотоношка – 110-летие со времени основания сельской школы. Данный проект предполагается сделать регулярным и в последующие годы охватить другие районы Башкортостана, а также Оренбургской области.

Интересное сотрудничество с Украиной наблюдается в последние годы не только в научной, но и в педагогической области. Например, осенью 2006 г. на базе Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова проходил авторский научно-методический семинар «Педагогика сотрудничества: вчера, сегодня, завтра» народного учителя СССР, заслуженного учителя Украины, педагога-новатора В.Ф. Шаталова. Весной 2007 г. при содействии Всеукраинской ассоциации им. В.А. Сухомлинского для педагогов Башкортостана был проведен научно-методический семинар

«Теория и практика В.А. Сухомлинского – духовно-нравственные ориентиры современного образования», в котором приняла участие дочь ученого – доктор педагогических наук, профессор, академик–секретарь отделения теории и истории педагогики АПН Украины О.В. Сухомлинская.

Таким образом, интенсивное сотрудничество российских и украинских коллег по различным направлениям и разделам украинистики является важным фактором системной и непрерывной исследовательской деятельности, приводит к взаимному обогащению научных школ, объединению научного потенциала, поиску новых сюжетов и форм работы.

6. *Презентация и популяризация культурно-исторического наследия украинского народа в широком этноконфессиональном пространстве Южного Приуралья.*

В условиях активизации национально-культурного движения в постсоветский период, более внимательного отношения к национальной политике со стороны органов власти различных уровней, повышения познавательного интереса к этническим сюжетам в общественном сознании важной задачей научного сообщества становится не только получение нового знания, но и его распространение в доступных формах среди различных слоев населения.

Важное значение для популяризации научной информации об украинцах региона имеют издания сводного, обобщающего характера по этнической истории и культуре народов Южного Приуралья. В Башкортостане первая подобная работа – «Народы Башкортостана» – появилась в 2002 г. Идея такой книги возникла у академика Р.Г. Кузеева на рубеже 1980–1990-х гг., тогда же был сформирован основной творческий коллектив, редколлегия, начался сбор информации и материалов. Актуальность книги обуславливалась тем, что история народов Волго-Уральского региона, проживающих в республике, до начала 1980-х гг. изучалась весьма неравномерно и эпизодически. Интересная и зачастую уникальная информация находилась в архивах разных городов, в старинных сочинениях, ставших библиографической редкостью, краеведческих трудах. Для того, чтобы представить себе насыщенную этнокультурную жизнь республики с древности до современности, требовалась систематизация имевшегося опыта, результатов проведенных исследований, а также новейшие данные, полученные, главным образом, в ходе полевой экспедиционной работы. Рукопись была готова в 1995 г., но в силу определенных причин издана лишь по прошествии продолжительного времени.

Книга «Народы Башкортостана», посвященная 12 крупнейшим этносам, оптимальным образом соединяла строгий научный подход в отборе и подаче материалов с доступностью восприятия информации, поскольку по замыслу авторов была ориентирована не только на ученых,

специалистов, но и на самые широкие круги читателей и выполняла просветительскую функцию научно-справочного пособия об этногенезе, быте, обычаях, восполняя тем самым очевидный пробел в этнографическом образовании. Раздел об украинцах был подготовлен В.Я. Бабенко, который выступил также и в качестве члена редколлегии, отвечая за подготовку тематического блока о славянских народах.

Раздел «Украинцы» дает представления об основных этнографических характеристиках – истории формирования, численности и направлениях расселения украинцев на территории Башкирии, языке, религии, хозяйственных занятиях, поселениях, жилище, пище, одежде, семейных отношениях, свадебной и похоронно-поминальной обрядности, а также современном национально-культурном движении¹. Источниками для подготовки очерка стали личные наблюдения автора в ходе многолетней экспедиционной работы, статистические данные, информация из предшествующих научных публикаций. Текст сопровождается богатым иллюстративным материалом – картами, старинными и современными фотографиями, рисунками, схемами. Проведя анализ динамики этнических процессов, изменения материальной культуры, В.Я. Бабенко делает осторожный вывод о том, что, ассимиляцию и денационализацию, возможно, удастся приостановить, несмотря на значительные трудности².

В 2007 г. информация о народах Башкортостана вошла в состав нового масштабного издания – «Историко-культурного энциклопедического атласа Республики Башкортостан»³. Выход атласа был приурочен к 450-летию вхождения Башкортостана в состав Русского государства. Это историческое событие рассматривалось авторами-составителями как важный стимул для всестороннего развития южноуральского региона, возможности привлечения на новые земли крестьян-поселенцев из других губерний России. Атлас включал сведения, в том числе, о национальных и конфессиональных традициях, состоянии языков и культур в республике в начале XXI в. В отношении украинцев отмечалось, что для них почти 300 лет назад башкирские земли стали «второй родиной», и сегодня они проживают во всех городах и районах республики, современные этноязыковые процессы отражают доминирующую черту – сближение с русским и другими народами.

Материал, представленный в атласе, во многом соответствует изданию «Народы Башкортостана», но с учетом статистических данных переписи населения 2002 г. Несколько изменен также иллюстративный ряд,

¹ Бабенко В.Я. Украинцы // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа: Гилем, 2002. С. 261–294.

² Там же. С. 293.

³ Бабенко В.Я., Бабенко С.В. Украинцы // Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2007. С. 444–447.

отсутствует «историческая» часть, расширен блок по современной национальной жизни. В целом, атлас в компактном виде отражает новейшие тенденции культурной и общественно-политической жизни украинцев республики. Краткая информация об истории и особенностях культуры украинцев Башкортостана содержится и в региональных энциклопедических изданиях¹.

В Оренбургской области первый опыт историко-статистического обзора, характеризующего состояние украинского населения, появился в 1993 г. в информационно-справочном сборнике «Многонациональное Оренбуржье». В кратком очерке приведены сведения о появлении украинцев в крае, перечислены основные факты и события, связанные с украинцами, названы знаменитые люди, дана сравнительная численность населения по материалам переписей, показан характер расселения по районам и т.д.²

В 1999 г. был подготовлен новый научно-популярный сборник статей и статистических материалов «Этнокультурная мозаика Оренбуржья», выдержавший два издания³. Автором очерков про украинцев стал известный историк и краевед *Ю.С. Зобов*⁴. Опираясь на архивные источники, труды К.Е. Сувчинского, Д.Н. Соколова, С.А. Попова и других оренбургских историков разных периодов, автор показал длительный и сложный исторический процесс формирования украинского населения на территории края, что в контексте мощного переселенческого движения явилось важнейшим фактором социально-экономического освоения слабозаселенных окраин⁵. В очерке приведены основные исторические факты, характеризующие поэтапный процесс переселения, основания наиболее известных населенных пунктов, особенности обустройства на новых местах. Обращено внимание на вклад в развитие научного потенциала региона наиболее известных представителей украинского народа, писателей, ученых – Т.Г. Шевченко, И.И. Евфимовского-Мировицкого, Н.Е. Макаренко,

¹ См.: Бабенко В.Я. Украинцы // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа: НИ «Башкирская энциклопедия», 1996. С. 583–584.

² Дубинин А.Н., Федорова А.В. Украинцы // Многонациональное Оренбуржье. Оренбург: Южный Урал, 1993. С. 19–22.

³ Первое издание: Зобов Ю.С. Украинцы // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. Оренбург: ДИМУР, 1999. С. 57–66; второе издание: Зобов Ю.С. Украинцы // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. Оренбург: [б.и.], 2003. С. 55–64.

⁴ *Зобов Юрий Спиридонович (1934–2004)* – историк, краевед, педагог, кандидат исторических наук, профессор. В 1958 г. окончил Саратовский университет. Работал учителем истории в средней школе, с 1967 г. – в Оренбургском государственном педагогическом университете (ассистент, ст. преподаватель, доцент, декан исторического факультета). Заместитель председателя союза краеведческого общества Оренбургской области, член РГО, Заслуженный работник высшей школы РФ (1997). Автор более 200 научных работ.

⁵ Зобов Ю.С. Украинцы // Этнокультурная мозаика Оренбуржья... Оренбург: [б.и.], 2003. С. 55.

В.Я. Струминского, И.А. Зарецкого, П.Е. Матвиевского. Упомянуты имена рожденных в Оренбуржье украинцев – героев Великой Отечественной войны и трудового фронта. По своему замыслу и содержанию очерк Ю.С. Зобова направлен на обоснование и поддержание главной идеи всего сборника – важнейшем значении взаимного общения национальных культур, хозяйственных, бытовых связей между народами. Как отмечает автор, особое место принадлежало активным контактам украинцев с русскими, башкирами, татарами, казахами¹. Большое познавательное значение имеет карта плотности украинского населения по районам Оренбургской области по результатам переписи 1989 г.

В 2007 г. вышел сборник справочного характера «Мы – оренбуржцы. Историко-этнографические очерки»², в котором раскрывалась этническая история, особенности материальной и духовной культуры народов края. Это издание явилось логическим продолжением предыдущего сборника «Этнокультурная мозаика Оренбуржья». Акцент редколлекгией был сделан на то, что Оренбуржье изначально формировалось как многонациональный и поликонфессиональный регион. Исходя из данного принципа, структура сборника предполагала порядок очерков в зависимости от численности наиболее представительных этнических общностей и их доли в населении области. Очерк об украинцах³, занимавших в вышеуказанном порядке четвертое место, был подготовлен Т.С. Паниной⁴ и Г.П. Ким⁵. Авторы придерживались общей для всего сборника структуры в подаче материала – формирование населения, хозяйство и материальная культура (по разным видам деятельности), свадебные праздники и обряды, фольклор. Информация для разделов была подобрана из справочных изданий, текущей статистической отчетности, публикаций С.А. Попова, Ю.С. Зобова, В.Я. Бабенко, Т.Ю. Скопинцевой и др. Текст сопровождался картой размещения украинского населения в районах области по данным переписи 2002 г. и серией цветных фотозарисовок с различных праздников украинской культуры, в том числе, «Шевченковского марта», открытия украинского подворья и музея в комплексе «Национальная деревня», выступлений самодеятельных творческих коллективов. Сборник «Мы – оренбуржцы» стал самым крупным по охвату материала и подробным проектом подобного рода в Оренбургской области.

¹ Зобов Ю.С. Украинцы // Этнокультурная мозаика Оренбуржья... Оренбург: [б.и.], 2003. С. 63.

² Мы – оренбуржцы. Историко-этнографические очерки. Оренбург: Южный Урал, 2007. 288 с.

³ Панина Т.Т., Ким Г.П. Украинцы // Мы – оренбуржцы. Историко-этнографические очерки. Оренбург: Южный Урал, 2007. С. 92–113.

⁴ Панина Татьяна Сергеевна – заместитель директора ГУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области».

⁵ Ким Галина Петровна – старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала ОГУ, кандидат исторических наук.

Кроме справочно-энциклопедических сборников украинская тема в контексте государственной и региональной национальной политики регулярно присутствует и в научно-публицистической периодике – журнале Министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области и НИИ истории и этнографии Южного Урала ОГУ «Этнопанорама», информационном вестнике Министерства культуры, общественных и внешних связей Оренбургской области «Этнокультурная мозаика Оренбуржья». Данные периодические издания уделяют основное внимание ключевым событиям в деятельности областного украинского культурно-просветительского общества им. Т.Г. Шевченко, репортажам с культурно-массовых и научных мероприятий, обзорам новой литературы, информации о социальных проектах¹.

Помимо распространения информации об украинцах края в справочной, энциклопедической литературе, научно-популярной периодике, важное значение имеет также репрезентация культурного наследия в форме музейных экспозиций. В Республике Башкортостан украинские коллекции в настоящее время находятся в Национальном музее РБ, Юматовском этнографическом музее, музее украинской культуры и быта Республиканского историко-культурного центра «Золотоношка», музее украинского искусства воскресной школы им. Т.Г. Шевченко в г. Уфе. В Национальном музее РБ раздел «Украинцы» является составной частью экспозиции, посвященной восточнославянским народам (*Фото* 25). В экспозиции, прежде всего, нашло отражение богатство и разнообразие украинского костюма, показанного в связи с особенностями хозяйственной деятельности.

Наиболее представителен фонд «Текстиль» – 22 единицы хранения, включающие элементы украинского национального костюма (сорочки, кофты, блузки), полотенца (рушники), одеяла (ковдри). В фонде «Дерево» два предмета (ваза, шкатулка), фонд «Документы» содержит фотографии, отражающие деятельность РНКЦУБ «Кобзарь». В современном виде экспозиция открыта в 2004 г., но фонды накапливались на протяжении длительного времени и имеют разное происхождение. Значительная часть собрана в ходе научных экспедиций музея, например, в 1996 г. состоялась экспедиция в Федоровском районе РБ (д. Ново-Троевка – переселенцы из одноименного села в Черниговской губернии и их потомки); другая часть – вещи, полученные от частных лиц (в том числе привезенные из Украины); третья часть – подарки музею от гостей из Украины в 1979 г. к 325-летию воссоединения Украины и России².

¹ См., напр.: Пономаренко В. Как оренбургские украинцы в Киеве побывали // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. 2011. № 1–2 (44–45). С. 20.

² Устные консультации научных сотрудников Национального музея Республики Башкортостан.

Фото 25. Национальный музей Республики Башкортостан, экспозиция «Славяне», 2012 г.

Этнографическая коллекция, посвященная украинцам, представлена также в Музее археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, созданного в 1976 г. по инициативе академика Р.Г. Кузеева. Постоянная экспозиция «Народы Башкортостана» включает раздел по восточнославянским народам – русским, украинцам и белорусам – и отражает бытовую культуру городского и крестьянского населения. Украинская коллекция собиралась по материалам экспедиций В.Я. Бабенко, Ф.Г. Ахатовой и других исследователей в разных районах республики в 1980-х – начале 1990-х гг. Выставка знакомит преимущественно с предметами народного творчества: разнообразные по технике исполнения, вышивке, орнаменту и цветовому оформлению национальные костюмы, полотенца-рушники, подзоры, писанки, в фондах также находятся деревянная посуда, утварь, экспедиционные фотодокументы.

Этнографический музей в п. Юматово Уфимского района начал создаваться в середине 1960-х гг. по инициативе семьи энтузиастов – Сергея Алексеевича (1900–1993) и Натальи Сергеевны (1910–2006) Зыряновых, приобретавших экспонаты за собственный счет, самостоятельно изготавливавших манекены для оформления экспозиции. В ее основе лежит идея собрания старинных предметов крестьянского быта, отражающих культуру народов Южного Урала конца XIX – начала XX вв. (*Фото 26*)

Фото 26. Юматовский этнографический музей, экспозиция «Славяне», 2012 г.

Коллекция включает исключительно оригинальные предметы – более 7500 экспонатов, полученных в результате многочисленных поездок основателей музея по республике, а также фотографии, записи бесед с респондентами. Музейные «интерьеры» реконструируют крестьянский быт, воссоздают внутреннее убранство дома, в том числе часть украинской хаты. Украинская коллекция насчитывает более 20 экспонатов – элементы женского национального костюма, рушники. По происхождению сами Зыряновы имели украинские корни от переселенцев конца XIX в. в села Черниговку, Богомолвку, расположенные недалеко от Уфы. Неслучайно, что украинская коллекция стала складываться первой и именно из тех сел Чишминского района, которые постепенно приходили в запустение. Неоднократно музей получал высокие оценки ведущих специалистов этнографии России и Башкортостана, в том числе Р.Г. Кузеева. С 2007 г. бывший частный музей работает как муниципальное бюджетное учреждение.

В 1999 г. Указом Президента РБ в с. Золотоношка Стерлитамакского района был создан Украинский историко-культурный центр «Золотоношка», включающий несколько объектов сельской инфраструктуры – сельский Дом культуры, музей украинской культуры и быта (*Фото 27*), базовая украинская библиотека, учебный комплекс – детский сад и средняя общеобразовательная школа, памятник деревянного зодчества начала XX в. – храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

Фото 27. Музей украинской культуры и быта в с. Золотоношка, 2012 г.

Историко-культурный центр выполняет задачи по сохранению, возрождению и исследованию традиционных форм жизнедеятельности украинского населения, обрядов, фольклора, популяризации культурного наследия украинцев Башкортостана. Впервые музей при сельском ДК был организован местными активистами С.И. Емельяновым и А.И. Шевченко в 1990 г. Сегодня музей занимает два больших зала, насчитывает более 1100 единиц хранения и содержит уникальный материал об истории села, известных людях, семьях, а также отражает традиционный и современный культурный облик. Единый с музеем комплекс составляет сельская библиотека, которая ежегодно обслуживает до 700 пользователей, в ее фондах более 540 экземпляров печатной продукции на украинском языке.

Первая в России государственная (муниципальная) украинская национальная воскресная школа им. Т.Г. Шевченко была открыта в Уфе в 1992 г. по инициативе РНКЦУБ «Кобзарь». С момента открытия школы началась работа по собиранию материалов для музея истории и культуры украинского народа (*Фото 28*). В ноябре 2004 г. музей официально зарегистрирован в Министерстве образования и науки РФ как школьный национальный украинский музей – единственный на сегодня в Российской Федерации. В марте 2008 г. музею присвоено звание «Лучший школьный музей» Башкортостана. Основной фонд музея насчитывает 370 единиц (костюмы, мебель, утварь, документы). Помимо аутентичных предметов, привезенных из украинских сел республики или переданных семьями учащихся, часть коллекции составляют творческие работы школьников, выполненные на уроках декоративно-прикладного искусства.

Фото 28. Экспозиция музея украинской воскресной школы им. Т.Г. Шевченко г. Уфы, 2012 г.

В Оренбургской области в 2004 г. в рамках широкого общественно-го диалога появилась идея строительства «Национальной деревни» как музея под открытым небом. Основная цель данного проекта заключалась в том, чтобы отразить многообразие, богатство национальных традиций Оренбургского края, способствовать гармонизации межэтнических отношений, развитию принципов толерантности и уважения к самобытным культурам всех этнических групп. Исходя из доли каждого народа, было определено 10 национально-культурных объединений, участвующих в возведении комплекса, в том числе украинское (доля украинцев в населении области составляла в тот период 3,5% – четвертое место). Каждому из обществ выделялся участок земли в 0,2 га.

Научное обоснование необходимости украинского подворья заключалось в том, что украинцы, появившись на берегах Урала в составе первых военных экспедиций в первой половине XVIII в., сыграли исключительную роль в военно-хозяйственном освоении Оренбургского края, став основной силой многих пограничных гарнизонов, распространив в южноуральских степях высокую культуру земледелия, традиции свиноводства, огородничества, бахчеводства и народных промыслов, внося тем самым значительный вклад в развитие области. В соответствии с распоряжением Губернатора Оренбургской области и областной целевой программой реализации модели региональной национальной политики Оренбургской области на 2006–2010 гг. «Украинское подворье» было торжественно открыто 26 июля 2007 г. первым в «Национальной деревне».

В настоящее время подворье объединяет музей украинской народной архитектуры и быта (*Фото 29*), библиотеку, национальное кафе, гостиницу. При создании подворья использовались наиболее характерные, узнаваемые национальные элементы: белёная и расписанная в традиционной манере хата с соломенной крышей, плетень, колодец, уличная печь, аист и др. Экспозиция музея украинской народной архитектуры и быта насчитывает более 1200 экспонатов, которые собирались не только в селах Оренбургской области, но и привезены из разных областей Восточной, Центральной и Западной Украины. На первом этаже музея воссоздан интерьер украинской хаты с действующей печью, рушниками, иконами, старинными фотографиями (*Фото 30–31*); на втором этаже располагается этнографическая коллекция аутентичных предметов быта (утюги, прялки, топоры, рубели, музыкальные инструменты, костюмы, платки), старинных сельскохозяйственных орудий, библиотека научной и художественной литературы, экспозиция «Украинцы и Оренбуржье», отражающая вклад украинского народа в развитие Оренбургского края. Музей проводит просветительскую деятельность, организуя экскурсии, лектории, встречи, тематические беседы для различных категорий населения области. Материалы научно-популярного содержания, в том числе о работе «Украинского подворья» и музея, публикуются в газете оренбургских украинцев «Оренбурзька криниця», которая выходит с 2005 г.

Фото 29. Музей украинской народной архитектуры и быта, г. Оренбург, Национальная деревня, 2012 г.

Фото 30–31. Интерьер музея украинской народной архитектуры и быта, г. Оренбург, Национальная деревня, 2012 г.

Таким образом, украинистика Южного Приуралья в 1990–2010-е гг. характеризуется следующими чертами:

во-первых, созданием центров и институтов, которые специализируются либо непосредственно на вопросах украинистики, либо в целом на историко-этнографическом изучении региона;

во-вторых, регулярным проведением украиноведческих научных мероприятий различного статуса;

в-третьих, активной издательской деятельностью, в том числе подготовкой монографических трудов;

в-четвертых, значительным расширением круга специалистов и исследовательской тематики, что способствует превращению украинистики в междисциплинарную научную область;

в-пятых, нарастанием интенсивности взаимодействия с научно-образовательными центрами Украины;

в-шестых, разнообразием форм просветительской деятельности и популяризации украинской культуры.

ГЛАВА VI

ОРЕНБУРГСКАЯ ШЕВЧЕНКИАНА

*Чем глубже наши знания, чем шире наши горизонты,
тем больше извлекаем мы из шевченковской сокровищницы.
Открытия порождают загадки. Загадки влекут к поискам.
И так будет всегда.*

Л.Н. Большаков

Важной и неотъемлемой частью украиноведческих исследований в Южном Приуралье является шевченковская тема. Оренбургская шевченкиана¹, обладая содержательным объектом познания, соединяя в себе поисковый опыт нескольких поколений, демонстрирует многие особенности региональной украинистики – длительность и преемственность научной традиции, наличие широкого круга источников, междисциплинарность, разнообразие форм сохранения исторической памяти.

Судьбу Тараса Григорьевича Шевченко олицетворяют несколько известных «топосов», каждый из которых представляет особую страницу его насыщенной биографии – Киев, Санкт-Петербург, Оренбург, Орск, Арал, Мангышлак², Астрахань, Казань, Нижний Новгород. С Оренбургским краем связан наиболее драматичный период жизни поэта и художника – 10-летнее пребывание в ссылке, так называемая «солдатчина» 1847–1857 гг. В течение почти 30 лет, прошедших после смерти Т.Г. Шевченко в 1861 г., оренбургский период его жизни оставался наименее изученным, в том числе в силу удаленности местных архивов от ведущих научных центров. Собираение разрозненной и фрагментарной информации проводилось, как правило, по случаю, вне научной систематизации местными любителями-энтузиастами, либо авторами, которые по определенным причинам временно оказались в Оренбургском крае. В 1880–90-е гг. в столичных научных журналах появляются первые статьи, в которых использовались оренбургские и орские архивные материалы и воспоминания местных жителей.

¹ В академическом смысле «Шевченкиана» – совокупность произведений литературы и искусства, связанных с жизнью и творчеством Т.Г. Шевченко, а также все издания его сочинений. В данном случае под шевченкианой понимается цикл научных трудов, собрания книг, музейные экспозиции, изображения, документы и иные предметы, содержащие информацию о пребывании Т.Г. Шевченко в ссылке в Оренбургском крае.

² Мангышлак (Мангистау, каз. *Маңғыстау*) – название полуострова и плато на восточном побережье Каспийского моря (современный Казахстан), где находилась крепость Новопетровская.

Так, например, известна публикация 1886 г. петербургского литературного критика и мемуариста Е.М. Гаршина в журнале «Исторический вестник»¹, в распоряжении которого при неизвестных обстоятельствах оказались некоторые документы оренбургского архива – переписка между Императорской канцелярией и начальником Оренбургского корпуса В.А. Обручевым, а также часть следственных протоколов. Автор утверждал, что «имеет возможность сообщить совершенно новые данные... полную картину жизни поэта в период его ссылки». Статья Е.М. Гаршина действительно ввела в научный оборот ряд интересных фактов периода шевченковской солдатчины.

В конце 1880-х гг. в Орске находился ссыльный украинский студент Г.П. Даценко, служивший с 1886 по 1889 г. в Управлении уездного воинского начальника. По его воспоминаниям, при Управлении оказался архив, в котором хранились дела бывших подразделений Орской крепости 1840–1850-х гг. Г.П. Даценко занимался приведением архива в порядок, «просматривал дела с целью отыскать что-нибудь, имеющее биографическое значение...» и на их основе написал небольшую статью². Несмотря на то, что почти все бумаги, касающиеся Т.Г. Шевченко, были уже изъяты и, по всей вероятности, вывезены в Петербург, удалось найти несколько интересных документов – рапорт о личных вещах Т.Г. Шевченко, текст присяги, списки отданных в солдаты за политические преступления и др. С одного из документов была снята копия – это распоряжение генерала В.А. Обручева об отсрочке отправки Т.Г. Шевченко на службу в Новопетровское укрепление в связи с его нахождением на Оренбургской гауптвахте. Кроме того, Г.П. Даценко сообщает, что в то время сведения о «нашем высокочтимом поэте» собирались городскими учителями и нередко публиковались в местной прессе, в частности в «Оренбургских губернских ведомостях».

В 1895–1896 гг. в Орске и Оренбурге на положении поднадзорного находился самарский журналист, сотрудник ряда поволжских газет А.И. Матов. Новые документальные материалы о пребывании здесь Т.Г. Шевченко он обнаружить не смог, частично они были вывезены в столицу, частично, возможно, уже раскрадены и распроданы, но ему удалось записать серию содержательных воспоминаний местных жителей, позднее опубликованных³. Определенный интерес представляют публикации историка, краеведа, журналиста П.Л. Юдина по результатам личных

¹ Гаршин Е. Шевченко в ссылке // Исторический вестник. 1886. Т. XXIII. С. 154–179.

² Даценко Г.П. Несколько слов о Тарасе Григорьевиче Шевченко // Киевская старина. 1893. Февраль. С. 257–261.

³ Матов А.И. Воспоминания о Т.Г. Шевченко // Русские ведомости. 1895. № 242 (2 сентября); Матов А.И. Тарас Григорьевич Шевченко в ссылке. Из воспоминаний современников-старожилов // Камско-Волжский край. 1897. № 307, 313, 318.

архивных розысканий, в том числе, в делах Отдельного Оренбургского корпуса¹.

В начале XX в. по причинам политического и идеологического характера шевченковская тема в преддверии 100-летнего юбилея поэта в 1914 г. оказалась под цензурой, затем последовали революция, Гражданская война, перестройка научной работы на новых идеологических принципах. Поэтому по-настоящему системное и разностороннее изучение многих «белых пятен» жизни и творчества Т.Г. Шевченко продолжилось уже только в советский период в связи со следующей юбилейной датой – 120-летием, что стало заметной вехой в формировании в Оренбурге собственных исследовательских традиций, а впоследствии – региональной научной школы шевченковедения.

Предвоенный период ознаменовался в южноуральской литературе важным событием – в 1939 г. увидело свет первое научное издание о Т.Г. Шевченко – коллективная монография оренбургских писателей и ученых «Т.Г. Шевченко в ссылке»², состоящая из четырех тематических статей. Эти материалы были подготовлены еще в 1933 г. к 120-летию со дня рождения поэта, но опубликованы только спустя несколько лет. Основными источниками для подготовки книги стали сами сочинения Т.Г. Шевченко периода ссылки, записки, письма, воспоминания оренбургских знакомых поэта, тех людей, с кем ему доводилось общаться, труды его первых биографов 1870–1890-х гг., публикации о Т.Г. Шевченко в советской литературе.

Своего рода вступление к книге, идеологически выдержанное в духе времени, представляет собой статья М.С. Клипиницера³ «Народный поэт»⁴. Т.Г. Шевченко показан стойким и страстным поэтом-революционером. Его талант расцвел, поскольку он «пламенно любил трудового человека», никогда не отрывался от своего народа. В этом автор видит главный источник силы Т.Г. Шевченко, чувство гнева которого приобрело совершенно определенное направление – распознать «паразитическую сущность тиранов». Отсюда основная тема творчества – борьба народа с вековыми врагами – царизмом и крепостничеством. М.С. Клипиницер, давая характеристику условиям, в которых жил и творил поэт, часто ссылается на

¹ Юдин П.Л. К биографии Т.Г. Шевченко // Русский архив. 1898. Кн. 3. С. 463–476.

² Т.Г. Шевченко в ссылке. Чкалов: Облиздат, 1939. 176 с.

³ Клипиницер Михаил Соломонович (1907–1992) – журналист, поэт, краевед. Литературную деятельность начал в 1928 г. С лета 1935 г. в Оренбурге работал в областной газете, входил в редколлегию альманаха «Степные огни», вел литературно-организаторскую работу. Участник Великой Отечественной войны, кавалер боевых наград. В послевоенные годы вел активную журналистскую работу, в том числе на телевидении, в областном книжном издательстве подготовил к печати десятки книг.

⁴ Т.Г. Шевченко в ссылке ... С. 7–14.

В.И. Ленина, А.М. Горького, Д.Н. Семеновского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Н.А. Некрасова. Особое место в статье занимает идея об интернациональном значении творчества поэта – «друга всех трудящихся всех наций», который сумел своим творчеством объединить украинскую, советскую культуры и культуру всего передового мира.

Известному уже в то время литературоведу Н.Е. Прянишникову¹ принадлежит вторая статья «Годы изгнания»². В очерке речь идет главным образом об обстоятельствах ареста Т.Г. Шевченко, показана идейная сила его поэзии. «Взоры всех, кому дорога его память, не раз будут обращаться к территории бывшего Оренбургского края», – пророчески пишет Н.Е. Прянишников, – «здесь «гениальный Кобзарь провел самые тяжелые годы своей краткой, но многострадальной жизни». Годы изгнания разделены на несколько этапов:

1. «Оренбург». Раздел содержит подробное описание города, основные даты и вехи пребывания в нем Т.Г. Шевченко.

2. «Орская крепость». Основное внимание обращено на воссоздание впечатлений поэта от крепости, расположенной далеко в степи, непривычных природных условий, жителей, взаимоотношений с окружающими сослуживцами, а также отмечаются особенности творчества в этот период.

3. «Аральское море» – «новый период» ссылки Т.Г. Шевченко, который связан с тяжелыми условиями научной экспедиции, длившейся полтора года и нашедшей отражение в поэзии и уникальной серии рисунков.

4. «Снова Оренбург и Орск». Подводятся итоги экспедиции, показан быт поэта и круг общения после возвращения из путешествия, предпринимается попытка раскрыть и объяснить «внутреннее самочувствие» поэта.

5. «Новопетровское укрепление» – «самый тяжелый и самый томительный» период семилетнего пребывания Т.Г. Шевченко на восточном побережье Каспийского моря, по признанию Н.Е. Прянишникова, это не что иное, как период «заточения в крепости».

6. «Возвращение». Показаны обстоятельства освобождения Т.Г. Шевченко, его сложный и долгожданный путь из ссылки.

¹ *Прянишников Николай Ефимович* (1890–1963) – литературный критик, писатель, педагог, краевед, кандидат филологических наук (1946). Окончил Петербургский историко-филологический институт (1915). С 1930 г. жил и работал в Оренбурге, преподавал русский язык и литературу в Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе (1933–1938), в педагогическом институте (1939–1942), сотрудничал с печатными изданиями, один из создателей Оренбургской писательской организации, член СП СССР с 1939 г. Автор книг: «Проза Пушкина и Л. Толстого» (1939), «Писатели-классики в Оренбургском крае» (1946), «Записки словесника», соавтор нескольких сборников. Т. Шевченко посвящены материалы в книгах и местных периодических изданиях.

² Т.Г. Шевченко в ссылке... С. 15–92.

В статье много материалов биографического характера, Н.Е. Прянишников очень колоритно и точно рисует эпоху и окружающую поэта среду.

Третья статья оренбургского филолога *И.Т. Изотова*¹ «Творчество Шевченко в ссылке»² в большей степени носит литературоведческий характер и посвящена феномену неутомимой работы художника в неволе. «Невольничья муза» – особое состояние духа, которое невозможно сломить ни бытовыми трудностями, ни строгими запретами. Автор предпринимает подробный анализ жанров, рассматривает отдельные произведения. О чем же говорит творчество Т.Г. Шевченко в ссылке?

Во-первых, он остался верным своим жизненным принципам, показал «силу своей ненависти к существующим порядкам».

Во-вторых, далекая степная ссылка, своего рода «незапертая тюрьма», не только не убила тягу к творчеству, но, наоборот, вызвала к жизни новые темы, новые сюжеты – женская доля, суровая природа степного края, история Украины, борьба крестьян против господ.

В-третьих, сознание поэта сохранило революционный, бунтарский характер.

В-четвертых, в сложнейших условиях он не отступил от главного дела – служения народу. Народность Т.Г. Шевченко заключалась и в содержании его произведений, и в колоритном языке (даже в русских текстах), и в ритмическом строе поэзии, сохраняющей свои фольклорные истоки. Основной вывод И.Т. Изотова – «в поэзии Шевченко нашла глубокое и верное отражение его эпоха».

Отдельное внимание автора обращено к анализу прозаического наследия – повестям как к одной из первостепенных задач зарождающегося шевченковедения. Русскоязычные сочинения (по всей видимости, получил разрешение писать только по-русски) до тех пор были наименее известной и критически малоисследованной частью литературного творчества Т.Г. Шевченко. Эта часть содержит не только очевидные достоинства, но и недостатки³ (рыхлость композиции, мозаичность изложения и др.). Кроме того, по цензурным соображениям затихает и революционный напор, т.к. повести предназначались для печати, сатирические инвективы ощутимо присутствуют, но как бы «вполголоса».

Финальным же моментом литературной деятельности Т.Г. Шевченко в ссылке И.Т. Изотов справедливо рассматривает его «Дневник» (к мо-

¹ *Изотов Иван Трифионович* (1893–1982) – ученый, доктор филологических наук, профессор. Окончил Варшавский университет, в Оренбурге с 1930-х гг. Преподавал в Оренбургском государственном педагогическом институте курсы отечественной и мировой литературы, был деканом литературного факультета.

² Т.Г. Шевченко в ссылке... С. 93–165.

³ Там же. С. 143.

менту появления книги еще не ставший знаменитым стараниями Л.Н. Большакова). «Дневник» обладает не только содержательной, художественной и личностной ценностью, но и раскрывает философские, мировоззренческие, преимущественно материалистические, по мнению автора статьи, взгляды поэта.

Важный вывод, к которому приходит И.Т. Изотов – в ссылке «не удалось задуть творчество» замечательного поэта. Он боролся с рабством всю жизнь, не смирился со своей судьбой, несмотря на нечеловеческие условия жизни (или существования?) в солдатчине. «Шевченко – гуманист в лучшем смысле этого слова, он хотел, чтобы человек был свободным и в этом смысле он наш современник»¹, – весьма неожиданно для своего времени заключает И.Т. Изотов.

Завершает сборник небольшая статья орского краеведа А.К. Бочагова² «Где жил Шевченко?»³, в которой указано несколько мест в Оренбурге, где поэт «бывал ... и жывал», доказывается неопровержимость этих данных со ссылкой на свидетельства очевидцев и современников. По мнению автора, в Оренбурге Т.Г. Шевченко «вел жизнь кочевую», в том смысле, что не имел одного постоянного места пребывания. В Приложении даны наиболее важные даты пребывания Т.Г. Шевченко в ссылке, перечень стихов, написанных в тот период (всего – 109, из них в Орске – 22, Оренбурге – 12, Новопетровском – 2, остальные – на Кос-Арале).

Таким образом, книга явилась первым опытом обобщения всего известного на то время времени книжного (пока еще не архивного) материала о годах изгнания поэта. Показаны основные моменты службы, повседневной жизни и художественного творчества Т.Г. Шевченко в условиях ссылки. Период его солдатчины реконструирован достаточно полно, но при этом многие сюжеты, факты, события имеют характер гипотезы, версии, предположения, намечены иногда конспективно. Кроме того, на содержание книги, безусловно, наложили отпечаток специфические советские подходы 1930-х гг. с их непримиримостью, безальтернативностью и обилием идеологических «штампов».

Очевидно, что в это время большая и перспективная тема «Шевченко в Оренбургском крае» благодаря энтузиазму и профессиональному

¹ Т.Г. Шевченко в ссылке... С. 161.

² Бочагов Архип Кузьмич (1898–1976) – историк, общественный деятель, журналист, кандидат исторических наук, доцент. Участник Гражданской войны. Образование получил на учительских курсах, в комуниверситете им. Свердлова, в Институте красной профессуры. Находился на партийной и административной работе – являлся заместителем председателя облисполкома, заведующим кафедрой марксизма-ленинизма мединститута, ректором Орского пединститута, председателем облисполкома общества охраны памятников истории и культуры. Автор 15 книг, в том числе, «Орск», «Город в степи», «Люди вечной юности», «У истоков» и др.

³ Т.Г. Шевченко в ссылке... С. 166–169.

кропотливому труду ряда местных авторов получила только свое первое научно-литературное обоснование и в будущем ждала более развернутых, глубоких исследований, к которым оренбургские краеведы, историки и писатели вернулись уже в послевоенное время.

Н.Е. Прянишников

Изучение жизни и творчества Т.Г. Шевченко в Оренбуржье продолжил один из авторов предыдущего издания – Н.Е. Прянишников, поскольку опыт исследовательской работы 1930-х гг. показал свою плодотворность. Важным событием в литературной жизни края стала его книга «Писатели-классики в Оренбургском крае»¹, в которой отдельный раздел посвящен Т.Г. Шевченко. Предметом пристального изучения Н.Е. Прянишникова на протяжении длительного времени было творчество А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и других классиков. Как кропотливый исследователь и знаток литературного прошлого Оренбургского края он создал немало очерков о местных писателях. По

этим очеркам можно проследить, как отразились в их художественном творчестве впечатления от города Оренбурга и его жителей. Сам автор подчеркивал, что «литературно-географический» интерес к биографиям знаменитых писателей естествен и законен: знание биографии помогает лучше понять творчество ... немаловажное значение имеет знание географической родины писателя ... а также те места, где он вообще бывал в течение своей жизни, хотя бы не подолгу»². Так появляются, например, «пушкинские», «лермонтовские», «чеховские» места.

Однако Н.Е. Прянишников ставит вопрос иначе: можно взять не писателя в его пространственных передвижениях, а сам город и проследить, кто из писателей в нем родился, жил, бывал. В результате можно составить очень увлекательную литературную биографию данного географического места. В этом отношении Оренбург представляет собой весьма благодарный объект для подобного исследования. Особые и очень яркие страницы в этой биографии, безусловно, будет занимать имя Т.Г. Шевченко, который провел в Оренбургском крае 10 лет своей жизни. Несмотря на официальные запреты писать поэту в разное время все же удавалось передать в художественной форме свои впечатления от нового места. В повес-

¹ Прянишников Н.Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Чкалов: Чкаловское изд-во ОГИЗ, 1946. 142 с. В последствии книга выходила еще тремя изданиями в 1956, 1970 и 1977 гг. и стала библиографическим раритетом.

² Прянишников Н.Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1977. С. 3.

ти «Близнецы», носящей отчасти автобиографический характер, главный герой так описывает свое знакомство с завожскими степями и Оренбургом вскоре после прибытия в него: «...глаза начали осваиваться с бесконечными равнинами ... Пусто, хоть шаром покати ... мне открылся город, то есть земляной высокий вал, одетый красноватым камнем ... на мой взгляд, в физиономии Оренбурга есть что-то антипатичное, но наружность иногда обманчива бывает...»¹.

Н.Е. Прянишников соглашается, что Оренбург в то время и не мог оставить иного впечатления, т.к. был по сути захолустным и скучным окраинным городом с населением не более 15 тыс. человек, добрую половину из которых составляли гарнизон, казаки и отставные солдаты, «даже бабы ходят в солдатских шинелях». Все крупные здания имели уныло-казарменный вид, благоустройством город не отличался, не радовали и окрестности. Герой повести Т. Шевченко обычно «сидит на горе и смотрит на Урал и на рощу за Уралом, и за рощей на меновой двор, за двором степь и степь, хоть и не смотри...»². Скрасить пребывание поэта в таком городе могли только симпатизирующие ему земляки-украинцы, ставшие друзьями, среди которых наиболее известны братья Лазаревские, служившие местными чиновниками.

Но погрузиться в приятное общение Т.Г. Шевченко не успел. Уже 14 июня по приказу военного губернатора он был «одет в солдатское платье» и рядовым отправлен на службу в еще более отдаленную Орскую крепость. Дорогу в триста верст поэт преодолевал не раз, обращая внимание на унылость и заброшенность селений, на низкий уровень жизни, несмотря на благоприятные природные условия – «благодатную землю, роскошные луга и уральские затоны»³. Единственное отрадное впечатление у Т.Г. Шевченко оставила станица Островная – настоящая «малороссийская слобода», населенная преимущественно земляками-украинцами, сохранившими свои хозяйственно-бытовые навыки и эстетические вкусы, напомнившая прекрасную родину. Понравился поэту и горный пейзаж перед Орском. Восприятие новой для себя местности Т.Г. Шевченко также «передал» своему герою Савватию Сокире, писавшему в письмах домой, что «любовался окружающими горами».

Орская крепость, наоборот, произвела самое мрачное впечатление как типичный пример военных поселений: «страшная пустыня, которая ее окружает, казалась разверстою могилой ... При такой декорации возможно только мертвое молчание...»⁴. Достаточно подробное описание крепости в

¹ Прянишников Н.Е. Писатели-классики в Оренбургском крае... 1977. С. 67.

² Там же. С. 68.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 79.

разных произведениях, по мнению Н.Е. Прянишникова, приводится осознанно, чтобы подчеркнуть ее мизерность. Но больше всего поэта угнетала не окружающая обстановка – гораздо сильнее были нравственные муки от запрещения писать и рисовать. Ему запрещалось изливать тоску и горечь изгнания самым естественным для себя способом – пером на бумаге и кистью на холсте¹. Об этом Т.Г. Шевченко говорит почти во всех своих письмах друзьям и знакомым орского периода. Но ни на один момент он не впадал в чувство христианского непротивления и внутреннего смирения перед злой волей – тайно писал и рисовал. Поэтому, несмотря на физические страдания и внешние трудности нелегального писания, орский период получился весьма продуктивным². Такими же плодотворными Н.Е. Прянишников оценивает периоды Аральской экспедиции (более 70 произведений) и короткого пребывания в Оренбурге (серия портретов, свыше 10 сатирических стихов) по возвращении из нее. В Новопетровском укреплении появился цикл «русских» повестей, был начат знаменитый «Дневник».

Н.Е. Прянишников приходит к выводу, что годы ссылки были для Т.Г. Шевченко не только годами тоски и лишений, но годами непрекращавшегося духовного роста, очень интенсивной творческой деятельности³. В заключении своего обзора исследователь поднимает важный вопрос: насколько велика была доля местного, «оренбургского» элемента в поэтических произведениях периода ссылки? И приходит к выводу, что доля эта незначительная, местные темы не получили заметного отражения в его поэзии. Все поэтическое наследие Т.Г. Шевченко пронизано преимущественно «украинскими мотивами» в силу насильственной и длительной оторванности от своей родины. Украина заполняла все его мысли и чувства, ему было психологически трудно писать о чем-нибудь другом⁴. Другое дело – графика и живопись. Сама природа изобразительного искусства требовала натуры. Поэтому рисунки, эскизы и картины периода ссылки представляют большой краеведческий интерес.

Исследование Н.Е. Прянишникова, основанное на детальном знакомстве с нарративными и изобразительными источниками, не только давало системное представление о последовательности событий, некоторых обстоятельствах пребывания и особенностях творчества Т.Г. Шевченко в ссылке, но и открыло в зарождающемся оренбургском шевченковедении краеведческое направление, новаторское по своему замыслу для середины 1940-х гг.

¹ Прянишников Н.Е. Писатели-классики в Оренбургском крае... 1977. С. 71.

² Там же. С. 72.

³ Там же. С. 80.

⁴ Там же. С. 81.

В 1950–1960-х гг. тему «Шевченко в ссылке» активно разрабатывал орский исследователь *А.Н. Ведмицкий*¹. Творчество украинского поэта, его нелегкий жизненный путь были ему близки и понятны, поскольку помимо собственно научной работы он много времени уделял пропаганде творчества поэта, проводя открытые лекции, выступая на литературных вечерах и утренниках, готовя статьи для местной печати. В значительной степени и по инициативе А.Н. Ведмицкого в августе 1959 г. в Орске, в центральной части города был открыт памятник Тарасу Шевченко – один из наиболее интересных памятников поэту в мировой скульптуре².

Неудивительно, что именно А.Н. Ведмицкий стал автором серьезного научного труда о пребывании украинского поэта в ссылке. Книга, вышедшая в 1960 г., стала заметной вехой в становлении оренбургского шевченковедения³. Свою работу А.Н. Ведмицкий построил на широкой и разноплановой источниковой основе – произведения самого Т.Г. Шевченко, в том числе еще недостаточно введенный в оборот «Дневник»; материалы, опубликованные в периодических изданиях «Киевская старина», «Оренбургский листок», «Русский архив» в 1880–1890-х гг.; воспоминания и рассказы современников; оценки личности и творчества Т.Г. Шевченко, данные другими известными писателями, общественными деятелями.

Содержание книги охватывает весь период «солдатчины», автор, кратко напоминая биографию, показывает идейные принципы, обстоятельства участия в общественно-политической деятельности, братстве, прослеживает жизненный путь поэта от судебного процесса и приговора – начала «десятилетней драмы» – до освобождения из Новопетровского укрепления. В оценках А.Н. Ведмицкого Т. Шевченко предстает как «борец

*Памятник Т.Г. Шевченко
в Орске*

¹ *Ведмицкий Александр Никитович* (1894–1961) – поэт, литературовед, журналист, педагог, кандидат филологических наук. В 1918 г. закончил Полтавский учительский институт. Работал в школе, занимался журналистикой, был активным членом Союза крестьянских писателей «Плуг». В конце 1920-х – начале 1930-х гг. издавались сборники его стихов. Преподавал в Полтавском пединституте. С 1951 г. принял предложение Орского педагогического института, работал доцентом, заведующим кафедрой русской литературы.

² Скульптор Л.М. Писаревский, архитектор Н.К. Габелко. Торжественное открытие состоялось 17 августа 1959 г. с участием делегации из Украины.

³ *Ведмицкий А.Н. Т. Шевченко в Оренбургской ссылке.* Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 1960. 178 с.

против деспотизма»¹, поэт-революционер, выражавший думы закрепощенного народа. Подробно описаны обстоятельства встречи и общения с земляками (Ф. Лазаревский, С. Левицкий, М. Александровский) в Оренбурге: «Земляки его тотчас отправились в казармы и выпросили его к себе на квартиру. Встреча ... была замечательная – и он, и окружавшие его плакали, от горя ли, или от радости, что увидели родного поэта ... Целый день он провел в кругу земляков, пел народные песни ... звуки родной речи рассеяли его подозрительность»².

Раздел «В Орской крепости» включает подробные описания того места, где оказался поэт, распорядок службы. Один из спорных вопросов шевченковедения – в каких условиях проходила повседневная жизнь и служба ссыльного. А.Н. Ведмицкий приводит разные взгляды по этому поводу. Автор сам размышляет о том, мог ли в Орской крепости Т.Г. Шевченко вести дневник (о чем упоминается в известном письме В. Репниной от 25 февраля 1848 г.) и приходит к выводу, что, скорее всего, речь идет просто об отдельных записях, которые были вскользь названы «дневником».

Помимо бытовых вопросов А.Н. Ведмицкий обращается и к анализу литературного творчества, замечая, что тематика стихотворений в этот период весьма разнообразна. «Несмотря на мотивы грусти, тоски, вполне объяснимые условиями жизни поэта, общий тон его произведений жизнеутверждающий... Вера в лучшую жизнь – источник оптимизма, который характерен для «невольничьей поэзии» Шевченко»³. Автор разбирает содержание некоторых произведений, анализирует обнаруженные в них метафоры, ключевые образы: Счастье, Доля, Слава, Звезда, Казачество, Муза и т.д. По мнению А.Н. Ведмицкого, Т.Г. Шевченко в поэзии данного периода «подтверждает реалистический творческий метод, важное значение народности и идейности искусства»⁴. Важное место занимают размышления поэта над смыслом жизни, подтверждением чему могут служить слова, вложенные в уста одного из героев – Семена Паляя: «Зачем же я на свет родился, свою Украину любил?».

Кроме философских категорий, облаченных в собирательные художественные образы, в ссылке Т.Г. Шевченко обращается к наблюдениям за жизнью окружавших народов – «живописных казаков», казахов, киргизов, туркмен, многие образы выведены из реальных людей. «Вначале он видел в степи лишь пустынное однообразие, но позже наступило время,

¹ Ведмицкий А.Н. Т. Шевченко в Оренбургской ссылке... С. 5.

² Там же. С. 10–11.

³ Там же. С. 27.

⁴ Там же. С. 30.

когда художник Шевченко взглянул на степь другими глазами ... увидел не унылую пустыню, а богатую красками природу»¹.

Раздел «На Аральском море» содержит описание экспедиции, здесь показаны отношения Т.Г. Шевченко с местным населением. В повести «Близнецы» главный герой Савватий Сокира встречается в Раиме с неким человеком – «счастливым земляком». А.Н. Ведмицкий предполагает, что в этом образе изображен сам Шевченко, который в это время чувствовал себя значительно свободнее, увлекался рисованием². Его творчество в период экспедиции и пребывания на Аральском море действительно представляет большой интерес, тематика произведений разнообразна, насыщена глубокими образами. С этих позиций А.Н. Ведмицкий сравнивает Т.Г. Шевченко с А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым. Разбирая некоторые произведения, автор обращает внимание на композицию, особенности языка, стиля, сюжетных линий и других черт творчества.

Раздел «Шевченко в Оренбурге» включает материалы по истории города, подробно показаны повседневная жизнь, широкий круг общения поэта. Данный факт подтверждается словами из воспоминаний Ф. Лазаревского о том, что «Тарас, имея много знакомых, проводил где день, где ночь...»³. Результатом его пребывания в Оренбурге стали 12 поэтических произведений, в которых он решал разные задачи. По всей видимости, одна из главных тем – народность, картины жизни, создаваемые на фольклорной основе, в том числе яркие образы Украины:

*...А я так мало, небагато
Благав у Бога. Тільки хату,
Одну хатиночку в гаю,
Та дві тополі коло неї,
Та безталанну мою,
Мою Оксаночку, щоб з нею
Удвох дивитися з гори
На Дніпр широкий, на яри,
Та на лани золотополі,
Та на високії могили...
А потім би з гори зійшли;
Понад Дніпром у темнім гаї
Гуляли б, поки не смеркає,
Поки мир Божий не засне...»⁴*

¹ Ведмицкий А.Н. Т. Шевченко в Оренбургской ссылке... С. 36.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 86.

⁴ «Не молилася за мене...». Оренбург, 1850 г.

Из раздела «В Ново-Петровском укреплении» можно узнать об истории создания укрепления, приведено его описание на момент прибытия Т.Г. Шевченко. Автор указывает, что сведения об условиях жизни очень противоречивы и отрывочны. Основным источником являются материалы переписки поэта с его корреспондентами. В это время Т.Г. Шевченко работает над новым жанром – повестями, написанными на русском языке, тем самым выходя за пределы украинской литературы¹. В том числе в июле 1856 г. закончена повесть «Близнецы» – «сатира на разлагавшуюся военщину».

Книга А.Н. Ведмицкого, состоящая из пяти разделов, задумана и выдержана в едином методологическом ключе – по каждому разделу приводится историческая справка, биографические данные, анализируется творчество в конкретный период времени, формулируются основные выводы.

Итогом проведенного историко-литературоведческого исследования А.Н. Ведмицкого являются следующие важные положения: 1) один из основных принципов эстетики Шевченко – «художественным словом служить правде»; 2) в основе творчества Т.Г. Шевченко лежит эстетический и социальный идеал – идеал народных масс; 3) Шевченко в литературе и живописи отстаивал высокое общественное предназначение искусства; 4) творчество периода ссылки переосмысливает историческое прошлое Украины; 5) солдатчина закалила Т. Шевченко, вызвала к жизни новые талантливые произведения.

Значение и научная ценность данного издания заключается в том, что, во-первых, спустя почти 30 лет в Оренбуржье произошло возвращение к шевченковской теме; во-вторых, книга представляет собой цельное по структуре и содержанию повествование, основанное на крепкой источниковой базе; в-третьих, обращено внимание на некоторые спорные и на то время еще недостаточно изученные моменты жизни и творчества Т.Г. Шевченко в ссылке. Несомненно, что А.Н. Ведмицкому принадлежит заметное место в создании оренбургской шевченкианы – несмотря на присущие тому времени идеологические оценки, ему удалось предопределить некоторые направления дальнейших перспективных исследований. В том числе и благодаря его общественному энтузиазму Орскому педагогическому институту в 1952 г. было присвоено имя Тараса Шевченко.

Таким образом, к середине XX в. сложились необходимые предпосылки для формирования региональной школы оренбургского шевченковедения. Научной деятельности в этой области были присущи такие черты как: 1) сохранение преемственности, обращение к опыту предшествующих публикаций; 2) опора на крепкую источниковую базу, использование архивных материалов; 3) стремление разобраться в спорных и на то время еще недостаточно изученных сюжетах «солдатчины».

¹ Ведмицкий А.Н. Т. Шевченко в Оренбургской ссылке... С. 149.

Новые грани, более глубокое и разностороннее содержание историческая и литературоведческая проблема «Шевченко в оренбургской ссылке» получила благодаря более чем 50-летней исследовательской и подвижнической деятельности известного журналиста, ученого, филолога, писателя *Л.Н. Большакова*¹. В научно-литературном творчестве ему удалось не только воспринять, но усовершенствовать и развернуть многие из отмеченных особенностей шевченковедческой работы.

На родной Черниговщине, где Л.Н. Большаков жил до 17 лет, он ходил в школу, посещал литературный кружок городского Дома пионеров, пробовал себя в поэзии, прозе, критике и журналистике, приобретал ценный опыт публичных выступлений с докладами и стихами, в том числе собственного сочинения. Группа кружковцев занималась изучением литературного прошлого Чернигова по музейным и архивным документам.

По признанию самого Л.Н. Большакова, в 1939–1940-х гг. именно здесь были сделаны его первые исследовательские шаги: «...музей, архив и церковь на Валу с архивными карточками...»². В это же время появляются и первые публикации в местных газетах – «Большевик», «Молодой коммунар», а также в центральных – «Пионерской правде», «Комсомольской правде», «Литературной газете». Ученый всегда с благодарностью вспоминал свою учительницу литературы – Р.Л. Кабалюк, которая впервые познакомила и навсегда привила интерес и любовь к творчеству Пушкина, Шевченко, Кочубинского. Внутренняя энергия и настойчивость в познании нового позволили Л.Н. Большакову в сентябре 1940 г. в семнадцатилетнем возрасте начать профессиональную литературную деятельность – быть зачислен-

Л.Н. Большаков

¹ *Большаков (Грейсерман) Леонид Наумович* (1924–2004) – литературовед, писатель, журналист, краевед, историк-архивист, шевченковед, кандидат филологических наук (1968). До 1962 г. – сотрудник ряда газет, в 1962–1968 гг. – директор Оренбургского телевидения. В 1971–1983 гг. – преподаватель Оренбургского политехнического института. В 1993–2004 гг. – директор НИИ Тараса Шевченко Оренбургского госуниверситета. Член Союза журналистов СССР (1957), Союза писателей СССР (1969), Лауреат Всероссийской литературной премии им. А. Фадеева (1982), Лауреат премии Совета министров Украины им. П. Тычины (1982), Заслуженный деятель культуры Украины (1992), Почетный гражданин г. Оренбурга (1993), Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1994), Лауреат Государственной премии Украины им. Т.Г. Шевченко (1994). Автор более 20 научных монографических трудов о Т.Г. Шевченко.

² Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет на фоне эпохи. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. С. 28.

ным в штат газеты «Большевик». Опытные сотрудники – А. Руденко (О. Десняк), М. Хазан стали для юноши эталоном «писателей-искателей», своим кропотливым трудом показывали пример работы по поиску новых фактов, изучения различных источников. Именно в этом издании появились первые журналистские материалы Л.Н. Большакова, рецензии на книги как местных черниговских авторов, так и писателей-классиков.

С началом Великой Отечественной войны последовала эвакуация семьи на далекий Урал, в г. Орск, где 11 ноября 1941 г. Л.Н. Большаков был зачислен в штат газеты «Орский рабочий» на должность выпускающего редактора, появляются первые заметки. Для молодого журналиста и начинающего писателя, хорошо знающего биографию и творчество Т.Г. Шевченко, Орск имел особое, символическое значение: «Так это тот самый Орск и есть? А где был плац? Где стояли казармы? Где проходил ров? Раньше, чем город увидеть, «слышал» о нем от... Шевченко. Но Шевченко рядом не было, и ответить на мои «где?» толком не мог никто»¹. В Орске стали возможными уже по-настоящему самостоятельные литературоведческие изыскания. Оправданно утверждение, что именно здесь Л.Н. Большаков родился как настоящий писатель².

В «Орском рабочем» Л.Н. Большаков проработал 21 год – с 1941 по 1962 г., пройдя все этапы профессионального становления от рядового литсотрудника, печатавшегося почти в каждом номере, до заместителя главного редактора. В Орске закончил учительский институт, в 1953 г. факультет русского языка и литературы педагогического института. Позднее в своем дневнике Л.Н. Большаков писал о том, что война и последовавшая эвакуация перевернули всю его жизнь. Как сложилась бы судьба, не будь этих страшных событий? «В любом случае, живя (оставаясь) на Украине, шевченковедом я не стал бы»³.

Постепенно газетные рамки становились тесными и закономерно, что в первой половине и середине 1950-х гг. появляются первые очерки и книги, посвященные известным людям оренбургской земли. Тогда же постепенно начинается и насыщенная научно-исследовательская деятельность. В небольших газетных статьях встречаются, в том числе, и материалы о жизни Т. Шевченко в Орской крепости, о судьбе его рисунков. Шевченковедческие заметки Л.Н. Большакова обратили на себя внимание известного уже в то время ученого, поэта, литературоведа, доцента Орского пединститута А.Н. Ведмицкого. В сентябре 1960 г. один из экземпляров

¹ Большаков Л.Н. Быль о Тарасе. М.; Оренбург: ЕТПК «Кора», 1993. Кн. 1. С. 9.

² Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет... С. 55.

³ Там же. С. 34.

его книги «Гарас Шевченко в оренбургской ссылке» был передан в редакцию «Орского рабочего» с дарственной надписью автора¹.

В 1960 г. в журнале «Уральский следопыт» вышел первый рассказ Л.Н. Большакова литературоведческого характера, посвященный обстоятельствам появления в Орске книги Л.Н. Толстого «Круг чтения» с редкими пометками. Успешная работа и положительные отклики коллег дали стимул для дальнейших разысканий. Исследовательскую работу Л.Н. Большаков сочетал с педагогической – преподавал спецкурсы в Орском пединституте, начинал готовить диссертационную работу по творчеству Л.Н. Толстого (которая осталась незавершенной). Вероятно, в начале 1960-х гг. зародилась и идея подготовить книгу о литературной истории Оренбуржья². Очевидно, что орское наследие навсегда определило вектор профессиональной судьбы: здесь появились первые работы о Т. Шевченко, впервые проведен тематический праздник «Шевченковский март», создан городской музей Т.Г. Шевченко и многое другое.

Орский период жизни неожиданно заканчивается летом 1962 г., когда Л.Н. Большакова переводят в Оренбург директором зарождавшейся областной студии телевидения. Одна из новаций, появившихся по инициативе Л.Н. Большакова – выпуск тематических телевизионных фильмов³. Первым опытом стал фильм «Дом его друга», снятый на основе архивных материалов по сценарию самого ученого. Фильм рассказывал о доме К.И. Герна, в котором часто бывал Т.Г. Шевченко.

О том, как родился и сформировался интерес Л.Н. Большакова именно к Т.Г. Шевченко, можно узнать из его воспоминаний и многочисленных интервью прессе. В одном из них ученый вспоминал, что первые доклады о Т. Шевченко делал еще в черниговской школе, затем уже в Орске – крае солдатской службы поэта – захотел узнать как можно больше о его жизни и творчестве, в оренбургском архиве искал сведения о жизни города шевченковской поры, по старым схемам реконструировал размещение и планировку зданий, которые видел и посещал известный ссыльный, прикладывал немалые усилия для увековечивания этих мест мемориальными досками⁴.

В 1967–1968 гг., еще будучи директором телестудии, Л.Н. Большаков много работал над биографическим словарем – статьями о людях, окружавших Т. Шевченко в период ссылки. В мае 1968 г. Л.Н. Большаков по собственному желанию ушел с телевидения, поскольку самостоятельно мыслящему творческому человеку все сложнее становилось угождать «вышестоя-

¹ Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет... С. 34.

² Там же. С. 60.

³ Л.Н. Большаков стал автором более 10 телевизионных сценариев.

⁴ Михайлив Е. Уральская Шевченкиана Леонида Большакова // День. 2004. № 143. 13 сентября.

щим» и приспособливаться под идеологические требования партийных органов и властей. Появилась возможность больше времени отдавать литературной работе, но главное – активизировать работу над кандидатской диссертацией, завершенной в целом к августу 1968 г.¹ К этому времени шевченковская тема уже полностью захватила Л.Н. Большакова, появилось немало статей в местных газетах², региональных и центральных литературно-художественных и научных журналах³, в том числе на Украине⁴.

Результатом пятилетней работы и первым монографическим опытом Л.Н. Большакова в шевченковедении и в жанре литературоведческого исследования стала книга «По следам оренбургской зимы»⁵. В качестве ведущего мотива автор называл «желание внести что-то новое в прочтение важных страниц биографии Т.Г. Шевченко». К середине 1960-х гг. о периоде ссылки Т. Шевченко уже существовала достаточно обширная мемуарная и научная литература, но и «белых пятен» еще было немало. В том числе, слабо изученными являлись новопетровские и аральские страницы его жизни. Уникальность книги заключалась еще и в том, что большая часть информации была основана на неизвестных ранее архивных и музейных источниках, не только оренбургских, но и орских, впервые вводимых в оборот. Кроме того, работая над диссертацией, Л.Н. Большаков продолжал составлять словарь окружения Т.Г. Шевченко, который насчитывал почти 800 персоналий.

Из всего продолжительного времени ссылки Л.Н. Большаков концентрирует внимание на периоде с ноября 1849 г. по май 1850 г., которому и дает метафорическое название «Оренбургская зима». 204 дня жизни поэта с самыми сложными обстоятельствами до сих пор оставались загадкой. Этим несколькими месяцам в биохронике Т. Шевченко повезло мень-

¹ Большаков Л.Н. Изучение окружения и связей Т. Шевченко как источник исследования его творчества периода ссылки (1847–1857 гг.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1968. 15 с.

² См., напр.: Большаков Л.Н. В Орской крепости // Орский рабочий. 1948. 19 декабря; Он же. Шевченко в Орске // Сталинец. 1951. 10 марта; Он же. Там, где жил великий Кобзарь // Сталинец. 1954. 21 мая; Он же. В Орской крепости // Орский рабочий. 1959. 16 августа; Он же. Страницы большой жизни // Орский рабочий. 1961. 22 января; Он же. Шевченковские места города // Орский рабочий. 1961. 10 марта.

³ См., напр.: Большаков Л.Н. Продолжение легенды // Уральский следопыт. 1961. № 3. С. 25–31; Он же. Поиски и находки // Уральский следопыт. 1961. № 6. С. 36–38; Он же. История одной коллекции // Уральский следопыт. – 1963. № 10. С. 27–30; Он же. По следам оренбургской зимы // Урал. 1964. № 3. С. 141–166; Он же. Где-то на Урале // Уральский следопыт. 1965. № 10. С. 62–69; № 11. С. 72–77; Он же. Тот самый Бархвиц...: Повесть-этиюд // Звезда. 1968. № 7. С. 190–196.

⁴ См., напр.: Большаков Л.Н. Там, где томился Кобзарь // Вітчизна. 1963. № 1. С. 221; Он же. По следам оренбургской зимы // Жовтень. 1965. № 3. С. 46–47; Он же. Новое об оренбургской ссылке Т.Г. Шевченко // 3 досліджень про Т.Г. Шевченко: зб. Київ: Дніпро, 1968. С. 55–66; Он же. Об оренбургском окружении Т. Шевченко // Радянське літературознавство. 1968. № 6. С. 60–63 (все на укр. яз.).

⁵ Большаков Л.Н. По следам Оренбургской зимы: Книга поисков. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1968. 227 с.

ше всего, вероятно, потому, что «тогдашние властители человеческих судеб рьяно заботились о превращении гениального поэта в безвестного солдата»¹. Повествование Л.Н. Большакова здесь очень тонкое, многослойное, безупречная сюжетная линия нанизывает на себя массу интересных и важных деталей, создавая у читателя таким образом цельное восприятие происходящего. Здесь и описание Оренбурга рубежа 1840–1850-х гг., и галерея людей, окружавших его в длительной и томительной ссылке, с которыми встречался и общался поэт, и творческая «кухня» мастера, вернувшегося из полуторагодичной Аральской экспедиции с новыми впечатлениями и сюжетами для работы, и бытовые зарисовки повседневной жизни, и многое другое.

Параллельно автор анализирует состояние архивных источников, раскрывает свой путь к неизвестным рукописям и документам, снабжает исследование солидной библиографией. Гипотезы и утверждения автора соединяются с фрагментами из произведений Т. Шевченко и архивных материалов, придавая художественному тексту крепкую и безупречную научную основу. Следует добавить, что книга написана блестящим, живым языком автора, который продолжал находить все новые формы для выражения своих мыслей. По признанию самого Л.Н. Большакова, «я не пишу монографию о жизни и творчестве Тараса Шевченко – просто иду по следам его оренбургской зимы». По словам автора, книга осталась недописанной, т.к. незавершенными остались разыскания, что открывало перед автором широкие перспективы для дальнейших исследований. Итак, Л.Н. Большакову удалось восстановить последовательность и хронологию событий, обосновать причины многих из них, в результате вывести оренбургский период из исторической тени. После выхода книги само выражение «Оренбургская зима» применительно к биографии Т.Г. Шевченко стало самостоятельным термином, обозначающим период от возвращения из Аральской экспедиции до второго ареста. Этот период стал наиболее плодотворным, характеризуется высокой творческой и общественной активностью Т. Шевченко, в это время созданы многие поэтические шедевры, написаны замечательные портреты и пейзажи.

Шевченковедческие исследования Л.Н. Большакова второй половины 1960-х гг. вызвали большой интерес со стороны украинских коллег. Например, научным руководителем кандидатской диссертации стал заведующий сектором шевченковедения Института литературы АН УССР академик Е.П. Кирилук. С положительными оценками и глубокими аналитическими отзывами и рецензиями выступили, например, член-корреспондент АН СССР П.Н. Берков, член-корреспондент АН УССР

¹ Большаков Л.Н. По следам Оренбургской зимы: Книга поисков – <http://artlib.osu.ru/web/books/bolshakov/book0013.pdf>

Е.С. Шаблиовский, писатель-литературовед, доктор филологических наук А.И. Дейч. Благодаря исследованиям Л.Н. Большакова Оренбург стал признанным центром советского шевченковедения. В мае 1970 г. в Оренбурге и Орске состоялась XIX Всесоюзная научная Шевченковская конференция, организованная совместно Оренбургским и Орским педагогическими институтами, Институтом литературы АН УССР. Ведущие научные силы страны представляли докладчики из Киева, Донецка, Одессы, Черкасс, Минска, Душанбе, Калинина и других городов. Материалы конференции впоследствии были изданы в Киеве¹.

1969 г. ознаменовался для Л.Н. Большакова не только успешной защитой диссертации, но и принятием по рекомендации И.Л. Андроникова, Н.Н. Гусева и других «мэтров» в члены Союза писателей СССР. В 1970 г. открылась и новая страница творческой деятельности – педагогическая – преподавание в вузе, на кафедре марксизма-ленинизма Оренбургского филиала Куйбышевского индустриального института (позднее – Оренбургского политехнического института), где ученый проработал 13 лет, совмещая проведение аудиторных занятий с руководством литературной лабораторией для студентов. Кроме того, на протяжении многих лет в форме придуманных им «писательских уроков» проводил встречи и открытые лекции в школах и училищах города и области, рассказывая о книгах и своих героях. Заметное место в этих выступлениях занимала тема творчества Т. Шевченко, история Оренбуржья.

В 1970-е гг. очень плодотворно складывались отношения Л.Н. Большакова с украинскими коллегами (В.С. Бородин, Е.П. Кирилук, Н.К. Николаенко, Е.С. Шаблиовский и др.) и ведущими исследовательскими центрами, прежде всего Институтом литературы им. Т.Г. Шевченко АН УССР. Это период не только активной личной и научной переписки, но и переводов произведений на украинский язык для публикации в виде отдельных книг² или статей в сборниках и журналах³. В книге «Літа невольничі» («Года невольничьи») был опубликован собиравшийся по

¹ Збірник праць XIX наукової Шевченківської конференції. Київ: Наукова думка, 1972. 251 с.

² Большаков Л.Н. Літа невольничі: Книга пошуків та досліджень про Т.Г. Шевченко періоду заслання. Київ: Дніпро, 1971. 425 с.; Он же. Їхав поет із заслання. Пошуки, роздуми, дослідження. Київ: Дніпро, 1977. 327 с.

³ Большаков Л.Н. Изучение ссылки Т. Шевченко как важная часть исследования его биографии // Зб. праць XVII наук. Шевч. конф. Київ, 1970. С. 92–103; Он же. О чем рассказывают рисунки Тараса Шевченко // Радянське літературознавство. 1971. № 4. С. 88–91; Он же. Из творческой истории стихов Т. Шевченко // Зб. праць XIX наук. Шевч. конф. Київ, 1972. С. 52–65; Он же. К вопросу о творческой истории некоторых жанровых и пейзажных произведений Шевченко // Зб. праць XX наук. Шевч. конф. Київ, 1973. С. 81–91; Он же. Путь «Кобзаря» // Прапор. 1978. № 3. С. 57–81; № 4. С. 85–103; Он же. Интернационализм окружения Шевченко // Зб. праць XXIII наук. Шевч. конф. Київ, 1979. С. 30–34; Он же. Певец свободы и единения народов // Прапор. 1979. № 3. С. 132–135 и др. (все на укр. яз.).

крупным делом долгое время словарь окружения Т.Г. Шевченко, включавший уже более 900 биографических справок о людях, имевших отношение к поэту за десятилетие ссылки, что позволило показать картину его личного и социального окружения.

«Їхав поет із заслання...» («Ехал поэт из ссылки...») – еще одна из блестящих «книг поисков» Л.Н. Большакова и первая в научной литературе попытка восстановить и проследить путь возвращения Т.Г. Шевченко из ссылки домой в 1857–1858 гг.: от Новопетровского укрепления до Москвы. Собранный, систематизированный и прокомментированный материал дает возможность понять, насколько важную роль сыграли эти несколько месяцев в жизни поэта. Повествование выстроено таким образом, что читатель переживает вместе с ним все перипетии долгого пути, разделяет все его радости, надежды и разочарования. В книге также помещен «Словарь окружения и связей Т. Шевченко периода возвращения из ссылки», состоящий из 187 персоналий – кратких справках-очерках. В 1977 г. в Киеве вышел «Шевченковский энциклопедический словарь» в двух томах, где было около 200 статей Л.Н. Большакова. Все работы имели самые позитивные отклики среди специалистов, так происходило знакомство Украины с Л.Н. Большаковым и его творчеством. Впоследствии вопрос о возможности издания «украинских книг» на русском языке поднимался неоднократно, но так и остался без решения.

В начале 1980-х гг. Л.Н. Большаков открыл еще одну новаторскую украиноведческую тему в литературоведческих поисках. Объектом его внимания стали судьба и литературное наследие писателя-мемуариста, влиятельного общественного деятеля второй половины XVIII – начала XIX в., «малороссийского» офицера и опального критика власти, Г.С. Винского, сосланного в Оренбург в 1780–1805 гг. «за вольнодумные мысли». Имя Г. Винского в советской науке того времени знали лишь редкие специалисты–историки соответствующего периода, его биография была известна фрагментарно, даже без точной даты смерти. На основе объемного массива документов Л.Н. Большаковым написаны увлекательные статьи¹ и романы². «Полного Винского» читали лишь отдельные счастливы-современники, в XX в. не читал никто, не было ни одной книги об этом писателе³.

¹ См.: Большаков Л.Н., Большакова Т.Л. Винский, известный и неизвестный // Рифей. 1981. С. 149–193; Большаков Л.Н. «Я истины искал...» // Уральский библиофил. Челябинск, 1986. С. 65–80.

² Большаков Л.Н. Возвращение из прошлого: Роман-поиск об украинском революционере-демократе, писателе Г.С. Винском. Київ: Радянський письменник, 1988. 379 с.; Он же. Возвращение Григория Винского. Оренбург: Димур, 1999. 335 с.; Он же. Возвращение Винского // Повести о поисках и обретениях. М.: Русская книга, 2000. С. 109–410.

³ Большаков Л.Н. Возвращение Винского... С. 111.

Л.Н. Большакову принадлежит заслуга обнаружения, сравнительного анализа и идентификации оригиналов полных текстов главного сочинения писателя «Мое время» в двух рукописях – Ленинградского Пушкинского Дома и Центральной научной библиотеки АН УССР в Киеве. Благодаря многолетним архивным поискам в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Чернигове, Уфе, Оренбурге, в историю и литературу вернулось почти забытое имя, в оборот введены все его тексты, «Записки Винского» изданы отдельной книгой¹, что позволило познакомиться с общественно-политическими взглядами и мыслями «неблагонадежного» дворянина, сделать его интересным не только для специалистов по русской истории, но и для широкого круга читателей. Эти и другие достоинства книги были отмечены в содержательных рецензиях².

В случае с Г. Винским Л.Н. Большаков применяет уже апробированный «шевченковский» методологический принцип – идти «широким фронтом», брать из источников всю информацию, которая только имеет отношение к объекту исследования, т.е. все имена, события, факты, любые упоминания, даже первоначально кажущиеся малозначительными. «...Эта книга – и роман, и монография. Совершенно научная по всем статьям, в то же время ... несет в себе многое, что в людском мнении присуще исключительно литературе «художественной»³. Работа над изучением жизни и творческого наследия Г. Винского заняла более 20 лет. Ранее единственным источником для изучения его биографии были страницы «Моего времени», остальное – неизвестность: «путь к Винскому лежит через архивы и книги, через раздумья над тем, что отыскано и – пока не отыскано, написано и не написано... Не все в творчестве и биографии Винского поддается расшифровке, но он притягивает все больше... как личность не утратившая значение»⁴. Таким образом была не только возрождена память о современнике декабристов, стала известна судьба его рукописей, подготовлено самое полное их издание, но сделан существенный вклад в изучение целой исторической эпохи правления Екатерины II. Работа Л.Н. Большакова была воспринята коллегами как имеющая «непреодолимое культурное и научное значение для современности»⁵.

С 1 января 1984 г. в день 60-летия Л.Н. Большаков начал вести ежедневные записи в «Дневнике», последнюю сделал 6 августа 2004 г. за три

¹ Записки Г. Винского. Первая полная публикация Л.Н. Большакова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. 129 с.; Переводы Г. Винского // Большаков Л.Н. Оренбургу – 260. Оренбург: Изд-во ОГУ, 2003. С. 91–119.

² См., напр.: Гореликова-Голенко Е.Н. Рецензия на книгу «Записки Г. Винского. Первая полная публикация Л.Н.Большакова» // Отечественная история. 2001. № 5. С. 174–176.

³ Большаков Л.Н. Возвращение Григория Винского... С. 217.

⁴ Большаков Л.Н. «Я истины искал...»... С. 80.

⁵ Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет... С. 139.

дня до смерти, итого 20 лет жизни – 20 ежедневников. Записи носят деловой характер – это лаконичные отчеты о сделанном, но почти на каждой странице есть и раздумья в связи с полученными письмами, впечатления о прочитанном, увиденном, размышления о событиях в семье, городе и стране. Впоследствии ученый признавался, что собственный дневник помогает лучше понять своих героев, проникнуть в их мировоззрение, психологию творчества¹.

В целом 1980-е гг. стали очень плодотворными для Л.Н. Большакова в области шевченковедения. Продолжая ранее начатые сюжеты и «накручивая» на них возникающие в работе идеи, ему удалось подготовить большое количество статей в местных² и региональных³ изданиях. Продолжается активное сотрудничество с Украиной, где выходят не только статьи⁴, но и новые книги⁵. Среди них, несомненно, выделяется одна из наиболее известных книг Л.Н. Большакова о Т. Шевченко «Все он изведал...»⁶ – сборник разножанровых сочинений, ставший итогом многолетних поисков. В нескольких повестях и рассказах с разных сторон, в различных аспектах, на основе ранее неизвестных или малоизвестных архивных источников рассматриваются жизнь и творчество поэта. Прежде всего поднимаются такие вопросы как взаимодействие среды и творческой личности, интернационализм художника, психологии рождения и осуществления его замыслов. Л.Н. Большаков не случайно подчеркивает, что «у каждого из нас свой Шевченко... Шевченко – целый мир. Мир образов, чувств, мыслей, идей... Формируя книгу, я старался с наибольшей полнотой, целостностью, убедительностью передать читателю свое преклонение перед гением»⁷. В объемную книгу вошла только часть того значительного материала, который был добыт исследователем за прошедшие

¹ Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет... С. 10–11.

² Большаков Л.Н. Чувство семьи единой // Южный Урал. 1982. 18 марта; Он же. Помнят степи певца Украины: К 170-летию со дня рождения Т. Шевченко. Оренбург: [б.и.], 1984. 7 с.

³ Большаков Л.Н. Адреса горя и борьбы // Т.Г. Шевченко. В степи бескрайней за Уралом... Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1980. С. 213–327; Он же. Происшествие в Оренбургской сатрапии: повесть-этиюд // Рифей. 1980. С. 214–231; Он же. «В семье вольной, новой...» // Урал – земля дружбы. Челябинск, 1982. С. 253–258; Он же. Как слово брата...: Штрихи к повести // Простор. 1983. № 9. С. 198–206; Он же. Тот горький июнь // Урал. 1984. № 10. С. 164–172; Он же. 25 февраля 18. // Рифей. 1987. С. 78–101.

⁴ Большаков Л.Н. Из шевченковских тетрадей // Вітчизна. 1980. № 3. С. 172–175; Он же. В поисках заветного // Вітчизна. 1980. № 7. С. 164–172; Он же. Предвестники свободы // Дніпро. 1983. № 3. С. 43–51 (все на укр. яз.).

⁵ Большаков Л.Н. Шляхами великої долі. Київ: Веселка, 1984. 175 с.; Он же. Пошук заповітного: Спостереження, роздуми, знахідки. Київ: Дніпро, 1985. 342 с.; Он же. Повесть про вічне життя. Київ: Веселка, 1990. 214 с.

⁶ Большаков Л.Н. «Все он изведал...». Т. Шевченко: поиски и находки. Київ: Дніпро, 1988. 541 с.

⁷ Большаков Л.Н. «Все он изведал...» – <http://artlib.osu.ru/web/books/bolshakov/book0005.pdf>

четверть века, некоторые разделы представлены только во фрагментах, предварительных зарисовках.

В середине 1980-х гг. Л.Н. Большаков начал обсуждать и продвигать идею создания Шевченковского комплекса-мемориала, в том числе обустройства Орского («Шевченковского») тракта. Много раз проезжая по этому пути, он брал на заметку порядок населенных пунктов, особенности природы, состояния дороги, сел и деревень. Так появлялись образы мемориальной дороги с криницами и вербами, обустроенными родниками и беседками, местами отдыха, почтовыми станциями, юртами, памятными знаками, деревьями, привезенными из самой Украины, музеем – просветительским центром Т. Шевченко в Нежинке, «музеем дороги». На протяжении многих лет проходили переговоры, поездки, встречи с жителями, руководителями и администрациями разного уровня, художниками. Самая большая надежда была на юбилейные мероприятия в 1989 г., к этому времени на всем пути появился асфальт, происходило некоторое обустройство. Но до полного воплощения замечательной идеи на практике дело не дошло. Возможно потому, что пришлось по времени на сложный период рубежа 1980–1990-х гг., связанный с глубокими идеологическими переменами и нарастающими социально-экономическими проблемами. В марте 1986 г. произошло еще одно знаменательное событие – при самом активном участии Л.Н. Большакова в старой части Орска, на месте бывшей крепости, на улице, носящей имя поэта, открыт музей Т. Шевченко. В основе экспозиции некоторые предметы, переданные в дар Киевским государственным музеем Т. Шевченко, панорамы и картины местных художников.

В мае-июне 1986 г. и в октябре 1987 г. Л.Н. Большаков в составе делегации советских журналистов и деятелей культуры и в рамках мероприятий дружбы народов принял участие в двух полумесячных поездках в Афганистан. Рабочая часть поездки предполагала посещение нескольких госпиталей, университетов, встречи с руководством страны, участие в круглых столах с афганскими коллегами-литераторами, а также переговоры о переводах произведений советских и афганских классиков и современных писателей. По итогам поездок были подготовлены путевые очерки, опубликованные в СССР (Оренбург, Киев) и Афганистане. Особое место в этот период занимает очерк «Пойду на Аму и всюду...»¹. Что же могло связывать Тараса Шевченко с Афганистаном? Сама судьба сделала его «знатоком Азии», считал Л.Н. Большаков. Река Амударья служила естественной границей Российской империи, через афганские земли проле-

¹ Большаков Л.Н. «Пойду на Аму и всюду...», или Необыкновенное путешествие с Тарасом Шевченко: Очерк-репортаж из Кабула. Кабул, 1986. 94 с. (на яз. дари и пушту). На русском языке в книге: Там за Уралом, за Елеком... С. 216–233.

гал путь в Тибет, где он, судя по переписке с друзьями, мечтал побывать¹. Проведя много лет в Средней Азии, Т. Шевченко хорошо познакомился с бытом и нравами местных народов, у него созрел замысел иносказательной обличавшей тиранию поэмы «Сатрап и Дервиш», действия которой были сознательно перенесены на далекий Восток.

Так и у Л.Н. Большакова во время пребывания в Афганистане родился проект издания в этой стране некоторых стихов Т. Шевченко. Желание открыть афганцам украинского поэта возникло не случайно. Оно не смогло бы осуществиться, не владей Л.Н. Большаков кладезю информации о личной жизни поэта, его частной переписке, которой тот иногда доверял свои сокровенные мысли. Так, например, и возникла тема «Шевченко и Восток». В этой связи следует отметить характерную черту исследовательских приемов Л.Н. Большакова – периодическое возвращение к, казалось бы, отработанному материалу в поисках новых замыслов и объяснений. Например, в 1984 г., работая со своими архивными выписками 15-летней давности о переходе Т. Шевченко из Орской крепости в Раимское укрепление в мае – июне 1848 г., ученый загорелся идеей подготовить «документально-архивную повесть» об этом событии, используя данное дело, а также произведения самого Т. Шевченко, воссоздать по дням тот переход, описанный пока мимолетно, мечтал с этой целью о поездке в Казахстан и Узбекистан – на земли прежнего Хивинского царства.

К 175-летию поэта, 9 марта 1989 г. в Оренбурге был открыт Мемориальный музей-гауптвахта Т. Шевченко – еще одна идея Л.Н. Большакова, «прогремевшая» на всю страну. За основу экспозиции был взят реконструированный интерьер главной гауптвахты, расположенной в подвале здания штаба Отдельного Оренбургского корпуса и кадетского эскадрона, построенного в 1830–1840-х гг. (*Фото 32–33*)². Оренбургская гауптвахта сыграла в жизни Т. Шевченко роковую роль. Здесь под арестом в результате доноса он пробыл с 27 апреля по 12 мая 1850 г., затем вторично был направлен в Орскую крепость для продолжения расследования и уже оттуда выслан в самую отдаленную точку службы – на полуостров Мангышлак.

Длительная и кропотливая работа по подготовке музея предполагала поиск в архивах подлинных планов здания с точным обозначением размещения гауптвахты, выполнение дизайн-проекта экспозиции по лучшим образцам музейного искусства, в т.ч. Украины, подбор экспонатов, поиск средств и подрядчиков и т.п. Большой вклад в формировании музейного фонда своими личными коллекциями внес и Л.Н. Большаков. В результате

¹ Большаков Л.Н. «Пойду на Аму и всюду...» // <http://artlib.osu.ru/shevchenko/issue2/pdf/poidu.pdf>

² В настоящее время в здании по ул. Советской, 24 находится школа № 30, музей располагается в цокольном этаже.

обстановка была максимально приближена к исторической действительности – восстановлены арестантская с изначальными полом и стенами, караульная, коридор. В создании музея принимали участие художники, музейные работники из Киева и Оренбурга. Все помещения оптимальным образом оборудованы под выставочные залы с манекенами – фигурами военных той эпохи, репродукциями произведений Т. Шевченко, документами, книгами, подарками музею, другими подлинными и современными экспонатами. Л.Н. Большаков приложил немало сил, чтобы музей-гауптвахта стал не только выставкой уникальных вещей, но и культурно-просветительским центром с разнообразными формами работы¹.

Фото 32. Здание бывшего штаба Оренбургского корпуса, 2009 г.²

Фото 33. Музей-гауптвахта Т. Шевченко, 2009 г.

Рубеж 1980–1990-х гг. стал драматическим для страны. Л.Н. Большаков, судя по дневниковым записям, очень болезненно воспринимал и переживал все глубинные трансформации в обществе, политике, культуре, быту. Спасала напряженная работа. Но период с 1988 по 1992 г. выдался не очень продуктивным в плане объема изданного материала – «всего» 15 публикаций за пять лет, из них 6 по шевченковской теме. Например, в 1991 г. к 250-летию Оренбурга вышла небольшая книжка «Дорогами Кобзаря»³. Проведенное краеведческое исследование стало первой попыткой изучения каждого из памятных мест в городе и области, связанных с многолетней солдатчиной поэта. В 18 коротких главах ёмко представлена вся насыщенная жизнь Т. Шевченко в ссылке от приезда на Южный Урал до

¹ Мемориальный музей-гауптвахта Тараса Шевченко / автор-сост. Л.Н. Большаков. Оренбург: Южный Урал, 1991. С. 13–16.

² Здесь и далее в главе фото Д.А. Черниенко.

³ Большаков Л. Дорогами Кобзаря. Оренбург: Южный Урал, 1991. 56 с.

отправки на Мангышлак – поездки из Оренбурга в Орск и обратно, впечатления от городов и населенных пунктов, нравы, царившие в крепостях и гарнизонах, обстоятельства перехода на Аральское море. Собирая материалы для книги, Л.Н. Большакову удалось по архивным источникам уточнить некоторые важные даты в биографии Т. Шевченко, достоверно установить места его проживания и пребывания в Оренбурге и Орске, восстановить топографию маршрутов по губернии.

Л.Н. Большаков чувствовал своего героя, поэтому стремился максимально реально воссоздать образ поэта. Он любил своего героя и хотел раскрыть читателю его внутренний мир, рассказать о его раздумьях, сомнениях и ошибках: «Я не молось на Шевченко, я его изучаю ... мне он нужен взаправдашний ... Я смотрю на Тараса не как на идола – отстраненно, вполне критично. Но это и есть единственно научный, единственно достойный подход»¹.

Несколько десятилетий занимаясь темой Шевченко, Л.Н. Большаков нащупал, где-то интуитивно, где-то вполне осознанно, принципиальные, мировоззренческие подходы к пониманию и социальной репрезентации феномена Личности и Человека. Во-первых, он всем своим естеством протестовал против обожествления Тараса: «Шевченко установлено больше памятников, чем любому другому национальному поэту в мире... памятников одинаковых – хмурых, усатых, старых». Во-вторых, во всей своей грандиозности и глубине перед ученым открылась проблема «Шевченко и Россия»: «...украинец в России ... в России всю жизнь ... смерть опять же в России. Украинский язык был его языком, но мечталось ему быть понятым, принятым в России, отсюда русские повести и поэмы. Он прославлял Украину в России...»². В-третьих, был убежден, что Шевченко – не только поэт и писатель Украины, он не принадлежит только одной литературе, он художник и мыслитель всех времен и народов.

Поэтому сам Л.Н. Большаков считал, что «главным делом жизни», «самой главной книгой», вбирающей все предыдущие замыслы, является именно «Быль о Тарасе»³, где он постарался представить поэта не трафаретной, но многогранной и цельной личностью. Написав три тома, собирався взяться за продолжение о Мангышлаке, которое бы «тянуло» еще на одну–две книги, и отдельную книгу о возвращении из ссылки. Замысел монументального, «эпохального» труда, ломающего многие стереотипы, появился в начале 1986 г.: «дать стенографически полный и точный слепок жизни – эпохи и человека», ставка делалась на исчерпывающую пол-

¹ Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет... С. 220–221.

² Там же. С. 222.

³ Большаков Л.Н. Быль о Тарасе. М.; Оренбург: ЕТПК «Кора», 1993. Кн. 1. Яман-Кала. 437 с.; Кн. 2. На Арале. 448 с.; Кн. 3. Оренбург. 299 с.

ноту: «книга должна быть широкой, объемной, крупной во всех отношениях... с достаточной полнотой, прямо и честно поведать о каждом годе, месяце, дне солдатчины Шевченко и возвращения его из неволи»¹. Глубинным внутренним импульсом было осознание того, что все биографы Шевченко в долгу перед ним, слишком много неувиденного, упущенного, больших и малых ошибок в постижении жизни гения².

Важным были не только новизна материалов (предстояла многолетняя работа в государственных архивах и собственном, собиравшемся более 50 лет), но и новизна подачи. Первоначально книга представлялась как роман-исследование, роман-документ, максимально насыщенный информацией, в виде «десятикнижия» – по всем годам солдатчины, поскольку особенно слабо был изучен именно первый год поэта в ссылке с июня 1847 г. по июнь 1848 г. Позднее над хронологическим принципом возобладал географический: Орск – Арал – Оренбург – Орск – Мангышлак. В ходе работы пришло понимание того, что количество томов определится со временем и не в количестве дело. Принципиально следующее: «книга должна быть полемичной ... направленной против тех, кто талдычит прописные истины ... не видя жизни Шевченко в эти десять лет, представляя ее исключительно черной солдатчиной, суживая трагедию поэта-художника... Быль о Тарасе – в противовес Легенды о Тарасе. Так формируется задача моей книги и всего цикла... быль противостоит небыли, неправде и откровенной лжи о нем ... это новый подход к биографии Шевченко – за него и против примитивов»³. На такую работу Л.Н. Большаков отводил себе пять лет, ровно столько и понадобилось, плюс несколько лет ожидания публикации своего детища.

Работа над третьим томом была завершена в мае 1991 г.: «никогда не писал ничего подобного – ни по объему, ни по охвату и новизне материала». Характерно, что искомое название трилогии – «Быль о Тарасе», пришло уже в разгар работы, спустя почти два с половиной года, как логическое обобщение всего пройденного пути.

Таким образом, трилогия «Быль о Тарасе» – самое крупное произведение о Т.Г. Шевченко, охватывает три года жизни поэта – 1847–1850, здесь собраны все документы и факты оренбургской ссылки Кобзаря. Окончание работы над книгой пришлось на начало 1990-х гг. – сложное время и для России, и для Украины не только с точки зрения материального благополучия, но и серьезных идеологических изменений. В Украине, где ранее свет увидели многие книги и статьи Л.Н. Большакова, тема Шевченко оказалась незаслуженно отодвинутой на задний план, не столь

¹ Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет... С. 223.

² Там же. С. 231.

³ Там же. С. 226–227.

востребованной, как в советские годы (может быть, как раз и вопреки всему ранее доминирующему советскому). С большими трудностями первый том вышел в Оренбурге небольшим тиражом в июле 1993 г.

Уже с начала 1994 г. Л.Н. Большаков взялся за продолжение трилогии, начал писать четвертый том, посвященный Мангышлаку, продумывал концепции и структуру последующих двух. Но, по признанию самого ученого, «испугавшись бесперспективности неиздания... возобновить работу, восстановить настрой... уже не отважился»¹, рукописи остались в личном архиве. Кроме того, Л.Н. Большакова в это время чрезвычайно увлек другой фундаментальный проект – подготовка шевченковской энциклопедии.

Логичным и продуманным продолжением научных поисков Л.Н. Большакова стало создание Института Тараса Шевченко (ИТШ) – важное, резонансное общественно-политическое событие в начале 1990-х гг. К этому времени назрела необходимость и появилась возможность развития деятельности не только в научном, но и культурно-просветительском направлении. Не случайно учредителем института стало Оренбургское областное украинское культурно-просветительское общество им. Т.Г. Шевченко. Как неоднократно подчеркивал Л.Н. Большаков, Институт был образован с целью объединения немногих шевченковедов за пределами Украины в единый центр, а также для стимулирования шевченковедческих исследований в самой Украине². Такие ученые-энтузиасты, кроме Оренбурга, работали в Петербурге, Таджикистане, Казахстане, Каракалпакии. Учреждение подобного центра именно в Оренбурге было еще и символичным, поскольку в свое время город являлся столицей огромной губернии, охватывавшей почти всю Среднюю Азию, включая Арал и Мангышлак – шевченковские места.

Идея Института появилась у Л.Н. Большакова в январе 1993 г., ее поддержали все коллеги-респонденты по научной и личной переписке из разных городов страны. Презентация готовилась в Областной научной библиотеке им. Н.К. Крупской к 27 марта 1993 г. – официальному завершению традиционного «Шевченковского марта». С приветствиями и поздравлениями по случаю открытия Института обратились вице-премьер-министр Украины, академик Н.М. Жулинский, министр культуры Украины, академик И. Дзюба, Посольство Украины в России, Государственный музей Тараса Шевченко, учреждения науки и культуры. Почетным президентом Института стал писатель, общественный деятель, академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР Олесь Гончар, директором – Л.Н. Большаков.

¹ Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет... С. 240.

² Там же. С. 241.

В Уставе ИТШ было записано, что общественная организация действует «на основе общей заинтересованности в решении задач изучения, пропаганды жизни и творчества Т. Шевченко»¹. Основными направлениями работы стали: 1) всестороннее научное изучение жизни и творчества Т. Шевченко периода его солдатчины; 2) пропаганда жизни и творческого подвига Т. Шевченко среди населения, увековечивание памяти о нем; 3) подготовка знатоков жизни и творчества Т. Шевченко в рядах студентов и учащейся молодежи. Важным решением, подтверждающим высокий научный статус Института и его разноплановую деятельность, стало учреждение печатного органа – «Научных записок ИТШ»², а в просветительских целях – газеты-бюллетеня «Институт Тараса» (вышло около полутора десятков выпусков) как одной из форм пропаганды своей деятельности, идей и материалов.

Спустя несколько месяцев после открытия Института, подводя первые итоги деятельности, Л.Н. Большаков отмечал, что профессионально-научные цели ИТШ выходят далеко за пределы области и даже региона. Институт быстро стал крупнейшим центром шевченковедения в СНГ (вне Украины), занимающийся изучением биографии поэта, увековечиванием памяти о нем, пропагандой его творчества³.

Несмотря на кадровые проблемы и пока еще слабую материально-техническую базу, Л.Н. Большаков четко представлял себе направления дальнейшего развития Института: создание электронной базы данных по Т.Г. Шевченко, организация сектора украинской этнографии, разработка, кроме украинской тематики, и других славянских сюжетов Оренбургского края – русских, польских. Несомненным успехом стал выход трилогии «Быль о Тарасе». Но в «портфеле» находилось еще немало интересных проектов и задумок, среди них – переиздание «Кобзаря», подготовка книги «Оренбург Шевченковских времен» к 250-летию города, сборник статей С.А. Попова о селах на шевченковском пути⁴.

Заметным событием в деятельности Института и оренбургском краеведении стало исследование *В.В. Дорофеева*⁵ «Оренбург Шевченков-

¹ Институту Тараса Шевченко – 10 лет. Оренбург: ИПК ОГУ, 2003. С. 7.

² В библиографических описаниях изданий ИТШ встречаются разные обозначения: «Научные записки» и «Научные тетради».

³ Большаков Л.Н. Институт Тараса Шевченко (первые итоги) // Национальные проблемы народов Оренбуржья: история и современность. Оренбург: [б.и.], 1993. С. 35–36.

⁴ Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет... С. 242, 244.

⁵ *Дорофеев Виктор Васильевич* (1927–2012) – журналист, педагог, историк-краевед, специалист в области исторической топографии, истории, архитектуры Оренбурга, автор многочисленных научных статей и публикаций в СМИ, член Союза архитекторов России, Союза журналистов России. Автор более 10 книг, 40 научных статей.

ский»¹, опубликованное в первом выпуске «Научных записок», посвященном памятным местам города, попытке воссоздания его облика конца 1840-х гг. В.В. Дорофеев напоминает читателям, что в исторической части города есть немало мест, связанных с пребыванием Т.Г. Шевченко. Не все из них сохранились, некоторые существенно изменили свой облик, но часть возможно еще реконструировать по сохранившимся в архивах чертежам². В Оренбург Т.Г. Шевченко въезжал через знаменитые Сакмарские и Орские ворота, служившие границами города, прогуливался по Почтовой, Водяной, Преображенской, Николаевской улицам, видел Петропавловскую и Никольскую церкви, церковь Вознесения Господня, костел, Гостиный двор, Канцелярию коменданта крепости, Неплюевский кадетский корпус, здание Благородного собрания, манеж на Александровской площади, Арсенал и др.

Фото 34. Дом Кутиных с мемориальной доской в честь Т. Шевченко, г. Оренбург, 2009 г.

¹ Дорофеев В.В. Оренбург Шевченковский // ОИТШ. Научные записки. 1 тетрадь. Оренбург: Ин-т Шевченко, 1993. 76 с.

² В Оренбурге мемориальными досками отмечены: дом по ул. 8 Марта, 29, где в 1847 и 1849–1850 гг. часто бывал Т. Шевченко; Казаковская, 43, на месте, где стоял дом К.И. Герна, в котором в 1850 г. жил Т. Шевченко; ул. Советская, 2, где в 1849–1850 гг. бывал Т. Шевченко; ул. Советская, 3, в это здание 9 июня 1847 г. был доставлен ссыльный Т. Шевченко; ул. Советская, 24, в цокольном этаже здания, на гауптвахте, в апреле-мае 1850 г. содержался под арестом Т. Шевченко. В Орске: пл. Б. Хмельницкого (здание музучилища) – место военного плаца, где в 1847–1848 гг. проходил солдатскую подготовку Т. Шевченко; кинотеатр «Октябрь» – место расположения казарм, в которых в 1847–1848 гг. проходил службу Т. Шевченко. Всего в границах Оренбургской области 11 мемориальных досок Т.Г. Шевченко.

В городе у поэта было три основных «пристанища» – дом Кутиных¹ (Фото 34), где снимал квартиру друг Т. Шевченко Ф.М. Лазаревский; дом штабс-капитана К.И. Герна в Старой Слободке, где Т. Шевченко жил в 1850 г.², и дом А.И. Бутакова. Таким образом, В.В. Дорофеев по архивным источникам восстанавливает изначальный облик этих зданий в виде рисунков и схем, возвращает Оренбургу из небытия его исторический облик, фиксирует малоизвестные памятники старины.

Во втором выпуске «Научных тетрадей ИТШ» опубликована одна из наиболее значительных работ Л.Н. Большакова – «Комментарии к Дневнику Т. Шевченко»³. Комментировать знаменитый дневник поэта (310 записей за 1857–1858 гг.) исследователь начал еще с конца 1984 г., а именно и географический словарь к Дневнику по просьбе Е.С. Шаблювского был выполнен еще раньше – в 1969 г.⁴ Хотя в 1972 г. факсимильное издание «Дневника» – точная копия единственного «автографа» № 104 из фондов отдела рукописей Института литературы им. Т.Г. Шевченко АН УССР, вышло без комментариев, но его изучение стало импульсом к появлению книги «Їхав поет із заслання» (1974), а имена и судьбы многих персонажей нашли отражение на страницах двухтомного «Шевченківського словника» (1976–1977). Интересно в этой связи мнение дочери писателя – Т.Л. Большаковой, которая полагает, что «...и свои ежедневники отец начал заполнять, чтобы разобраться, каково это – вести дневник. Уж очень много в его дневнике параллелей с Шевченковским»⁵. Именно так пришла мысль о дневниковой форме книги – пойти по следам Шевченко, раскрыть суть новопетровской жизни, прояснить его сообщения документальными подтверждениями. Поскольку без знания дневника невозможно понимание личности, богатства мыслей и творчества художника, а также эпохи, в которую он жил. Материалы для «Комментария...» собирались более 20 лет в различных ведомственных, в том числе военных, архивах Оренбурга, Н. Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Кие-

¹ Дом находится на углу ул. 8 Марта и переулка Шевченко, в 1952 г. отмечен мемориальной доской, но в 1964 г. к 150-летию Т. Шевченко обшит тесом и утратил оригинальный внешний вид.

² В настоящее время дом не сохранился. Здание по адресу Казаковская, 43 отмечено мемориальной доской.

³ Большаков Л.Н. Комментарий к дневнику Т. Шевченко // ОИТШ. Научные записки. II тетрадь. Оренбург: Ин-т Шевченко, 1993. 108 с.

⁴ Комментарий начал готовиться по заказу отдела шевченковедения Института литературы АН УССР, для 5 тома полного собрания сочинений Т.Г. Шевченко. Но от выполнения работы до ее публикации прошло достаточно много времени. Киевское академическое издание затягивалось на неопределенное время (соответствующий том вышел лишь в 2004 г.!), поэтому впервые сочинение было опубликовано в Оренбурге в формате «Научных тетрадей ИТШ» в 1993 г. и позднее переиздано в виде отдельной книги, см.: Большаков Л.Н. Комментарий к дневнику Тараса Шевченко. Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. 311 с.

⁵ Большакова Т.Л.. Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет... С. 253.

ва. Это была далеко не первая попытка комментирования, но самая системная и полная.

Выдающийся памятник литературы и общественной мысли XIX в. «Дневник» Т.Г. Шевченко, начатый автором в июне 1857 г. в Новопетровском укреплении и законченный в июле 1858 г. в Петербурге, состоит из 309 записей и является «по содержанию книгой и впрямь пестрой, по форме удивительно многообразной, по искренности, правдивости, осмыслению жизни выдающейся»¹. В дневнике отражены не только последние недели невольничьей жизни и первые месяцы по окончании десятилетней ссылки, но и выходящие за рамки отдельных событий раздумья автора о философии и политике, литературе и искусстве, о жизни. В предисловии к работе Л.Н. Большаков так формулирует свою главную цель – «...подробнейший фактический, текстологический, смысловой комментарий, основанный на самом доскональном научном исследовании биографии и творчества, окружения и связей Шевченко, всей той атмосферы, в которой он находился...»². По замыслу автора комментарии должны были содержать «достаточно полные историко-литературные, исторические, социологические, биографические и другие сведения по поводу каждой записи, каждого события и лица, каждого шевченковского высказывания, а также всестороннюю характеристику глубинного смысла дневниковых строк и страниц...»³.

Важно заметить, что в своей работе Л.Н. Большаков не только устанавливает и приводит безупречно точные данные и факты, но не боится выдвигать гипотезы и формулировать догадки. Например, при ответе на актуальный и спорный вопрос: вел ли Тарас Григорьевич дневники раньше? На основе личной переписки Т. Шевченко орского периода Л.Н. Большаков приходит к убеждению, что еще до дневника 1857–1858 гг. Т. Шевченко вел «записи для себя», но по известным причинам они были уничтожены самим поэтом. Однако часть из них, возможно, была использована в работе над знаменитым циклом повестей.

В третьей тетради «НЗ» вышло содержательное исследование красnodарского краеведа А.П. Банникова «Шевченко и Сапожниковы», посвященное взаимоотношениям поэта с членами известного астраханского рода купцов-меценатов. По мнению ученого, разработка этой темы имеет большое значение для литературного источниковедения, иконографии, установления русско-украинских культурных связей в середине XIX в., а

¹ Большаков Л.Н. Комментарий к дневнику Т. Шевченко – <http://artlib.osu.ru/shevchenko/issue1/pdf/dnevnik.pdf>

² Там же.

³ Там же.

также открывает ряд ранее неизвестных страниц личной и творческой биографии Т.Г. Шевченко¹.

Работая первое время исключительно на общественных началах, ОИТШ выпустил четыре научные тетради: «Оренбург шевченковский» В.В. Дорофеева, «Комментарий к Дневнику...» Л.Н. Большакова, «Шевченко и Сапожниковы» А.П. Банникова, «Слово о полку Игореве» (переложение Ю. Лифшица). В Научных тетрадях увидели свет также работы Л.Н. Большакова «Если говорить откровенно...» (1995), москвича С.А. Сапожникова «Шевченко, Блаرامберги и Мавромихали» (1999), Т.Ю. Скопинцевой по фольклору и этнографии украинцев Оренбуржья, стихи В. Шевченко и др. Создание Института и издание «Научных тетрадей» на протяжении 1993–1995 гг. позволили привлечь к шевченковедческим исследованиям новых местных и иногородних авторов, предоставить им возможность публикации своих научных трудов, а главное – продолжить работу над текстами самого Т. Шевченко.

В 1994 г. Л.Н. Большаков приступает к воплощению нового шевченковского проекта – книги «Вокруг Шевченко...». Ключевое событие года для исследователя – обнаружение знаменитой «тетради Кутиных» – хозяев дома в Оренбурге, у которых часто бывал и даже на какое-то время останавливался Т. Шевченко. М.И. Кутин – чиновник, владелец дома на углу ул. Преображенской и пер. Канонирского. Здесь снимал комнату офицер Ф.М. Лазаревский, его частым гостем и был Т. Шевченко.

По воспоминаниям современников известно, что с 1822 по 1865 гг. М.И. Кутин вел семейную хронику – «тетрадь», отдельные листы которой были обнаружены только в середине 1990-х гг. Долгое время эти сведения считались почти легендарными, не имеющими достоверных подтверждений, а сама тетрадь – таинственной. На раскручивание всей нити и последовательности событий ушли годы, поисковая документальная повесть «Тетрадь с вырванными листами» впервые была опубликована в 1995 г. в научных тетрадях ИТШ², а в 2000 г. вышла как составная часть сборника повестей Л.Н. Большакова³. Автор признается, что к этому повествованию шел с того времени как занялся изучением оренбургских страниц жизни Т. Шевченко. Уже в своей первой книге 1968 г. «По следам оренбургской зимы» он констатировал факт утраты редкой рукописи-хроники Кутиных. По свидетельствам местных краеведов она была доступной специалистам

¹ Банников А.П. Шевченко и Сапожниковы // ОИТШ. Научные записки. III Тетрадь. Оренбург: Димур, 1994. 76 с.

² Большаков Л.Н. Тетрадь с вырванными листами / Научные тетради ОИТШ. № 1. Оренбург: [б.и.], 1995. С. 4–10.

³ Большаков Л.Н. Тетрадь с вырванными листами // Повести о поисках и обретениях. М.: Русская книга, 2000. С. 411–430.

еще в довоенные годы, но потом внезапно исчезла. На поиски ее следов ушло почти 30 лет.

В 1994 г. через уфимского коллегу В.Я. Бабенко Л.Н. Большаковым было получено письмо из Государственного литературного музея (г. Москва) с сообщением о том, что записная книжка Кутина находится в фольклорном отделе. Но страниц, которые должны были пролить свет на пребывание в доме Т. Шевченко, в книжке не оказалось. В небольшом рассказе «Тетрадь с вырванными листами» речь идет о загадочной истории домашней хроники, обстоятельствах ее обнаружения, о семье Кутиных – хранителях раритета, содержании заветной тетради. Долгие размышления над источником привели к выводу, что убедительных доказательств наличия информации о Т. Шевченко на отсутствующих листах нет. Вместе с тем, на основании прямых и косвенных данных Л.Н. Большаков обосновал важный биографический факт – сам Т. Шевченко квартировать в доме Кутиных не мог, но часто там бывал у друзей.

С апреля 1994 г. Л.Н. Большаков начинает работать над энциклопедией окружения и связей Т.Г. Шевченко периода солдатчины 1847–1858 гг. и словарем географических названий. Архивный материал для них накапливался более 20 лет – сотни имен, но с возможностью уточнения и дополнения новыми фактами. Основой книги, ее существенным заданием стали предшествующие работы – «Літа невольничі», «Їхав поет із заслання...», «Быль о Тарасе», многочисленные статьи из киевской «Шевченковской энциклопедии» 1971 г. и др. В поле внимания ученого попали не только люди, с которыми Т. Шевченко непосредственно встречался и общался в течение 10 лет, но и его корреспонденты по переписке, а также все упоминаемые им в различных текстах личности – свыше 280 статей.

В комментариях был реализован глубокий и далеко не очевидный методологический принцип – знакомство с судьбами тех, кто окружал Шевченко, поможет более объемно представить Личность самого поэта. Такой подход полностью оправдывал энциклопедичность, универсальность, «этапность» книги, которая, с одной стороны, явилась действительно новым словом в научной литературе о Шевченко, с другой стороны, завершала серию капитальных трудов в шевченковедении самого Л.Н. Большакова. Сам Л.Н. Большаков оценивал свою работу так: «Мой комментарий – труд серьезнейший, первое полное прочтение «Дневника» и истолкование его с позиций и содержания, и языка»¹. В основном работа была завершена за год, как изначально и планировал Л.Н. Большаков, но «шлифовка» отдельных статей продолжалась и в 1995–1996 гг. В окончательном варианте книга представляла собой «Оренбургскую Шевченков-

¹ Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет... С. 254.

скую энциклопедию» (в рабочем предварительном варианте – «Вокруг Шевченко»¹).

В декабре 1995 г. Институт Тараса Шевченко вошел в структуру Оренбургского государственного университета и стал здесь первым научно-исследовательским учреждением гуманитарного профиля, выполняя функции центра шевченковедения, украинистики и энциклопедических проектов, что нашло отражение в официальном названии: «Институт Тараса Шевченко – Центр энциклопедических проектов» (ИТШ–ЦЭП). К этому времени была закончена подготовка «Оренбургской Шевченковской энциклопедии», подготовлен Шевченковский электронный банк данных (ШЭБ), научные сотрудники сектора фольклора в экспедициях записывали песни украинцев Оренбуржья. Не ушла в сторону и общественная работа – научно-методическое содействие орскому и оренбургскому музеям в создании Клуба любителей старины, украинской воскресной школы, просветительская работа в школах, училищах, вузах, участие в праздниках украинской культуры, научные консультации для местных и украинских СМИ. Установлены контакты с НАН Украины, Национальным музеем им. Т.Г. Шевченко (Киев), Национальным музеем-заповедником Т.Г. Шевченко (Канев), Луганским государственным университетом им. В. Даля, Культурным центром Украины в Москве и т.д.

В 2002 г. в Год Украины в России был создан Фонд «Оренбургский Институт Т. Шевченко» как консультативно-попечительский совет НИИ ИНТ–ЦЭП. Целью Фонда провозглашено всемерное содействие многосторонней деятельности по научному изучению и пропаганде в Оренбуржье и на примыкающих к нему территориях жизненного подвига и творческого наследия Т.Г. Шевченко, традиций дружбы и взаимной помощи русского и украинского народов, укрепление общественно-политических, экономических, культурных связей двух стран. Конкретные направления работы должны заключаться в издании книг, брошюр по шевченковедческой и украиноведческой тематике, проведение конференций, семинаров, лекций, концертов), поощрение научной работы студентов и учащихся, издание электронного журнала «Оренбург. Шевченко. RU», проведение традиционного «Шевченковского марта», помощь в работе шевченковских музеев Орска и Оренбурга, создание Шевченковской мемориальной дороги Оренбург – Орск.

В марте 2003 г. состоялась научная конференция к 10-летию деятельности ИТШ–ЦЭП. В итоговых материалах конференции отмечалось, что Институт явился не только общепризнанным центром шевченковедения и региональных энциклопедий, но и первым в России и СНГ учрежде-

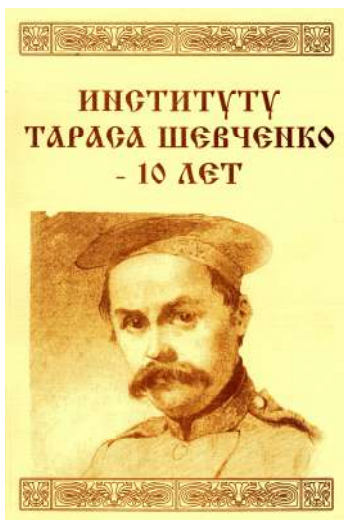
¹ Вокруг Шевченко: Энциклопедическое издание. В 3-х ч. Оренбург: Препринт Laser, 1996. Ч. 1. Имена (А–Л). 290 с.; Ч. 2. Имена (М–Я). 258 с.; Ч. 3. Названия. 100 с.

нием, которое осуществило полную разработку научной биографии писателя и мыслителя Г.С. Винского. Благодаря вовлеченности в планы Института подготовили и защитили диссертации Г.Г. Коломиец, Т.А. Камскова, Т.Ю. Скопинцева. Упрочились связи с другими научными центрами России, с Украиной и Казахстаном¹.

Еще в дневниковых записях Л.Н. Большакова, датированных 1996–1997 гг., появляются мысли закончить с «книжным» Шевченко и сосредоточиться главным образом на подготовке энциклопедических проектов, изданием неопубликованных первоисточников, писатель задумывается об издании «Библиотеки Оренбургской шевченкианы».

Но первостепенное значение имело издание «Оренбургской шевченковской энциклопедии» (ОШЭ) – первого и единственного труда такого характера и размаха². Впервые относительно полный замысел словаря окружения и связей Т. Шевченко его солдатского десятилетия был осуществлен в качестве приложения в киевском издании «Літа невольничі» 1971 г. Эта работа легла в основу всех последующих комментариев к произведениям Т. Шевченко, помогла при подготовке «Шевченківського словника» (1976–1977). Со временем в ходе активной исследовательской работы появлялись новые факты, имена, уточнялись прежние сюжеты. С необходимостью существенной доработки словаря Л.Н. Большаков столкнулся в процессе написания «Были о Тарасе». Так появилась идея превращения словаря в настоящую персональную энциклопедию всего периода ссылки, в которую было включено около 1,5 тыс. имен. Энциклопедия состоит из трех частей: 1) все персоналии, известные в связи с Т. Шевченко; 2) географическое описание мест, где побывал поэт; 3) материал об увековечивании памяти Т. Шевченко (ученые, писатели, мероприятия, мемориальные доски и др.).

Подобный проект Л.Н. Большакова стал первым в мировом шевченковедении по своим структуре, содержанию, объему информации и привлеченным источникам, среди которых ранее неизвестные архивные материалы из 10 городов России, Украины, Казахстана, Литвы, Польши. За-

Сборник к 10-летию ИТШ

¹ Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет... С. 251.

² Оренбургская шевченковская энциклопедия. Тюрьма. Солдатчина. Ссылка. Энциклопедия одиннадцати лет. 1847–1858. Оренбург: ПД Димур, 1997. 510 с.

слуга Л.Н. Большакова заключается в том, что ему удалось разыскать в различных архивах старинные документы Оренбургской, Орской крепостей, Раимского укрепления, часть из которых считалась погибшей или безвестно пропавшей. В результате существенно расширилась источниковая база шевченковедения, были привлечены не только прямые (о самом Т. Шевченко), но и косвенные источники (о людях и событиях с ним связанных), среди которых метрические книги, приходские книги, военные и полицейские приказы, ревизские сказки и т.д., а также редкие историко-краеведческие и мемуарные тексты (труды ученой архивной комиссии, воспоминания старожилов, общественных деятелей того времени, справочные издания).

При подготовке энциклопедии Л.Н. Большаков усовершенствовал и реализовал следующие основополагающие принципы и приемы:

- сопоставление всех известных видов источников;
- использование новых типов подробных персонально-обобщающих статей-комментариев;
- разработка единой, универсальной внутренней структуры (плана) статей;
- расположение персональных статей при сохранении общего алфавитного порядка по степени влияния и знакомства с Т. Шевченко;
- применение перекрестных межстатейных ссылок-«подсказок»;
- обязательное указание на источники информации;
- применение строгого принципа ссылок на художественные и изобразительные произведения Т. Шевченко по единым источникам – академическим многотомным изданиям 1963–1964 гг.;
- наличие информации о предшествующем исследовательском опыте в изучении окружения Т. Шевченко;
- снабжение энциклопедии развернутым справочным аппаратом.

Результатом такой кропотливой и скрупулезной работы стала возможность воссоздать события, узнать о судьбах людей – современников шевченковской эпохи, устранить некоторые фактические ошибки, прояснить спорные вопросы жизни и творчества Т. Шевченко (предысторию и обстоятельства появления многих стихов, рисунков, портретов). В настоящее время ОШЭ по праву является самым полным изданием подобного рода о Т.Г. Шевченко, творчески соединяющим данные, опубликованные ранее и обнаруженные в ходе архивных поисков лично Л.Н. Большаковым. Вслед шевченковской энциклопедией вышли еще две региональные энциклопедии: пушкинская и толстовская. В них были реализованы те же научно-методические принципы, что позволило сделать прорыв в деятельности Института из чисто украинской в более широкую славян-

скую тематику¹. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. основная деятельность Л.Н. Большакова была связана, главным образом, с решением множества организационных вопросов по руководству ИТШ², «Шевченковскому марту», переизданием предыдущих сочинений³, завершением цикла работ о Г.С. Винском⁴, составлением и редактированием научных сборников, подготовкой рецензий, анализом и обобщением работы Института в СМИ.

Рисунок 6. Научные издания Л.Н. Большакова

¹ Все указанные энциклопедии размещены на сайте Научной библиотеки ОГУ: http://artlib.osu.ru/site/index.php?option=com_content&task=view&id=14&Itemid=148

² Несколько раз Л.Н. Большаков презентовал свое детище на Украине, см., напр.: Большаков Л.Н. Научно-исследовательский Институт Тараса Шевченко Оренбургского государственного университета // Слобожанщина: Літературний вимір. Луганськ: Знання, 2003. Вип. I. С. 15–19; Он же. Десять лет Институту Тараса Шевченко в Оренбурге // Слобожанщина: Літературний вимір. Зб. наук. праць. Луганськ: Знання, 2004. Вип. II. С. 67–68.

³ Большаков Л.Н. Повести о поисках и обретениях. М.: Русская книга, 2000. 495 с.; Дневник Тараса Шевченко с 12 июня 1857 г. по 13 июля 1858 г. / коммент. Л.Н. Большакова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. 311 с.; Большаков Л.Н. Там за Уралом, за Елеком... Оренбург: ИПК ОГУ, 2003. 236 с.

⁴ Большаков Л.Н. Возвращение Винского. Оренбург: Димур, 1999. 336 с.

После ухода Л.Н. Большакова из жизни в 2004 г. возглавляемый им «ИТШ–ЦЭП» подвергся существенным реорганизациям и в прежнем формате прекратил существование. Невыполненными оказались интересные проекты, среди которых – конференция по русско-украинским связям, книги «Полвека с Шевченко», «Путиами замыслов», «Книга о вечной жизни», о русской прозе Шевченко, полное описание шевченковского десятилетия и многое другое; многочисленные рукописи, наброски, черновики остались неопубликованными. Сам ученый мечтал о продолжении работы его детища, возможно, в форме НИИ «Центр энциклопедических проектов»¹.

Научный задел, созданный Л.Н. Большаковым за 60 лет профессиональной деятельности, позволяет и в настоящее время реализовывать различные формы сохранения и развития оренбургского шевченковедения:

1. Длительные и разносторонние шевченковедческие исследования Л.Н. Большакова предопределили сохранение интереса к данному направлению и возможность дальнейшей работы в рамках научной школы после ухода ученого из жизни. Еще в 1990-х – первой половине 2000 г. вокруг Л.Н. Большакова постепенно формируется группа коллег, единомышленников – специалистов в разных гуманитарных областях, которым с того или иного ракурса была небезынтесна тема Шевченко. Среди них краевед, журналист, преподаватель ОГПУ В.В. Дорофеев, директор краеведческого музея в Орске *А.Л. Ильясов*², библиотечный работник, многолетний заместитель в ИТШ *Т.А. Камскова*³, философ, преподаватель ОГПУ И.М. Габдулгафарова, филолог, преподаватель ОГПУ Л.В. Иванова, архивист Т.С. Панина, культуролог, преподаватель ОГУ Т.Ю. Скопинцева и др. Опытом коллективного взгляда на роль Т.Г. Шевченко стала научная конференция к 185-летию со дня его рождения. В выступлениях были подняты вопросы, связанные с междисциплинарным анализом жанровых произведений, отражением личности поэта в СМИ, пребывании Т. Шевченко в Оренбуржье, деятельностью по увековечиванию памяти через деятельность библиотек и массовые мероприятия⁴. Важной вехой в оренбургском шевченковедении явилась научная конференция «Кобзарь в Оренбуржье» (2006). Из более чем 20 докладов треть была посвящена различным аспектам жизни и творчества Т.Г. Шевченко: осмысление лично-

¹ Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет... С. 274.

² *Ильясов Абдулла Латфулович* – зав. отделом культуры горисполкома, директор Орского краеведческого музея, первый руководитель Орского музея Т. Шевченко, открывшегося в 1986 г. В 1976–1977 гг. был одним из инициаторов организации «Шевченковского марта». Заслуженный работник культуры РФ.

³ *Камскова Татьяна Александровна* – зав. редакционно-издательским отделом Оренбургской областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской, кандидат педагогических наук (2003), в 1995–2004 гг. старший научный сотрудник Института Тараса Шевченко.

⁴ *Помят степи певца Украины: мат-лы науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2000. 112 с.*

сти поэта в XXI в. (И.М. Габдулгафарова), шевченковский Оренбург (В.В. Дорофеев), состав архивных материалов (Е.Н. Попова), анализ поэтических произведений (Н.В. Воловик), тема Шевченко в лингвокраеведении (Т.В. Стрельцова), Т. Шевченко в Оренбургском крае (Е.А. Расулова, Р.Б. Кинтаева)¹. Сегодня шевченковская тема в различных формах присутствует в научных исследованиях и педагогической работе со студентами во всех высших учебных заведениях Оренбурга, библиотеках и музеях области, а также в общеобразовательных школах.

2. В 1976–1977 гг. закладываются традиции будущего знаменитого праздника «Шевченковский март» – любимого детища Л.Н. Большакова. Первоначально его отмечали как городской в Орске, а с 1980 г. он обрел более высокий статус – стал проводиться во многих городах и районах области, основные мероприятия переместились в Оренбург, возросло внимание СМИ. Безусловная закономерность заключалась в том, что «чем больше книг входило в шевченковедческую науку, чем больше появлялось друзей не только на Украине, но и в других республиках СССР, тем большее число гостей собирал праздник»². В 1977 г. была учреждена Орская литературно-художественная премия им. Т.Г. Шевченко, первым лауреатом которой стал Л.Н. Большаков. Заложенная традиция не прерывалась никогда, даже в начале 1990-х гг. – самых сложных с точки зрения организационных и финансовых проблем. В рамках праздника в течение всего месяца проходили научные конференции, литературные встречи, публичные чтения, вечера поэзии, выставки в областной научной библиотеке, архиве и музее, концерты самодеятельных и профессиональных артистов, в том числе гостей из Украины, «шевченковские уроки» в школах. Из преимущественно городских мероприятий постепенно родилась идея проведения украинских летних праздников поэзии в районах области с выступлением лучших чтецов, народных самодеятельных коллективов. В значительной степени традиции праздника в форме различных мероприятий сохраняются до настоящего времени³. В рамках «Шевченковского марта» с 1977 г. проводились и «Шевченковские научные чтения». Первый опыт накапливался в стенах Орского педагогического института, где работала студенческая секция. Неоднократно в Чтениях принимали участие ученые и писатели из Украины (А. Пономаренко, Н. Голодная, Ю. Пелешенко, Н. Видоняк, М. Корнейчук, Н. Клименко, О. Шевченко, О. Витте, В. Яцюк, М. Ткач, Л. Горлач и др.). За долгое время в рамках Чтений были подняты десятки новых сюжетов, связанных не только с личностью Т.Г. Шевченко, но и культурной, общественно-политической

¹ Кобзарь и Оренбуржье: мат-лы обл. науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2006. 100 с.

² Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет... С. 168.

³ В 2012 г. в Оренбургской области состоялся XXXVI «Шевченковский март».

жизнью Южного Урала в разные периоды истории. С 1994 г. научные чтения проводились в Оренбурге Институтом Тараса Шевченко. После ухода из жизни Л.Н. Большакова – главного организатора и вдохновителя Чтений, научно-просветительская составляющая «Шевченковского марта» стала уменьшаться, в настоящее время преобладают культурно-массовые мероприятия. Подготовка к 200-летию со дня рождения Т.Г. Шевченко в 2014 г. должна стать новым импульсом в оживлении научной работы.

3. В рамках «Шевченковского марта» с 2005 г. научной общественностью Оренбурга совместно с Администрацией города проводятся научные «Большаковские чтения». К настоящему времени состоялось пять конференций (2005, 2006, 2007, 2009, 2011), получивших со временем международный статус. Если первое заседание было посвящено преимущественно жизни и научному пути Л.Н. Большакова, то в последующие годы определилось более широкое и перспективное направление – «Культура Оренбургского края: история и современность». «Большаковские чтения» не только увековечили память об ученом, но и стали серьезной научной площадкой для всех, кто заинтересован в обсуждении разноплановых проблем истории и культуры¹. География участников чтений постепенно расширялась и охватывает не только уральский регион, но и Москву, Северный Кавказ, Поволжье, налажено сотрудничество с учеными Украины, Казахстана и Германии. Таким образом происходит объединение усилий ученых различных направлений и специальностей в деле изучения культуры Оренбургского края². Важными направлениями работы являются: литературное и научное наследие Л.Н. Большакова, этнокультурная и конфессиональная ситуация в Оренбургском крае и на Южном Урале, научно-педагогические и просветительские традиции и новации, состояние архивных и библиотечных фондов региона, культура повседневности и облик старого Оренбурга, краеведение и журналистика, художественная культура края. С каждым разом тематика выступлений расширяется, появляются новые интересные и глубокие исследования.

4. В марте 2002 г. на сервере Оренбургского государственного университета (ОГУ) по инициативе ИТШ-ЦЭП появился специализированный интернет-журнал «Оренбург. Шевченко. RU»³, который предполагалось выпускать раз в два месяца. В первый выпуск вошли вступительное слово ректора ОГУ В.А. Бондаренко, хронология пребывания Т. Шевченко в Оренбурге, дневник Т. Шевченко с комментариями Л.Н. Большакова, текст повести «Тетрадь с вырванными листами», современная публици-

¹ Пятые Большаковские Чтения: Культура Оренбургского края: история и современность. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2011. С. 11.

² Большакова Т. В неустанном поиске // Леонид Наумович Большаков: биобиблиографический указатель. Уфа: Уфимский филиал МГУ им. М.А. Шолохова, 2009. С. 15.

³ См.: http://artlib.osu.ru/site/index.php?option=com_content&task=view&id=11&Itemid=98

стика и другие материалы. Второй выпуск журнала состоял из двух частей: первая – новые материалы о Т.Г. Шевченко (книга «Я проводил его глазами...», впервые опубликованная в электронном виде); вторая – некоторые тексты о Г.С. Винском. Работу над третьим выпуском интернет-журнала прервала смерть Л.Н. Большакова, редакционный «портфель» к этому времени был представлен только одной работой оренбургского журналиста, выпускницы Киевского университета Т. Ивановой о педагогических взглядах Т.Г. Шевченко¹. Дальнейшая работа над научным наследием Л.Н. Большакова способствовала тому, что в 2007 г. в рамках Третьих «Большаковских чтений» состоялась презентация электронной библиотеки ученого, созданной в ОГУ². В окончательном же виде третий выпуск был подготовлен лишь к Четвертым «Большаковским чтениям» в 2009 г., посвященным 195-летию со дня рождения Т.Г. Шевченко и 85-летию со дня рождения Л.Н. Большакова. В выпуске представлены также библиографический указатель большаковской шевченкианы, несколько тематических статей³, информация о «Шевченковском марте», предыдущих научных чтениях и другие материалы. К памятной дате в музее истории ОГУ открылась также выставка «Писатель Л.Н. Большаков – патриот России».

5. Важным направлением современной работы является подготовка к изданию обширного научного и эпистолярного наследия Л.Н. Большакова, материалов личного архива и т.п. Главным подвижником и популяризатором творчества писателя остается его дочь – *Т.Л. Большакова*⁴, которой принадлежит не только ряд содержательных аналитических материалов⁵,

¹ Иванова Т. Педагогические воззрения Т.Г. Шевченко – <http://artlib.osu.ru/shevchenko/issue3/pdf/ivanova.pdf>; позднее статья была переработана в книгу: Барбусова Т.В. Души моей святыхня. Педагогические воззрения в прозе Тараса Шевченко. Оренбург; Киев: [б.и.], 2007. 215 с.

² См. сайт Научной библиотеки ОГУ: http://artlib.osu.ru/site/index.php?option=com_content&task=view&id=46&Itemid=117

³ Камскова Т.А. Л.Н. Большаков – создатель НИИ Тараса Шевченко ОГУ; Бурлак Л.А. Деятельность Оренбургского областного украинского культурно-просветительского общества им. Т.Г. Шевченко в сфере культурного строительства региона; Бойцун И.Е. Метаморфозы Тараса Шевченко периода ссылки... – <http://artlib.osu.ru/shevchenko/issue3/pdf/boycun.pdf>

⁴ *Большакова Татьяна Леонидовна* – журналист, педагог, писатель. Окончила факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор научных трудов по литературному краеведению, изучению наследия Л.Н. Большакова. Проводит работу по систематизации личного архива ученого и популяризации его творчества. Член Союза журналистов России.

⁵ См., напр.: Большакова Т.Л. Вы открыли мне много нового // Ренессанс. 2006. №3. С.131–137; Она же. «Прочтется с особенным интересом»: из переписки Н.Н. Гусева с Л.Н. Большаковым // Толстовский ежегодник. 2003. Тула, 2006. С. 419–428; Она же. В письмах – эпоха // Педагогический журнал. 2007. № 2. С. 63–68; Она же. Вклад Л.Н. Большакова в развитие культуры Урала // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2008. С. 195–199; Она же. Вклад Л.Н. Большакова в историю российской украинистики // Украинистика в России: история, состояние, перспективы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Киев; М.; Уфа: Изд-во УФ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. С. 145–151.

но также составление и редактирование научной и частной переписки, неопубликованных рукописей ученого¹. Значительный вклад в проблему «роли личности» в науке внесли также публикации Т.А. Камсковой², А.В. Кирьяковой, Г.Г. Коломиец, В.В. Ронжес и др. Следует заметить, что творчество Л.Н. Большакова стало объектом тщательного анализа и научной критики исследователей и в России, и в Украине³.

6. Длительное научно-литературное творчество и большое количество разножанровых трудов Л.Н. Большакова потребовало в дальнейшем работы по их систематизации и составлению полных библиографических указателей⁴. Первое подобное издание было подготовлено в 2005 г.⁵, оно объединило все известные публикации, в том числе в справочниках, словарях, сборниках, журналах, газетах. В последующие годы появилось значительное количество статей, авторы которых исследуют разные аспекты многообразной деятельности Л.Н. Большакова, рассказывают о жизни писателя и ученого, анализируют его вклад в науку⁶, а также дополнения к ранее изданным указателям⁷. На основе этих дополнений со временем была проведена работа по их структурному усовершенствованию и уточнению.⁸

7. В фондах научной библиотеки Оренбургского государственного университета хранится книжное собрание Л.Н. Большакова – одна из наиболее объемных коллекций университета, переданная в дар в 2003 г. Личная библиотека из более чем двух тысяч экземпляров собиралась на про-

¹ См., напр.: Большаков Л.Н. Се человек // Ученый. Писатель. Гражданин: мат-лы Первых Большаковских чтений. Оренбург: ОГУ, 2005. С. 67–69; Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет на фоне эпохи. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. 460 с.

² См., напр.: Камскова Т.А. Л.Н. Большаков – создатель НИИ Тараса Шевченко ОГУ – <http://artlib.osu.ru/shevchenko/issue3/pdf/kamskova.pdf>; Камскова Т.А. Автографы свидетельствуют... из коллекции мемориальной библиотеки Л.Н. Большакова // Вторые Большаковские Чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: сб. науч. ст. Оренбург: ДИМУР, 2006. С. 211–214.

³ См. напр.: Акиншина І. Біографічна проза Л. Большакова в контексті художньої літератури останнього десятиліття ХХ століття // Вісник Луганського державного педагогічного університету ім. Т. Шевченка. 2001. № 8 (40) серпень. С. 25–33; Савенко І.Л. Л.Н. Большаков – науковець, письменник-документаліст // Документалістика на зламі тисячоліть: проблеми теорії та історії: мат-ли міжнар. наук. конф. Луганськ: Знання, 2001. С. 51–57; Акиншина І.М. Жанрово-стильові особливості художньо-біографічної прози 80–90-х років ХХ ст.: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 2005. 20 с.; Савенко І.Л. Жанрово-стильові особливості біографічного роману-пошуку: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Тернопіль, 2006. 18 с.

⁴ За 2005–2009 гг. литература по этим вопросам насчитывает более 30 публикаций.

⁵ Леонид Наумович Большаков: Библиографический указатель / сост. В.В. Ронжес. Оренбург: ОГУ, 2005. 96 с.

⁶ Большакова Т.Л. Т.Г. Шевченко в произведениях Л.Н. Большакова: библиографический указатель. Оренбург: РИО ОУНБ им. Н.К. Крупской, 2009. 16 с.

⁷ См., напр.: Большакова Т.Л., Камскова Т.А. Жизнь продолжается: библиография новых работ о жизни и творчестве Л.Н. Большакова – <http://artlib.osu.ru/shevchenko/issue3/pdf/jzn.pdf>

⁸ Леонид Наумович Большаков: библиографический указатель / сост. Т.Л. Большакова, Т.А. Камскова, В.В. Ронжес. Уфа: Изд-во УФ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2009. 96 с.

тяжении 60 лет, выполняя роль творческой лаборатории, кабинета-музея ученого. Значение библиотеки заключается не только в количестве изданий, но, прежде всего, в полноте подбора и научной ценности книг по разным отраслям гуманитарного знания: краеведению, истории, лингвистике, археографии, литературоведению¹. Различные по языку, жанрам и содержанию книги, рассказывая о своем владельце и деле всей его жизни, постоянно «работают» в форме тематических выставок, используются при подготовке к семинарам и лекциям, выполняя познавательную, воспитательную, образовательную, просветительскую функции, способствуют концентрации исследовательского внимания на личности Л.Н. Большакова². После смерти фонд «библиотеки Большакова» пополнили более 200 книг с автографами писателей, поэтов, ученых.

Таким образом, значение более чем полувековой научно-литературной и культурно-просветительской деятельности Л.Н. Большакова велико и многогранно. Его можно представить в нескольких ракурсах.

Во-первых, открыты и введены в научный оборот новые архивные и литературные источники, исторические факты. В основе исследовательской работы Л.Н. Большакова на протяжении десятилетий лежали архивная и литературоведческая эвристика. Ученый всегда призывал к максимальному расширению источниковой базы в шевченковедении, называя себя «принципиальным документалистом». Будучи историком литературы, Л.Н. Большаков постоянно и системно обращался к изучению мемуарных источников – писем, записок, дневников, т.к. прекрасно понимал источниковедческую ценность подобных материалов. Неслучайным поэтому выглядит столь внимательное отношение Л.Н. Большакова к «Дневнику» Т. Шевченко, пристальное размышление над ним: «Если он литератор, он не способен отрешиться настолько, чтобы забыть о читателе. Шевченко не готовил очередное произведение для печати, но строил записи таким образом ... чтобы не бросить на бумагу то, что не может быть прочитано другими»³.

Во-вторых, реконструирована и уточнена значительная часть биографии Т.Г. Шевченко, а также людей с ним связанных. Большинство фактов из тех, что известны о периоде солдатской ссылки – это результат поисков Л.Н. Большакова, сумевшего проникнуть в его «закрытый мир – огромный, таинственный и, казалось, навсегда погребенный». Свою научную и в широком смысле гражданскую задачу ученый видел в том,

¹ Шевченко И.Б. Новая жизнь библиотеки Л.Н. Большакова // Пятое Большаковские чтения. Культура Оренбургского края: история и современность. Оренбург: ОКИ, 2011. С. 40–41.

² Там же. С. 42.

³ Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет... С. 14.

чтобы очистить Т. Шевченко «от накипи казенных выдумок официальных биографов».

В-третьих, сформулированы новые темы исследований (окружение поэта, маршруты поездок, происхождение сюжетов, повседневная жизнь и др.), исследована творческая история многих произведений, расширив тем самым границы литературного краеведения и шевченковедения. Вместе с тем развенчаны существовавшие в советской научной традиции литературно-исторические штампы относительно личности Т. Шевченко и окружавших его современников, доказано авторство редакций некоторых стихотворений поэта, необоснованно оспаривавшихся. Особенно остро Л.Н. Большаков воспринимал оценки относительно излишней революционности и атеизма Т. Шевченко.

В-четвертых, усовершенствовано новаторское для гуманитарной сферы советской эпохи такое исследовательское направление (или жанр) как «научный поиск», следуя своему безупречному принципу: «Искать материалы, понимать документы, идти от факта к обобщению». Л.Н. Большаков обладал искусством нахождения архивных документов и умел облечь документ в слово, его книги – это научно-художественные произведения, читать их интересно и полезно. По мнению одного из рецензентов, творчеству Л.Н. Большакова присущи свободное, блестящее владение материалом, железная логика, которая соседствует с изяществом постановки вопросов и ответов на них, энергичность хода повествования и блеск мысли¹.

В-пятых, в Оренбурге заложены основы научных школ шевченковедения (более 20 книг, изданных на разных языках мира) и региональной энциклопедистики (5 энциклопедий), признанных на российском и международном уровнях. Фундаментальными трудами Л.Н. Большакова можно по праву считать серию энциклопедий, трехтомную «Быль о Тарасе», комментарий к дневнику Т. Шевченко, цикл «романов-монографий» и документальных эссе о Г.С. Винском с публикацией его произведений. Сам Л.Н. Большаков считал своим существеннейшим вкладом в науку о Т. Шевченко словари. Важно отметить, что подготовка всех энциклопедий, «Комментария...», «Были о Тарасе», создание НИИ Тараса Шевченко пришлось на самые трудные, непредсказуемые, нестабильные 1990-е гг.²

В-шестых, под влиянием организаторского таланта и энтузиазма Л.Н. Большакова происходила широкая популяризации наследия и имени Т.Г. Шевченко. В городах и районах Оренбургской области имя поэта носят улицы, сады, учебные заведения, учреждения культуры, предприятия. Во-вторых, деятельность Л.Н. Большакова поднимала в регионе авторитет

¹ Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет... С. 236.

² Там же. С. 219.

науки, ее воспитательное и просветительское значение. Многие читатели и слушатели признавались в эстетическом, интеллектуальном наслаждении от книг и выступлений Л.Н. Большакова, умевшего мастерски говорить о сложных вещах простым, увлекательным, доступным, интересным языком.

Таким образом, обобщая исследовательский опыт, представленный в широком хронологическом диапазоне от конца XIX до начала XXI в., можно выделить несколько источников формирования оренбургского шевченковедения как самостоятельного научно-исследовательского направления:

- 1) первые очерки о жизни Тараса Шевченко в ссылке в публикациях 1880–1890-х гг.;
- 2) литературно-краеведческие исследования 1930–1940-х гг.;
- 3) опыт обобщающего монографического сочинения А.Н. Ведмицкого;
- 4) системные разыскания и разножанровые труды Л.Н. Большакова в первой половине 1960-х – первой половине 2000-х гг.;
- 5) функционирование региональной научной школы во второй половине 2000-х – первой половине 2010-х гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение украинистики Южного Приуралья в хронологических границах от середины XVIII до начала XXI в. дает возможность увидеть некоторые закономерности и особенности ее развития. Очевидные различия в интенсивности научной работы, широте исследовательских задач и направлений, характере привлекаемых источников, возможностях социальной презентации полученных результатов позволили выделить пять основных периодов в формировании региональной украинистики: 1) середина XVIII – начало XX в.; 2) 1920–1930-е гг.; 3) 1941–1943 гг.; 4) 1950–1980-е гг.; 5) 1990–2010-е гг.

До 1920-х гг. украинская тематика присутствовала в научных публикациях преимущественно в контексте различных аспектов региональной военной, аграрной, политической истории, культурных традиций восточно-славянской общности. В советский период украинцы Южного Приуралья постепенно становятся отдельным исследовательским объектом, хотя их изучение длительное время не имело системного характера и проводилось разрозненными силами представителей разных научных центров, исходя из своих внутридисциплинарных задач.

Преобразование южноуральской украинистики в самостоятельное научное направление начинается в 1980-е гг. и особенно активно протекает в 1990–2010-е гг., когда появляются возможности для организационного оформления исследований, проведения регулярных тематических конференций, подготовки монографических работ, расширяется круг специалистов, представляющих разные области гуманитарного знания. Обращение к более чем 20-летнему опыту работы в новых условиях позволяет отметить, особенно во второй половине 2000-х гг., наличие определенного интеллектуального, кадрового потенциала и материальных ресурсов для формирования региональной школы украинистики, представленной двумя самостоятельными, но исторически, географически и научно взаимосвязанными центрами – Уфа и Оренбург.

Изучение закономерностей и особенностей накопления и систематизации научной информации, реализации разнообразных по тематике и содержанию проектов позволяет отметить характерные для региональных исследований черты:

1. Преемственность между выделенными в монографии основными периодами в развитии исторической украинистики. При наличии некоторых хронологических пробелов предшествующий опыт был, как правило, хорошо известен и активно вовлекался в научный оборот в зависимости от новых исследовательских задач и условий их реализации. С этой точки

зрения есть возможность говорить о поступательном формировании обширной историографической основы (регионального нарративного массива) для продолжения активной научной работы.

2. Комплексный характер исследований. Южноуральская украинистика на современном этапе развивается как междисциплинарная область научного знания, включающая в себя в той или иной мере исторические, этнографические, фольклорные, лингвистические, педагогические, музейно-ведческие аспекты.

3. Наличие обширной и разнообразной по своему составу источниковой базы, которая складывается из архивных документов, статистических сведений, этнографических данных о состоянии материальной культуры, записей от информантов, личных наблюдений и т.п. Такой характер источников позволяет на основе достоверной информации определять направления и темы перспективных исследований.

4. За охваченный монографическим исследованием период времени были реализованы различные формы научной и просветительской работы – анализ существующей литературы, архивные поиски, полевая экспедиционная деятельность, создание музейных коллекций, библиотечных фондов и др. Полученные результаты позволяют достаточно широко представить образ и эволюцию украинской национальной культуры в современной социальной и информационной среде.

Предпринятые в монографии обобщение и анализ результатов длительной научной работы, а также признание нового качества современной региональной украинистики дают основания для того, чтобы наметить наиболее актуальные и востребованные направления перспективных исследований:

1. Дальнейшее регулярное экспедиционное обследование населенных пунктов и районов, сохраняющих относительно компактные группы украинского населения, с целью фиксации имеющихся элементов национальной культуры и сбора сведений от информантов. Актуальность данной работы возрастает в условиях необратимого изменения возрастного состава украинского населения, активной урбанизации и, как следствие, утраты традиционных черт этнической культуры в прежних «украинских» селах.

2. Лингвистическое и диалектологическое изучение украинцев Южного Приуралья. Настоящая задача при всей своей актуальности остается почти не реализованной. Региональные процессы здесь в целом соответствуют общероссийским тенденциям: если в 1970–1980-е гг. доля украинцев, владеющих украинским языком как родным или вторым, составляла от 40 до 50%, то в 1990–2000-е гг. языковая ассимиляция приобрела галопирующий характер. По данным переписи 2010 г., в Башкортостане

стане украинским языком владеют 29,7%, в Оренбургской области – 15,8% (в среднем по России – 34,7%), для 82,3% украинцев региона родной язык – русский. Кроме того, особенностью Южного Приуралья является поступательное увеличение численности украинцев, владеющих языками местных тюркских народов – башкир, татар, казахов.

3. Проведение сравнительно-исторических исследований на материалах Южного Приуралья и других регионов страны (например, Большой Урал, Урало-Поволжье, Урал – Сибирь и т.д.), что является чрезвычайно важным для понимания общих закономерностей и результатов этнокультурных процессов в среде украинского населения России.

4. Разработка и реализация совместных программ с научно-образовательными центрами Украины. Учитывая территориальный состав участников переселенческого движения и доминирующие миграционные векторы, большую научную ценность могут получить, например, такие комплексные проекты как «Полтавские (Киевские, Подольские, Харьковские и т.п.) крестьяне на Южном Урале». Данная задача в настоящее время соответствует росту научного интереса к локальным исследованиям как в России, так и в Украине.

5. Издательская деятельность. Крупными и значимыми издательскими проектами могут стать подготовка историко-географического Атласа старинных и современных населенных пунктов, основанных украинскими переселенцами; а также монографических и справочных работ по истории отдельных населенных пунктов.

6. Сохранение, обработка и презентация информации об истории и культуре украинцев Южного Приуралья в различных формах, в том числе в форме электронного архива (информационно-исследовательского портала) аудио-, фото- и видеодокументов, научных публикаций, виртуальных экспозиций и т.п.

Таким образом, длительные традиции изучения истории и культуры украинского населения Башкортостана и Оренбуржья, значительный корпус разнообразных источников, системная и организованная научная деятельность, наличие ряда проблемно-тематических исследовательских направлений позволяют рассматривать Южное Приуралье как один из ведущих центров современной российской украинистики.

ОГЛЯД

У книзі «Україністика Південного Приуралля» у хронологічній послідовності розглядаються основні етапи й особливості формування наукового інтересу до історії та культури українців у Республіці Башкортостан й Оренбурзькій області. Показано внесок і результати наукової діяльності окремих вчених та дослідницьких колективів. Уперше проведено системний міждисциплінарний історіографічний аналіз розвитку україністики як самостійного наукового напрямку на прикладі одного з регіонів Росії.

У Південному Приураллі до середини ХХ ст. під впливом ряду факторів сформувався один з великих і відносно компактних анклавів українського населення в Росії. За даними перепису населення 2010 р., у Республіці Башкортостан й Оренбурзькій області, що відзначаються низкою спільних рис історичного розвитку, проживає біля 90 тис. українців. Велика чисельність українського населення в регіоні, його помітна роль в господарській, суспільно-політичній і культурній сферах, зумовили високий і стабільний науковий інтерес до даної етнічної групи, котрий простежується із середини ХVІІІ ст. і дотепер.

У дореволюційний період українська тематика була присутня в наукових публікаціях у контексті різних аспектів регіональної воєнної, аграрної, політичної історії, культурних традицій східнослов'янської спільноти. У радянський період українці Південного Приуралля стають окреми об'єктом дослідження, але їх вивчення тривалий час не мало системного характеру. Перетворення південноуральської україністики в самостійний науковий напрямок починається з 1980-х рр. й особливо активно проходить у 1990–2000-і рр., коли з'являються можливості для організаційного оформлення досліджень, проведення регулярних конференцій, підготовки монографій, розширюється коло фахівців з різних галузей гуманітарного знання. У висновку зазначено характерні риси південноуральської україністики, найбільш актуальні та перспективні напрямки подальшої роботи.

Таким чином, тривалі традиції вивчення історії та культури українського населення Башкортостану й Оренбуржя, значний корпус різноманітних джерел, системна й організована наукова діяльність, наявність ряду проблемно-тематичних дослідницьких напрямків дозволяють розглядати Південне Приуралля як один з провідних центрів сучасної російської україністики, котрий представлено двома самостійними, але історично, географічно й науково взаємозв'язаними центрами – Уфа й Оренбург.

SUMMARY

The book «The Ukrainian Studies of the Southern Urals» describes basic stages and special features of the development of scientific interest to the history and culture of the Ukrainians in the Bashkortostan Republic and Orenburg Region in chronological order. The results of research and personal contribution of some scholars and research groups are shown. It is for the first time that a systematic, interdisciplinary historiographical analysis of the development of the Ukrainian studies as a separate scientific area based on the example of one of the Russia's regions has been conducted.

One of the largest but relatively compact enclaves of the Ukrainian population in Russia had been formed in the Southern Urals by the mid-20th century due to a number of factors. According to the Census of 2010, about 90 thousand Ukrainians reside in the Bashkortostan Republic and Orenburg region, which have a number of common features in their historical development. A considerable number of the Ukrainian population in the region, its important position in the economic, social, political and cultural spheres determined high and steady scientific interest to this ethnic group, which can be traced back from the mid-18th century up to the present.

As far back as the 1920s, the Ukrainian topic was highlighted in the scientific publications in the context of different regional military, agrarian, political, historical and cultural aspects of the Eastern Slavic community. In the Soviet period the Ukrainians of the Southern Urals became a separate research object, but their study hasn't had a systematic nature for a long time.

The conversion of the Southern Urals Ukrainian Studies into an independent research sphere began in the 1980s and developed more actively in the 1990–2000s, when we acquired more opportunities for the organizational formulation of studies, organizing conferences on a regular basis, writing books, when the number of specialists in different humanitarian areas increased. The conclusion of the book outlines characteristic features of the Southern Urals Ukrainian studies, and the most urgent directions of further research.

Thus, long term traditions of the history and culture studies of the Ukrainian population of Bashkortostan and Orenburg Region, the significant amount of different sources, systematically organized research, and a number of problematic focus interest research issues allow to consider the Southern Urals one of the leading centers of contemporary Ukrainian studies in Russia represented by two independent, but historically, geographically and scientifically interconnected centers – Ufa and Orenburg.

БИБЛИОГРАФИЯ¹

Архивные материалы

Бежкович А.С. Волосья упряжки в Восточной Европе (XVIII – начала XX вв.) // Личный архив В.Я. Бабенко. 21 с.

Бежкович А.С. Земледельческие орудия и труд украинцев (XVIII – первая половина XX в.) // Личный архив В.Я. Бабенко. 293 с.

Бежкович А.С. К истории происхождения сох // Личный архив В.Я. Бабенко. 21 с.

Бежкович А.С. Колесный транспорт у кочевников и славян Восточной Европы с древнейших времен до XV в. // Личный архив В.Я. Бабенко. 23 с.

Бежкович А.С. Маршрут Башкирской этнографической экспедиции в 1929 и 1930 гг., метод работы, число участников и задачи отрядов // Наукові архівні фонди рукописів і фонозаписів Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М.Ф. Рильського НАН України (далее – НАФРФ ІМФЕ). Ф. 51. Од. зб. 64. Арк. 1–5.

Бежкович А.С. Материалы и исследования по этнографии земледелия и животноводства Уфимского кантона Башкирской АССР // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 51. Од. зб. 62. Арк. 1–46.

Бежкович А.С. Список фотографий, сделанных в Башкирии // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 51. Од. зб. 65. Арк. 1–5.

Бежкович А.С. Связанные с земледельческим культом верования и обряды у народов Башкирии // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 51. Од. зб. 48. Арк. 1–22.

Бежкович А.С. Этнические особенности выращивания и сбора урожая у народов Башкирии (XIX – начало XX в.) // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 51. Од. зб. 46. Арк. 1–3.

Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия народов Башкирии // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 51. Од. зб. 45. Арк. 1–6.

Бежкович А.С. Научная работа о земледелии в Башкирии // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 51. Од. зб. 44. Арк. 1–64.

Береговський М.Я. Екскурс у вивчення музичного фольклору українських поселенців Башкирії // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 5. Арк. 356–399.

Береговський М.Я. Екскурс у вивчення музичного фольклору українських поселенців Башкирії. Українці в Башкирії. 1. Примірники розділів // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 2 а-д. Арк. 1–68.

¹ В список литературы не включены периодические издания научно-популярного, публицистического и художественно-литературного содержания.

Верьовка Г. Рецензія на роботу М. Береговського і Е. Володарської «До вивчення народно-пісенного музикального репертуару українців Башкирії» // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 5а-в. Арк. 448–459.

Володарська Е.М. Щоденник експедиції по збиранню музично-фольклорних матеріалів в Стерлитамакському районі українських сел Золотоношка, Вознесенське // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 10. Арк. 1–7.

Давлеткільдєєв К. Малюнки // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 7. Арк. 20–26.

Іллін В.С. Мова сіл Рублівка, Софіївка і Ляшківка Давлеканівського району Башкирської АРСР // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 5. Арк. 421–429.

Індивідуальний звіт по Інституту Народної Творчості і Мистецтв П.М. Попова за 1943 рік // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 18. Арк. 96–99.

Касьянов М.И. Дневник экспедиционной группы Института общественных наук Академии наук УССР по теме «Украинцы в Башкирии». 1941 год // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 7. Арк. 1–9.

Квітка К. Рецензія на статтю М. Береговського «Експурс у вивчення музичного фольклору українських поселенців Башкирії» // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 5а-в. Арк. 436–447.

Козицький П. М. Береговський і Володарська. «До вивчення музичного фольклору українців в Башкирії» // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 5а-в. Арк. 460–462.

Лисенко П.С. Особливості мови села Івангород Давлеканівського району БашАРСР // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 5. Арк. 400–420.

Петров В.П. Щоденник експедиційної групи Інститута суспільних наук АН УРСР по темі «Українці в Башкирії» // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 7. Арк. 10–20.

Плісецький М.М. Фольклор українських поселенців Башкирії // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 3. Арк. 25–189; Од. зб. 4. Арк. 190–355.

Попов П. Робота Відділу Фольклора Інститута Народної Творчості і Мистецтв АН УРСР в 1943 році // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 18. Арк. 120–130.

Попов П.М. До історії вивчення українського населення Башкирії (вступна стаття) // НАФРФ ІМФЕ. Ф. 12. Од. зб. 3. Арк. 3–24.

Попов С.А. Биографические документы // Оренбургский губернский историко-краеведческий музей (далее – ОГИКМ). Личный фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–39.

Попов С.А. Документы по заселению Оренбургского края. Оренбургский уезд // ОГИКМ. Личный фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 3. Б.н.

Попов С.А. Из истории поселения украинцев в Чкаловской области // ОГИКМ. Личный фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–45.

Попов С.А. История заселения Адамовского района // ОГИКМ. Личный фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 7. Б.н.

Попов С.А. Материалы к очерку «Из истории поселения украинцев в Чкаловской области» // ОГИКМ. Личный фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–54.

Попов С.А. Очерк о заселении Оренбургского края в XVIII в. // ОГИКМ. Личный фонд С.А. Попова. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–101.

Монографии

Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Белебеевском уезде Уфимской губернии. Уфа: Типография Губернского правления, 1898. 93 с.

Амелин В.В. Этническое многообразие и власть в российском регионе. М.: УОП ИЭА РАН, 2004. 320 с.

Амелин В.В., Молощенков А.Н. Украинцы на Южном Урале. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2012. 190 с.

Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX в. – начало XX в.). М.: ИЭА РАН, 1993. 261 с.

Арсентьева Н.А. Взаимоотношения Башкортостана и Украины: история и достижения. Уфа: [б.и.], 2010. 130 с.

Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.

Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Уфа: Китап, 1997. Кн. 1. 224 с.; Кн. 7. 192 с.

Атанова Л.П. Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора. Уфа: РМГ «Йэшлек», 1992. 190 с.

Ахатова Ф.Г. Восточнославянские песни в Башкортостане: Фольклорные процессы в многоэтническом регионе. М.: Наука, 2006. 286 с.

Ахатова Ф.Г. Украинские песни в Башкортостане (историко-этнографическое исследование). Уфа: Гилем, 2000. 146 с.

Бабенко В.Я. Семья и семейный быт украинцев Башкирской АССР. Препринт. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1990. 45 с.

Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской АССР. История. Этнография. Препринт. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1990. 65 с.

Бабенко В.Я. Украинцы Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа: [б.и.], 1992. 260 с.

Банников А.П. Шевченко и Сапожниковы // ОИТШ. Научные записки. III Тетрадь. Оренбург: Димур, 1994. 76 с.

Барбусова Т.В. Души моей святыня. Педагогические воззрения в прозе Тараса Шевченко. Оренбург; Киев: [б.и.], 2007. 215 с.

Большаков Л.Н. Дорогами Кобзаря. Оренбург: Южный Урал, 1991. 56 с.
Большаков Л.Н. «Все он изведал...». Т. Шевченко: поиски и находки. Київ: Дніпро, 1988. 541 с.

Большаков Л.Н. «Пойду на Аму и всюду...», или Необыкновенное путешествие с Тарасом Шевченко: Очерк-репортаж из Кабула. Кабул, 1986. 94 с. (на яз. дари и пушту).

Большаков Л.Н. Быль о Тарасе. М.; Оренбург: ЕТПК «Кора», 1993. Кн. 1. Яман-Кала. 437 с.; Кн. 2. На Арале. 448 с.; Кн. 3. 299 с.

Большаков Л.Н. Возвращение Григория Винского. Оренбург: Димур, 1999. 335 с.

Большаков Л.Н. Возвращение из прошлого: Роман-поиск об украинском революционере-демократе, писателе Г.С. Винском. Київ: Радянський письменник, 1988. 379 с.

Большаков Л.Н. Їхав поет із заслання. Пошуки, роздуми, дослідження. Київ: Дніпро, 1977. 327 с.

Большаков Л.Н. Літа невольничі: Книга пошуків та досліджень про Т.Г. Шевченко періоду заслання. Київ: Дніпро, 1971. 425 с.

Большаков Л.Н. По следам Оренбургской зимы: Книга поисков. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1968. 227 с.

Большаков Л.Н. Повести о поисках и обретениях. М.: Русская книга, 2000. 495 с.

Большаков Л.Н. Повесть про вічне життя. Київ: Веселка, 1990. 214 с.

Большаков Л.Н. Пошук заповітного: Спостереження, роздуми, знахідки. Київ: Дніпро, 1985. 342 с.

Большаков Л.Н. Там за Уралом, за Елеком... Оренбург: ИПК ОГУ, 2003. 236 с.

Большаков Л.Н. Шляхами великої долі. Київ: Веселка, 1984. 175 с.

Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет на фоне эпохи. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. 460 с.

Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. Краснодар: Кубань-кино, 2010. 164 с.

Ведмицкий А.Н. Т. Шевченко в Оренбургской ссылке. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 1960. 178 с.

Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Историческая монография. Т. 1–2. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1897. 616 с.

Давыдов И.В. На земле друзей. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1981. 125 с.

Дебу И.Л. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ее состоянии. М.: В университетской типографии, 1857. 230 с.

Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. Т.1. М.: Университетская типография, 1902. 376 с.

Ден В.Э. Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. Т.2. Ч.2. М.: Университетская типография, 1902. 319 с.

Дорофеев В.В. Оренбург Шевченковский // ОИТШ. Научные записки. 1 тетрадь. Оренбург: Ин-т Шевченко, 1993. 76 с.

Зобов Ю.С. Историки Оренбургского края. Советский период: Учебное пособие. Оренбург: [б.и.], 1993. 92 с.

История Украины: Учебное пособие / Н.И. Бушин, В.И. Коваль, В.Ю. Крушинский и др. Уфа: Ай, 1996. 416 с.

Кабузан В.М. Украинцы в мире: Динамика численности и расселения. 20-е гг. XVIII в. – 1989 г. М.: Наука, 2006. 659 с.

Карабулатова И.С., Карелина Л.Ф. Украинская диаспора в Тюменской области: история, язык, культура. Тюмень: Печатник, 2006. 180 с.

Карпухин И.Е. Свадьба русских Башкортостана в межэтнических взаимодействиях. Стерлитамак: СГПИ, 1997. 239 с.

Кононенко П.П. Українознавство. Київ: Міленіум, 2006. 870 с.

Коровушкин Д.Г. Украинцы в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI века. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2007. 248 с.

Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Этнические и этнографические группы в СССР. Препринт доклада. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. 27 с.

Матвиевский П.Е. Бунтари Глушковской мануфактуры. Курск: Курская правда, 1949. 66 с.

Михайлов В.П. Переселенцы и переселенческое дело в Стерлитамакском уезде Уфимской губернии. Уфа: Типография Губернского правления, 1897. 293 с.

Моргунов К.А. Советская национальная политика: Южно-Уральский регион в 1917–1940 гг. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. 312 с.

Нефедов Ф.Д. В горах и степях Башкирии: повести и рассказы. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1988. 331 с.

Прянишников Н.Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1977. 207 с.

Прянишников Н.Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Чкалов: Чкаловское изд-во ОГИЗ, 1946. 142 с.

Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII – XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. 188 с.

Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург: Типо-литография И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1896. 95 с.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Типо-графия Б. Бреolina, 1887. 405 с.

Сафуанов С.Г. Межнациональные связи башкирской литературы. М.: Наука, 1979. 280 с.

Синельникова В.В. Традиционная культура и быт украинцев Волгоградской области. Камышин: МАУ «Медиа-холдинг», 2009. 264 с.

Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург: Типо-литография Б. Бреolina, 1891. 249 с.

Узиков Ю.А. Это с нами навсегда. Литературная карта Башкирии. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1983. 239 с.

Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М.: Наука, 1981. 370 с.

Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1958. 178 с.

Успенский Г.И. От Оренбурга до Уфы (из «Писем с дороги»). Чкалов: Кн. изд-во, 1955. 60 с.

Фетисова Л.Е. Восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России: Сложение и развитие традиций. Владивосток: ДВО РАН, 1994. 219 с.

Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья. С этнографической картой и дополнениями к ней. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. 38 с.

Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: историко-диалектологический очерк. Л.: Наука, 1972. 656 с.

Фирсов Н.А. Иностранческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель в это время. Казань: В университетской типографии, 1869. 447 с.

Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX в. (по материалам Новосибирской области). Новосибирск: Агро-Сибирь, 2004. Ч.1. 190 с.; Ч.2. 226 с.

Хабибуллина А.Р. Историко-культурные центры Башкортостана. Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. 102 с.

Хабибуллина А.Р. Историко-культурные центры Башкортостана: форма оптимизации этнической идентичности и межэтнических коммуникаций в регионе. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 295 с.

Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: В Типографии Оренбургского Губернского Правления, 1859. 472 с.

Черниенко Д.А., Пилипак М.А. Село Казанка и украинцы Альшеевского района. Уфа: ИЦ Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2012. 134 с.

Черномаз В.А. Украинское национальное движение на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.). Владивосток: Изд-во ДВУ, 2009. 560 с.

Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: История и судьбы традиционно-бытовой культуры. М.: Наука, 1988. 251 с.

Чижикова Л.Н. Украинцы. Историко-этнографический очерк традиционно-бытовой культуры / мат-лы к серии «Народы и культуры». Вып. IX. Кн. I. М.: Наука, 1992. 170 с.

Эверсман Э. Естественная история Оренбургского края. Ч.2. Казань: В типографии Императорского Казанского университета, 1850. 296 с.

Статьи в периодических изданиях

Акіншина І. Біографічна проза Л. Большакова в контексті художньої літератури останнього десятиліття ХХ століття // Вісник Луганського державного педагогічного університету ім. Т. Шевченка. 2001. № 8 (40) серпень. С. 25–33.

Бабенко В.Я. Весільний обряд українських переселенців у Башкирії // Народна творчість та етнографія. 1978. № 4. С. 98–100.

Бабенко В.Я. Етнокультурні процеси в середовищі українських переселенців у Башкирії (кінець ХІХ–ХХ ст.) // Народна творчість та етнографія. 1989. № 1. С. 10–16.

Бабенко В.Я. Пища украинского населения Башкирии // Советская этнография. 1989. № 2. С. 99–100.

Бабенко В.Я. Сім'я і родинні стосунки українських переселенців у Башкирії: (кінець ХІХ – поч. ХХ ст.) // Народна творчість та етнографія. 1983. № 1. С. 48–50.

Бабенко В.Я. Традиції та інновації у житлі українських переселенців у Башкирії // Народна творчість та етнографія. 1985. № 4. С. 30–36.

Барсов Н.Н. Национальный состав населения БАССР (по районам проживания главных народностей) // Хозяйство Башкирии. 1928. № 8–9. С. 102–132.

Береговський М.Я. Село Кахновка // Література і Мистецтво. 1942. № 11(15). 1 червня.

Большаков Л.Н. О чем рассказывают рисунки Тараса Шевченко // Радянське літературознавство. 1971. № 4. С. 88–91.

Большаков Л.Н. Об оренбургском окружении Т. Шевченко // Радянське літературознавство. 1968. № 6. С. 60–63.

Большакова Т.Л. В письмах – эпоха // Педагогический журнал. 2007. № 2. С. 63–68.

Гаршин Е. Шевченко в ссылке // Исторический вестник. 1886. Т. XXIII. С. 154–179.

Гореликова-Голенко Е.Н. Рецензия на книгу «Записки Г. Винского. Первая полная публикация Л.Н.Большакова» // Отечественная история. 2001. № 5. С. 174–176.

Даценко Г.П. Несколько слов о Тарасе Григорьевиче Шевченко // Киевская старина. 1893. Февраль. С. 257–261.

Ефименко П.С. О малороссиянах в Оренбургской губернии // Основа. 1861. № 9 (Сентябрь). С. 189–192.

Ефремов В.А. Из истории Уфимского края. Уфимский край в конце XVI и в XVII в. // Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. № 4. Отд. оттиск. 24 с.

Ефремов В.А. Из истории Уфимского края. Уфимский край в первой половине XVIII в. // Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. № 7–8. С. 236–251.

Зобов Ю.С. Крестьянская колонизация: Заселение Оренбургского края в XVIII – начале XX в. // Гостиный Двор. 1995. № 3. С. 224–233.

Игнатъев Р. Переселенцы из малороссиян в Оренбургской губернии // Оренбургские Губернские ведомости. 1882. № 26.

Ключковська І. Українознавчі студії у європейському часопросторі // Вестник Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова. Вып. 3. Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. С. 35–44.

Копиленко О.І. Українські переселенці в Башкирії // Українська Література. 1941. № 1–2. С. 193–196.

Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я. Малые этнические группы: основные этапы этнокультурного развития: по материалам СССР // Советская этнография. 1985. № 4. С. 13–22.

Лисенко П.С. Из спостережень над мовою українців Башкирії // Вісті АН УРСР. 1944. № 1–2. С. 33–36.

Матвиевский П.Е. Бунт посессионных рабочих на Глушковской мануфактуре в конце XVIII в. // Записки историко-филологического отделения АН УССР. 1930. Т. 26. С. 389–416.

Матвиевский П.Е. Историко-археологическая экспедиция на Днепрострой // Заря. 1927. Декабрь. С. 27–31.

Матвиевский П.Е. Строительство Днепровской верфи в конце XVIII в. // Красный архив. 1936. № 4. С. 159–180.

Матов А.И. Воспоминания о Т.Г. Шевченко // Русские ведомости. 1895. № 242 (2 сентября).

Матов А.И. Тарас Григорьевич Шевченко в ссылке. Из воспоминаний современников-старожилов // Камско-Волжский край. 1897. № 307, 313, 318.

Мухаметдинов Г.Р. Нові документи про відновлення діяльності і роботу на Уралі в роки Великої Вітчизняної війни евакуйованих з України підприємств // Архіви України. 1990. № 2. С. 26–34.

Нигматуллина И. Они писали историю Уфы и края. О краеведах г. Уфы // Бельские просторы. 2010. № 10. С. 122–126.

Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. 1928. № 6–7. С. 73–85.

Новиков В.А. Очерк колонизации Башкирского края // Историческая библиотека. СПб., 1878. № 9 (Сентябрь). С. 1–67.

Пономаренко В. Как оренбургские украинцы в Киеве побывали // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. 2011. № 1–2 (44–45). С. 20.

Рыбаков С.Г. Очерк быта и современного состояния инородцев Урала // Наблюдатель. 1895. № 8. С. 294–309.

Свиньин П. Посещение Илецкой Защиты в 1824 г. // Отечественные записки. 1825. № 64. Август. С. 145–157.

Солодий Г. Из истории столыпинской хуторской и переселенческой политики в Башкирии // Красная Башкирия. 1941. 2 марта.

Хабибуллина А.Р. Удовлетворение национально-культурных потребностей украинцев Башкортостана // Ватандаш. 2002. № 8. С. 96–99.

Шакиров М.З. Непереборна сила братерської дружби і співробітництва // Вісник Академії наук Української РСР. 1983. № 12. С. 3–11.

Юдин П.Л. К биографии Т.Г. Шевченко // Русский архив. 1898. Кн. 3. С. 463–476.

Статті в збірниках і матеріалах конференцій

Авраменко А.М. Україністика на Кубані: витоки і сучасні тенденції розвитку // Україністика в Росії: історія – стан – тенденції розвитку: мат.-лы міжнарод. науч.-практ. конф. Київ; М.; Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. С. 59–63.

Ахатова Ф.Г. Из истории исследования украинского песенного фольклора в Башкортостане // Завези од мене поклон в Україну... Фольклор українців Башкортостану. Уфа: [б.и.], 1999. С. 12–20.

Ахатова Ф.Г. Некоторые особенности бытования песенного фольклора украинских переселенцев в Башкирии // Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии. Київ: Музична Україна, 1995. С. 16–21.

Ахатова Ф.Г. Украинский музыкальный песенный фольклор в Башкирии: к проблеме взаимодействия и взаимовлияния культур в многоэт-

ничной среде // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в этнокультурных процессах. Волго-Уральская историко-этнографическая область.: тез. докл. науч. конф. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 99–102.

Бабенко В. Традиційні форми господарства та побуту українців Башкирії // Традиційна культура діаспори. Зб. наук. праць: мат-ли міжнар. наук. конф. «Одеські етнографічні читання». Одеса: Вид-во КП ОМД, 2012. С. 15–26.

Бабенко В. Українці Башкирії: тенденції та перспективи етнокультурного та етномовного розвитку // Украинская восточная диаспора в контексте современных культурно-исторических и общественно-политических процессов в постсоветских государствах: сб. мат-лов I междунар. Шевченковских чтений. Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2012. С. 253–259.

Бабенко В., Садиков Р. «История Украины» в Башкортостане // Украина – Башкортостан: связь времен: сб. ст. Уфа: Полиграфкомбинат, 2001. С. 166–169.

Бабенко В., Сіренко Ю. З історії української освіти в Башкортостані // Український вимір. Вип. 3. Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2010. С. 54–58.

Бабенко В.Я. Етнодемографічна характеристика українців Башкортостану на зламі тисячоліть // Кирилло-Мефодиевские чтения: мат-лы науч.-практ. конф. Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. С. 11–15.

Бабенко В.Я. Жилище украинцев переселенцев в Башкирии (по материалам полевых поездок 1974–1981 гг.) // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии / БФ АН СССР. Уфа, 1984. С. 49–56.

Бабенко В.Я. Календарные праздники и обряды украинцев Башкортостана: традиции и современность // VI Кирилло-Мефодиевские чтения: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Уфа: ИЦ Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2012. С. 7–13.

Бабенко В.Я. Некоторые традиционные и современные черты системы питания украинцев Башкирии (к вопросу о поведении малых этнических групп) // Социальные и этнические аспекты истории Башкирии. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 55–56.

Бабенко В.Я. Опыт картографирования расселения украинских переселенцев в Башкирской АССР (конец XIX–XX в.) // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: тез. 5-й конф. «Проблемы атласной картографии». Уфа: БФ АН СССР, 1985. С. 13–14.

Бабенко В.Я. Семья и семейные отношения украинских переселенцев в Башкирии // Всесоюз. сессия по итогам полевых этнограф. и антропол. исследований. 1978–1979: тез. докл. Уфа: БФ АН СССР, 1980. С. 125–126.

Бабенко В.Я. Тенденции в этнических процессах у украинцев Башкирии // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982–1983 годов.: тез. докл. Ч. 1. Секция 2. Черновцы: ЧГУ, 1984. С. 54–55.

Бабенко В.Я. Традиционное и новое в свадебной обрядности украинских переселенцев в Башкирии // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований 1980–1981 гг. Нальчик: НИИ СМ КБАССР, 1982. С. 78–79.

Бабенко В.Я. Украинские поселения в Башкирской АССР // Исследования по башкирской диалектологии и ономастике. Уфа: БФ АН СССР, 1986. С. 100–102.

Бабенко В.Я. Украинцы Башкирии как маргинальная группа украинского этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос): сб. науч. тр. Л.: Наука, 1983. С. 121–129.

Бабенко В.Я. Этнические процессы у украинских переселенцев в Башкирии (конец XIX–XX в.) // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа: БФ АН СССР, 1984. С. 137–143.

Бабенко В.Я. Этнические процессы у украинских переселенцев в Башкирии // Этнокультурные процессы в современном мире: май 1981 г.: кр. тез. докл. и сообщ. всесоюз. конф. Секция I: Этнокультурные процессы в СССР (общие проблемы). Элиста: НИИ СМ КАССР, 1981. С. 17–18.

Бабенко В.Я., Ковязин С.А. Этнические и этнографические группы восточнославянского населения в Башкирии и их демографическая характеристика // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах: тез. докл. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. С. 102–105.

Бабенко В.Я., Черниенко Д.А. Украина и украинцы в научно-образовательных традициях Башкортостана // Башкортостан – Украина: наука, образование, культура в годы Великой Отечественной войны: мат-лы междунар. науч. конф. Уфа: ИЦ Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2011. С. 41–53.

Бабенко В.Я., Черниенко Д.А. Украинистика в Башкортостане: становление и развитие // IV Кирилло-Мефодиевские чтения: мат-лы научно-практич. конф. Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. С. 12–22.

Бараг Л.Г. Взаимосвязи русского и нерусского фольклора современной Башкирии // Расцвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР. Вып. 2. Уфа: Изд-во БашГУ, 1970. С. 155–166.

Бараг Л.Г. О межнациональном в сказках восточнославянских народов // Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. Вып. 1. Уфа: Изд-во БГУ, 1974. С. 69–80.

Бежкович А.С. Этнические особенности земледелия у народов Башкирии // Археология и этнография Башкирии. 1973. Вып. 5. С. 61–93.

Бежкович А.С. Еволюція рильничного начиння на Кубані. Рало // Науковий Збірник Ленінградського Товариства Дослідників українського письменства й мови. 1928. С. 93–103.

Бежкович А.С. Кубанський плуг // Науковий Збірник Ленінградського Товариства Дослідників українського письменства й мови. 1930. С. 85–112.

Большаков Л.Н. Адреса горя и борьбы // Т.Г. Шевченко. В степи бескрайней за Уралом... Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1980. С. 213–327.

Большаков Л.Н. Возвращение Винского // Повести о поисках и обретениях. Москва: Русская книга, 2000. С. 109–410.

Большаков Л.Н. Десять лет Института Тараса Шевченко в Оренбурге // Слобожанщина: Літературний вимір: зб. наук. праць. Луганськ: Знання, 2004. Вип. II. С. 67–68.

Большаков Л.Н. Из творческой истории стихов Т. Шевченко // Зб. праць XIX наук. Шевч. конф. Київ, 1972. С. 52–65.

Большаков Л.Н. Изучение ссылки Т. Шевченко как важная часть исследования его биографии // Зб. праць XVII наук. Шевч. конф. Київ, 1970. С. 92–103.

Большаков Л.Н. Институт Тараса Шевченко (первые итоги) // Национальные проблемы народов Оренбуржья: история и современность. Оренбург: [б.и.], 1993. С. 35–36.

Большаков Л.Н. Интернационализм окружения Шевченко // Зб. праць XXIII наук. Шевч. конф. Київ, 1979. С. 30–34.

Большаков Л.Н. К вопросу о творческой истории некоторых жанровых и пейзажных произведений Шевченко // Зб. праць XX наук. Шевч. конф. Київ, 1973. С. 81–91.

Большаков Л.Н. Научно-исследовательский Институт Тараса Шевченко Оренбургского государственного университета // Слобожанщина: Літературний вимір. Зб. наук. праць. Луганськ: Знання, 2003. Вип. I. С. 15–19.

Большаков Л.Н. Новое об оренбургской ссылке Т.Г. Шевченко // 3 досліджень про Т.Г. Шевченко. Київ: Дніпро, 1968. С. 55–66.

Большаков Л.Н. Се человек // Ученый. Писатель. Гражданин: матлы Первых Большаковских чтений. Оренбург: ОГУ, 2005. С. 67–69.

Большаков Л.Н. Тетрадь с вырванными листами / Научные тетради ОИТШ. № 1. Оренбург: [б.и.], 1995. С. 4–10.

Большаков Л.Н. Тетрадь с вырванными листами // Повести о поисках и обретениях. М.: Русская книга, 2000. С. 411–430.

Большакова Т.Л. Вклад Л.Н. Большакова в историю российской украинистики // Украинистика в России: история, состояние, перспективы: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Киев; М.; Уфа: Уфимский филиал МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. С. 145–151.

Большакова Т.Л. Вклад Л.Н. Большакова в развитие культуры Урала // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность: мат-лы докладов и сообщений всерос. науч. конф., посвящ. 75-летию проф. В.Г. Чуфарова. Кн. 1. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2008. С. 195–199.

Бочагов А.К. Где жил Шевченко? // Т.Г. Шевченко в ссылке. Чкалов: Облиздат, 1939. С. 166–169.

Брянцева Л.И. Балладная традиция в Архангельском районе БАССР // Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. Уфа: Изд-во БГУ, 1981. С. 63–73.

Брянцева Л.И. О взаимосвязях русского и украинского свадебного фольклора в современной Башкирии // Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. Вып. 2. Межнациональные связи и национальное своеобразие. Уфа: Изд-во БГУ, 1975. С. 181–186.

Брянцева Л.И. О русско-украинских песенных взаимосвязях в Башкирии // Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. Межэтнические фольклорные связи. Уфа: Изд-во БГУ, 1987. С. 104–110.

Брянцева Л.И. Украинские песни в Башкирии // Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. Уфа: Изд-во БГУ, 1980. С. 28–36.

Бусыгин Е.П. Материальная культура русского населения западных районов Башкирской АССР // Географический сборник. Вып. 2. Казань: Изд-во КГУ, 1967. С. 108–127.

Зобов Ю.С. Переселение украинцев в Оренбургский край в XVIII – XIX веках // Украинцы в Оренбургском крае. Оренбург: ПД «ДИМУР», 1997. С. 11–16.

Зобов Ю.С. Подвижник краеведения // Историки и исследователи Оренбургского края: историко-биографические очерки. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. С. 350–372.

Изотов И.Т. Творчество Шевченко в ссылке // Т.Г. Шевченко в ссылке. Чкалов: Облиздат, 1939. С. 93–165.

Камскова Т.А. Автографы свидетельствуют...: из коллекции мемориальной библиотеки Л.Н. Большакова // Вторые Большаковские Чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: сб. науч. ст. Оренбург: ДИМУР, 2006. С. 211–214.

Карпухин И.Е. Взаимодействие русских и украинских свадебных обрядов в Башкирии // Фольклор и литература Урала. Вып. 2. Пермь: Изд-во ПГПИ, 1975. С. 82–91.

Карпухин И.Е. Фольклорно-этнографические взаимовлияния свадеб русских и украинцев Башкортостана // Украина – Башкортостан: связь времен: сб. ст. Уфа: Полиграфкомбинат, 2001. С. 92–110.

Киреев А.Н. Роль русских и украинских ученых в становлении башкирской фольклористики и этнографии // Фольклористика Российской Федерации. Л.: Наука, 1975. С. 52–58.

Клинченко Т. Дослідження з історії і культури українців Башкортостану // Украина – Башкортостан: связь времен: сб. ст. Уфа: Полиграфкомбинат, 2001. С. 170–172.

Клипиницер М.С. Народный поэт // Т.Г. Шевченко в ссылке. Чкалов: Облиздат, 1939. С. 7–14.

Колпакова Н.П. Путевой дневник // Фольклор народов РСФСР. Межвуз. науч. сб. Вып. 3. Уфа: Изд-во БГУ, 1976. С. 212–233.

Комиссаров Г. Население Башреспублики в историко-этнографическом отношении // Башкирский краеведческий сборник. Материалы общества по изучению Башкирии. Уфа: Башкнига, 1926. С. 17–30.

Кузеев Р.Г., Бабенко В.Я., Моисеева Н.Н. Этнографические и этнические группы в новое и новейшее время // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа: БФ АН СССР, 1987. С. 12–36.

Матвиевский П.Е. 300-летие воссоединения Украины с Россией // Великая дружба. Чкалов: Чкаловское книжное изд-во, 1954. С. 3–26.

Моргунов К.А. Деятельность Краевой Рады по защите прав украинских переселенцев и беженцев // Миграционные процессы в Оренбуржье: мат-лы науч. семинара. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2004. С. 33–36.

Моргунов К.А. Правовая регламентация переселенческой деятельности: украинские переселенцы в конце XIX – начале XX вв. // Украинцы в Оренбургском крае: мат-лы науч.-практ. конф. Оренбург: Димур, 1997. С. 66–71.

Мухаметдинов Г.Р. Интернациональное воспитание трудящихся Урала в годы Великой Отечественной войны // Октябрьская революция и проблема национальных отношений. Межвуз. науч. сб. Уфа: БГУ, 1987. С. 68–76.

Мухаметдинов Г.Р. Руководство партийных организаций Урала деятельностью Советов по оказанию помощи эвакуированному населению в годы Великой Отечественной войны // Партийное руководство государственными и общественными организациями. Межвуз. науч. сб. Уфа: БГУ, 1988. С. 38–43.

Мухаметдинов Г.Р. Сотрудничество украинских и башкирских ученых в годы Великой Отечественной войны // Из истории развития культуры в Башкирии. Уфа: БФ АН СССР, 1978. С. 60–65.

Мухаметдинов Г.Р. Укрепление сотрудничества трудящихся Башкирской АССР с трудящимися других республик и областей в годы Великой Отечественной войны // Во имя Победы: Из истории Башкирской АССР периода Великой Отечественной войны. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1986. С. 127–141.

Науменко Н.П. Украинцы Оренбуржья: прошлое и настоящее // Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития: мат-лы межрег. науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2004. С. 23–31.

Переселенцы в Оренбургской губернии (Заметка действ. члена К.Е. Сувчинского) // Материалы по статистике, географии, истории и этнографии Оренбургской губернии, издаваемые Оренбургским губернским статистическим комитетом. Вып. 2. Оренбург: [б.и.], 1889. I–VI.

Перетяткович Г.И. Малороссияне в Оренбургском крае при начале его заселения (По рукописным документам архива Министерства Юстиции) // Труды VI Археологического съезда. Т. 2. Одесса: [б.и.], 1888. С. 373–397.

Пилипак М.А. Весільна обрядовість українців Башкортостану // Традиційна культура діаспори. Зб. наук. праць: мат-ли міжнар. наук. конф. «Одеські етнографічні читання». Одеса: Вид-во КП ОМД, 2012. С. 324–333.

Пилипак М.А. Проблемы сохранения традиционных обычаев и обрядов украинцев Башкортостана (на примере свадебной обрядности) // Украинская восточная диаспора в контексте современных культурно-исторических и общественно-политических процессов в постсоветских государствах: сб. мат-лов I междунар. Шевченковских чтений. Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2012. С. 310–314.

Пилипак М.А. Свадебный обряд украинских переселенцев в Башкирии (историографический аспект) // Башкортостан – Украина: наука, образование, культура в годы Великой Отечественной войны: мат-лы междунар. науч. конф. Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГТУ им. М.А. Шолохова, 2011. С. 115–121.

Попов С.А. Из истории поселения украинцев в Оренбургской области // Многонациональный мир Оренбуржья. Оренбург: [б.и.], 1994. С. 69–79.

Попов С.А. Из истории поселения украинцев в Чкаловской области // Великая Дружба: Сборник общественно-политических статей и литературно-художественных произведений, посвященных 300-летию воссоединения Украины с Россией. Чкалов: Чкаловское книжное изд-во, 1954. С. 60–84.

Порман Р.Н. Украинские писатели в Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Проблемы художественной типизации и читательского восприятия литературы. Стерлитамак: СГПИ, 1990. С. 176.

Прянишников Н.Е. Годы изгнания // Т.Г. Шевченко в ссылке. Чкалов: Облиздат, 1939. С. 15–92.

Рахимкулов М.Г. У истоков дружбы // По тропам былого. Краеведческий сборник. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1980. С. 150–164.

Савенко І.Л. Л.Н. Большаков – науковець, письменник-документаліст // Документалістика на зламі тисячоліть: проблеми теорії та історії: мат-ли міжнар. наук. конф. Луганськ: Знання, 2001. С. 51–57.

Сиренко Ю.В., Климина И.В., Пилипенко Е.А. Становление системы национального образования украинцев Башкортостана // Современное развитие регионов России: политико-трансформационные и культурные аспекты: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Уфа: БАГСУ, 2010. С. 396–400.

Сиренко Ю.В. Украинское высшее образование в Башкортостане // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Киев; М.; Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. С. 186–189.

Сіренко Ю. Українська освіта в Башкортостані: вчора, сьогодні, завтра // Украинская восточная диаспора в контексте современных культурно-исторических и общественно-политических процессов в постсоветских государствах: сб. мат-лов I междунар. Шевченковских чтений. Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2012. С. 299–303.

Сіренко Ю.В. «Я все життя мріяв бути українцем...» // Украинская этничность в социокультурном пространстве России: мат-лы междунар. науч. интернет-конф. Уфа: ИЦ Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2011. С. 22–29.

Федорова А.В. Украинские театры на Южном Урале // Помнят степи певца Украины: мат-лы науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2000. С. 57–60.

Федорова А.В. Украинцы в контексте Оренбургской истории // Украинцы в Оренбургском крае: мат-лы науч.-практ. конф. Оренбург: ПД «ДИМУР», 1997. С. 32–38.

Федорова А.В. Эвакуация на Южный Урал // Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития: мат-лы межрег. науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2004. С. 45–48.

Фешкин В.Н. Участие академика М.К. Любавского в становлении исторической науки в Башкортостане // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 103–106.

Футорянский Л.И. Украинский элемент в казачестве России в конце XIX в. // Этническая история и духовная культура украинцев Оренбур-

жья: состояние и перспективы развития: мат-лы межрег. науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2004. С. 72–74.

Хабибуллина А.Р. Роль историко-культурных центров в сохранении и развитии традиционной культуры славянских народов // Славянский мир Башкортостана: сб. ст. Уфа: ИЦ Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2005. С. 6–11.

Хабибуллина А.Р. Славянские историко-культурные центры Башкортостана // Национальная политика и культура в современных условиях: мат-лы регион. науч.-практ. конф. Ч. 1. Уфа: Гилем, 2006. С. 281–284.

Черниенко Д.А. Научное изучение украинского населения в России: опыт, состояние, перспективы // Украинская восточная диаспора в контексте современных культурно-исторических и общественно-политических процессов в постсоветских государствах: сб. мат-лов I междунар. Шевченковских чтений. Астана: Изд-во ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2012. С. 325–330.

Черниенко Д.А. Украинистика в Башкортостане: опыт – проблемы – перспективы // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Киев; М.; Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. С. 50–58.

Черниенко Д.А. Украиноведческие исследования в России: опыт регионального взаимодействия // Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия: мат-лы междунар. науч. конф. Вып. 5. Краснодар: Изд-во ЭДВИ, 2011. С. 333–343.

Чернієнко Д. Розвиток українознавства в Башкортостані: досвід та сучасний стан // Українознавство. 2010. Вип. 4. С. 68–72.

Черномаз В.А. Изучение украинского населения Дальнего Востока: опыт историографии проблемы // Украинистика в России: история – состояние – перспективы развития: мат-лы междунарою науч.-практ. конф. Киев; М.; Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. С. 130–139.

Шевченко И.Б. Новая жизнь библиотеки Л.Н. Большакова // Пятое Большаковские чтения. Культура Оренбургского края: история и современность. Оренбург: ОКИ, 2011. С. 39–42.

Диссертации, авторефераты, дипломные работы

Акіншина І.М. Жанрово-стильові особливості художньо-біографічної прози 80–90-х років ХХ ст.: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 2005. 20 с.

Ахатова Ф.Г. Восточнославянские песни в Башкортостане: Фольклорные процессы в многоэтничном регионе: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2007. 384 с.

Ахатова Ф.Г. Песенный фольклор украинцев Башкортостана (историко-этнографическое исследование). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1997. 22 с.

Бабенко В.Я. Материальная культура украинцев Башкирии: Историко-этнографическое исследование: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 19 с.

Баранова Н.А. Экономические и культурно-духовные связи Башкортостана и Украины (XX век): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2003. 26 с.

Большаков Л.Н. Изучение окружения и связей Т. Шевченко как источник исследования его творчества периода ссылки (1847–1857 гг.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1968. 16 с.

Валишина И.А. Украинская песня в Башкирии (на примере музыкального фольклора деревень Александровка и Жуково Уфимского района БАССР): Дипломная работа / УГИИ. Уфа, 1979. 60 с.

Гареева Л.Н. Сравнительная характеристика русско-украинского песенного репертуара сестер Анастасии Нестеровны и Александры Нестеровны Чуча из села Иваненково Благоварского района БАССР: Дипломная работа / БашГУ. Уфа, 1981.

Крамарчук Т.Д. Українська діаспора Республіки Башкортостан: історія формування та особливості існування в іншоетнічному середовищі: Дис... канд. іст. наук. Черкаси, 2000. 205 с.

Михайлюк В.Н. История формирования украинского населения Республики Башкортостан: Выпускная квалификационная работа / Уфимский филиал МГГУ им. М.А. Шолохова. Уфа, 2004. 81 с.

Молощенков А.Н. Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010. 26 с.

Мухаметдинов Г.Р. Братское сотрудничество трудящихся Башкирской АССР с трудящимися республик и областей в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1978.

Савенко І.Л. Жанрово-стильові особливості біографічного роману-пошуку: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Тернопіль, 2006. 18 с.

Хабибуллина А.Р. Историко-культурные центры как форма оптимизации этнической идентичности и межэтнических коммуникаций в Республике Башкортостан: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ижевск, 2010. 36 с.

Шевченко Е.Ю. Общественный быт украинцев Башкортостана: Выпускная квалификационная работа / Уфимский филиал МГГУ им. М.А. Шолохова. Уфа, 2004. 76 с.

Шпорт А.М. Хозяйство и традиционно-бытовая культура украинцев-переселенцев в Западной Сибири (Тоболо-Иртышское Междуречье) в конце XIX – начале XX в.: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987. 24 с.

Юнак А.И. Этнокультурные процессы в новое и новейшее время в многонациональном регионе (на примере украинцев Башкортостана): Дипломная работа / БашГУ. Уфа, 1996. 102 с.

Янин Б.Б. Крестьянские хозяйства украинских переселенцев Уфимского уезда Уфимской губернии: Дипломная работа / БГПУ. Уфа, 1991. 49 с.

Сборники научных трудов, материалы конференций

Башкортостан – Украина: наука, образование и культура в годы Великой Отечественной войны: мат-лы междунар. науч. конф. Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2011. 192 с.

Великая Дружба: Сборник общественно-политических статей и литературно-художественных произведений, посвященных 300-летию воссоединения Украины с Россией. Чкалов: Чкаловское книжное изд-во, 1954. 105 с.

Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в М.: Изд-во АН СССР, 1956. 805 с.

Восточные славяне: Антропология и этническая история. М.: Научный мир, 1999. 336 с.

Документ, музейный экспонат, нарратив, письменный источник в культурном трансфере Сибирь – Украина: мат-лы всерос. науч. конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 243 с.

Завези од мене поклон в Україну... Фольклор українців Башкортостану. Уфа: [б.и.], 1999. 168 с.

Из истории развития культуры в Башкирии: сб. ст. Уфа: БФ АН СССР, 1978. 84 с.

Институту Тараса Шевченко – 10 лет. Оренбург: ИПК ОГУ, 2003. 178 с.

Кобзарь и Оренбуржье: мат-лы обл. науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2006. 100 с.

Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия: мат-лы междунар. науч. конф. Вып. 1–6. Краснодар: Изд-во ЭДВИ, 2006–2012.

М. Грушевский – историк, общественный и политический деятель, человек: мат-лы междунар. науч. конф. 24.11.2004 г. Уфа: Уфимский филиал МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2005. 89 с.

Помнят степи певца Украины: мат-лы науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2000. 112 с.

Почуй мене, Україно!: Сучасна українська публіцистика в Росії. Уфа: Изд-во Филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, 2006. 271 с.

Пятые Большаковские Чтения: Культура Оренбургского края: история и современность. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2011. 496 с.

Развитие социально-экономического и культурного сотрудничества Башкортостана и Украины: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Изд-во Филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова в Уфе, 2003. 195 с.

Славяне Башкортостана: сб. ст. Уфа: Изд-во Филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, 2005. 90 с.

Совершенствование преподавания предметов украиноведческого цикла в школах Российской Федерации: мат-лы междунар. семинара. Уфа: Изд-во Филиала МГОПУ им. М.А. Шолохова в Уфе, 2003. 143 с.

Т.Г. Шевченко в ссылке. Чкалов: Облиздат, 1939. 176 с.

Украина – Башкортостан: годы испытаний и сотрудничества. сб. ст. Уфа: [б.и.], 1993. 170 с.

Украина – Башкортостан: связь времен: сб. ст. Уфа: Полиграфкомбинат, 2001. 216 с.

Украина – Западная Сибирь в диалоге культур и народов: векторы и факторы взаимодействия. мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Тюмень: Печатник, 2009. 152 с.

Украина – Западная Сибирь: диалог культур и народов. Украинская диаспора в полиэтничном регионе: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Тюмень: Печатник, 2007. 204 с.

Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: мат-лы междунар. научно-практ. конф. Киев; М.; Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. 254 с.

Украинская этничность в социокультурном пространстве России: мат-лы междунар. науч. интернет-конф. Уфа: Изд-во Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2011. 224 с.

Украинцы в Оренбургском крае: мат-лы науч.-практ. конф., посвященной 150-летию пребывания Т.Г. Шевченко в Оренбургском крае. Оренбург: ПД «ДИМУР», 1997. 184 с.

Украинцы в Сибири: история, культурная жизнь, перспективы: мат-лы регион. науч. конф. Томск: [б.и.], 2004. 140 с.

Украинцы на Дальнем Востоке: история и современность: мат-лы науч. конф. Владивосток: Изд-во ДВУ, 2008. 296 с.

Украинцы. М.: Наука, 2000. 535 с.

Українознавство ХХІ ст.: виміри розвитку. Київ: ННДІУ, 2009. 432 с.

Этническая история и духовная культура украинцев Оренбуржья: состояние и перспективы развития: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. Оренбург: ИЦ ОГАУ, 2004. 152 с.

Сборники текстов

Большаков Л.Н. Комментарий к дневнику Т. Шевченко // ОИТШ. Научные записки. II тетрадь. Оренбург: Ин-т Шевченко, 1993. 108 с.

Весільні пісні. В 2-х кн. Київ: Наукова думка, 1982. Кн. I. 871 с.; Кн. II. 679 с.

Дневник Тараса Шевченко с 12 июня 1857 г. по 13 июля 1858 г. / коммент. Л.Н. Большакова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. 311 с.

Завези од мене поклон в Україну... Фольклор українців Башкортостану. Уфа: [б.и.], 1999. 168 с.

Записки Г. Винского. Первая полная публикация Л.Н. Большакова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2001. 129 с.

История заселения, быт, обычаи и обряды украинских переселенцев на Оренбургской земле / сост. Т.Ю. Скопинцева. Оренбург: ИЧП Агентство «Пресса», 1997. 54 с.

Історія Національної академії наук України (1941–1945). Ч.1. Документи і матеріали. Київ: НАН України, 2007. 808 с.

Переводы Г. Винского // Оренбургу – 260. К 250-летию Григория Винского. Оренбург: Изд-во ОГУ, 2003. С. 91–119.

Песенный фольклор украинских переселенцев в Башкирии. К.: Музична Україна; Уфа, 1995. – 240 с.

Русское народное творчество в Башкирии. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1957. 327 с.

Українці Башкирії: у 2 т. Т.1. Дослідження і документи / гол. ред. Г. Скрипник, наук. ред. В. Бабенко, відп. ред. Д. Чернієнко. К.: ІМФЕ НАН України; Уфа, 2011. 492 с.

Шевченко Т.Г. Близнецы // Тарас Шевченко. Собр. соч. в 5 т. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1949. С. 7–139.

Информационно-справочная литература

Бабенко В.Я. Украинцы // Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа: НИ «Башкирская энциклопедия», 1996. С. 583–584.

Бабенко В.Я. Украинцы // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа: Гилем, 2002. С. 261–294.

Бабенко В.Я., Бабенко С.В. Украинцы // Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2007. С. 444–447.

Бабенко В.Я., Черниенко Д.А. Украинцы // Башкирская Энциклопедия. Т. 6. Советы – У. Уфа: НУ «Башкирская энциклопедия», 2010. С. 412–413.

Большаков Л.Н. Помнят степи певца Украины: К 170-летию со дня рождения Т. Шевченко. Оренбург: [б.и.], 1984. 7 с.

Большакова Т. В неустанном поиске // Леонид Наумович Большаков: биобиблиографический указатель. Уфа: Уфимский филиал МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. С. 10–15.

Большакова Т.Л. Т.Г. Шевченко в произведениях Л.Н. Большакова: библиографический указатель. Оренбург: РИО ОУНБ им. Н.К. Крупской, 2009. 16 с.

Брук С.И., Кабузан В.М., Чижикова Л.Н. Украинцы // Народы России: Энциклопедия. М.: БРЭ, 1994. С. 357–366.

Вокруг Шевченко: Энциклопедическое издание. В 3-х ч. Оренбург: Препринт Laser, 1996. Ч.1. Имена (А–Л). 290 с.; Ч. 2. Имена (М–Я). 258 с.; Ч.3. Названия. 100 с.

Дубинин А.Н., Федорова А.В. Украинцы // Многонациональное Оренбуржье. Оренбург: Южный Урал, 1993. С. 19–22.

Зелений клин. Енциклопедичний довідник / укл. В.А. Черномаз. Владивосток: Вид-во ДСФУ, 2011. 288 с.

Зобов Ю.С. Украинцы // Этнокультурная мозаика Оренбуржья. 2-е изд. Оренбург: [б.и.], 2003. С. 55–64.

Зобов Ю.С. Украинцы // Этнокультурная мозаика Оренбуржья: науч. ст., очерки, статистика. Оренбург: ДИМУР, 1999. С. 57–66.

Леонид Наумович Большаков: Библиографический указатель / сост. В.В. Ронжес. Оренбург: ОГУ, 2005. 96 с.

Леонид Наумович Большаков: библиографический указатель / сост. Т.Л. Большакова, Т.А. Камскова, В.В. Ронжес. Уфа: Изд-во Уфимский филиал МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. 96 с.

Мемориальный музей-гауптвахта Тараса Шевченко / автор-сост. Л.Н. Большаков. Оренбург: Южный Урал, 1991. С. 13–16.

Мы – оренбуржцы. Историко-этнографические очерки. Оренбург: Южный Урал, 2007. 288 с.

Народы Южного Урала: Этнический взгляд на историю / авт.-сост. А.В. Федорова и др. Оренбург: Пресса, 2001. 196 с.

Оренбургская шевченковская энциклопедия. Тюрьма. Солдатчина. Ссылка. Энциклопедия одиннадцати лет. 1847–1858. Оренбург: ПД Димур, 1997. 510 с.

Панина Т.Т., Ким Г.П. Украинцы // Мы – оренбуржцы. Историко-этнографические очерки. Оренбург: Южный Урал, 2007. С. 92–113.

Украинисты России: Биобиблиографический словарь. Вып. 1 / автор-сост. Д.А. Черниенко. Уфа: ИЦ Уфимского филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2011. 93 с.

Украинцы // Народы европейской части СССР. Т.1. М.: Наука, 1964. С. 572–779.

Украинцы // Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры. М.: Наука, 1987. С. 101–146.

Электронные ресурсы

Бойцун И.Е. Метаморфозы Тараса Шевченко периода ссылки... // Научная библиотека ОГУ. Оренбургская электронная библиотека [сайт]. Режим доступа: <http://artlib.osu.ru/shevchenko/issue3/pdf/boycun.pdf>

Большаков Л.Н. «Все он изведаль...» // Научная библиотека ОГУ. Оренбургская электронная библиотека [сайт]. Режим доступа: <http://artlib.osu.ru/web/books/bolshakov/book0005.pdf>

Большаков Л.Н. «Пойду на Аму и всюду...» // Научная библиотека ОГУ. Оренбургская электронная библиотека [сайт]. Режим доступа: <http://artlib.osu.ru/shevchenko/issue2/pdf/poidu.pdf>

Большаков Л.Н. Комментарий к дневнику Т. Шевченко // Научная библиотека ОГУ. Оренбургская электронная библиотека [сайт]. Режим доступа: <http://artlib.osu.ru/shevchenko/issue1/pdf/dnevnik.pdf>

Большаков Л.Н. По следам Оренбургской зимы: Книга поисков // Научная библиотека ОГУ. Оренбургская электронная библиотека [сайт]. Режим доступа: <http://artlib.osu.ru/web/books/bolshakov/book0013.pdf>

Большаков Леонид Наумович // Научная библиотека ОГУ. Оренбургская электронная библиотека [сайт]. Режим доступа: http://artlib.osu.ru/site/index.php?option=com_content&task=view&id=46&Itemid=117

Большакова Т.Л., Камскова Т.А. Жизнь продолжается: библиография новых работ о жизни и творчестве Л.Н. Большакова [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://artlib.osu.ru/shevchenko/issue3/pdf/jzn.pdf>

Бурлак Л.А. Деятельность Оренбургского областного украинского культурно-просветительского общества им. Т.Г. Шевченко в сфере культурного строительства региона // Научная библиотека ОГУ. Оренбургская электронная библиотека [сайт]. Режим доступа: <http://artlib.osu.ru/shevchenko/issue3/pdf/burlak.pdf>

Емельянова Н. Подданная богини Клио // Гостинный двор: литературно-художественный и общественно-политический альманах [сайт]. Режим доступа: <http://orenlit.ru/tvorchestvo/kulturnyy-sloy/poddannaya-bogini-klio.html>

Шевченко. RU Электронный журнал // Научная библиотека ОГУ. Оренбургская электронная библиотека [сайт]. Режим доступа: http://artlib.osu.ru/site/index.php?option=com_content&task=view&id=11&Itemid=98

Иванова Т. Педагогические воззрения Т.Г. Шевченко // Научная библиотека ОГУ. Оренбургская электронная библиотека [сайт]. Режим доступа: <http://artlib.osu.ru/shevchenko/issue3/pdf/ivanova.pdf>

Камскова Т.А. Л.Н. Большаков – создатель НИИ Тараса Шевченко ОГУ // Научная библиотека ОГУ. Оренбургская электронная библиотека [сайт]. Режим доступа: <http://artlib.osu.ru/shevchenko/issue3/pdf/kamskova.pdf>

Миرونенко В.И. Океан исторического невежества. О некоторых проблемах современной российской украинистики // День [сайт]. Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/nota-bene/ocean-istoricheskogo-nevezhestva>

Новоселова А.А. Украинцы в Среднем Прииртышье: идентификация и самоидентификация в конце XIX–XX вв. (по полевым материалам) // Кафедра этнографии и музееведения Омского государственного университета [сайт]. Режим доступа: <http://ethnography.omskreg.ru/page.php?id=770>

Шевченковская энциклопедии // Научная библиотека ОГУ. Оренбургская электронная библиотека [сайт]. Режим доступа: http://artlib.osu.ru/site/index.php?option=com_content&task=view&id=14&Itemid=148

Шульга І. Поселення українців в Саратовському Надволжі (XVIII – початок XX ст.) // Жовтий Клин [сайт]. Режим доступа: http://ukrvolga.seun.ru/science/shulga_stat1.html

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Глава I Украинцы Южного Приуралья в научной и художественной литературе второй половины XVIII – начала XX в.	13
Глава II Изучение украинцев Южного Приуралья в 1920–1930-е гг.	58
Глава III Академия наук Украинской ССР в Башкирии в 1941–1943 гг.	96
Глава IV История, этнография и фольклор украинцев Южного Приуралья в научных трудах 1950–1980-х гг.	133
Глава V Украиноведческие исследования в Южном Приуралье в 1990–2010-е гг.	184
Глава VI Оренбургская Шевченкиана.....	232
Заключение.....	278
Огляд.....	281
Summary.....	282
Библиография.....	283

Научное издание

Денис Аркадьевич Черниенко

УКРАИНИСТИКА ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Монография

Фото на обложке: окрестности с. Степановка
Аургазинского района Республики Башкортостан, 2011 г.

Авторская редакция

E-mail: denis_chernienko@mail.ru

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Подписано в печать 18.01.2013.

Формат 60x84 ¹/₁₆. Печать офсетная

Усл. печ. л. 15,6. Тираж 500 экз. Заказ № 332.

Издательство «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4
Тел./факс: +7(3412)500-295